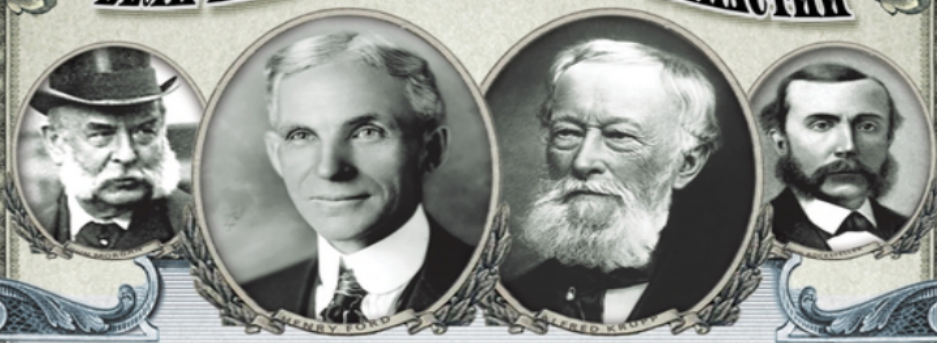
ВЕЛИЧАЙШИЕ ФИНАНСОВЫЕ ДИНАСТИИ



ГЖЕГОЖ ЯШУНЬСКИЙ

МИЛЛИАРДЕРЫ

ИСТОРИЯ КРУПНЕЙШИХ ФИНАНСОВЫХ ДИНАСТИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гжегож Яшуньский – известный польский публицист и журналист, занимающийся проблемами международной политики.

Книга «Миллиардеры. История крупнейших финансовых династий» расскажет, какова истинная природа гигантских состояний, как удалось основателям династий и их потомкам обогатиться и стать владельцами крупнейших монополий. Это самые известные финансовые династии мира: Рокфеллеры. Морганы. Дюпоны. Астоны, Крупны и Форды. Весьма интересны будут и такие фигуры из «новых» миллиардеров, как Гетти. Хант и Аристотель Онассис. Более ста лет формировались и развивались крупнейшие финансовые династии – нынешние закулисные правители мира.

- Гжегож Яшуньский
  -
  - Глава 1. Старые миллионеры
    - Введение
    - Рождение крупных состояний
    - Перемены
    - Четыре примера
    - «Бедные родственники»
  - Глава 2. Рокфеллеры – это нефть
    -
    - «Черное золото»
    - Бурная жизнь мистера Джона Д
    - Коррупция и эксплуатация
    - Благотворительность и фонды
    - Пять братьев
  - Глава 3. Морганы – это деньги
    -
    - Начало и конец
    - Банкир
    - Диктатор в сфере железных дорог
    - «Юнайтед Стейтс стил»
    - «Корсар»
    - «Группа Моргана»
  - Глава 4. Дюпоны – это химия
    -
    - Восемь поколений
    - «Торговцы смертью»

        - Нейлоновые чулки
        - «Дженерал моторс»
        - Патриоты?
    - Глава 5. Форд – это автомобили
        -
        - Свет и тени моторизации
        - Генри Форд I
        - Пять долларов в день
        - «Идеолог»
        - Генри Форд II
    - Глава 6. Асторы
        -
        - Как «умиротворить» Гитлера?
        - Как свергнуть правительство?
    - Глава 7. Круппы – это оружие
        -
        - Бисмарк и Седан
        - Компаньон Вильгельма II
        - «Большая Берта»
        - Гитлер и Освенцим
        - Последний Крупп
    - Глава 8. Новые миллиардеры
        -
        - Капитализм не существует?
        - Гетти и Хант
        - Безвестные богачи
        - Онассис и другие
        - Перспективы
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40

Гжегож Яшуньский Миллиардеры. История крупнейших финансовых династий

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Глава 1. Старые миллионеры

Введение

Тысяча восемьсот семидесятый год автор избрал исходным пунктом своего повествования отнюдь не случайно и вовсе не из любви к круглым датам и цифрам. Время, предшествовавшее этой дате, и несколько последующих лет – это специфический период в экономической истории Соединенных Штатов Америки и, следовательно, в истории американских миллионеров. Наиболее характерным для данного периода следует считать прежде всего бурное строительство железных дорог, соединяющих Атлантическое побережье страны с Тихоокеанским. Не один американский миллионер разбогател именно на строительстве железных дорог и связанных с этим аферах и спекуляциях.

Мэтью Джозефсон, автор изданной в 1934 году и ныне хорошо известной книги «Бароны-разбойники. Крупнейшие капиталисты Америки. 1861-1901» (“The Robber Barons. The Great American Capitalists. 1861-1901”), обращает внимание читателей на то, что с 1865 по 1873 год в США было построено 35 тысяч миль (свыше 55 тыс. километров) железнодорожных путей – «столько, сколько за два предыдущих поколения». Одновременно с железнодорожным строительством развивались и росли такие города, как Чикаго, Дулут, Сент-Пол, «которые за десять лет выросли вдвое или даже в пять раз».

«Получить кредит ничего не стоило, – пишет Джозефсон, – а оптимизм ценился еще дешевле… Вкладывались огромные суммы денег – сбереженных или взятых взаймы».

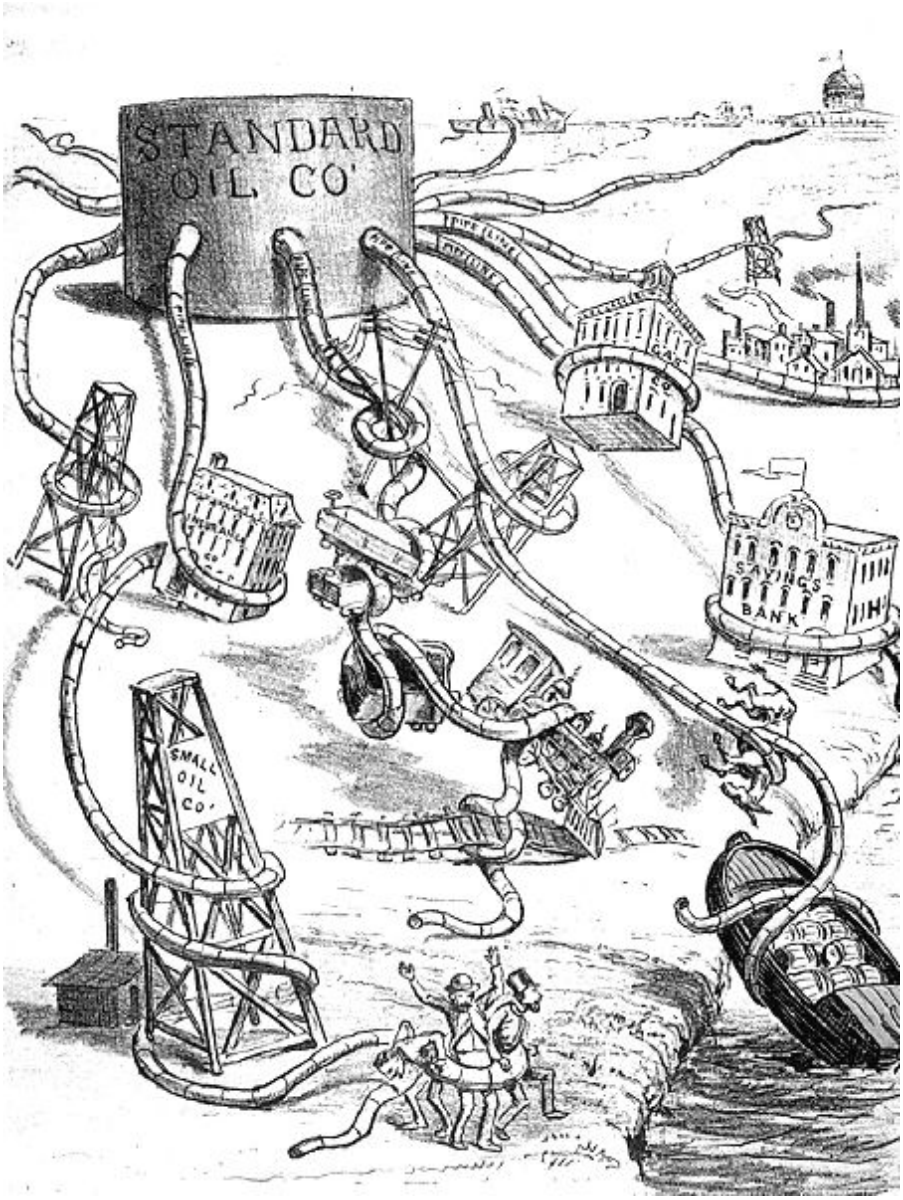
Железные дороги строились частными предпринимателями (впрочем, в США в отличие от большинства европейских капиталистических стран железные дороги принадлежат акционерным компаниям), между которыми завязалась конкурентная борьба, и как раз в 1870 году дело дошло до подписания, так называемого Омахского соглашения (“Omaha pool”). Это было первое соглашение железнодорожных магнатов, призванное устранить конкуренцию, установить перевозочные тарифы и соответствующим образом разделить прибыли. Результатом соглашения, ставшего в дальнейшем образцом для аналогичных договоров между капиталистами, стало увеличение прибылей – разумеется, за счет рядовых граждан.

В том же 1870 году Джон Д. Рокфеллер основал акционерную компанию под названием «Стандард ойл компани оф Огайо». В следующем году Джон Пирпонт Морган создал в Нью-Йорке банк «Дрексел, Морган энд компани». Несколько раньше, в 1869 году, на бирже в Нью-Йорке разразилась финансовая катастрофа,

которая вошла в историю Америки под названием «черной пятницы». Все три упомянутых события заслуживают пристального внимания, поэтому мы коротко остановимся на них, поскольку они весьма характерны для тех лет, для эпохи, когда герои данной книги делали свои первые, но, можно с уверенностью сказать, далеко не робкие шаги.

О Рокфеллере мы будем говорить в следующей главе, а поэтому здесь не станем касаться ни его биографии, ни начала его карьеры. В 1870 году у Джона Д. Рокфеллера уже не было никаких сомнений относительно того, что нефть станет источником создания его огромного богатства. Будучи владельцем крупнейшего в Америке нефтеперерабатывающего завода, Рокфеллер пришел к решению заключить ряд тайных соглашений с хозяевами железных дорог об условиях перевозки нефти. Его компаньонами в то время были Сэмюэл Эндрюс, специалист по технологии переработки нефти, и Генри Флеглер, зять богатого фабриканта виски.

В январе 1870 года трое этих господ зарегистрировали в Вашингтоне акционерное общество «Стандард ойл», которое после различных пертурбаций просуществовало до наших дней и продолжает приносить акционерам миллионные прибыли. В день создания общества его основной капитал оценивался в 1 миллион долларов, на него работало около тысячи рабочих, ему принадлежал крупнейший в мире нефтеперерабатывающий завод. Очень скоро стало ясно, что «Стандард ойл» (кстати сказать, именно благодаря упомянутым соглашениям с железнодорожными магнатами) одолевает всех своих конкурентов. Вскоре ежегодные прибыли новой фирмы превысили 100 процентов на вложенный капитал.



Монополия «Стандарт ойл». Карикатура

В то время Джон Пирпонт Морган был уже известным в Америке богачом и предприимчивым дельцом (заметим также, что они с Рокфеллером были ровесниками). Он хорошо заработал на поставках в годы Гражданской войны, основал в Нью-Йорке собственный банк и отлично видел неограниченные возможности расширения своей деятельности на фоне великолепной экономической конъюнктуры. Существенную помощь оказал ему в этом его отец, Джуниус С. Морган, владелец крупного банка в

Лондоне.

В 1871 году Дж. Пирпонт Морган принял приглашение Энтони Дрекселя из Филадельфии, также известного банкира, приехать к нему. После хорошего ужина оба дельца подписали небольшую бумагу. Так в Нью-Йорке возник новый банк – «Дрексел, Морган энд компани». Вскоре, во время экономического кризиса 1873 года, этому банку суждено было сыграть важную роль в экономической жизни Соединенных Штатов. Одну из следующих глав мы специально посвятили бурной карьере Моргана, который умел наживать деньги не только с помощью финансовых операций, но и действуя в сфере железных дорог и сталелитейной промышленности.

Появлению «Стандард ойл» и основанию нового банка Д.П. Моргана предшествовало другое, отнюдь не менее, а, скорее, куда более типичное для того времени событие в американском финансовом мире. Мы имеем в виду знаменитую «черную пятницу». Итак, спекуляции на бирже, в особенности спекуляции золотом, относились к наиболее существенным элементам схватки между капиталистами, жившими сто лет назад. Этим-то и решил воспользоваться некий Джей Гулд, прозванный Мефистофелем с Уолл-стрита, один из самых первых американских миллионеров.

Готовясь к схватке, Гулд обеспечил себе поддержку и сотрудничество адвоката Эйбла Р. Корбина, главное достоинство которого состояло в том, что он женился на сестре тогдашнего президента Соединенных Штатов генерала Гранта. Корбин согласился на это сотрудничество, мягко выражаясь, не совсем бескорыстно. Короче говоря, Гулд с помощью Корбина и других сообщников сумел создать в обществе впечатление, будто он пользуется большим доверием президента (он ссылался на тот факт, что генерал Грант проездом через Нью-Йорк был его гостем). Кроме того, спекулянты вкрались в доверие еще нескольких лиц из ближайшего окружения президента, в том числе министра финансов Боутвелла.

Закончив предварительную подготовку, Гулд провел крупную спекуляцию с повышением цен на золото. А так как на бирже Гулд пользовался доверием (еще бы: «Он ведь получает информацию непосредственно из Белого дома!» – твердили биржевики), то замысел его осуществился полностью. Когда цены на золото, искусственно взвинченные его сообщниками, превысили все установленные нормы, имевшие хоть какую-то связь с реальной действительностью, грянула катастрофа. В пятницу 24 февраля 1869 года на бирже в Нью-Йорке возникла неописуемая паника.

За несколько минут цена на золото упала до самого низкого уровня. Сам же Гулд, который провел эту аферу, успел продать свои запасы золота по наиболее высокой цене, заработав на этой афере 11 миллионов долларов! Зато тысячи рядовых американцев и мелких торговцев потеряли на этой спекуляции все свои сбережения. При этом выяснилось, что высокопоставленные лица из ближайшего окружения президента Гранта тоже замешаны в сей грязной истории

Рождение крупных состояний

И все-таки возникает вопрос, каким образом рождались состояния миллионеров? Благодаря чему сумели они нажить капиталы, которые потом росли из года в год? В американской экономической, политической и социологической литературе можно найти самые различные ответы на этот вопрос.

Наиболее распространенной является версия, без устали повторяемая мощной пропагандистской машиной США, будто первые миллионеры нажили свои богатства только благодаря личной предприимчивости и личным способностям. Специалистам известны труды профессора Джозефа Шумпетера, в частности его книга «Капитализм, социализм и демократия», изданная в 1942 году (“Capitalism, Socialism and Democracy”). Шумпетер, утверждая, что в заслугу капиталистам надо поставить «бурю непрерывных новшеств», расхваливает «творческий характер» деятельности миллионеров. В американской популярной литературе в течение долгих лет самое почетное место занимали сказочки для детей, написанные Хорейсом Олджером, который очень красочно описывал, как некий молодой человек благодаря своему трудолюбию и бережливости создал крупное состояние. (Заметим, кстати, что сам Олджер умер в глубокой нищете.)

Противоположную позицию занимают такие авторы, как Густав Майерс, чья книга «История крупнейших состояний Америки» (“History of the Great American Fortunes”), изданная в 1910 году и переизданная в тридцатые годы, представляет собой источник никогда не подвергавшейся сомнению информации о возникновении крупных капиталов. Майерс считает, что, как было сказано еще Бальзаком, в истоках каждого крупного состояния лежит преступление. В подтверждение своего вывода он приводит бесчисленное множество доказательств.

Много внимания вопросу рождения крупных богатств уделил известный социолог профессор Райт С. Миллс, чья работа «Властвующая элита» (“The Power Elite”), вышедшая в 1956 году[1], была переведена и на польский язык. Названные выше теории профессор Миллс оценивает так:

«Эти два противоположных представления о крупных богачах, то есть как о разбойниках и как о новаторах, не обязательно должны противоречить одно другому: как первая, так и вторая точки зрения могут быть в значительной мере правильными, поскольку они отличаются главным образом взглядом на вещи, которым сторонники названных теорий смотрят на тех, кто нажил

огромные капиталы».

По мнению профессора Миллса, ни ссылка на дальновидность крупных организаторов промышленности, ни обвинение по их адресу в беспощадности и попрании законов «ничего не разъясняют», поскольку существенны не личные качества миллионеров, а объективные возможности, благодаря которым они и нажили свои состояния.

«Для карьеры Карнеги, – пишет Миллс, – гораздо большее значение имела форма экономики, существовавшая во времена его молодости, чем тот факт, что его мать была практичной женщиной. Коммодор Вандербилт не достиг бы большого успеха в завоевании железных дорог независимо от степени своей «беспощадности», если бы тогдашняя политическая система США не оказалась насквозь коррумпированной. А что стало бы с крупными богачами (безотносительно к тому, каковы были их личные психологические черты), если бы антитрестовский «закон Шермана» начал претворяться в жизнь таким образом, что подрывал бы основы существования крупных концернов?

Для понимания самой проблемы наличия крупных богачей в Соединенных Штатах более важно уяснить географическое размещение нефтяных месторождений и налоговую структуру, нежели анализировать психологический облик Харольдсона Л. Ханта. Важнее понять правовые рамки американского капитализма и коррупцию его представителей, нежели рассматривать ранее детство Джона Д. Рокфеллера. Важнее разобраться в технологическом прогрессе капиталистического механизма, нежели заниматься изучением неуемной энергии Генри Форда. Еще важнее уяснить, как влияет война на повышение спроса на нефть и продукты ее переработки, на возможности уклоняться от уплаты налогов благодаря законам об истощении нефтяных источников, нежели копаться в пресловутой мудрости Сида Ричардсона»[2].

От критики чужих концепций профессор Миллс переходит к изложению собственной теории.

«Возникновение крупных американских капиталов связано с особого рода индустриализацией – индустриализацией, которая происходила в определенной стране, – пишет он – Именно такого рода индустриализация, чьей самой характерной чертой было частное предпринимательство, дала возможность определенным людям занять такие стратегические позиции, что теперь они властвуют над прямо-таки фантастическими средствами производства, соединяющими в себе силы науки и рабочую силу, контролирующими отношение человека к природе, и сколачивают на этом миллионы.

Основные факты, о которых здесь идет речь, – продолжает Миллс, – довольно просты: Американский континент изобиловал нетронутыми природными ресурсами, и туда устремлялись миллионы людей. В связи с постоянным ростом населения стоимость земли неуклонно повышалась. Кроме того, рост населения приводил к расширению рынка, к увеличению спроса на продукты и товары и одновременно к росту предложения труда…

Однако сами по себе факты, касающиеся населения и природных ресурсов, еще не объясняют аккумуляции крупных капиталов. Ведь такая аккумуляция требует послушной политической власти… Для своей выгоды крупные богачи не только используют обязательные для всех законы, но и – в равной мере – обходят и попирают существующее законодательство. Более того, они ломают законодательные рамки, заставляют издавать новые, угодные им законы и следят за их выполнением».

После этих общих замечаний профессор Миллс переходит к конкретным доводам в подкрепление своей теории. Американский социолог обращает внимание читателей на то, что «развитие частной промышленности в Соединенных Штатах в значительной мере поддерживалось прямым раздариванием национальной собственности». Капиталисты, строившие железные дороги, получали от правительства совершенно бесплатно огромные земельные участки. Если государство законодательным порядком оставляло в своих руках минеральные ресурсы, находившиеся на территории районов, передаваемых в частную эксплуатацию, то капиталисты всячески старались организовать дело так, чтобы уголь и железо были исключены из постановлений о ресурсах. Кроме того, правительство открыто субсидировало частную промышленность путем сохранения высоких таможенных пошлин.

Профессор Миллс особо подчеркивает значение того периода, о котором мы говорили в самом начале:

«Перед Гражданской войной среди богачей существовала лишь маленькая – по американским масштабам – горстка мультимиллионеров, например Астор и Вандербилт… Первые подлинно крупные американские капиталы возникли во время экономических преобразований уже после Гражданской войны. И то лишь в результате огромной коррупции, связанной, как нам кажется, непосредственно со всеми войнами, в которых были замешаны Соединенные Штаты, и неотделимой от них».

К вопросу о влиянии войн на создание крупных капиталов мы еще вернемся. Но предварительно мы хотели бы обратить внимание читателей на то, что коротко изложенные нами

концепции профессора Миллса – социолога, близкого к социал-демократии в ее западноевропейском варианте, – по сути дела, близки взглядам таких добросовестных буржуазных историков, как Чарлз и Мэри Бирд.

В своем труде «Развитие американской цивилизации» (“The Rise of American Civilization”, N.Y., 1928), изданном и в Польше, Бирды жалуются на то, что «еще никогда не подвергались научному анализу те методы, которые привели к столь фантастической концентрации богатств и мощи». Предприняв попытку выяснить это явление, они подмечают такие элементы, как наплыв в США дешевой рабочей силы из Европы, высокие таможенные барьеры, защищавшие интересы американских предприятий. Кроме того, они заявляют:

«Горнорудные и лесные предприятия обязаны своими прибылями в значительной мере поддержке правительства, которое продавало почти даром или вообще бесплатно раздавало им природные богатства либо покорно позволяло расхищать их… Всякий, кто без малейших угрызений совести мог захватить (чужую. – *Ред.*) частную собственность, мог рассчитывать на щедрые дары, имеющие видимость легальности».

По мнению Бирдов, большое значение имели биржевые спекуляции, увеличивавшие богатства первых миллионеров. «К богатствам, которые созданы благодаря тому, что правительство охраняло (частную. – *Ред.*) промышленность, а также в результате захвата этой промышленностью природных ресурсов, принадлежат и такие, что нажиты с помощью биржевых операций». Чарлз и Мэри Бирд описывают так называемое «разжижение капиталов» – излюбленный прием американских миллионеров того (и не только того) времени. «Разжижение капиталов» базируется на выпуске новых акций без увеличения реального капитала фирмы и ведет к обогащению капиталистов за счет легковерных граждан.

Чарлз и Мэри Бирд не дифференцируют и не оценивают различных факторов, способствовавших сколачиванию крупных состояний По их мнению, самую большую роль в этом сыграл отвод крупных земельных участков и связанные с этим злоупотребления. Общая площадь земель, находившихся в распоряжении самого американского правительства, в двадцать раз превышала площадь Великобритании и Ирландии, вместе взятых. И вот эти-то земли постепенно переходили в частные руки.

«Кроме передачи собственности (из одних рук в другие. – *Ред.*) честным путем, с учетом и соблюдением существующих законов, – пишет чета Бирд, – были и другие способы, для

которых характерны настолько наглые злоупотребления, что их не в силах представить себе воображение рядового гражданина… Предприниматели, пионеры и агенты дальновидных капиталистов выкраивали себе из общественных земель обширные поместья, вырубали и выжигали леса, присваивали богатства, приобретенные потом и кровью всего общества… Члены Конгресса и высокопоставленные чиновники непрерывно и беззастенчиво спекулировали землей. Мало было крупных земельных владений, приобретению которых не сопутствовало бы, мягко говоря, несоблюдение формальностей».

Если капиталисты умели использовать существовавшие тогда экономические и политические условия в мирное время, чтобы умножать свои богатства, то тем большие возможности открывались перед ними в военные годы. Мы имеем в виду не только так называемых «торговцев смертью», обогащающихся на производстве и поставках оружия, но также банкиров и промышленников, действующих в других отраслях экономики, лишь косвенно связанных с военными действиями.

Все они так или иначе использовали военную конъюнктуру, чтобы расширить свое производство и увеличить прибыли. К прибылям, так сказать, «легальным», ибо они были получены в рамках законности (разумеется, благоприятствующей капиталистам), прибавлялись прибыли нелегальные, полученные в результате всяческих обходов закона или прямого подкупа государственных чиновников, ответственных за распределение военных заказов и лицензий.

Еще президент Авраам Линкольн жаловался на злоупотребления многочисленных фабрикантов и поставщиков, которые подкупали его высокопоставленных сотрудников, чтобы получить заказы на выгодных для себя условиях. Не изменился характер крупного бизнеса и восемьдесят лет спустя, когда Соединенные Штаты – с большим опозданием! – вступили во вторую мировую войну. Руководители крупнейших промышленных концернов, приглашенные к президенту Франклину Делано Рузвельту, охотно выразили согласие предоставить правительству свою продукцию на военные цели, но только при условии, что они на этом хорошо заработают. А между тем капиталисты XX века по-прежнему разглагольствуют о своем патриотизме, как и их предшественники сто лет назад.

Поэтому при определении источников образования крупных богатств нельзя обойти молчанием и военные прибыли. Литература на сей счет довольно обширна, но мы остановимся только на нескольких примерах. Так, современный американский автор Стюарт Х. Холбрук в своей книге «Век воротил» (“The Age of

the Moguls”), изданной в 1954 году известной фирмой «Даблдей», то и дело возвращается к вопросу о военных прибылях старых и новых миллионеров.

Как и другие авторы, Холбрук утверждает, что первые подлинно крупные состояния возникли после Гражданской войны. При этом он пишет о «чудовищной коррупции, которая сопутствовала всем американским войнам, – от той, что началась в 1775 году, до той, которая закончилась сто семьдесят лет спустя».

Холбрук описывает развитие американской промышленности при президенте Линкольне в годы войны против Конфедерации. Чтобы удовлетворить потребности и заказы военной промышленности, надо было построить сталелитейные заводы, а чтобы одеть солдат-северян, требовалось резко увеличить выпуск продукции швейной промышленности. Кроме того, нужно было накормить армию, а это влекло за собой расширение пищевой и перерабатывающей промышленности. И так далее, и тому подобное. Одновременно с бурным экономическим развитием, пишет Холбрук, шла коррупция. Не раз солдатам вручали винтовки, которые оказывались негодными для стрельбы (связанная с этим афера Моргана будет описана в следующей главе). Бесчестные поставщики отправляли на фронт гнилое обмундирование, сапоги с бумажными подметками, консервы из мяса павших животных и т. п. Период войны и первые послевоенные годы были, по мнению Холбрука, эпохой самых невероятных злоупотреблений и мошенничеств. В качестве наиболее типичных примеров автор приводит трех из самых первых американских миллионеров – известного уже Джея Гулда, Дэниэла Дрю и Джима Фиска, которые, кроме спекуляций на бирже, славились разного рода аферами.

В конце XIX столетия очередным удобным случаем для получения прибылей стала война Соединенных Штатов против Испании. На этой войне немало заработали не только хозяева сталелитейных заводов и фабриканты оружия, но также – что может показаться странным – первый американский газетный магнат Уильям Рэндолф Херст, который в значительной мере способствовал открытию военных действий и, конечно же, отнюдь не потерял на этом.

Соединенные Штаты вступили в первую мировую войну только в 1917 году, но зарабатывать па ней американские капиталисты начали с первого же ее дня. Миллионера Чарлза М. Шваба из концерна «Бетлехем стил компани» британский военный министр лорд Китченер пригласил в Лондон уже в первые дни войны. В течение двух лет концерн отправил в

Англию на 300 миллионов долларов боеприпасов, отлично заработав на этих поставках. А когда США вступили в войну, концерн «Бетлехем стил» стал одним из главных поставщиков оружия, боеприпасов и военных судов. Малоизвестен такой факт, что этот концерн оказался в то время самым крупным на земном шаре производителем оружия – более крупным, чем даже прославленный немецкий концерн Круппа, пишет Холбрук.

Как типичный пример миллионеров, обогатившихся на войне, можно было бы привести очередных владельцев компании «Дюпон де Немур», но к этой теме мы вернемся в главе, посвященной названной династии. Там и пойдет речь об их прибыльном сотрудничестве с врагом – сотрудничестве, которое они всегда ставили выше своих патриотических обязанностей и долга.

Вторая мировая война (здесь нам хронологически приходится забегать вперед) стала для американских миллионеров новым источником фантастических прибылей. И тут уже можно говорить не о миллионерах, а именно о миллиардерах. Вновь передаем слово профессору Миллсу:

«В свете фактов периода второй мировой войны происшедшая ранее аккумуляция (капиталов. – *Ред*.) кажется незначительной. В 1940-1944 годах крупные частные концерны (которые решают вопросы контроля над средствами производства по всей стране) получили так называемых «заказов из первых рук» на сумму около 175 миллиардов долларов. Две трети этих заказов приходятся на долю ста главных концернов, а одна треть досталась всего десяти частным концернам, которые зарабатывали таким образом деньги на продаже своей продукции государству».

Профессор Миллс обращает внимание читателей на то обстоятельство, что все концерны, получившие военные заказы, пользовались самыми различными льготами, например первоочередностью при получении сырья, деталей машин и государственных кредитов, выгодными условиями амортизации, налоговыми льготами и т. д. После войны эти концерны могли приобретать в собственность предприятия, построенные за счет государства, причем на исключительно выгодных условиях.

Перемены

Однако вернемся к тем временам, с которых мы начали повествование, – к последним десятилетиям XIX века. Конечно же, нельзя ставить знак равенства между тогдашними богачами и нынешними миллиардерами. За прошедшие сто лет во многом изменились методы их действий, как изменилось и мнение общества о богачах.

Сто лет назад американские миллионеры почти не скрывали, что считают президентов и министров людьми, которые должны выполнять их указания. Ныне же зависимость Вашингтона от Уолл-стрита значительно более завуалирована. Сто лет назад случаи коррумпирования высших чиновников, конгрессменов и судей были широко распространенным и широко известным явлением. Сегодня случаи явной коррупции более редки и гораздо лучше замаскированы.

Сто лет назад между миллионерами – владельцами заводов и фабрик, железных дорог и банков – шла ожесточенная конкурентная борьба, в которой эти антагонисты не останавливались даже перед насильственными методами. Сегодня же в ходу, скорее, соглашения промышленников и финансистов о совместных действиях (разумеется, в ущерб обществу) Сто лет назад миллионеры открыто хвастались своим богатством, жили в роскоши, рекламировали свои дворцы и балы. Сегодня миллиардеры предпочитают избегать гласности, рекламы, охотнее всего играя роль «обыкновенных людей».

Сто лет назад пресса США не раз самым яростным образом выступала против миллионеров и их злоупотреблений. Сегодня американская пропаганда возносит хвалу миллиардерам и на все лады рекламирует созданные ими благотворительные фонды.

Благодаря всем этим переменам существенно изменилось и то, что американцы коротко называют *image* (дословно – облик, изображение, портрет) миллионеров. «Бароны-разбойники», как называли их прежде, преобразились в глазах так называемого среднего американца в «благодетелей» и «филантропов». Думается, нелишне уделить этой метаморфозе еще немного внимания, прежде чем набросать силуэты нескольких типичных миллионеров XIX века.

В связи с биржевой аферой 1869 года, которая закончилась «черной пятницей», мы упоминали об открытых связях спекулянтов с президентом Грантом. Так вот, за несколько месяцев до начала этой авантюры один из миллионеров, а именно Джеймс Фиск, принимал у себя президента на роскошной

яхте «Провиденс» и нью-йоркская пресса подробно описывала этот прием. Перед самой «черной пятницей» эти спекулянты пригласили Гранта в театр, а затем вместе с ним показались обитателям нью-йоркской Пятой авеню. Таким образом любой житель Нью-Йорка мог увидеть, что президент является «человеком миллионеров».

Связи самых богатых людей с главой государства не менее ярко проявились и спустя несколько десятков лет, в 1896 году, когда Уильям Маккинли стал кандидатом в президенты, а затем в течение пяти лет был хозяином Белого дома, пока польский анархист Леон Чолгош не убил его. «Сделал» Маккинли президентом миллионер Маркус А. Ханна, который решил выдвинуть его кандидатуру, финансировал его избирательную кампанию (при активном участии «Стандард ойл»), а впоследствии, когда послушный Маккинли сел в президентское кресло, стал его ближайшим советником.

Такие примеры можно было бы умножить: в XIX веке американская элита не видела надобности скрывать связи между людьми, формально осуществлявшими власть, и миллионерами. Сегодня все это радикально изменилось. Разумеется, такие связи существуют и поныне и даже усиливаются, но никто этого не афиширует. Кроме того, отношения между Уолл-стритом и Вашингтоном стали более сложными и тонкими. И сегодня президенты США представляют и защищают интересы капиталистов, однако нельзя сказать, что тот или иной президент является попросту ставленником такого-то миллиардера.

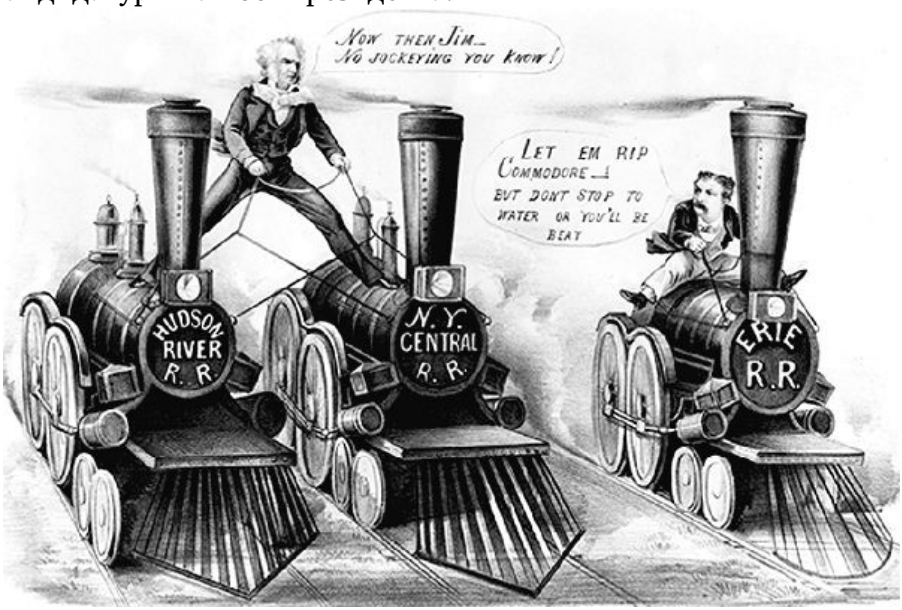
Почти так же обстоит дело и с коррупцией. И по сей день в Вашингтоне отмечаются случаи, когда взятки получают люди, занимающие высокие посты (например, помощник бывшего президента Эйзенхауэра «серый кардинал» Шерман Адаме или сенатор Томас Додд в шестидесятых годах), но такие случаи редки. Современные миллиардеры нашли более деликатные способы оказывать влияние на официальный Вашингтон.

Совсем иначе было сто лет назад, когда коррупция стала всеобщей и подкуп людей из окружения президента, а также конгрессменов, судей и высших чиновников считался нормальным методом действий тогдашних миллионеров. Из многочисленных примеров подкупа, детально описанных в американской политической литературе, приведем два.

Компания «Юнион Пасифик», которая строила железнодорожную линию от Атлантического до Тихого океана и которая в связи с этим получила огромные земельные участки и разные привилегии, отнюдь не удовлетворилась легальными прибылями и, стремясь добиться дополнительных миллионных

доходов, основала фирму «Креди мобилье». Задачей фирмы был прежде всего подкуп членов Конгресса. В 1872 году эта афера была раскрыта. Проведенное следствие установило, что некий Оукс Эймс, член палаты представителей и одновременно руководитель железнодорожной компании, систематически вручал взятки многочисленным вашингтонским чиновникам. Одним из подозреваемых в получении денег был Джеймс А. Гарфилд, что не помешало ему, однако, несколько позже стать президентом!

Другой видный политик, лидер Республиканской партии Джеймс Дж Блэйн, был обвинен в получении взяток он использовал свое влияние в Конгрессе, действуя в пользу железнодорожных компаний и фирм, торгующих оружием, то есть в интересах промышленников, уклоняющихся от налогов. В ходе следствия друзья Блэйна сумели замять дело, однако было доказано, что он шесть раз давал ложные показания. И все-таки эта афера не остановила сторонников Блэйна от выдвижения его кандидатуры на пост президента.



Борьба Корнелиуса Вандербильта с Джеймсом Фиском за контроль над железнодорожными перевозками. Карикатура

Сто лет назад миллионеры пускали в ход методы самые беспощадные и, мягко говоря, достойные осуждения не только в отношении представителей власти, но и во взаимной конкурентной борьбе. Ожесточенные бои за прибыли велись с помощью насилия и террора Чарлз и Мэри Бирд очень красочно описывают схватки между владельцами железных дорог:

«В конце шестидесятых годов Джеймс Гулд и Джим Фиск из Эри начали войну с соседним магнатом за захват железнодорожной линии Олбани – Сусквегана. Благодаря ловкой тактике им удалось довести до банкротства ту компанию, которую они стремились захватить. Сколотив банду молодчиков, Фиск вместе с ними отправился на собрание акционеров в Олбани, чтобы завершить начатое дело. Но когда Фиск стал подниматься по лестнице и уже приблизился к комнате правления конкурентной компании, ее отважный председатель нокаутировал его таким ударом, что Фиск, считая телом ступеньки, быстро оказался у подножия лестницы. Ошеломленная таким неожиданным проявлением физической энергии железнодорожного магната, банда в панике разбежалась..

Проиграв эту не совсем дипломатичную битву, Гулд и Фиск объявили сопернику войну. Владельцы линии Олбани – Сусквегана подняли брошенную им перчатку. Атаку вновь начал Фиск. Посадив в Эри на поезд банду задир и драчунов, он пустил его полным ходом на линию конкурирующей компании, чтобы потом силой забрать у нее локомотив и вагоны. Со своей стороны компания «Олбани – Сусквегана», бросив в лицо врагу полученное через Дж. П. Моргана решение суда, ответила насилием на насилие: по той же линии она отправила поезд со своими людьми. Когда паровозы со страшным грохотом столкнулись, обе банды выскочили из вагонов и сомкнутыми рядами пошли в атаку, чтобы во тьме ночи схватиться в бою».

Разумеется, в современной Америке такого рода столкновения между миллионерами просто немыслимы. Нет, автор отнюдь не собирается утверждать, что между ними не существует конкурентной борьбы, но сегодняшние преемники гулдов и фисков давно убедились в том, что взаимное сотрудничество, направленное в конечном счете против рядовых американских граждан, значительно более выгодно, чем подрывающая их позиции конкуренция. Картельные и монопольные соглашения между нынешними миллиардерами заключаются втихомолку, без всякого шума. Да, за прошедшие сто лет многое изменилось.

В XIX веке богатые люди жили в роскоши и хвастались этим. Они вообще не видели необходимости скрывать свое богатство, хотя понимали, что пришли к нему кривыми путями. Автор хочет еще раз сослаться на Чарлза и Мэри Бирд, которые так пишут о прежних миллионерах:

«Поскольку богачи могли повсюду стричь купоны и вкладывать свои дивиденды, они устремлялись в такие места, где за доллары можно было приобрести самые превосходные вещи и

показывать их толпам изумленных зевак. Те же, кому повезло больше других, сосредоточивались в самом большом центре аккумуляции капитала – городе Нью-Йорке… О своем прибытии туда они возвещали постройкой дворцов, покупкой редких произведений искусства, устройством громких и пышных приемов… Живя в роскошных особняках, словно феодалы былых времен, финансисты и промышленники швырялись золотом и свозили к себе сокровища со всех уголков земного шара… Не зная бремени труда, не неся ответственности, богачи проводили время в беспрестанной погоне за удовольствиями. Так, они вставляли в зубы бриллианты, а любимой обезьянке дарили карету с ливрейным лакеем. Свору псов, привязанных лаковыми ремнями к экипажу, выводили в парк на прогулку. Дочь одного такого богача получила в подарок колье стоимостью 600 тысяч долларов».

Американская пресса прошлого века не раз критиковала богачей. С одной стороны, она развлекала читателей подробным описанием приемов в резиденциях миллионеров, а с другой – предавала огласке сенсационные новости о злоупотреблениях и аферах сильных мира сего. По образному американскому выражению, многочисленные журналисты и писатели занимались «разгребанием грязи» – разоблачали деяния миллионеров, идущие вразрез с законом и подрывающие интересы общества. В свое время «старый» Морган и «старый» Рокфеллер принадлежали к числу наиболее ненавистных во всей Америке людей, а миллионеров помельче американцы клеймили как обычных мошенников и аферистов.

Теперь положение резко изменилось. Грехи основателей крупных капиталов стараются предать забвению. Их наследники истратили немало тысяч долларов на гонорары писателям, перед которыми была поставлена задача восславить старых миллионеров, представив их людьми предприимчивыми и бережливыми, честно приумножавшими свои капиталы. Миллионы долларов были предназначены на организацию различных благотворительных фондов (как правило, деньги эти черпались из налоговых поступлений), а имена Рокфеллеров или Фордов должны были ассоциироваться в умах рядовых американцев прежде всего с добропорядочностью, благотворительностью и благородством мыслей создателей этих фондов.

Если говорить о Соединенных Штатах, то следует признать, что эта «операция» была вполне успешной. Так называемый средний американец не знает произведений «разгребателей грязи»[3], не читает книг Густава Майерса, который обвинял всех

миллионеров XIX века, не знаком с работами Айды Тарбелл, которая весь свой огонь сконцентрировала на Рокфеллерах. Этот средний американец ничего, или почти ничего, не знает о скандальных историях создания крупных капиталов. Нынешняя американская пресса не выступает против миллиардеров: короли печати стали составной частью финансовой олигархии. Читателям дают понять, что крупных богатств, «собственно говоря», уже не существует, что «немногочисленные миллиардеры» стали, по сути дела, «слугами общества» и что вообще проблема самых богатых людей ныне уже устарела. Многие американцы поверили в эти пропагандистские побасенки.

Четыре примера

В 1861 году (год начала Гражданской войны) в Соединенных Штатах было всего три миллионера. Но уже к концу XIX века американские статистики заявили, что каждый из по меньшей мере 3800 богачей владеет состоянием, превышающим миллион долларов. К тому же были уже известны случаи образования капиталов, достигавших десятков и даже сотен миллионов.

Все расширявшийся круг американских миллионеров складывался из самых разных людей. Различие состояло не только в размере их капиталов, но и в возрасте, происхождении, образовании, религии и т. д. Однако, если мы выделим из этого круга несколько наиболее известных богачей, которые оставили заметный след в развитии американской экономики прошлого столетия, то окажется, что они во многом схожи между собою.

После тщательного исследования биографий наиболее известных миллионеров XIX века, людей вроде «старого» Моргана и «старого» Рокфеллера, «первого» Карнеги или «первого» Гарримана (кавычки тут просто необходимы, так как в то время они еще не считались стариками и неизвестно было, будут ли они иметь наследников), американские историки и социологи отметили ряд черт, общих для этой горстки самых богатых людей страны.

Все они родились в основном в тридцатых годах минувшего столетия и ко времени окончания Гражданской войны были уже зрелыми людьми. Почти все эти люди – выходцы из европейских семей, прежде всего из Англии, Шотландии, Ирландии. Как правило, это были люди необразованные: некоторые даже с трудом могли подписать свою фамилию.

И еще с двух точек зрения первые американские миллионеры были схожи между собой. Во-первых, все они принадлежали к протестантской церкви, усиленно молились, соблюдали воскресные дни, жертвовали деньги на религиозные цели и старались прослыть богобоязненными прихожанами. Во-вторых, все они охотно говорили о своем патриотизме, всячески афишировали привязанность к родине, но, когда началась Гражданская война, ни одного миллионера в армии не оказалось! Некоторые ссылались на слишком юный возраст, другие – на старость, третьи – на плохое состояние здоровья, а четвертые и пятые попросту предпочитали зарабатывать на военных поставках, а не рисковать жизнью на фронте.

Из числа персонажей богатой и живописной галереи американских миллионеров автор хотел бы представить

несколько наиболее, по его мнению, характерных типов.

Чтобы избежать каких-либо недоразумений, заранее оговоримся, что отбор этот сделан в известной мере произвольно.

Поскольку речь идет о «старых миллионерах», представим здесь четырех из числа американских богачей. Это Корнелиус Вандербилт, Эндрю Карнеги, Эдвард Х. Гарриман и Эндрю У. Меллон. Разумеется, к «старым» надо отнести также Джона Д. Рокфеллера и Джона П. Моргана, но, как автору кажется, они заслуживают рассмотрения в отдельной главе.

* * *

Корнелиус Вандербилт. При жизни и даже после смерти Вандербилта его в Америке называли Коммодором. У Вандербилта есть все основания занять первое место в галерее миллионеров. Он был самым пожилым среди них (родился в конце XVIII в.), раньше всех нажил огромное состояние (за последние двадцать лет жизни он увеличил свой капитал в сто раз). В день смерти он был самым богатым человеком в Соединенных Штатах (оставил наследникам более 100 миллионов долларов), а кроме того, отличался, таким образом, жизни, которому позже подражали другие богачи.

В 1853 году, когда Вандербилт уже стал очень богатым человеком, по его заказу была построена яхта – первая яхта американских миллионеров. Его «Северная звезда» представляла собой небольшое паровое судно, оснащенное столь роскошно, что с ним не могли соперничать никакие другие суда. На борту своей яхты миллионер собирался объехать всю Европу.

Вандербилт взял с собой в поездку жену, десятерых детей (из двенадцати), невесток и зятьев, несколько внуков, собственного врача и собственного пастора, не считая экипажа яхты, поваров, горничных и т. д. У пастора Джона Овертона Чоулса были некоторые литературные наклонности. Сохранились его путевые заметки, не лишенные юмора.

Американская пресса соответствующим образом рекламировала поездку миллионера, подробно описывала оборудование яхты, мрамор и шелка, декорации и картины «в стиле Людовика XV». Когда яхта зашла в один из английских портов, лондонские газеты уделили ей немало внимания, но представители британской аристократии, к изумлению и досаде Вандербилта, отказались от встречи с нуворйшем – разбогатевшим выскочкой. Они и предположить не могли, что вскоре один из них «продастся» правнучке миллионера.

Более гостеприимной оказалась Россия. Великий князь Константин лично приветствовал миллионера и даже передал в его распоряжение свой экипаж, в котором Вандербилт отправился в Петергоф. Во Франции Вандербилт и его семья были приглашены на военный парад в Версале, а в Италии они позировали находившимся там американским скульпторам.

По возвращении в Нью-Йорк миллионер узнал, что двое его компаньонов, воспользовавшись отсутствием своего партнера, стали действовать против него. Вандербилт отправил им письмо, которое вошло в летопись американского капитализма. Вот его полный текст:

«Джентльмены! Вы хотели меня обмануть. В суд на Вас подам, поскольку правосудие слишком медлительно. Я разорю Вас.

К. Вандербилт».

И миллионер сдержал слово.

Вскоре он доказал, что может разорить не только бесчестных компаньонов. Одним из источников его доходов было создание и поддержание морских сообщений между Восточным и Западным побережьями Соединенных Штатов. То был период «золотой лихорадки» в Калифорнии, и корабли Вандербилта приносили ему большие доходы. Панамского канала еще не было, и весь путь пролегал частично по сухопутью – через Никарагуа.

Но вот конкурентам Вандербилта удалось захватить власть в этой маленькой южноамериканской республике и посадить в президентское кресло некоего Уильяма Уолкера (американца из штата Теннесси), который немедленно аннулировал все концессии Вандербилта. Однако последний и не думал сдавать позиции: он склонил на свою сторону правительства четырех соседних центральноамериканских республик, вынудил их создать «оборонительный союз» и направить в Никарагуа войска, чтобы свергнуть Уолкера. Поход прошел успешно, а когда Уолкер и его хозяева попытались оказать сопротивление, Вандербилт убедил государственный департамент в Вашингтоне, что в Никарагуа крайне необходимо направить несколько отрядов морской пехоты «для защиты американских интересов». В результате миллионер получил очень прибыльные концессии.

Годы Гражданской войны Вандербилт использовал для дальнейшего умножения своих богатств. Когда же после ее окончания перед американскими капиталистами открылись новые возможности наживать доллары, он воспользовался ими в полном объеме.

Корнелиус Вандербилт умер в 1877 году. Согласно завещанию миллионера, почти все его имущество и ценности

(что-то около 105 миллионов долларов) перешло в руки старшего сына, Уильяма Генри Вандербилта. Однако дело не обошлось без громкого процесса: остальные члены семьи опротестовали завещание. В ходе судебного разбирательства выявились некоторые пикантные факты. Жадная до сенсаций американская пресса предала их широкой огласке (в частности, роман старого миллионера с двумя сестрами – известными красавицами).

Уильям Г. Вандербилт пережил отца всего на восемь лет. Но за этот короткий срок он все же успел удвоить капитал и оставил наследникам около 200 миллионов долларов. В центре Нью-Йорка, на знаменитой Пятой авеню, он построил новую роскошную резиденцию Вандербилтов стоимостью 3 миллиона долларов. Она стала образцом для многих других миллионеров, примером, которому подражали.

Очередную главу в летописи американского капитала открыла внучка Уильяма Г. Вандербилта, носившая звучное имя Консуэло. В 1895 году, после соответствующей подготовки и длительных переговоров, был заключен брак Консуэло с девятым виконтом Мальборо, прямым потомком знаменитого герцога Джона Черчилля Мальборо, который сыграл очень важную роль в истории Англии конца XVII – начала XVIII века и чьим потомком был Уинстон Черчилль.

Сделка с девятым виконтом Мальборо стоила дорого. По подсчетам Густава Майерса, общая стоимость приобретения аристократа для правнучки парвеню составила около 10 миллионов долларов приданого. Были выделены немалые суммы для восстановления родового поместья лордов Мальборо в Англии, а ему самому на случай развода назначена крупная пожизненная рента. Эта последняя оговорка (clausula) в брачном контракте оказалась весьма к месту, поскольку супружество это, как насмешливо пишет Холбрук, «не способствовало укреплению англоамериканского единства и закончилось разводом».

Нам остается теперь ответить на вопрос, каковы же были источники столь огромного состояния первого американского миллионера и какими способами его сын умножил это состояние. Следует, однако, заметить, что наследники Корнелиуса Вандербилта без особого труда нашли авторов, которые соответствующим образом создали и отредактировали необходимую биографию, представив мистера Вандербилта как человека «энергичного», «благородного» и «очень трудолюбивого». Разумеется, за это они получили солидный гонорар.

А правда была иной. Густав Майерс посвятил несколько лет поискам документов прошлого века, касающихся бизнеса – и афер

– первого Вандербилта. Выводы его беспощадны:

«Вандербилт был главным торговым пиратом и шантажистом своего времени… Преобладающая часть его капиталов была результатом насилия, вымогательств и шантажа».

Чтобы аргументировать такое убийственное утверждение, Майерс в нескольких главах своего труда (более ста двадцати страниц убористого печатного текста) собрал многочисленные доказательства злоупотреблений и афер Вандербилта. Началом карьеры последнего была эксплуатация небольших судов, которые перевозили пассажиров с острова Манхэттен в Нью-Йорке. Конкуренция тут оказалась большой, но молодой тогда Вандербилт нашел способ свалить своих противников: он подкупил городские власти Нью-Йорка, выдававшие разрешение на право пользования портом.

По мере развития его предприятий аппетиты Коммодора возрастали Он начал строить суда побольше и изыскивал новые источники нелегальных доходов. Одним из таких источников была перевозка почты, связанная с получением государственной дотации. В это время Вандербилт впервые прибег к шантажу, вынуждая конкурирующие фирмы платить ему выкуп (за то, что он не разоблачил их экономические злоупотребления!).

В период Гражданской войны Вандербилт закупал по поручению правительства корабли для перевозки солдат. Очень часто эти корабли находились в крайне плохом состоянии, но Вандербилт представлял правительству огромные счета, подкупив с этой целью нужных чиновников. Жизнь солдат нередко находилась под угрозой, а у Вандербилта к концу войны уже насчитывалось около 20 миллионов долларов.

И вот тогда Коммодор, как и некоторые другие американские капиталисты, занялся строительством и покупкой железных дорог, за короткий срок заработав новые десятки миллионов. Майерс и другие авторы подробно описывают его хитроумные аферы, нацеленные на разорение конкурентов и умножение собственных прибылей. Основным «принципом» при этом был подкуп чиновников, судей и членов законодательных органов.

Год 1877-й вошел в историю Соединенных Штатов как начало периода классовой борьбы железнодорожных служащих, которые впервые выступили против миллионеров – владельцев железнодорожных компаний. Дело дошло до бурных забастовок и уличных схваток. Были убитые и раненые. В одном только Чикаго после целого дня ожесточенных боев оказалось девятнадцать убитых. В значительной мере выступления и стычки отмечались как раз на тех линиях, владельцем которых был Уильям Г. Вандербилт. Но с помощью властей и полиции миллионеру

удалось подавить забастовку.

Вскоре после этого Вандербилт-сын позволил себе откровенное высказывание, которое до сих пор расценивается американскими историками и публицистами как образцовое. В ходе пресс-конференции, устроенной в его роскошном салоне, Уильям Вандербилт давал разъяснения в связи с тарифной войной, которую он вел против конкурентов. Один из репортеров задал Вандербилту наивный вопрос, не собирается ли тот передать свою железную дорогу в пользование общества. Ответ миллионера гласил: «Будь оно проклято, ваше общество!» (“The public be dammed!”)

Эндрю Карнеги. Если спросить так называемого среднего американца, кем был Вандербилт, он уверенно ответит: «Миллионером». Но если задать ему такой же вопрос о Карнеги, то ответ, скорее всего, будет иным: «Филантропом». Объясняется это просто. Наследники Вандербилта, позже промотавшие значительную часть его капиталов, не позаботились об увековечении памяти Коммодора. Мало кому известен Университет имени Вандербилта в одном из провинциальных городов США, основанный с помощью семейного фонда, а бронзовая статуя, которую он сам воздвиг себе возле одного из своих дворцов в Нью-Йорке, была уничтожена во время очередной перестройки здания.

Совсем иначе вели себя Эндрю Карнеги и его наследники. Они действительно выделяли часть своего многомиллионного состояния на филантропические цели. Всему миру известен нью-йоркский концертный зал «Карнеги-холл», строительство которого финансировал сам Эндрю Карнеги (между прочим, в торжественном открытии этого зала в 1891 году принял участие Петр Ильич Чайковский). Известны и другие фонды имени Карнеги, особенно Фонд поддержки международного мира и несколько просветительских фондов. Благодаря всему этому имя Карнеги осталось в памяти потомков как имя филантропа, хотя методы создания капитала основателя этой династии по существу не отличались от методов других тогдашних миллионеров.

В 1892 году Эндрю Карнеги был уже владельцем нескольких сталелитейных заводов, которые приносили ему большие доходы. Один из них находился в городке Хомстед (штат Пенсильвания), в то время и даже сейчас главном центре сталелитейной промышленности США. Рабочие завода в Хомстеде сравнительно рано вступили в профсоюз, который сумел отвоевать для них некоторые уступки у прежних хозяев предприятия. Когда Карнеги купил этот завод, он счел за благо избрать другой вариант. Миллионер решил, что путь к увеличению прибылей ведет через

снижение заработной платы рабочим и что для этой цели необходимо лишить их права вступать в члены профсоюза. Так началась «битва в Хомстеде» – одно из крупнейших классовых сражений в тогдашней Америке.

Эндрю Карнеги сам составил и подписал объявление, в котором доводил до сведения рабочих завода, что он больше не будет держать у себя членов профсоюза литейщиков. Это объявление он передал генеральному директору своих предприятий, после чего предусмотрительно уехал в Шотландию отдыхать, чтобы избежать личного участия в борьбе с рабочими.

Директором завода в Хомстеде был некий Генри Клей Фрик, который сам сколотил немалый капиталец и был известен своей жестокостью. Фрик пригласил к себе представителей рабочих и заявил им, что они должны согласиться на снижение заработка. В назначенный директором час рабочие ответили, что они не согласны. Фрик предусмотрел и это. Он начал борьбу с коллективом завода, но своими, особыми методами.

Имя Пинкертона в Европе очень популярно как название сыскного агентства. В Америке к услугам агентства Пинкертона не раз прибегали владельцы предприятий в борьбе с рабочими: агентство поставляло штрейкбрехеров и принимало на себя «охрану» заводов от рабочих. Фрик обратился к Пинкертону и попросил прислать ему в Хомстед триста агентов.

Шестого июля 1892 года на небольшой речушке Моногахела, протекающей через Хомстед, ранним утром появились две вооруженные баржи. Рабочие сразу поняли, кого везут на этих судах. Впрочем, они и так уже были готовы к борьбе. Не успели агенты Пинкертона высадиться, как началась стрельба. Несколько сот агентов не могли противостоять тысячам озлобленных рабочих. Превосходство рабочих, было огромным, п агентам пришлось молить о «перемирии». Руководители профсоюза согласились, но взбешенные такой атакой рабочие все же успели поколотить несколько десятков агентов.

Бои в Хомстеде продолжались пять дней. Как писали тогда американские газеты, рабочие захватили власть в своем городе. Лишь 12 июля по требованию Карнеги в город вступили сильные отряды полиции штата Пенсильвания, которые «навели там порядок». Итог боев был трагичным: 14 убитых и 163 тяжело раненных. Как и следовало ожидать, профсоюз проиграл это сражение – спустя некоторое время сталелитейный завод Карнеги в Хомстеде снова начал выпускать сталь. Но никто из его рабочих уже не был членом профсоюза.

Гнев общественного мнения обрушился на Фрика, которого сочли единственным виновником резни, хотя он лишь выполнил

распоряжение своего хозяина. А потом случилось так, что директор завоевал симпатии легковерных американцев: в его кабинет проник анархист, решивший на свой страх и риск отомстить за убитых рабочих, ликвидировав Фрика. Но покушение окончилось неудачей – Фрик был только ранен и, в общем… стал героем дня! На следующий день он опубликовал такой документ:

«Надеюсь, что останусь жив. Но умру я или нет, фирма Карнеги не изменит своей политики (в отношении рабочих. – *Г.Я.*) и победит».

Карнеги и Фрик сдержали слово: в течение долгих лет профсоюзы не имели ни малейшего доступа на американские сталелитейные заводы. Это облегчило рост богатства Карнеги. Перед его уходом от дел состояние Карнеги значительно превысило известный уже нам рекорд Вандербилтов.

* * *

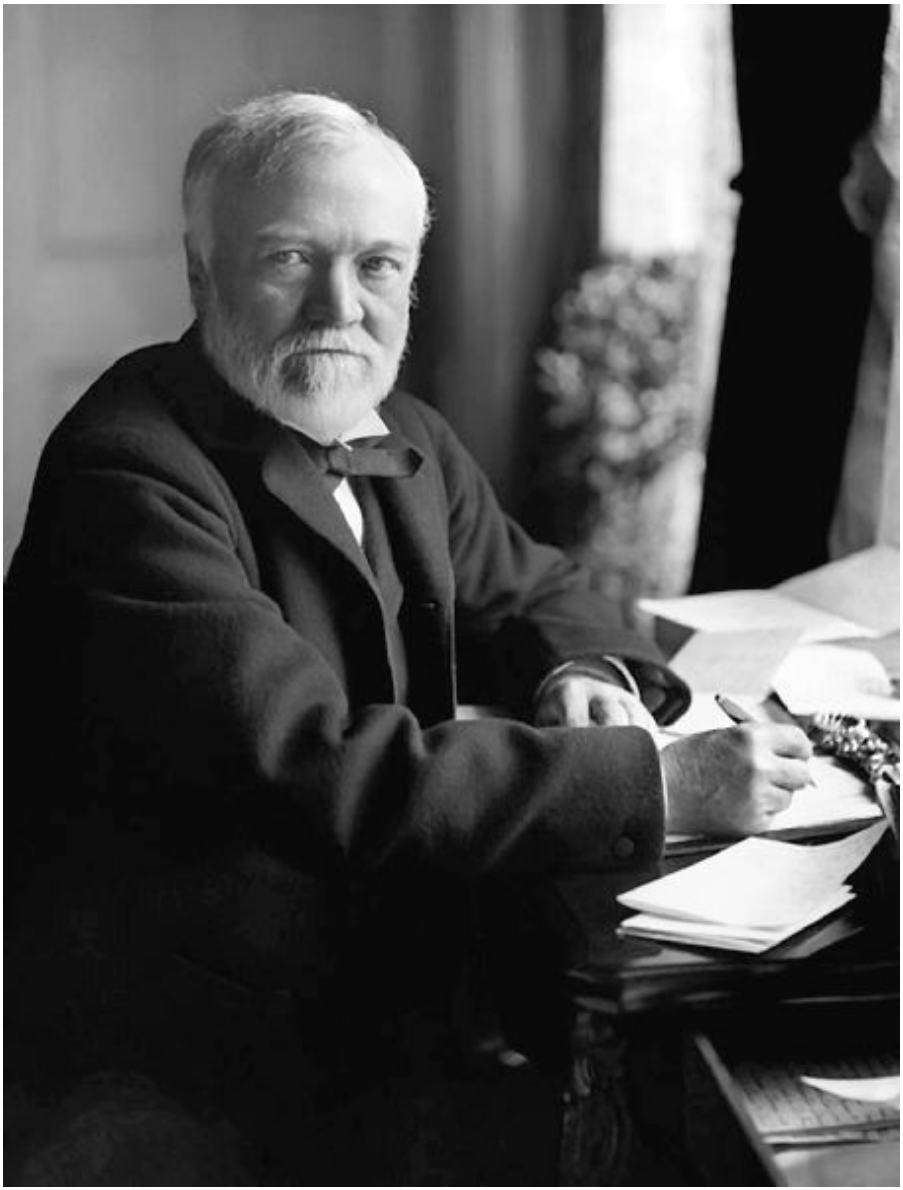
Когда в 1848 году Эндрю Карнеги приехал в Америку, родители его были довольно бедными эмигрантами из Шотландии. Эндрю было тогда всего тринадцать лет и он еще не мечтал о большой карьере. Начинал он действительно скромно, но уже, будучи юношей, выделялся предприимчивостью и ловкостью. Сравнительно скоро он стал хорошо зарабатывать и научился с большой выгодой вкладывать свои деньги в выгодное дело. Годы Гражданской войны в Америке стали для него, как и для многих других будущих миллионеров, сказочным, невероятно удобным случаем для умножения капитала.

В 1868 году, будучи уже состоятельным человеком, Карнеги записал свои мысли о богатстве, как таковом, и о своих замыслах. Теперь эти своеобразные заметки очень часто цитируют его биографы. Сообщив, что ему тридцать три года и что он зарабатывает 50 тысяч долларов в год, Карнеги писал далее:

«Нет в мире божества более унижающего человека, чем деньги… И если я еще долгое время буду заниматься главным образом бизнесом, если сосредоточу все свое внимание исключительно на том, как в кратчайший срок нажить возможно больше денег, мне грозит безнадежное вырождение».

Вывод молодого Карнеги был таков: через два года выключиться из сферы бизнеса, переехать в Англию, закончить Оксфордский университет, а потом основать в Лондоне журнал или газету и заниматься лишь «общественными вопросами, особенно проблемами просвещения и улучшения положения

неимущих классов». Таковы были его добрые намерения, но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад! Карнеги покончил с бизнесом не через два года, а спустя тридцать с лишним лет. Что касается его отношения к «неимущим классам», то самым ярким примером тут может служить знаменитая «битва в Хомстеде». Вскоре после того как он написал свои заметки, Карнеги убедился в том, что расширение сталелитейной промышленности в Америке открывает перед ним огромные перспективы получения миллионных прибылей. И он стал одним из создателей данной отрасли промышленности, проявив при этом невероятную ловкость и изобретательность в разорении своих конкурентов и в нещадной эксплуатации своих рабочих.



Эндрю Карнеги – американский предприниматель второй половины XIX века, один из богатейших людей в мире, основатель стальной империи, филантроп, пожертвовавший 90 % своего состояния на благотворительные нужды

Статистические данные показывают, что еще в 1870 году производство железа и стали в Соединенных Штатах было значительно ниже, чем в Великобритании или Франции. В последующие два десятилетия американские промышленники опередили англичан и французов в этой области, а продукция американских металлургических предприятий превысила треть

валовой продукции всего мира.

Именно на эти годы приходится начало своеобразной революции в металлургии, которая неразрывно связана с именем Генри Бессемера и изобретенным им конвертором. Ум и помыслы Карнеги были целиком заняты бизнесом, а не техникой, поэтому вначале он недооценил значение нового метода выплавки стали. Однако вскоре он убедился в выгодах конвертора и сразу же приступил к строительству первых в Америке современных сталелитейных заводов.

В те времена крупнейшими потребителями стали были железнодорожные компании. И если богатства Вандербилтов явились результатом строительства п эксплуатации железных дорог, то и Карнеги в значительной мере «утолял жажду» из того же источника, только несколько по-иному: чем больше строилось железнодорожных путей, тем выше был спрос на рельсы.

Доходы Карнеги росли из года в год, а методы обогащения становились все более беспощадными. Казалось (и он сам верил в это), никто и ничто не угрожало его господствующему положению в сталелитейной промышленности.

Но в последние годы XIX века у Карнеги появился грозный конкурент в лице Джона Пирпонта Моргана. Тут уместно привести русскую пословицу: «Нашла коса на камень!» В то время Морган стал все больше и больше интересоваться металлургией и начал все чаще сталкиваться в этой области с конкуренцией со стороны Эндрю Карнеги. В конце концов в 1900 году между обоими магнатами было достигнуто соглашение.

Морган купил все предприятия Карнеги и его компаньонов за фантастическую сумму примерно в 500 миллионов долларов. Из них 300 миллионов – наличными и в акциях – получил сам Карнеги. Несколько лет спустя оба миллионера встретились на борту трансатлантического лайнера. Газета «Уолл-стрит джорнэл» опубликовала содержание их частной беседы. Карнеги сказал: «Я допустил ошибку при продаже своих заводов. Мне нужно было Потребовать на сто миллионов долларов больше». На что Морган будто бы ответил: «Если бы вы этого потребовали, я вынужден был бы заплатить, хотя бы ради того, чтобы избавиться от вас».

Как бы то ни было, Эндрю Карнеги оказался вдруг лицом совсем частным, обладающим огромным капиталом. Тогда он вернулся к мечтам своей юности, предназначив значительную часть своего состояния на благотворительные цели. Ко дню смерти Карнеги (1919 год) из его огромного состояния осталось всего 10 процентов. А его фонды существуют и по сей день и используются не только на благотворительные цели.

Эдвард Генри Гарриман был миллионером, которого его присяжные ‘биографы называли – в зависимости от своих вкусов – «королем» или «Наполеоном» железных дорог в Соединенных Штатах. Начал Гарриман с должности курьера на фондовой бирже. Когда же он умер, его наследники получили капитал в 100 миллионов долларов.

Эдвард Г. Гарриман был моложе Вандербилта и Карнеги – он родился в 1848 году. Поэтому его путь к огромному состоянию выглядит все же несколько иным.

В годы Гражданской войны Э. Гарриман был еще слишком молод, чтобы сколотить состояние. Однако он, если можно так выразиться, поспел к пирогу, то есть к бурному строительству железных дорог в Соединенных Штатах, и именно тогда проявились все его таланты бизнесмена.

В отличие от Вандербилта, строившего железные дороги, и от первого Карнеги, поставлявшего для них рельсы, Гарриман занимался прежде всего финансовыми операциями, связанными с железнодорожным строительством. Это и создало ему капитал. Его интересовали спекуляции на бирже, покупка и продажа акций существующих компаний, борьба с конкурентами, распространение облигаций по более высокой, чем их действительная стоимость, цене. Словом, он был скорее финансистом, нежели строителем железных дорог. В Америке на рубеже XIX-XX веков это занятие оказалось весьма доходным.

Эдвард Гарриман был одним из шестерых детей бедного пастора. Четырнадцати лет от роду он начал работать на Уолл-стрите курьером. Эта нью-йоркская улица уже тогда была центром, где сосредоточились биржа, различные банки, страховые общества, акционерные компании. У Эдварда не было никакого образования, но он выделялся среди товарищей способностями и развитием. Вскоре он заинтересовался подоплекой игры на бирже, а также начинаниями своих хозяев.

В 1869 году, когда Гарриману был всего двадцать один год, на бирже разразился кризис – знаменитая «черная пятница». Молодой Гарриман, вкладывавший все свои сбережения в покупку акций, немало заработал на внезапных изменениях биржевого курса. С этой точки зрения он принадлежал к немногим исключениям, и потому им заинтересовались более солидные и важные финансисты. На заработанные деньги Гарриман купил себе место на бирже и приступил к сделкам на свой страх и риск. Гарриману повезло: вскоре ему удалось за один день заработать 150 тысяч долларов на покупке и продаже акций угольных компаний.

Уже будучи человеком более или менее состоятельным,

Гарриман женился на дочери владельца одной из железных дорог, и это предопределило его дальнейшую карьеру. Со дня женитьбы на дочери Уильяма Дж. Аверелла он начал интересоваться прежде всего железными дорогами. Отделавшись от других акционеров, Гарриман стал единоличным владельцем железной дороги своего тестя.

Но это было лишь скромным началом. В последующие тридцать лет и до самой смерти в 1909 году Гарриман все больше и больше раздвигал границы своей железнодорожной империи, продолжая скупать все новые и новые железнодорожные линии в самой ожесточенной борьбе с конкурентами. При этом он пользовался методами, которые зачастую вступали в конфликт с законом и добрыми традициями. Как утверждают его биографы, под конец жизни Гарриман уже подумывал о железнодорожной сети, которая охватила бы весь земной шар. Особенно его интересовали Транссибирская и Маньчжурская линии.

Несколько примеров помогут нам лучше понять методы Гарримана.

Вскоре после женитьбы он сосредоточил все свое внимание на железнодорожной линии, принадлежавшей тестю. Не прошло и года, как остальные акционеры узнали, что дела фирмы обстоят не лучшим образом. На заседании правления дороги Гарриман выступил с альтернативным предложением: либо он сам продаст свои акции (заметим: он хорошо знал, что это предложение будет отвергнуто), либо ему остается приобрести акции остальных держателей. Когда последние, наконец, выразили свое согласие, Эдвард Гарриман стал единоличным владельцем дороги, причем за бесценок. После этого он начал переговоры с двумя крупными конкурирующими фирмами – с каждой в отдельности и конфиденциально, – предлагая продать им свою дорогу. Между конкурентами возникли споры и торг. Но в выигрыше остался Гарриман: он продал дорогу за очень крупную сумму.

Впоследствии Гарриман, уже известный миллионер, пользовавшийся широким банковским кредитом, создал крупный концерн, который приобрел фирму «Чикаго энд Олтон» Это была акционерная железнодорожная компания, чей капитал оценивался в 34 миллиона долларов. Всего за несколько лет Гарриман и его компаньоны сумели продать акции и облигации этой компании на сумму 114 миллионов долларов. Поскольку при покупке фирмы они израсходовали только 18 миллионов, оказалось, что чистая прибыль концерна составила более 60 миллионов (из этой суммы львиную долю отхватил сам Гарриман).

Но афера всплыла на поверхность, и делом о спекулятивной

продаже железнодорожных акций занялись специально назначенные властями лица. Сенатор Кэллом принял решение начать судебное расследование, а самого Гарримана хотел арестовать. Однако, как пишет Густав Майерс, эти намерения не осуществились, поскольку «Гарриман давал крупные суммы на политические кампании, в связи с чем лица, занимавшие высокие посты, имели перед ним определенные обязательства».

Наиболее известны в Америке схватки Гарримана со своими конкурентами. Так, война с Джеймсом Дж. Хиллом, одним из железнодорожных магнатов, начавшаяся в 1901 году, продолжалась двадцать лет и закончилась лишь со смертью обоих соперников.

Американские историки посвятили борьбе Гарримана с Хиллом десятки печатных страниц, называя ее «схваткой гигантов» или «последней железнодорожной войной». Однако нет смысла описывать подробности я «военные» перипетии. Вполне достаточно сказать, что речь шла о конкурентной борьбе, причем и Гарриман и Хилл стремились завоевать приоритет и власть над несколькими крупными и, что самое важное, прибыльными железнодорожными линиями.

Если взглянуть на это дело теперь, то наибольшую важность в нем представляет тот факт, что обе стороны имели мощных и богатых покровителей. Так, Гарриман вошел в соглашение с Рокфеллерами и их концерном «Стандард ойл», а Хилл заручился поддержкой банкирского Дома Моргана. Как утверждает Холбрук, «Гарриман был одним из немногочисленных в Соединенных Штатах лиц, которые не боялись Моргана». К этому мнению присоединяется и Мэтью Джозефсон. В цитированном уже труде о «баронах-разбойниках» он так пишет о Гарримане:

«Он не боялся ни бога, ни Моргана, ни упреков совести. В более поздних воспоминаниях о нем сказано, что тайна его победоносной карьеры – в полном отсутствии моральной щепетильности».

После смерти Эдварда Г. Гарримана его финансовая империя все больше и больше расширялась, охватывая, кроме железных дорог, многочисленные промышленные предприятия. В качестве примера можно назвать гарримановские инвестиции в Польше. Так, в 1926 году концерн Гарримана совместно с американской компанией «Анаконда» и германским трестом «Хеш» создал зависимую фирму «Силезиан-Американ корпорейшн», которой принадлежали две угольные шахты, свинцовые и оловянные рудники, несколько металлургических заводов, листопрокатные и проволочные заводы и т. д. Решающее слово в делах этой фирмы имел концерн Гарримана, и в его сейфы текли прибыли из

польской Силезии. Дабы избежать недоразумений, добавим, что польские предприятия были лишь малой частицей «империи» Гарриманов.

Гарриман-младший, носящий двойное имя Уильям Аверелл (последнее – по матери), сумел объединить заботы о полученном наследстве с любопытной политической карьерой. И если его отец ограничивался финансированием отдельных политических деятелей, то сын уже играл самостоятельную роль на политической арене и мечтал когда-либо попасть в Белый дом.

В годы президентства Франклина Делано Рузвельта Уильям Аверелл Гарриман занимал ряд ответственных постов. Во время второй мировой войны он был послом США в Советском Союзе, затем стал министром финансов, советником президента Трумэна, губернатором штата Нью-Йорк и специальным послом президента Джона Ф. Кеннеди.

К парадоксам политической жизни в Соединенных Штатах следует отнести и тот факт, что миллионер Гарриман во многих вопросах занимает либеральную позицию. Некоторые считают даже, что если мечты Гарримана так и не осуществились, и его кандидатура на место в Белом доме никогда не выдвигалась, то произошло это лишь потому, что он был «слишком либеральным».

В 1963 году Аверелл Гарриман сыграл существенную роль при согласовывании текста Московского соглашения о частичном запрещении ядерных испытаний, а в 1968 году он же возглавил американскую делегацию, которая начала в Париже переговоры об установлении мира во Вьетнаме.

Эндрю У. Меллон принадлежал наряду с Рокфеллером, Морганом и Фордом к первым американцам, чей личный капитал превышал миллиард долларов. Такое богатство он нажил, нещадно эксплуатируя рабочих, обворовывая компаньонов, разоряя конкурентов. Он был также первым американским миллионером, который занял пост министра. И использовал этот пост для введения законов, покровительствующих богачам, а не беднякам. В период самых крупных афер, связанных с коррупцией, Меллон был членом кабинета. Эндрю У. Меллон был одним из самых ловких, предприимчивых и энергичных американских финансистов и промышленников. В пожилом возрасте он не жалел времени на «служение обществу»: был членом кабинета трех президентов, министром финансов, в то же время он пожертвовал часть своих капиталов на общественные цели, построил в Вашингтоне здание Галереи искусств, передав ей в дар свои коллекции картин. Противоречивая, казалось бы, личность. Поэтому надо поближе присмотреться к любопытной фигуре Эндрю Меллона.

У Эндрю был легкий жизненный старт, поскольку его отец Томас Меллон, банкир и юрист, был человеком богатым. Об образе мышления и взглядах Томаса отчетливо свидетельствует письмо, направленное им в годы Гражданской войны своему старшему сыну (младший, Эндрю, родившийся в 1855 году, был тогда ребенком). Узнав, что старший сын хочет вступить в ряды армии северян, Томас решительно запретил ему это, так обосновав свою позицию:

«Я надеялся, что мой парень станет ловким, интеллигентным бизнесменом и не будет дурнем. Только наивные люди вступают в армию… А кто имеет возможность, оплачивает тех, кто идет вместо них. Со временем ты поймешь, что человек может быть патриотом, не рискуя собственной жизнью и не жертвуя своим здоровьем, и поверишь в это. Есть много других, менее ценных людей».

В последующие годы такая «философия» стала ведущей мыслью Эндрю Меллона. Никакие «мелочи» не отвлекали его от дел, а главным своим делом он, как и его отец, считал преумножение капитала.

В 1870 году в Питтсбурге возник банк под названием «Т. Меллон энд санз», который завоевал доверие клиентов, хотя и брал высокие проценты. Во время экономического кризиса 1873 года, когда обанкротились многие предприятия, банк Меллонов оказался платежеспособным и обогнал конкурентов. В 1880 году Эндрю Меллон принял банк от стареющего отца. Вскоре он мог показать не только свои способности, но и беспощадность в делах. Под его руководством банк начал специализироваться на финансировании промышленных предприятий.

Наиболее дальновидным мероприятием Эндрю Меллона было предоставление сравнительно небольшого кредита двум предпринимателям, которые хотели построить алюминиевый завод. Этот легкий металл был тогда известен уже несколько десятилетий, но никто не умел организовать его выплавку на коммерческих началах. Изобретатель необходимого технологического процесса Чарлз М. Хэлл безрезультатно агитировал нескольких, промышленников, пока не попал в Питтсбург и не явился к Меллону.

Банкир оказался более дальновидным: он выделил на производство алюминия кредит в сумме 250 тысяч долларов, что дало Хэллу возможность построить первый завод. Довольно скоро выяснилось, что спрос на алюминий очень велик и возрастает с каждым годом, особенно в связи с развитием автомобильной промышленности.

Конкуренты Меллона спохватились, но было уже поздно.

Отказываясь от производства алюминия, они упустили пресловутую «золотую жилу». Правда, один из них попытался было создать свой завод, но Меллон возбудил против него судебное дело, обвинив фабриканта в нарушении патентных прав изобретателя Хэлла. Процесс затянулся надолго, но в конце концов судья Уильям Говард Тафт решил дело в пользу Меллона. Тафт стал впоследствии президентом Соединенных Штатов. Как утверждает Харвей О'Коннор, автор книги «Миллионы Меллонов» ("Mellon's Millions"), приговор Тафта принес Меллону 100 миллионов долларов.

А вскоре был создан концерн «Алюминиум компани оф Америка», известный под сокращенным названием «Алкоа», в котором большинство акций принадлежало Меллону. Концерн стал почти единовластным монополистом в области производства алюминия: он приобретал месторождения бокситов, строил новые предприятия, организовал сбыт алюминия и экспорт его за границу. Наследники Эндрю Меллона и по сей день получают миллионные прибыли от деятельности «Алкоа».

По мере увеличения капитала Эндрю Меллон все больше расширял свою «империю», скупая контрольные пакеты акций сталелитейных заводов и других предприятий. Очередным его успехом (после дела с алюминием) было открытие месторождений нефти в штате Техас. И в этом случае Меллон использовал находчивость, изобретательность и энергию других людей, загребая львиную долю прибылей.

Идею поисков нефти в штате Техас выдвинул некий Энди Лукас, эмигрант из Югославии, который американизировал свое имя и фамилию. Поначалу его финансировал полковник Джеймс Гаффи. Но когда в 1901 году длительные поиски Лукаса привели наконец к открытию богатых залежей нефти, у него и у полковника не хватило денег. Меллон, не колеблясь, предоставил им кредит в 3 миллиона долларов.

А вскоре возник новый концерн – «Галф ойл корпорейшн», один из крупнейших в Америке, уступающий только рокфеллеровской фирме «Стандард ойл». Большинство акций снова попало в руки Меллона и его семейства. Полковник Гаффи рассказывал потом, как Меллоны «вышвырнули» его. Он пытался судиться с ними, но проиграл и умер в нищете.

Третьей – после алюминия и нефти – жемчужиной в короне Меллонов стала химическая промышленность. В 1914 году Эндрю Меллон купил за 300 тысяч долларов патенты немецкого изобретателя д-ра Генриха Копперса, открывшего способ и метод использования побочных продуктов коксового производства. Патенты Копперса стали для Меллона исходной базой для

строительства ряда химических предприятий. Во время Первой мировой войны Меллон откупил у Копперса – буквально за гроши – его право на долю в производстве, воспользовавшись тем, что немец был «подданным враждебного государства».

После окончания Первой мировой войны Э. Меллон стоял уже во главе нескольких десятков самых различных концернов, общий капитал которых оценивался в 2 миллиарда долларов. И, тем не менее, он был, по сути дела, мало известен широкой общественности. В отличие от Вандербилтов и Асторов, Рокфеллеров и Морганов, каждый шаг которых, был широко разрекламирован и которые любили хвастаться своими богатствами, Меллон отнюдь не искал гласности. Он принадлежал к более позднему поколению миллионеров, которые предпочитали безвестность.

Лишь в 1921 году, когда Эндрю Меллону исполнилось шестьдесят шесть лет, его портрет впервые появился на страницах газеты «Нью-Йорк таймс». Поводом явилось желание определенных кругов капиталистов, чтобы новый президент, Уоррен Дж. Гардинг, вручил Меллону портфель министра финансов.

Стюарт Х. Холбрук в своей книге «Век воротил» пишет:

«Никакое другое американское состояние не создавалось в такой тайне, какая характеризовала жизнь и деятельность Меллонов – отца и сыновей. Железнодорожники говорили, что они работают на Гулда, Хилла, Гарримана или Вандербилта. Рядовой рабочий “Стандард ойл” знал, кто такой Джон Д. Рокфеллер. Образ Генри Форда был иконой – ненавистной иконой – для сотен тысяч его роботов. Но лишь весьма немногие из числа директоров почти трехсот крупных промышленных концернов знали, что их главный хозяин – Эндрю Меллон».

Гардинг, которого американские историки считают «самым плохим президентом», назначил Меллона министром финансов. В соответствии с правилами, обязательными для каждого члена кабинета, Меллону пришлось отказаться от руководящих постов в многочисленных концернах, которые, тем не менее, остались фактически собственностью его династии. Кстати сказать, на период президентства Гардинга приходятся громкие аферы и широкая коррупция (в частности, грандиозный скандал с нефтью в Типот-Доум[4], в котором были замешаны его министры).

Эндрю Меллон не принимал непосредственного участия в уголовных аферах, но зато использовал свой министерский пост исключительно для классовых целей и личного обогащения. Он провел далеко идущие изменения законов о налогах, в результате чего на этом заработали крупные концерны. Считают, что

благодаря таким законам Меллона концерны экономили на налогах полтора миллиарда долларов в год.

Как министр финансов, Эндрю Меллон проявил особый интерес к вопросу об обложении налогами нефтяных компаний: для них он ввел широкую систему налоговых льгот. Эта система сохранилась в основном и по сей день. В 1969 году солидный американский журнал «Атлантик» осветил этот вопрос в статье «Нефть и политика» (“Oil and Politics”), автором которой был Ронни Дэггер. Подробно проанализировав время и деятельность Меллона на посту министра финансов, Дэггер пришел к выводу, что налоговые льготы «стали источником, из которого в кассы нефтяных компаний текло золото». По подсчетам Дэггера, капитал нефтяного концерна Меллона «Галф ойл» только за время пребывания его на посту министра финансов увеличился вдвое. Меллон находился на посту министра финансов целых десять лет. Он был членом кабинета трех президентов от Республиканской партии.

И в Вашингтоне, и на Уолл-стрите Меллона считали выдающимся финансистом. Если судить по успехам его собственных предприятий, то он, несомненно, имел в этих делах определенные способности. Однако накануне экономического кризиса 1929 года Меллон заверил всех, что экономика Соединенных Штатов «процветает» и что ей ничто не грозит. А это заявление ставит под большое сомнение либо его финансовый талант, либо его правдивость.

Будучи уже стариком, Меллон занялся благотворительными делами, предназначив незначительную часть своего миллиардного состояния на общественные нужды. Наиболее известен факт финансирования им строительства Национальной галереи искусств в Вашингтоне.

Эндрю Меллон умер в 1937 году восьмидесяти двух лет от роду. Его наследники принадлежат к самым богатым людям в Америке.

«Бедные родственники»

Пока что у нас речь шла исключительно об американских миллионерах «А как с Европой? – может спросить читатель. – Неужели там не было достойных внимания богачей?» И тут хотелось бы оговориться, что книга эта посвящена прежде всего американцам, которые сколотили огромные состояния. В какой-то мере ограничивая этим свою тему, автор руководствовался двумя принципами.

Во-первых, примерно сто лет назад Соединенные Штаты начали опережать европейские государства в области экономики Произошло это около 1870 года, который стал исходным пунктом в наших исследованиях. Статистика показывает, что в 1860 году Великобритания занимала первое место в мире по уровню промышленного производства, но уже в 1880 году Соединенные Штаты перегнали своих английских конкурентов.

Бурное развитие американской экономики в последующие годы все больше увеличивало дистанцию между Америкой и Европой. Этому особенно способствовали обе мировые войны, в ходе которых американские капиталисты обогащались за счет разрушаемой, беднеющей Европы. Соединенные Штаты начали опережать европейские государства не только в области промышленнего производства, но также в экспорте товаров и капиталов.

Сегодня уже предано забвению то время, когда американские промышленники, торговцы и финансисты брали пример с Европы. Десятки лет американские капиталисты считают своих европейских контрагентов «бедными родственниками»[5]. Поэтому, если нас интересуют миллионеры, а тем более миллиардеры, как социально-экономическое явление, то наиболее яркие примеры можно найти именно в Соединенных Штатах. Быстрое развитие американской экономики обусловливает появление крупнейших состояний.

Во-вторых. Почему мы занялись прежде всего американскими богачами? Дело в том, что их европейские предшественники (или конкуренты), как формация значительно более старая и более опытная, много раньше поняли, что к числу добродетелей миллионеров относится анонимность. В отличие от американских нуворишей, которые во второй половине XIX века кичились своим богатством и искали известности, их современники – европейские миллионеры – скорее избегали блеска и популярности, предпочитая скрывать свое богатство за различными ширмами.

В Европе значительно раньше, чем в Америке, возникли

анонимные, малоизвестные акционерные общества, стремившиеся любыми способами скрыть имена их главных участников.

И значительно раньше в Европе отмечено возникновение крупных концернов, которые просто невозможно было отождествить с именами каких-либо конкретных миллионеров. В то время как в Америке сравнительно легко было установить, какое из предприятий принадлежит Моргану, Рокфеллеру или Форду, в Европе этот вопрос представлялся куда более сложным и запутанным.

Повсеместно известны такие концерны, как британский «Империэл кэмикл индастриз», французский «Комитэ де Форж» и немецкий «ИГ Фарбениндустри». Но названия эти не облегчают, а, скорее, затрудняют расшифровку имен их владельцев. Если в Америке написано много критических и апологетических книг на тему о богачах, то в Европе их сравнительно мало.

Жозеф Эжен Шнейдер – финансовый и промышленный магнат, владевший вместе со своим братом металлургическими, машиностроительными и военными предприятиями в Крезо

Однако автор хотел бы привести несколько примеров, чтобы показать, что методы деятельности европейских миллионеров и само их обогащение ничем, по существу, не отличаются от американских. Правда, более логичным будет сказать иначе: американские капиталисты шли к огромным состояниям путями, уже известными в Европе.

Если говорить о французских миллионерах, то хотелось бы обратить внимание читателей на семейство Шнейдеров, четыре поколения которого сумели сколотить огромный капитал. Основателем фирмы, или династии, был Жозеф Эжен Шнейдер, который в 1836 году купил небольшой литейный завод в городке Ле-Крезо, существовавший еще во времена царствования Людовика XVI Предприимчивый фабрикант вскоре приступил к расширению заводика и, как говорится, «напал на жилу» – именно в это время начиналась эра железных дорог и паровых судов. Спрос на продукцию его предприятия возрастал год от года. Уже в 1838 году в Ле-Крезо был построен первый паровоз, а в 1840 году – первый речной пароход.

Стальное литье, рельсы и растущие правительственные заказы на оружие явились очередными этапами расширения и реконструкции предприятий Шнейдера в Ле-Крезо. Чем для американских миллионеров была Гражданская война, тем для Шнейдера стала франко-прусская война 1870 года. Х.С. Энгельбрехт и Ф.К. Ханиген в своей известной книге «Торговцы смертью» пишут:

«Франко-прусская война принесла в Ле-Крезо заказы на такое количество оружия, что после подписания мира Шнейдер оказался великим богачом: кроме заводов и недвижимости, он сколотил состояние, оцениваемое почти в 100 миллионов франков».

В 1875 году, после смерти основателя династии, предприятия в Ле-Крезо унаследовал его сын Анри, который нацелился прежде всего на столь прибыльное производство оружия. Дело это продолжает и его сын Эжен, внук первого Шнейдера. Как отец и дед, Эжен интересуется главным образом получением правительственных заказов на оружие. И подобно деду, внук соединяет сколачивание миллионов с политической карьерой.

Поначалу первый Шнейдер был депутатом, затем министром торговли и сельского хозяйства и наконец во времена Наполеона III – председателем так называемого Законодательного корпуса (Corps Legislative). Его внук Эжен в 1900-1925 годах заседал в Национальном собрании. Вполне понимая значение прессы, Эжен Шнейдер III в межвоенные годы сумел добиться влияния в таких ведущих французских органах печати, как «Матэн», «Тан», «Журналь де деба».

На период властвования Шнейдера-внука приходится начало первой и второй мировых войн (Эжен умер во время оккупации Франции в 1942 году). Нетрудно догадаться, что и годы, предшествовавшие первой мировой войне, и вообще периоды обеих войн были для предприятий Шнейдера этапом огромного

обогащения.

Кроме расширения предприятий в самой Франции, концерн Шнейдера все более интересуется зарубежными инвестициями и заказами из-за границы В первые годы XX века Шнейдер ищет рынки сбыта в Латинской Америке (Бразилия, Чили, Аргентина), где он сразу наталкивается на конкуренцию в лице агентов немецкого короля стали Крупна После своеобразного конкурса скорострельных орудий аргентинские эксперты отдают приоритет французскому концерну.

В погоне за новыми прибыльными инвестициями Шнейдер обращает свои взоры на царскую Россию, которая охотно пользуется иностранными капиталами. Начинается сложная игра в расширение известных Путиловских заводов в Петербурге. Вот что пишут об этом Энгельбрехт и Ханиген.

«Оснащая Путиловские заводы, Шнейдер действовал рука об руку с Крупном. Однако русские, оказывая предпочтение французским легким пушкам, требовали крупповские тяжелые орудия Поэтому Шнейдер раздобыл себе право на использование в России патентов Крупна… Мы становимся свидетелями любопытного зрелища: француз ищет немецкий капитал, чтобы за его счет расширить русскую военную промышленность».

От тех времен сохранилась фотография Эжена Шнейдера, снятого вместе с германским кайзером. Она была обнародована во французском парламенте в межвоенный период как доказательство связи фабриканта с врагом.

После окончания Первой мировой войны обогатившийся на военных поставках концерн Шнейдера ищет места для новых инвестиций за рубежом. Он отправляет оружие в Японию и одновременно в Китай, становится одним из главных пайщиков предприятий Шкода в Чехословакии (а стало быть, косвенно, и «Польских заводов Шкода»), вкладывает свои капиталы в Венгрии и Польше. В ходе строительства Гдыньского порта Шнейдер создает Консорциум по строительству порта Гдыня («Consortium des Travaux du Port de Gdynia») и вместе с одним парижским банком финансирует строительство Силезского угольного месторождения.

Два директора заводов чешских предприятий Шкода фон Артхабер и фон Душнитц, находившихся в полной зависимости от Шнейдера, фигурируют в списке капиталистов, которые создавали фонды для гитлеровского и национал-социалистского движения. Факт этот был одним из поводов к выступлению французских левых сил против Шнейдера в межвоенные годы. Впрочем, у левых и и без того были многочисленные счеты со Шнейдером – в связи с нещадной эксплуатацией рабочих на его

предприятиях и за финансирование им кампании в прессе, направленной против разоружения.

После Второй мировой войны во главе концерна становится Шарль Шнейдер – правнук основателя фирмы. Происходит дальнейшее расширение концерна, который теперь состоит из нескольких десятков фирм, находящихся во Франции и за границей. Уже в пятидесятых годах XX века валовой актив группы Шнейдера оценивался в 50 миллиардов старых франков.

Шарль Шнейдер умер в 1960 году. Его вдова, принявшая руководство предприятиями, столкнулась с определенными трудностями, характерными для нынешних отношений между европейскими и американскими капиталистами. В 1963 году бельгийская компания «Эмпайн», за которой фактически стоит американский капитал, скупает 20 процентов акций концерна «Шнейдер» и приступает к действиям, цель которых – установление контроля над всем концерном. Мадам Шнейдер не соглашается с этим и начинает энергичную контракцию в защиту своих интересов. Французское правительство (президентом страны был тогда генерал де Голль) признает необходимым вмешаться в это дело и публикует коммюнике в защиту «французского происхождения» концерна. Спор закончился компромиссом: бельгийские – и американские – капиталисты добились некоторого влияния в правлении концерна, однако им не удалось захватить руководство концерном По крайней мере до поры до времени.

* * *

В межвоенные годы левые силы во Франции довольно часто пользовались в своей пропаганде термином «двести семейств». Это означало, что небольшая группа капиталистов осуществляет власть над экономической, а тем самым и над политической жизнью страны. Борьба за первое место в этом символическом списке шла между семействами Шнейдеров и Ротшильдов.

О последнем можно написать – и уже написано – немало толстых книг. Все это либо апологетические (написанные на деньги Ротшильдов), либо клеветнические труды. Из материалов тех и других предстает одна и та же картина: основной жизненной целью всех поколений Ротшильдов является умножение богатств. Ради нее они готовы на все.

В начале XIX века Мейер Амшель Ротшильд основал во Франкфурте-на-Майне банк, который вскоре завоевал доверие Гессенского двора и стал процветать, предоставляя в период

наполеоновских войн кредиты двору. Несколько лет спустя старший из Ротшильдов поставил пять своих сыновей во главе банков в пяти крупных городах – Париже, Лондоне, Неаполе, Вене и Франкфурте-на-Майне.

Второе поколение Ротшильдов внесло в банковское дело много новых эффективных методов (например, клиринговые расчеты) и организовало собственную систему информации. Широко известен такой факт: Ротшильды благодаря собственным курьерам первыми в Лондоне узнали о поражении Наполеона под Ватерлоо, опередив своих конкурентов и заработав в один день несколько миллионов на биржевых сделках.

Пять сыновей Ротшильда-старшего и их наследники вели банковское дело по всей Европе. Их клиентами были королевские семейства и Ватикан. Французская ветвь Ротшильдов вскоре была возведена в дворянское звание и получила титул баронов. Глава английской ветви представляет лондонский Сити сначала в палате общин, а затем и в палате лордов. Ротшильды используют вновь открывшиеся возможности для сколачивания новых миллионов франков, фунтов, марок.

Центром семейных интересов Ротшильдов вскоре становится Париж. Французские Ротшильды, как и современные им американские богачи, рано начинают проявлять интерес к железнодорожному строительству. Альфонс де Ротшильд, внук основателя франкфуртского банкирского дома, становится управляющим (регентом) Французского банка и начинает играть все большую роль в экономической жизни Франции, а после ее поражения в войне с Пруссией организует выплату контрибуции. Его племянник, представитель четвертого поколения Ротшильдов, становится очередным управляющим французского банка, финансирует правительственные расходы в период первой мировой войны и тесно сотрудничает с премьером Пуанкаре.

В межвоенные годы французские Ротшильды стоят уже во главе огромной финансовой и промышленной империи Известен возглас лидера французских социалистов Жюля Геда: «Республика имеет короля, и этот король – Ротшильд!» Не менее известны и статистические данные 1924 года, согласно которым капитал банка Ротшильдов составлял 350 миллионов франков. Сумма наличных денег, которой располагал банк, была значительно больше той, что находилась в распоряжении государственного казначейства.

В 1940 году, во время гитлеровской оккупации Франции, барон Эдуард де Ротшильд бежал в Америку, но после войны вернулся на родину и быстро восстановил семейное состояние. После его смерти в 1949 году во главе дела становится Ги де

Ротшильд, который старательно избегал гласности и лишь в 1969 году «напомнил о себе обществу», когда вооруженный бандит тщетно пытался похитить его сына с целью получения выкупа.

В конце 1969 года французский еженедельник «Нувель обсерватёр» опубликовал сообщение, из которого явствовало, что в последние годы французские Ротшильды достигли новой ступени в своем обогащении. Внешним признаком этого явилось переселение семьи в новый роскошный дворец на рю Лаффит, рядом со старым зданием, в котором сто лет назад возник первый французский банк Ротшильдов. Их влияние сейчас распространяется, кроме банковских операций, на добычу черных металлов, на нефтяную промышленность и т. д.

Ротшильды были, пожалуй, первым европейским семейством, которое пришло к выводу, что миллионы лучше сколачивать без шума и что чрезмерная известность может только затруднить их положение. В течение многих лет никто во Франции не в состоянии был сказать, сколь велико богатство этого семейства. Известно лишь, что оно является акционером десятков, а может быть, и сотен различных банков, промышленных предприятий, шахт, нефтяных разработок и т. п. Зачастую принадлежащий Ротшильдам пакет акций является самым большим в сравнении с каким-либо другим концерном.

Двойником парижского «Банка братьев Ротшильд» является лондонский банк «Н.М. Ротшильд», существующий с 1804 года. И чтобы уже не возвращаться больше к Ротшильдам, напомним, что английская ветвь этого дома еще больше, чем французская, заботится о сохранении своей анонимности и тайны. Известно, например, что английские Ротшильды имеют контрольные пакеты акций таких фирм, как «Роял Датч-шелл», «Империэл кэмикл индастриз» и «Рио Тинто компани». Однако никогда не публикуются данные о размере капиталов Ротшильдов, а тем более об их прибылях.

* * *

Когда в начале XIX века лорд Байрон писал свой роман в стихах «Дон Жуан», у него не было сомнений, что «равновесие мира» обеспечивают английские банкиры – Ротшильд и Бэринг. К тому же времени относится и лондонская острота о существовании в Европе шести великих сил – Англии, Франции, России, Австрии, Пруссии и… братьев Бэринг. Почти все XIX столетие английские богачи вывозили свои капиталы за границу, в частности в Соединенные Штаты Америки. Однако никто из них

не смог сколотить себе таких крупных состояний, как Морган или Рокфеллер. В начале XX века, а точнее говоря, после Первой мировой войны началось движение капиталов в обратном направлении – из Америки в Европу. И лишь тогда выяснилось, как далеко американские миллионеры обогнали своих европейских конкурентов.

Самыми богатыми людьми Англии XIX века были не предприниматели и не банкиры, а аристократы – владельцы огромных латифундий. Согласно статистическим данным 1883 года, герцог Сазерленд владел почти полутора миллионами акров земли (600 тысяч гектаров), а имения герцога Бакклёча и маркиза Бредэлбэна составляли около полумиллиона акров. А ведь это астрономические цифры. Чтобы составить наглядное представление об их величине, достаточно сказать, что в нынешней Англии самое большое земельное владение не превышает 52 тысяч акров. Это в тридцать раз меньше владений герцога Сазерленда.

Во второй половине XIX века, то есть в эпоху паровых машин и железных дорог, английские промышленники и торговцы, фабриканты и экспортеры начали сколачивать крупные состояния, соперничая со старинными аристократическими родами и банкирами и не раз опережая их в размере своих богатств. Типичным примером в этом отношении был Уильям Джордж Армстронг.

С именем этого человека связан ряд изобретений и строительство крупных промышленных предприятий, которые во второй половине прошлого столетия все чаще стали переходить на выпуск оружия (в 1882 году на предприятиях Армстронга в Элсвике было построено первое современное морское судно – крейсер). Королева Виктория пожаловала Армстронгу дворянство и титул лорда. После его смерти в 1900 году предприятия Армстронга продолжали расширяться и после объединения в 1927 году с концерном Виккерса стали крупнейшим в Великобритании производителем оружия.

Концерн «Виккерс» существует и процветает по сей день, но выступает как анонимное акционерное общество. Миллионеры, носящие имена Армстронг или Виккерс, сейчас почти не известны широкой общественности. Так же обстоит дело и с концерном «Империэл кэмикл индастриз» или с нефтяной компанией «Роял Датч-шелл», в которой объединены английские и голландские капиталы.

Среди английских миллионеров наибольшую известность завоевали так называемые «лорды прессы», ставшие своеобразным институтом, которому стоит посвятить несколько слов. Когда в

конце XIX века Альфред Хармсуорт основывал новую газету «Дейли мейл» (она выходит по сей день), он, пожалуй, не предполагал, что станет инициатором современной индустрии прессы и что его газета принесет ему с течением времени миллионное состояние и титул лорда.

В «Дейли мейл» Хармсуорт ввел новую редакционную и административную формулу-принцип, до того неведомую, а впоследствии заимствованную его друзьями и конкурентами: его газета продавалась по цене ниже себестоимости. До этого самая дешевая газета Англии стоила один пенс. Хармсуорт назначил для «Дейли мейл» продажную цену в полпенса. Расходы по изданию (и задуманному риску) должен был покрыть доход с объявлений. А чтобы обеспечить себя объявлениями, следовало увеличить тираж газеты: ведь фирмы, помещающие в газетах свои объявления и рекламу, охотнее дают их тому изданию, у которого больше тираж.

Для увеличения тиража у Хармсуорта (будущего лорда Нортклифа) был собственный простой рецепт: следовало снизить моральный уровень газеты, публиковать как можно больше сенсаций (желательно криминального или сексуального характера, апеллируя к низменным инстинктам читателя). Рецепт оказался удачным, и Хармсуорт стал таким образом родоначальником «желтой прессы». Тираж его газеты все время увеличивался, выгодных объявлений поступало все больше, прибыли росли, и через несколько лет Хармсуорт стал миллионером.

Расходы по созданию «Дейли мейл» исчисляются несколькими тысячами фунтов стерлингов. Когда в 1905 году издательство этой газеты было преобразовано в фирму «Ассошиэйтед ньюспейпер лимитед», ее основной капитал составил 1 миллион 600 тысяч фунтов. Фирма приносила все большие прибыли, доходившие до 40 процентов в год. Основная часть акций оставалась в распоряжении семейства Хармсуорта.

Затем лорд Нортклиф приступил к расширению своей газетной империи. В начале XX века он приобрел газету «Таймс», считавшуюся тогда официозным правительственным органом, оказывающим действенное влияние на политику Великобритании. В 1922 году, перед смертью лорда Нортклифа, его газетный концерн охватывал семьдесят различных печатных органов. Весь этот концерн, за исключением лондонской газеты «Таймс», которая позже стала собственностью семейства Асторов, перешел в руки брата Нортклифа – лорда Ротермира, еще одного «лорда прессы».

Успех братьев Хармсуорт поощрил их конкурентов. Вскоре на

английском газетном рынке разразилась война между соперничающими органами печати. Борьба шла за привлечение наибольшего числа читателей. Оружием тут было снижение морального уровня газеты, публикация еще более сенсационных сообщений, еще более детальных описаний бракоразводных процессов и убийств на сексуальной почве. Жертвой этой газетной войны было, разумеется, общество.

Через некоторое время миллионные состояния и титулы лордов получили братья Берри, известные позже как лорд Кэмроуз и лорд Кемсли, а также канадец по происхождению Уильям Максуэл Эйткен, или лорд Бивербрук. Газета последнего, «Дейли экспресс», побила все рекорды вульгарности и приобрела самый большой тираж. Исключение составил лишь Сесил Кинг, племянник Хармсуортов, много лет стоявший во главе пресс-концерна «Дейли миррор»: он не получил титула лорда.

Современным продолжателем традиций «лордов прессы» является другой канадец – Рой Герберт Томсон, получивший от королевы Елизаветы II титул барона и взявший себе претенциозное имя – Томсон оф Флит (по названию одноименной улицы в Лондоне). Лорд Томсон является владельцем газеты «Таймс» и нескольких других изданий в Англии и за границей Ему принадлежат также радио– и телевизионные станции Он считается одним из самых богатых людей в Великобритании.

«Лорды прессы» никогда не скрывали своих правых взглядов. Так, Бивербрук был членом палаты общин, а затем и палаты лордов от Консервативной партии, в годы второй мировой войны входил в состав кабинета Уинстона Черчилля. Другие тоже прочно стояли на страже британского «истэблишмента»[6], что для них было равнозначно защите собственных интересов и капиталов.

Нортклиф, Бивербрук и Томсон справедливо считаются в Великобритании миллионерами. Однако они не выдерживают сравнения с известным королем американской прессы Херстом. Напомним, что Уильям Рэндолф Херст унаследовал от отца немалое состояние и золотой прииск (в буквальном, а не в переносном смысле). За несколько десятков лет Херст создал огромную газетную империю, которая оказалась более прибыльной, чем золотые россыпи.

Херст стал известен тем, что провозглашал на страницах газет самые реакционные взгляды, был причастен к развязыванию американо-испанской войны в конце XIX века, всячески поддерживал Гитлера, намеревался выставить свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов, построил в Калифорнии роскошный замок, резко снизил моральный уровень

своих изданий, побив в этом отношении все английские рекорды. Он же стал героем нашумевшего фильма «Гражданин Кейн»[7].

Умер Херст в 1951 году, оставив после себя капитал в 400 миллионов долларов. А капиталы английских «лордов прессы» оценивались всего в несколько миллионов. Херст имел право считать их бедными родственниками…

* * *

Заключая эту главу, автор хотел бы остановиться также на немецких миллионерах. Как и в других странах, это разные люди, отличающиеся друг от друга по возрасту, происхождению, способностям и темпераменту. И только с одной точки зрения немецкие миллионеры межвоенного периода схожи между собой: они финансировали национал-социалистское движение, обеспечили приход Гитлера к власти и активно сотрудничали с ним в период существования Третьего рейха.

Нет, автор не намерен тем самым утверждать, что каждый немецкий миллионер или вообще любой другой миллионер автоматически является реакционером, – это было бы преувеличением. Здесь можно назвать хотя бы американского миллиардера Сайруса Итона (кстати сказать, его капитал создан опять-таки за счет железных дорог), которого реакционная пресса прозвала «красным миллионером» и который известен своими прогрессивными взглядами, так как действовал в пользу мирного сосуществования (он был организатором известных Пагуошских конференций), или чикагского миллионера Маршалла Филда III, который ассигновал из своего огромного состояния, частично унаследованного от деда, большую сумму на создание в Нью-Йорке прогрессивной газеты (попытка эта успеха не имела). Некоторые богачи принимали даже известное участие в борьбе с фашизмом (правда, хорошо заработав на этом). Но это – исключения. Факт состоит в том, что в целом немецкие капиталисты без колебаний поддержали Гитлера.

В соответствии с упомянутой выше тенденцией европейских миллионеров к безвестности и анонимности, в двадцатые годы в Германии возникли два крупнейших треста, которые выступали в качестве акционерных обществ и избегали гласности. Так, в 1925 году была вписана в реестр фирма «ИГ Фарбен» (полное название – «Интерессен-гемайншафт Фарбениндустри»), основной капитал которой составил 1 миллиард марок. Фирма сосредоточила в своих руках почти все германское производство красителей и химических продуктов, а спустя некоторое время и пороха.

Позже, в 1926 году, миллионеры Тиссен, Кирдорф и наследники Стиннеса основали концерн «Ферейнигте штальверке» («Стальной трест»), который начал дело, располагая капиталом в 800 миллионов марок и предоставив работу 200 тысячам человек. Стальной трест захватил 25 процентов добычи угля и свыше 40 процентов производства железа и стали в Германии. Однако нас, исходя из предпосылок этой книги, интересуют не анонимные концерны, а конкретные миллионеры. Поэтому стоит присмотреться к их деятельности в Германии межвоенного периода.

Одним из самых любопытных среди них был Гуго Стиннес, который соединял в себе талант к сколачиванию богатства с оголтелым пангерманским шовинизмом. Уже в 1911 году он заявил одному из собеседников: «Дайте мне еще три-четыре года спокойного развития, и Германия станет неоспоримым хозяином Европы». Поражение Германии в Первой мировой войне отнюдь не охладило устремлений Стиннеса.

Пятнадцатого января 1919 года, то есть в тот самый день, когда немецкие фашисты убили в Берлине Розу Люксембург и Карла Либкнехта, Стиннес участвовал в совещании крупнейших промышленников в Эссене и проголосовал за ассигнование 500 миллионов марок на создание так называемой Антибольшевистской лиги и «добровольческих отрядов» (формирований, предназначенных для борьбы с рабочими).

Первые послевоенные годы Стиннес использует для создания промышленного концерна – одного из крупнейших в Европе. Парижский «Журналь де деба» писал тогда:

«Стиннес, Тиссен и компания утверждают, правда, что им едва хватит денег на закупку необходимого сырья, однако на самом деле они приобрели в обоих полушариях земельные владения, предприятия и паевые доли, общая стоимость которых составляет баснословную цифру» – Альберт Норден, автор переведенной на польский язык книги «Уроки германской истории» («Lehren Deutscher Geschichte») [8], следующим образом раскрывает механику обогащения Стиннеса:

«Гуго Стиннес, вдохновитель пангерманцев до и во время первой мировой войны, которого нацистская пресса прославляла как решительного и не боящегося ответственности предпринимателя, стал после ее окончания душителем немецкого народа. К 1923 году он скупил не менее 1664 предприятий с 2890 заводами, пользуясь тем, что у миллионов немцев их сбережения, заработная плата и жалованье обращались в ничто.

Этот владыка германской экономики преднамеренно, из грязных, узкокорыстных соображений толкал германскую валюту

в пропасть. Марка, ослабленная проигранной войной, окончательно лишилась своей устойчивости, когда Стиннес и ему подобные стали брать у Рейхсбанка крупные ссуды для скупки иностранной валюты и затем успешно спекулировать на понижении курса марки. Когда вследствие этого курс марки начал все более падать, Стиннес стал выплачивать взятые ссуды бумажными марками, которые он сам же обесценил.

Гуго Стиннес – немецкий промышленник начала XX века, оздатель и владелец гигантского концерна, работавшего в области горной индустрии под названием «Hugo Stinnes GmbH» (1902 год). Концерн объединял под своим именем 1533 предприятий и фирм, работавших в самых различных областях хозяйства

Так, инфляция, губительная для народа, стала источником прибылей для Стиннеса. В этом и заключался секрет того, каким образом этот пират сумел заграбастать огромные экономические ценности».

Гуго Стиннес умер в 1924 году, не успев, если можно так выразиться, активно включиться в гитлеровское движение. Но его «достойно» заменили сыновья, принадлежавшие к самым ранним сторонникам фюрера: они финансировали его газету «Фёлькишер беббахтер». Стоит также добавить, что один из его сыновей, тоже Гуго, после Второй мировой войны получил обратно конфискованное вначале союзниками состояние и стал во главе возрожденного концерна.

Рядом со Стиннесами, а может быть, и впереди них стоило бы поставить династию Круппов. Но это зловещее семейство, несомненно, заслуживает отдельной главы и более широкого освещения. А пока что автор хотел бы обратить внимание читателей на фигуру Фрица Тиссена – одного из самых богатых людей довоенной Германии, человека, который, как заявил он сам, «платил Гитлеру».

Фриц Тиссен родился в 1873 году и унаследовал от отца богатство, которое состояло из угольной шахты, железных рудников, металлургических заводов и т. д. Он проявил незаурядный талант, когда приступил к увеличению своих капиталов. В годы Первой мировой войны он продемонстрировал свои методы деятельности. Перед самой войной Тиссен купил значительную часть вновь открытых месторождений нефти во французской провинции Нормандия, а едва начались военные действия, явился в рейхсканцелярию в Берлине с предложением включить все французские территории, где имеются нефтяные месторождения, в состав рейха.

Еще в двадцатые годы Тиссен, как говорится, поставил на Гитлера и с тех пор постоянно поддерживал все его начинания. Как потом подсчитал он сам, в кассу «фюрера» он передал не менее миллиона марок. В январе 1932 года, то есть ровно за год до захвата Гитлером власти, в замке Тиссена в Ландсберге состоялось тайное совещание, в котором приняли участие, с одной стороны, представители концерна «Ферейнигте штальверке» (Тиссен, Пенсген и Фёглер), а с другой – лидеры нацистской партии в лице Гитлера, Геринга и Рема. Темой совещания было создание будущего гитлеровского правительства.

Захватив власть, Гитлер отблагодарил Тиссена, поручив ему ответственные посты в экономике рейха и назначив его имперскпм комиссаром экономики земли Рейн-Вестфалия. Руководители гитлеровских партий округов, где находились шахты, заводы и фабрики Тиссена, направили ему письмо, в котором писали: «Вы стали высшим государственным хозяйственно-политическим авторитетом для нашей промышленной области».

Когда началась вторая мировая война, Тиссен порвал с Гитлером и через Швейцарию уехал в Америку. В 1941 году он выпустил там сенсационную книгу «Я платил Гитлеру», в которой рассказал историю своего сотрудничества с «фюрером», пытаясь облачиться в одежды кающегося грешника, чуть ли не антинациста.

Публицисты ГДР раскрывают прозаические причины расхождений между миллионером и гитлеровцами, то есть его споров с Герингом о разделе добычи.

«Чтобы не изменить исторической правде, – пишет Альберт Норден, – надо отметить, что конфликт между Тиссеном и нацистскими руководителями возник как обыкновенная война за проценты между капиталистами, и только впоследствии Тиссен в своей книге придал этой войне идеологический характер, причем его главный упрек Гитлеру в вопросах внешней политики заключался в том, что последний не начал Вторую мировую войну с генерального наступления против Советского Союза».

Американец Уильям Л. Ширер, автор известной книги «Возвышение и падение Третьего рейха» (“The Rise and Fall of the Third Reih”), на основании стенограммы Нюрнбергского процесса и других авторитетных документов называет имена немецких миллионеров, которые финансировали Гитлера еще задолго до его прихода к власти, например Георга фон Шницлера (один из генеральных директоров концерна «ИГ Фарбен»), барона Курта фон Шрёдера (крупный банкир из Кёльна) и т. д. Ссылаясь на слова Тиссена, который определил размер финансовой помощи Гитлеру в 2 миллиона марок ежегодно, Ширер утверждает, что названная цифра весьма занижена.

Однако после Второй мировой войны немецкие миллионеры в трех западных зонах оккупации, сравнительно быстро восстановили свои позиции и свои миллионы. В качестве примера тут снова можно назвать Фрица Тиссена и его наследников (сам Тиссен умер в 1951 году). В соответствии с решениями Потсдамской конференция произошло – по крайней мере, на бумаге – расчленение концерна «Ферейнигте штальверке»: возникло семнадцать более мелких фирм. Перед разделом семейство Тиссенов располагало крупнейшим пакетом акций «Стального треста» (21 процент акционерного капитала стоимостью 100 миллионов марок). После раздела Тиссены сохранили ту же долю акций в каждой из семнадцати фирм, причем стоимость новых акций оценивалась уже в 300 миллионов марок.

Точно так же и у других германских миллионеров ни одного волоса с головы не упало. Не вдаваясь в дальнейшие

политические комментарии, достаточно сказать, что об этом позаботились их английские, американские и французские сообщники и контрагенты.

Вскоре после окончания второй мировой войны, в годы усиления «холодной войны», Соединенные Штаты решили превратить Западную Германию в главный бастион антикоммунизма в Европе. Американцы вроде Джона Фостера Даллеса и немцы типа Конрада Аденауэра дружно сделали ставку на экономическое и милитаристское возрождение германского империализма. В этом свою роль, конечно же, призваны были сыграть немецкие миллионеры.

Глава 2. Рокфеллеры – это нефть

Нет, пожалуй, другого такого состояния в мире, которое бы в такой огромной степени было связано с добычей «черного золота».

Джон Д. Рокфеллер, еще до того как он заинтересовался нефтью, имел в своем распоряжении всего несколько сотен долларов. В 1865 году, когда Рокфеллер решил отказаться от всех других дел и заняться исключительно нефтью, он располагал капиталом в 50 тысяч долларов. А пять лет спустя он уже мог похвастаться первым сколоченным миллионом.

Рокфеллер был одним из самых первых миллионеров в Соединенных Штатах. Затем миллионы стали поступать все легче и быстрее.

К концу XIX века состояние Рокфеллера оценивалось уже в сотни миллионов долларов, а в самом начале XX столетия из его деклараций о доходах явствовало, что его капитал превышает миллиард.

И все это принесла нефть.

Огромное богатство основателя династии перешло к сыну, а позже к пяти его внукам.

Сейчас Рокфеллеры занимаются политикой, филантропической деятельностью, коллекционированием произведений искусства, путешествуют по земному шару. В американских газетах все чаще можно найти заметки и статьи о четвертом поколении Рокфеллеров. Внуки старого Джона Д. Рокфеллера и их дети никогда не говорят о нефти и держат себя так, словно не имеют ничего общего с бизнесом. Однако на самом деле в их сейфы по-прежнему течет поток долларов, источником которых является жестокая эксплуатация человеческого труда на нефтяных промыслах.

«Черное золото»

Когда на автострадах, шоссе и на улицах мы видим все большее число автомобилей, когда дальние поездки ассоциируются в нашем сознании с реактивными самолетами, когда танки и воздушные бомбардировщики стали неотъемлемой составной частью военного арсенала, когда нас со всех сторон окружают предметы, сделанные из пластмассы, – мы не можем себе представить цивилизованной жизни без нефти и ее производных: керосина, бензина и т. д.

Сегодня из нефти добывают все больше и больше ценных продуктов, без которых немыслимы были бы ни современные коммуникации, ни современная промышленность. Миллионы автомобилей пожирают все больше высококачественного бензина, и ни одно промышленное предприятие практически не может обойтись без смазочных масел.

А началась великая карьера нефти во второй половине XIX века. И одним из первых, кто всерьез заинтересовался ею, был Джон Д. Рокфеллер.

Возникает вопрос: какова же была в этом роль Рокфеллеров? Прославились ли они в области открытия нефтяных месторождений, добычи нефти или ее переработки? Связаны ли с их именем какие-нибудь открытия или изобретения? Ответ Харвея О'Коннора, соотечественника Рокфеллеров и автора книги «Империя нефти» ("The Empire of oil"), звучит категорически: нет!

Джон Д. Рокфеллер и его концерн «Стандард ойл оф Нью-Джерси» не производит, не очищает, не транспортирует и не продает ни капли нефти. И сам Джон Д. Рокфеллер и его наследники были лишь финансистами, организаторами и коммерсантами. Они не марали свои руки черной нефтью.

* * *

Учебники экономической географии и статистические ежегодники не могут поспеть за бурным развитием нефтяной промышленности. Пока в печати появятся те или иные данные (что грозит и этой книге), они уже оказываются устаревшими. Достаточно сказать, что всего за десять лет (1958-1968) мировая добыча нефти удвоилась, а в течение тридцати лет (1938-1968) она возросла почти в восемь раз! «Виновником» этого стал прежде всего автомобиль.

В 1968 году мировая добыча нефти впервые превысила 2

миллиарда тонн. Половина этого количества экспортирована из нефтедобывающих стран, однако сами они используют лишь минимальное ее количество. 50 процентов этой половины, то есть около 500 миллионов тонн, вывезено из стран Ближнего Востока, которые экспортируют в одну лишь Европу свыше 250 миллионов тонн нефти ежегодно. Разве это не исчерпывающий ответ на вопрос, почему Ближний Восток стал такой «горячей точкой» земного шара?!

К самым крупным производителям нефти в 1968 году относились следующие государства и географические пункты: Иран, Саудовская Аравия, Ливия, Кувейт, Ирак, Алжир – 641 миллион тонн, Соединенные Штаты – 526 миллионов, Советский Союз – 310 миллионов, Венесуэла – 187 миллионов тонн[9]. Концерны Рокфеллеров вывозили нефть из всех этих пунктов, кроме Советского Союза.

Сообщая все эти статистические данные, мы всюду упорно приводили даты – не из педантизма, а из соображений осторожности. За последние годы в связи с возрастающим спросом на нефть и непрекращающимися поисками новых месторождений «черного золота» в сводках нефтедобывающих районов часто появляются новые названия. Так, маленький Кувейт, государство, до войны вообще мало кому известное, принадлежит сегодня к числу крупнейших производителей нефти. Еще в 1960 году Ливия даже не учитывалась в статистике по добыче нефти, а теперь она ежегодно экспортирует более 120 миллионов тонн. Нефть найдена и под горячими песками Сахары в Алжире, а самой большой сенсацией последних лет в этой области было открытие месторождений нефти на Аляске и в Северном море, что вынудило многочисленные капиталистические концерны инвестировать там сотни миллионов долларов.

В Советском Союзе западносибирский город Тюмень стал центром вновь открытых огромных нефтеносных пластов. После самых старых нефтяных месторождений в районе Баку, после «второго Баку» в районе среднего течения Волги сибирские территории в бассейне реки Обь стали третьим гигантским нефтедобывающим районом. По расчетам советских ученых, в 1976 году Сибирь даст 100-120 миллионов тонн нефти, а в 1980-м – от 230 до 260 миллионов. Перед Советским Союзом теперь открываются новые, еще более широкие возможности выхода на мировой рынок в качестве экспортера нефти.

* * *

Экономика нефтяной промышленности в капиталистических странах очень сложна, а владельцы нефтяных концернов делают все от них зависящее, чтобы рядовые граждане как можно меньше знали об их делах. Когда американец покупает для своего автомобиля бензин и платит за галлон (около 4 литров), к примеру, 35 центов, то он знает, что в эту цену входит добыча нефти, ее транспортировка, перегонка и распределение по районам. Он догадывается, что на каждом таком этапе к расходам прибавляются прибыли нефтяных компаний, но понятия не имеет, как велики эти прибыли. Рядовой американец хорошо знает, что бензозаправочные станции принадлежат разным фирмам, открыто конкурирующим между собой, но удерживающим цены на одном уровне. Видимо, он догадывается также, что между нефтяными концернами заключено картельное соглашение, но не знает его условий.

Почти до конца XIX века дело обстояло довольно просто: единственным крупнейшим производителем нефти были Соединенные Штаты, а там почти вся нефть шла из рокфеллеровского концерна «Стандард ойл». В последние же годы прошлого столетия положение стало весьма запутанным. Царская Россия с помощью шведского миллионера Альфреда Нобеля (чье имя носят известные премии) освоила производство керосина и добычу нефти на Кавказе и в течение нескольких лет (1898-1901) даже опережала в этом Соединенные Штаты. Вторым конкурентом стала голландская фирма «Роял Датч-шелл». Банк Ротшильдов (конечно, не без прибыли для себя) предоставил кредиты России и Голландии, что облегчило им соперничество с Рокфеллером. В самой же Америке фактической монополии «Стандард ойл» стал угрожать концерн «Галф ойл» Меллона.

Дело шло к хаосу и дезорганизации, но прежде всего к снижению миллионных прибылей отдельных монополистов, прибылей, которые до этого поступали без особых трудностей. Однако и тут нашелся выход: между крупнейшими нефтяными концернами было заключено картельное соглашение. С течением времени условия этого соглашения, сохранявшегося в тайне, подверглись некоторым изменениям, к тому же несколько раз менялись названия отдельных концернов, но в основном картель семи нефтяных гигантов существует и поныне и стоит на страже их доходов уже десятки лет.

А вот их названия: «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Стандард ойл оф Калифорниа» (оба принадлежат к империи Рокфеллеров), «Галф ойл» (Меллоны), «Сокони мобил ойл» (крупнейший пакет акций принадлежит Рокфеллерам), «Тексас», или «Тексас ойл компани» (в отдельных областях сотрудничает с

калифорнийским «Стандард ойл» под названием «Калтекс петролеум») и два неамериканских концерна – «Бритиш петролеум» и «Роял Датч-шелл».

До недавнего времени «большая семерка» держала под своим контролем почти три четверти добычи, производства и переработки нефти капиталистического мира. Ныне ее влияние несколько уменьшилось, но, как утверждает американский ежемесячник «Атлантик», с сентября 1969 года она по-прежнему «ограничивает уровень производства, делит рынки сбыта, распределяет территории и устанавливает систему единых цен».

«Крупнейшим из крупных» является концерн «Стандард ойл оф Нью-Джерси», который, как говорилось выше, сам не добывает, не перерабатывает и не продает нефть. Все это под его руководством и контролем делают подчиненные ему фирмы, которых насчитывается более трехсот. Каждая из них приносит доходы и каждая передает часть этих доходов в центр.

* * *

Американские нефтяные магнаты имеют в своем распоряжении своеобразное мерило, которое служит им при определении их политического влияния. Таким мерилом стали налоговые законы, а точнее говоря, налоговые льготы для нефтяной промышленности (так называемая deplation allowance – «скидка на истощение запасов ископаемого»). В течение нескольких десятков лет американские нефтяные магнаты пользуются льготами, каких нет ни в какой другой области хозяйственной деятельности. Эти льготы сберегают им сотни миллионов долларов ежегодно.

В 1950 году президент Гарри С. Трумэн счел налоговые льготы для нефтяной промышленности «поразительной несправедливостью», однако ни он сам, ни его преемники так и не сумели – или не пожелали – аннулировать их. Нефтяные «лобби» финансируют избирательные кампании политических деятелей, поддерживающих налоговые привилегии нефтяной промышленности, а также борются со всеми, кто оспаривает эти привилегии.

Нефтяные короли не пользуются доброй славой даже в самих Соединенных Штатах. Широко известно, что их зловещие деяния на международной арене не приносят людям добра. Американские нефтяные магнаты (в данном случае и Рокфеллеры) хозяйничают во многих странах, где найдены залежи нефти.

Поначалу американские нефтяные магнаты заинтересовались месторождениями нефти в соседней Мексике. И когда в 1917 году ее президент Венустиано Карранца добился принятия закона о национализации нефти, его убили, прежде чем он успел передать североамериканские концерны в руки государства. Лишь в 1938 году президент страны Ласаро Карденас провел национализацию мексиканской нефти, хотя и столкнулся с яростным сопротивлением «Стандард ойл» и других капиталистических фирм.

Как раз в это время были открыты огромные нефтяные участки в Венесуэле, которая теперь стала одним из крупнейших производителей и экспортеров нефти. Но колоссальные природные богатства этой страны не способствовали повышению жизненного уровня трудящихся Венесуэлы. Нефтяные вышки принадлежат в этой стране концерну «Стандард ойл», который хозяйничает тут при посредничестве фирмы «Креол петролеум» и нескольких других компаний.

Местом наиболее ожесточенной конкурентной борьбы нефтяных концернов, их интриг и преступлений стали государства Ближнего Востока. Открытие месторождений сначала в Иране и Ираке, затем в Саудовской Аравии и, наконец, в маленьком Кувейте и Бахрейне привлекло в эти страны многих представителей американских и английских нефтяных компаний, которые сумели захватить большинство нефтеносных районов. В защиту их интересов и прибылей выступали министерства иностранных дел, а в случае необходимости – войска и агенты разведок империалистических государств.

В 1939 году четыре главных рокфеллеровских концерна создали новую фирму «Арабиэн-Американ ойл компани», более известную под сокращенным названием АРАМКО, которой поручена разработка нефти в Саудовской Аравии. И до сих пор АРАМКО является некоронованным властелином этой страны и продолжает выкачивать прибыли, отправляя их в Нью-Йорк[10].

Когда в 1953 году премьер Ирана г-н Мосаддык приступил к национализации нефтяных предприятий, в защиту интересов американских концернов выступило Центральное разведывательное управление США. С его помощью правительство Мосаддыка было свергнуто, а сам он так и не вернулся к активной политической жизни. Да, американские нефтяные боссы умеют постоять за свои интересы. И этому научил их Джон Д. Рокфеллер.

Бурная жизнь мистера Джона Д

Несколько лет назад американский писатель Уильям Манчестер вызвал сенсацию, опубликовав свою книгу «Смерть президента»[11] и вступив в длительный спор с родными убитого президента. Книга эта в течение нескольких недель фигурировала в списке бестселлеров. Надо полагать, что и сам Манчестер не считает наилучшим своим творением предыдущую работу – «Семейный портрет Рокфеллеров» (“A Rockfeller Family Portrait”), которая вышла в 1959 году, ибо это откровенно апологетическое произведение.

Кроме широкой рекламы Нелсона Рокфеллера (внука) как губернатора штата Нью-Йорк и политического деятеля Республиканской партии, произведение Манчестера содержит также подробное описание жизни Джона Д. Рокфеллера, основателя династии и ее капиталов, которого при жизни и после смерти называли в Америке просто Джоном Д. Если верить Манчестеру, то Джон Д. был человеком добропорядочным и богобоязненным, увлеченным только организацией нефтяной промышленности (и лишь при случае зарабатывающим деньги), рано отошедшим от бизнеса и в течение долгих лет занимавшимся исключительно благотворительностью.

Совсем иначе писала о Джоне Д. известная американская публицистка Айда Минерва Тарбелл, чей труд «История компании «Стандард ойл» (“The History of the Standard Oil Company”), изданный в 1904 году, считается ныне классическим. В двух томах, насчитывающих свыше 800 страниц, Айда Тарбелл собрала огромную документацию, основанную прежде всего на расследованиях американским Конгрессом деятельности Джона Д. Рокфеллера и его концерна «Стандард ойл».

«Джон Д. повсюду вызывал страх, – еще при его жизни писала Айда Тарбелл, – и он должен был предвидеть, что неминуемо наступит день, когда применяемые им методы станут известны, и тогда его имя будет вызывать такое всеобщее презрение, которое не смогут заглушить никакие доллары и никакие земные сокровища…

Каждая стадия его карьеры, – продолжает Тарбелл, – приводит нас к выводу, что он жертва самой безнравственной из всех страстей – страсти к стяжательству… Это маньяк, постоянно, тайно и терпеливо плетущий заговоры, чтобы умножить свое богатство… Это ханжа, интриган, чудовище… Общественное мнение считает его человеком, который в течение сорока лет использовал все свои огромные способности на то, чтобы создать

и утвердить бесправную и несправедливую систему дискриминации в области транспорта. Действуя так, он действовал вопреки принципам морали, вопреки громогласно выраженному общественному мнению, вопреки закону, невзирая на опустошения, вызванные его деяниями… Свою изворотливость и деловую хватку Джон Д. направил на отыскание тайных и бесчестных способов добиться желаемых привилегий… Он превратил коммерцию из мирной деятельности в поле битвы, внедрил в торговлю методы жестокости и коррупции, превратил конкуренцию из обычного соперничества в безжалостную войну…

В доказательство своей правоты Джон Д. ссылается на то, что посещает церковь и жертвует деньги на благотворительные цели. На это можно сказать только одно: лицемерие».

Кто же прав – Уильям Манчестер, прибегающий к методам современной рекламы, чтобы представить Джона Д. в самом лучшем свете, или же Айда Тарбелл, которая пользуется литературным стилем начала XX столетия и клеймит Джона Д. с позиций либерального буржуазного моралиста?

* * *

Джон Д. Рокфеллер родился в 1839 году в небольшом городке Ричфорд (штат Нью-Йорк), а умер во Флориде в 1937 году. Он очень хотел дожить до ста лет. Ему не хватило ровно двух лет. Он был одним из пятерых детей в небогатой семье. Апологеты Рокфеллеров оказались в довольно затруднительном положении – у них немало хлопот с биографией отца Джона Д.

Уильям Рокфеллер, отец Джона Д., отнюдь не был светлой фигурой. Считался наполовину коммивояжером, наполовину знахарем. Он часто и надолго уезжал, покидая семью. Во время этих многочисленных поездок У. Рокфеллер выдавал себя за врача и продавал «чудодейственные» лекарства против различных болезней (в качестве курьеза можно упомянуть, что Рокфеллер-отец рекомендовал своим пациентам и «каменное масло», то есть сырую нефть, расхваливая ее целебные свойства!). Однажды этот «врач» предстал перед судом по обвинению в изнасиловании молодой работницы. Правда, ему как-то удалось избежать наказания, и вскоре он вообще исчез с горизонта, бросив жену Элизу и детей.

В 1854 году миссис Рокфеллер переехала в Кливленд (штат Огайо). Джону Д. было тогда пятнадцать лет. Его мать, шотландка по происхождению и набожная баптистка, воспитывала сына в большой строгости. Юный Джон Д. не играл с ребятами, не

тратил денег, у него не было друзей. Однажды в школе он сказал соседу по парте: «Я хочу, когда вырасту, иметь сто тысяч долларов. И я буду их иметь».

Джон Д. Рокфеллер – американский предприниматель, филантроп, первый долларовый миллиардер в истории человечества. Основатель компании Standard Oil Company

В шестнадцать лет он начал работать бухгалтером у богатого торговца в Кливленде. Когда ему исполнилось восемнадцать, он на сбереженные деньги и с помощью займа у отца основал

собственную «фирму» – комиссионную лавчонку под вывеской «Кларк энд Рокфеллер». Фирма развивалась успешно, делая все более крупные обороты.

Весной 1860 года группа торговцев и промышленников Кливленда обратилась к молодому Джону Д. с предложением поехать в соседний штат Пенсильванию и на месте проверить, каковы действительные перспективы вложения капиталов в только что открытые там нефтяные месторождения. Рокфеллер вернулся оттуда несколько растерянным. В Титусвилле, где осенью 1859 года Дрейк поставил свою первую нефтяную вышку, Джон Д. увидел обстановку, напоминавшую знаменитую «золотую лихорадку» в Калифорнии десять лет назад. В городке было полно комбинаторов, спекулянтов, проституток, вышки ставили наспех, аварии происходили очень часто, люди обогащались изо дня в день, но также легко теряли состояния. Возникали новые города – хаотично построенные, грязные.

Рокфеллер отсоветовал своим поручителям вкладывать деньги в нефтяные вышки: он считал, что это весьма рискованный бизнес. В то же время Джон Д. придерживался мнения, что полезно и выгодно строить нефтеперегонные заводы, хотя и это дело было связано с определенным риском. Вскоре он стал совладельцем одного из первых заводов в Кливленде. Так начался его пресловутый «роман с нефтью», которая позже стала всепоглощающей страстью Джона Д. и продолжалась до конца его жизни.

Начала нефтяной карьеры Рокфеллера совпадает по времени с Гражданской войной.

Первым компаньоном Рокфеллера в нефтяной промышленности был Сэмюэл Эндрюс, который хорошо знал технику и вопросы переработки нефти. Завод фирмы «Рокфеллер энд Эндрюс» начал приносить немалые доходы, и это поощрило Джона Д. к дальнейшему инвестированию капиталов в данную отрасль промышленности. У него самого еще не было достаточно денег для этого, но он умел находить нужных компаньонов и сотрудников.

В 1864 году Джон Д. женился и вскоре подыскал себе нового компаньона в лице Генри М. Флеглера, зятя известного «короля виски» из Огайо некоего С.В. Харкнесса. Оказывается, Флеглер имел доступ к капиталам тестя и уговорил того одолжить 70 тысяч долларов на строительство нового нефтеперегонного завода. Очень быстро выяснилось, что нефть дает куда большие прибыли, чем виски. В это же время Джон Д. склонил свего младшего брата Уильяма заложить еще один нефтеперегонный завод в Кливленде, причем сам Уильям Рокфеллер стал во главе

бюро по продаже нефтепродуктов в Нью-Йорке.

В начале 1870 года Рокфеллер, Флеглер и Эндрюс зарегистрировали новую компанию под названием «Стандард ойл компани оф Огайо», которая стала родоначальником поныне существующих и процветающих концернов. К словам «Стандард ойл» они прибавляют названия штатов, где находятся их резиденции. Первая компания начала дело, имея капитал в 1 миллион долларов, на нее работала тысяча рабочих, и она располагала крупнейшим по тем временам нефтеочистительным заводом.

Фирма «Стандард ойл» приносила огромные доходы, в первые же годы достигшие 100 процентов на инвестированный капитал. Но Джон Д. не довольствовался этим. Уже в то время Рокфеллер нацелился на завоевание позиций монополиста нефтяной промышленности и на оттеснение всех конкурентов. Путь к этому проложили тайные соглашения его фирмы с владельцами железных дорог.

Нефть, добывавшуюся в окрестностях Титусвилла в Пенсильвании, надо было перевозить в Кливленд, штат Огайо, то есть за сто километров. Затем продукты переработки с завода приходилось доставлять потребителям по всей стране, а вскоре и за границу. Существенной проблемой нефтяной промышленности является установление железнодорожных тарифов на перевозку нефти п ее производных. Когда Рокфеллер и его конкуренты приступили к строительству нефтепроводов, возникла необходимость заключить соглашения с владельцами железнодорожных линий, поскольку нефтепроводы, как правило, укладываются вдоль железных дорог.

Именно в этой области – при заключении тайных мошеннических сделок с железнодорожными магнатами – Рокфеллер проявил все свои таланты, беспощадно разоряя своих конкурентов. Почти одновременно с фирмой «Стандард ойл» Джон Д. и его сообщники создали некое предприятие со странным и мало что говорящим названием «Саут импрувмент компани» (“South Improvement Company”), что в буквальном переводе означает «Компания усовершенствования Юга». Единственной задачей этой фирмы был… обман конкурентов «Стандард ойл».

Когда нефтепромышленники из Титусвилла узнали об этом, они попытались организовать контрнаступление. Было решено не продавать нефть Рокфеллеру и не отправлять грузов по тем железнодорожным линиям, хозяева которых вступили с ним в соглашение. Словом, в Титусвилле собрался митинг нефтяников, после окончания которого была публично вздернута на виселицу

кукла, изображающая Джона Д. Законодательное собрание штата Пенсильвания аннулировало статут «Саут импрувмент компани».

Но все эти неприятности мало волновали Рокфеллера. Он искал и находил все новые и новые способы обмана и одурачивания конкурентов, завоевывал новые позиции в нефтяной промышленности. В ходе начатого против него следствия (это было началом целой серии уголовных расследований и разборов комиссиями Конгресса) состоялся весьма характерный диалог между Джоном Д. и прокурором. На вопрос последнего, является ли Рокфеллер совладельцем компании «Саут импрувмент», Джон Д. не моргнув глазом ответил: «Нет!». Присутствовавшие при разборе дела были ошеломлены такой явной ложью. Только позже выяснилось, что формально Рокфеллер был прав: дело в том, что прокурор ошибся, приводя название фирмы: вместо английского слова «Юг» (south) он употребил слово «южный» (southern), что облегчило Джону Д. отрицательный ответ.

А вот другой пример метода действий Рокфеллера. Группа независимых от него владельцев нефтеперегонного завода в Кливленде решила объединиться, чтобы сообща противостоять его диктату. С этой целью была создана новая фирма под названием «Акме ойл компани». Во главе ее стал Джон Д. Арчболд, которого все считали врагом Джона Д. Каково же было изумление членов группы, когда вдруг выяснилось, что в действительности Арчболд является сотрудником Рокфеллера и что он помог организовать фирму «Акме» лишь для того, чтобы подорвать интересы ее участников, а затем открыто занять пост вице-председателя правления «Стандард ойл».

Вскоре Арчболд вошел в число тех, кто составлял ближайшее окружение Рокфеллера. Это был человек не только очень способный, но и готовый буквально на все. Как пишет Стюарт Холбрук в своей книге «Век воротил», Арчболда часто и публично называли «чемпионом коррупции».

Коль скоро речь зашла о сотрудниках Рокфеллера, не лишне назвать еще одного человека, который способствовал увеличению богатства своего шефа и при этом сам стал миллионером. Таким человеком был Генри Х. Роджерс, которому Джон Д. доверил руководство производственным отделом концерна.

Уже первое его задание было сложным: ликвидация конкурирующей фирмы «Импайр транспортейшн компани», имевшей собственные нефтеперегонные заводы и нефтепроводы. Во главе фирмы стоял Том Скотт, который, как владелец железнодорожной линии «Пенсильваниа рейлроуд», был независим от Рокфеллера. Роджерс, согласовав свои действия с

другими железнодорожными магнатами, объявил Скотту войну. Сторонники Рокфеллера временно снизили цены на нефть, чтобы разорить Скотта. В том же 1877 году как раз начались крупные забастовки железнодорожников. Скотту пришлось капитулировать и согласиться на продажу всех своих предприятий за немалую цену.

Одновременно Джон Д. одолел еще нескольких конкурентов: в 1878 году фирмы, объединившиеся вокруг «Стандард ойл» и остававшиеся под его влиянием, владели уже 95 процентами всех американских нефтеперерабатывающих предприятий и нефтепроводов. Они могли диктовать свои условия не только производителям нефти, но и покупателям керосина, который использовался тогда прежде всего для освещения и приносил большой доход.

Разбогатев, Рокфеллер изменил свой внешний облик – отпустил усы, стал носить цилиндр, как требовала мода тогдашних богачей. Вскоре он покинул провинциальный Кливленд и вместе с семьей перебрался в Нью-Йорк. Там же он построил резиденцию «Стандард ойл». Адрес концерна (Бродвей, 26) быстро стал одним из наиболее известных в мире американского бизнеса. Джон Д. превратился в одного из самых богатых людей в Соединенных Штатах, однако старые миллионеры вроде Асторов или Вандербилтов продолжали считать его выскочкой и в свои салоны не приглашали.

В последние два десятилетия XIX века Рокфеллер был самым ненавистным человеком в Америке. Против него выступали разоренные им конкуренты, железнодорожные магнаты, которым он навязал свои условия, а также пресса, резко критиковавшая его методы захвата монопольной позиции. Все чаще и чаще его вызывали на заседания комиссий Конгресса, которые занимались его сомнительными деяниями, все чаще прокуроры вели по его делам уголовные расследования.

Жалеющий «бедного» Рокфеллера» Уильям Манчестер пишет:

«Начиная с 1878 года Джон Д. вынужден был противостоять бесконечной серии процессов и парламентских расследований, возбуждаемых преимущественно по инициативе железнодорожных компаний. Его неустанно обвиняли в заключении нелегальных соглашений и разного рода вымогательствах. Прокуроры наступали ему на пятки и преследовали все новыми вызовами».

Джон Д. успешно противостоял всем превратностям судьбы. С помощью способных советников-юристов ему удавалось обходить обязательные законоположения. Сохраняя полный контроль над делами концерна «Стандард ойл», он избегал, однако, личной

ответственности. Случалось, арестовывали директоров концерна, но сам Рокфеллер всегда выскальзывал из рук прокуроров.

После того как Джон Д. полностью завладел переработкой нефти и ее транспортировкой, он заинтересовался сначала продажей нефтепродуктов, став монополистом и в этой области, а затем приобретением нефтяных вышек, от которых отказывался в начале своей карьеры. Чарлз и Мэри Бирд пишут:

«Контролируя продажу [нефти] до самых дверей покупателя [Рокфеллер], направил [усилия] и в другую сторону – в область добычи нефти. В 1887 году "Стандард ойл" приступил к бурению и добыче нефти в огромных масштабах. И с того времени фирма все больше и больше расширяла свою власть над нефтяными месторождениями, пока – через десять лет – не стала практически властителем всего нефтяного бизнеса, начиная с вышек и кончая керосиновой лампой…

На поле битвы уже не оставалось ни одного достойного внимания конкурента, который мог бы снизить цены. Потребители же, не умевшие организоваться [для отпора], были отданы на милость и немилость сатрапов из "Стандард ойл"».

В 1896 году Джон Д. Рокфеллер неожиданно «уходит из бизнеса». Кавычки тут просто необходимы, поскольку на самом деле он еще долгие годы оставался во главе своей нефтяной империи. «Уход» был только предлогом, который должен был облегчить ему защиту от продолжавших атаки конкурентов. Джон Д. приобретает крупное поместье в Территауне (штат Нью-Йорк) и перебирается туда. Лишь изредка и ненадолго он приезжает в город.

Последние годы XIX века и начало XX столетия – это период наибольшего блеска и одновременно крупнейших неприятностей в жизни Рокфеллера. Поэтому начнем с блеска. Изобретение двигателя, работающего на бензине, и создание первых автомобилей открыли совершенно новые перспективы перед нефтяной промышленностью. Джон Д. вполне отдавал себе в этом отчет, то есть в новых отличных возможностях наживы, и соответственно перестроил свои предприятия.

Если миллионером он стал благодаря керосину, то миллиардером – именно благодаря бензину. В 1896 году, когда он формально передавал дело сыну, Джону Д. Рокфеллеру-младшему, капитал его оценивался в 200 миллионов долларов. Спустя четырнадцать лет состояние Рокфеллеров превысило уже 800 миллионов, а вскоре достигло магической суммы – миллиарда долларов.

В 1890 году Конгресс в Вашингтоне утвердил так называемый антитрестовский «закон Шермана». На основе этого закона

Верховный суд штата Огайо постановил распустить концерн «Стандард ойл». Рокфеллер долго и тщетно вел процесс, но в конце концов вынужден был подчиниться решению суда. Однако он все-таки нашел выгодный для себя выход из трудного положения: его юрисконсульты отыскали в законах штата Нью-Джерси лазейку – возможность создания новой фирмы, так называемого холдинга, то есть концерна, владеющего акциями других предприятий. Таким-то образом возникла новая, существующая и по сей день фирма «Стандард ойл оф Нью-Джерси», фактически действующая не только по всей Америке, но и на других континентах.

В 1901 году на Рокфеллера обрушился новый удар. Анархист польского происхождения Леон Чолгош убил президента Уильяма Маккинли, которого Джон Д. по справедливости мог считать своим покровителем.

Новый президент Теодор Рузвельт отнюдь не был врагом капиталистов. Однако это не помешало тому, что Джон Д. снова стал объектом многочисленных расследований, его опять начали вызывать прокуроры.

В 1911 году закончился долгий процесс «Стандард ойл оф Нью-Джерси», проходивший в Верховном суде в Вашингтоне. Суд принял решение ликвидировать концерн, признав, что его существование нарушает закон о трестах и монополиях. После этого судебного решения всего за несколько недель родилось тридцать восемь новых фирм – частично сохранивших название «Стандард ойл», частично под другими вывесками. Требования закона были формально выполнены. Но вскоре выяснилось, что контрольные пакеты акций всех тридцати восьми фирм находятся в руках все той же небольшой группы людей – Джона Д. и его старых компаньонов. Стоимость акций после всех этих «мероприятий» возросла более чем на 200 миллионов долларов.

Начиная примерно с 1900 года Джон Д. стал изыскивать новые возможности инвестирования своих огромных капиталов. Теперь американская нефтяная промышленность принадлежала исключительно Джону Д. и приносила ему все новые и новые миллионы. Он начал приобретать самые различные предприятия – угольные шахты, металлургические заводы, железные дороги, банки, страховые общества. Самый перечень этих разнородных фирм занял бы много страниц. Мы упомянем лишь о двух.

В лице Джеймса Стилмена, которого потом не раз называли «банкиром Рокфеллеров», Джон Д. нашел очень ценного и находчивого сотрудника. По поручению Уильяма Рокфеллера Стилмен стал во главе «Нейшнл сити бэнк» в Нью-Йорке – поначалу небольшого банка, а затем, благодаря фондам

Рокфеллеров, одного из крупнейших в мире. Объединение промышленного капитала с финансовым оказалось чрезвычайно выгодным и принесло династии Рокфеллеров новые миллионные прибыли.

Зато возникли немалые хлопоты и неприятности с приобретением фирмы «Колорадо фьюэл энд айрон компани», которая владела двадцатью четырьмя угольными шахтами и железными рудниками. В 1913-1914 годах на шахтах произошли бурные события, вызванные забастовкой рабочих: их «усмирили» самым беспощадным способом. В результате этих событий в истории Америки появилась новая страница, известная под названием «резни в Лудлоу». При этом Джон Д. смог еще раз убедиться, как сильно ненавидят его в Америке. Об этом деле мы расскажем позже.

К старости миллионер решил подправить свою репутацию. С этой целью он нанял специальных сотрудников, в том числе будущего премьер-министра Канады Уильяма Лайона Маккензи Кинга. Перед ними была поставлена задача затушевать многочисленные аферы и нелегальные деяния Джона Д., накопившиеся за прошлые годы, и одновременно убедить общественное мнение в том, что в действительности Рокфеллер является добрым, хорошим, пабожным и отзывчивым человеком. Надо признать, что длительные усилия этих сотрудников, поддержанные миллионами долларов, ассигнованных на филантропические цели, не пропали даром. Сам Джон Д. жил достаточно долго, чтобы иметь возможность убедиться, как с течением времени мнение многих американцев о Рокфеллерах изменилось.

Престарелый Джон Д. все реже покидал свое поместье в штате Нью-Йорк. В 1937 году, за несколько месяцев до смерти, его вывезли специальным поездом в теплую Флориду, где он и умер. Согласно завещанию, его похоронили в Кливленде. Годы, проведенные в Кливленде, были наиболее громким периодом в бурной жизни Джона Д.

Похороны его прошли спокойно. Об этом стоит вспомнить, поскольку за несколько десятилетий до того, в 1915 году, когда умерла его жена, оказалось невозможным похоронить ее в Кливленде: местный прокурор разыскивал Джона Д., требуя уплатить несколько миллионов долларов задолженности по налогам.

Джон Д. умер в период становления рузвельтовского Нового курса. К тому же давно (или не очень давно) умерли его антагонисты и конкуренты, ушли из жизни угнетавшиеся и разоренные им предприниматели, не было в живых подкупленных

им законодателей и судей. В момент смерти Джон Д. был для американцев фигурой почти призрачной, скорее символом и легендой, нежели реальным человеком. Да, он был символом «свободного предпринимательства», столь широко разрекламированного буржуазной пропагандой и приукрашенного легендой о человеке, который начал карьеру бедняком и нажил миллионы.

В многочисленных некрологах превозносили его достоинства: он был образцовым мужем, отцом и дедом, жил скромно, не окружал себя роскошью, регулярно посещал церковь, давал деньги на благотворительные цели. Однако в буржуазной прессе всячески избегали упоминать о его интеллектуальном убожестве, не вспоминали о том, что он никогда не читал книг, не интересовался ни искусством, ни литературой, что у него была только одна страсть – стяжательство.

Джон Т. Флинн, автор его биографии, вышедшей под названием «Божье золото» (“God’s Gold”), утверждает, что Джон Д. разбогател честнее других американских миллионеров. Так или иначе, но мнение Флинна говорит не в пользу других миллионеров, если Рокфеллер был для них образцом честности.

Коррупция и эксплуатация

Многочисленные американские авторы, начиная с Айды Тарбелл, Чарлза и Мэри Бирд, Мэтью Джозефсона и кончая современными – Стюартом Холбруком и Харвеем О'Коннором, приводят множество примеров мошеннических махинаций и различных афер Джона Д. Некоторые из этих афер довольно сложны: требовалась незаурядная ловкость, чтобы одолеть конкурентов, а затем уйти от уголовной ответственности. Несколько операций Джона Д. следует описать подробнее, чтобы можно было представить себе методы, использовавшиеся этим американским нефтяным королем.

«Имелось достаточно доказательств, – пишут Чарлз и Мэри Бирд, – подкреплявших многие пункты обвинения против "Стандард ойл" в целом и против отдельных его представителей. Правда состоит в том, что время от времени компания получала премии за перевозку нефти – как собственной, так и нефти своих конкурентов. Правда состоит и в том, что, не будучи слишком щепетильными, агенты «Стандард ойл» разоряли своих противников и конкурентов. Правда, что в борьбе с конкурентами агенты "Стандард ойл" прибегали к шпионажу и шантажу. Видные представители фирмы либо сознательно пускали в ход ложь, либо проявляли в различных делах поразительно слабую память. Правда, наконец, состоит в том, что в платежных ведомостях «Стандард ойл» в роли советников оказалось много видных политических деятелей, и что фирма предназначала большие суммы для избирательного фонда партии. С другой стороны, однако, «Стандард ойл» подвергалась атакам и шантажировалась людьми, чьи мотивы и принципы отнюдь не были ни лучшими, ни более благородными».

С помощью Бирдов приведем также характеристику созданной Рокфеллером «таинственной» фирмы «Саут импрувмент компани»:

«Фирме удалось довести дело до объединения многих нефтеперерабатывающих заводов в Кливленде, Питтсбурге, Филадельфии и Нью-Йорке. Следующим шагом было заключение тайного соглашения с директорами железнодорожных компаний «Эри», «Пенсильвания» и «Нью-Йорк сентрал». На основе этого соглашения железные дороги обязывались возвращать фирме 1,08 доллара от 2,56 доллара, выплачиваемых всякий раз за транспортировку в Нью-Йорк одной цистерны нефти, а также 1,06 доллара от каждой цистерны нефти конкурентных фирм. Такая же премия была установлена при перевозке нефти в другие

местности.

Несомненно, это была наполеоновская концепция, и если бы она имела успех, то одни только премии за перевозки приносили бы фирме 6 миллионов долларов ежегодно. Но к несчастью для тех, кто находился на капитанском мостике, корабль не выдержал такого груза: как только железнодорожные компании объявили о повышении товарных тарифов, охваченные гневом производители нефти объявили войну «Саут импрувмент компани». Комиссия Конгресса назвала деятельность фирмы «огромным и наглым заговором», а Законодательное собрание штата Пенсильвания под натиском всеобщего возмущения вынуждено было аннулировать подозрительный статут фирмы.

После провала этой попытки своеобразного объединения нефтяной промышленности Рокфеллер двинулся к своей цели кружным путем, использовав «Стандард ойл», где он был движущей силой, в качестве орудия своих махинаций. Спустя несколько месяцев после краха «Саут импрувмент» Рокфеллер сумел добиться соглашения с железнодорожной компанией «Нью-Йорк сентрал», а затем с другими железнодорожными компаниями по вопросу о структуре перевозочного тарифа и о тайных премиях».

Разоряемые Рокфеллером конкуренты пытались бороться и апеллировали к законодателям и судьям. Но тогда на арене появлялись юристы Джона Д. и специалисты по обработке судей и членов законодательных органов, располагавшие немалыми суммами и умевшие энергично действовать в пользу своего шефа. Вот несколько примеров.

В 1878 году в повестке дня палаты представителей Конгресса оказался проект закона, который был направлен на упорядочение отношений между железнодорожными компаниями и их клиентами. Инициатором этого закона был депутат от Питтсбурга (штат Пенсильвания), а целью проекта было «укрощение» нелегальной деятельности Рокфеллера. Его представители немедленно приступили к контрдействиям. Во-первых, с их помощью во главе парламентской комиссии, которой надлежало исследовать целесообразность нового закона, стал некий Фрэнк Хэрефорд, депутат от Западной Виргинии, главным советником которого был Дж. Н. Кемден, владелец фирмы «Кемден ойл компани». Лишь потом выяснилось, что подлинным собственником фирмы был… сам Рокфеллер. Во-вторых, проект закона так и не вышел из здания палаты представителей и не был направлен в сенат, а по конституции каждый новый закон требовал согласия обеих палат Конгресса.

Год спустя с проектом закона о нефтепроводах выступил

другой депутат. Этот закон также не понравился Рокфеллеру, ибо ограничивал свободу его действий. На сей раз проект был утвержден палатой представителей, но агентам Рокфеллера удалось добиться того, что сенат отверг его. Произошло это благодаря стараниям упомянутого выше Джона Арчболда. Позднее Арчболд действовал все более нагло и за деньги Джона Д. подкупал даже самых высокопоставленных лиц.

«Джон Арчболд, – пишет Стюарт Холбрук, – продолжал обрабатывать судей, юристов, законодательные собрания штатов и Конгресс, стремясь, чтобы никто и ничто не препятствовало росту и развитию “Стандард ойл”. Он пользовался помощью своей креатуры в Конгрессе – депутата палаты представителей Джозефа Сибли от штата Пенсильвания, который выдавал себя за реформатора, но выступал преимущественно в защиту трестов. Добрыми приятелями Арчболда были также сенаторы Кэй, Пенроуз и Форейкер.

Как потом выяснилось, единственным слабым пунктом [в махинациях] Арчболда был один из его курьеров, Вилли Уинкфилд. Нуждаясь в деньгах, Вилли с помощью некоего чиновника выкрал пачку писем Арчболда, которые могли заинтересовать какую-либо газету. Принадлежавшая Херсту газета “Нью-Йорк американ” охотно заплатила Вилли и его приятелю 20 500 долларов за добычу, но писем не опубликовала. Херст держал их в тайне несколько лет, а затем предал гласности, чтобы свалить Форейкера с поста сенатора».

Письма доказывали, что Джон Арчболд по поручению «Стандард ойл» подкупал членов палаты представителей и сенаторов, платя им умеренные суммы.

«Дорогой сенатор Кэй! – писал он в одном случае. – Я полагаю, что нам не следовало бы делать этого, но, принимая во внимание Ваш соблазнительный образ жизни, прилагаю чек на 10 тысяч долларов».

«В девяностых годах [XIX века] и в начале XX столетия, – продолжает Холбрук, – у Арчболда было полно работы, поскольку война [конкурентов] против “Стандард ойл” становилась все более ожесточенной. “Стандард ойл” обычно выигрывала баталии даже тогда, когда в техническом отношении проигрывала их».

Даже апологет Рокфеллеров Уильям Манчестер не может обойти молчанием деятельность Джона Д. по широкому подкупу и называет имена трех сенаторов, которые брали взятки от «Стандард ойл». Член палаты представителей Сибли «не только сам брал взятки, но и выступал как официальный “коррупционист” в обеих палатах Конгресса». Однако Манчестер решается на своеобразную защиту Рокфеллера, оправдывает его:

«Джон Д. никому не давал взяток. Он щедро жертвовал деньги на избирательные кампании Республиканской партии и сам голосовал за республиканцев, но грязную работу за него всегда выполняли другие. Коррупция в различных формах окружала его со всех сторон, но лично его не касалась».

Джон Арчболд – директор, а затем президент компании Standard Oil Company

Надо признать, что такая защита столь же оригинальна, сколь и изворотлива!

Если Рокфеллер так легко мог коррумпировать членов Конгресса в Вашингтоне, если при посредничестве Маркуса А.

Ханны он финансировал избирательные кампании президентов, например Гарфилда или Маккинли, тем легче он мог добиваться поддержки более мелких политиков, членов законодательных собраний штатов, провинциальных судей и т. д. Деньги «Стандард ойл» открывали ему все пути.

* * *

Джон Д. Рокфеллер сам не давал взяток – это делали за него другие. Тем более он непосредственно не сталкивался с занятыми на его предприятиях рабочими, хотя по мере расширения империи «Стандард ойл» все больше людей оказывалось в его платежных ведомостях. Как и любой другой капиталист, Джон Д. нещадно эксплуатировал своих рабочих и служащих и, как любой другой предприниматель, старался избегать непосредственного контакта с ними. Для этого у него были многочисленные директора, и руководители отделов по найму.

В 1913 году, когда старый Рокфеллер формально уже отошел от дел, вся Америка была потрясена событиями, которые показали, каковы условия труда на рокфеллеровских предприятиях и как он эксплуатирует своих рабочих.

Выше уже упоминалось о том, что Рокфеллерам принадлежали тогда угольные шахты в штате Колорадо, числившиеся за фирмой «Колорадо фьюэл энд айрон компани». Летом 1913 года горняки направили в дирекцию фирмы делегацию, которая выдвинула ряд требований об улучшении условий труда. Дирекция пренебрежительно отнеслась к этой петиции и не удостоила рабочих никакого ответа. В сентябре рабочие решили объявить забастовку, так как не видели иного пути к улучшению своей жизни. Владельцы шахт ответили на это наймом трехсот детективов из частного агентства, специализировавшегося на подавлении забастовок. Под командованием местного шерифа детективы ворвались на территорию шахт якобы «в целях защиты собственности фирмы». Бастовавшие рабочие ответили тем, что укрепились в лагере Лудлоу, за пределами территории шахт.

В течение нескольких недель то и дело возникали стычки между горняками и детективами. Затем губернатор штата Колорадо по просьбе шахтовладельцев вызвал полицию штата и «навел порядок». Тюрьмы оказались до отказа забиты бастующими рабочими, но конфликт улажен не был: всю зиму продолжались стычки между полицией и горняками. Весной 1914 года дело дошло до решительной схватки.

Двадцатого апреля полиция напала на лагерь в Лудлоу, подожгла палатки и кое-как слепленные хибарки горняков. Один из руководителей забастовки был убит. Когда удалось потушить бушующий пожар, на пепелище были обнаружены обуглившиеся трупы двух женщин и одиннадцати детей. Эта трагедия довела горняков до бешенства, и в последующие несколько дней происходили кровавые схватки между горняками и стоявшими на страже интересов Рокфеллера полицейскими и детективами.

Горняки подожгли здания крупной шахты «Эмпайр» и убили трех стражников. На следующий день запылала шахта «Форбес» и погибло еще девять «стражей порядка». По требованию дирекции фирмы и властей штата в кампанию «усмирения» включились федеральные войска, с трудом восстановившие «порядок и спокойствие». Общее число убитых составило двадцать семь человек. Затем начались аресты и процессы бастующих рабочих и их руководителей.

Сообщения о «резне в Лудлоу» появились на первых полосах всех американских газет. Наряду с подробным описанием трагических событий газеты обрисовали читателям и тяжелые условия труда на шахтах «Колорадо фьюэл», не жалея острой критики по адресу Джона Д. Рокфеллера-младшего, который формально стоял во главе концерна.

Благотворительность и фонды

Усилия двух человек были направлены на то, чтобы «повернуть» Рокфеллера на путь благотворительной деятельности. Первым из них был пастор Фредерик Т. Гейтс, апеллировавший к религиозным чувствам Джона Д., вторым – сын этого пастора Айви Ли, считавшийся одним из самых ранних в Америке специалистов в области «паблик рилейшнз». Это трудное для перевода выражение обозначает связь между предприятием или учреждением и общественным мнением в целях завоевания симпатий публики [12].

Пастор Гейтс встретился с Джоном Д. в конце XIX века, когда тот был уже мультимиллионером. Как пишет Мэтью Джозефсон, Рокфеллер «испытывал трудности в отношении расходования заработанных денег или надлежащего помещения капиталов, а в это самое время его прибыли навлекали на него всеобщие упреки и позор длинного ряда публичных процессов, расследований и обвинений. Гейтс оказался советником, который мог руководить Рокфеллером равно как на этом, так и на том свете».

Ум пастора был нацелен на бизнес. Пастор помог Джону Д. при заключении нескольких очень выгодных сделок, например при покупке месторождений железной руды в штате Миннесота. Во время экономического кризиса 1893 года Рокфеллер использовал трудное положение владельцев этих месторождений (известных как месторождение «семи братьев Меррит») и приобрел их имущество буквально за бесценок. Вскоре выяснилось, что железная руда из Месаби Рэндж приносит огромные прибыли.

Завоевав доверие Джона Д., пастор Гейтс сумел уговорить его пожертвовать деньги на баптистскую церковь, а затем на университет в Чикаго. Деньги эти не играли никакой роли в бюджете Рокфеллера, но зато вызвали энтузиазм в баптистских кругах. Мэтью Джозефсон приводит красноречивое, хотя, быть может, не слишком логичное высказывание баптистского пастора в Кливленде:

«Люди обвиняют Рокфеллера в том, что он украл деньги, которые передал церкви, но ведь он полошил их на алтарь и, следовательно, освятил».

В более значительных масштабах филантропическая деятельность Рокфеллеров началась в 1914 году после упомянутой «резни в Лудлоу». Желая обелить свое имя перед общественным мнением, сын Джона Д. нанял Айви Ли в качестве советника по вопросам «паблик рилейшнз». До этого Ли успешно

работал на аналогичной должности в железнодорожной компании «Пенсильвания рейлроуд», в концерне «Бетлихем стил» и в нескольких других фирмах.

Ознакомившись с положением семейства Рокфеллеров, с их богатством и окружавшей их всеобщей ненавистью, Ли выступил с проектом ряда реформ. Они касались отношений в шахтах фирмы «Колорадо фьюэл» (эту часть проекта разработал будущий премьер-министр Канады Маккензи Кинг) и выделения более значительных сумм на благотворительные цели. Предложенный Кингом план был немедленно утвержден Джоном Д.-младшим, но не получил одобрения его отца. Однако он все же был осуществлен.

Затем Ли приступил к составлению долгосрочных планов, целью которых было стремление обелить имя Рокфеллеров в глазах общественного мнения и снять с них кличку аферистов и эксплуататоров. Одной из выдумок Ли, которая неожиданно имела успех, было превращение старого Джона Д. в добродушного старичка, щедро раздающего десятицентовые монеты. Стюарт Холбрук довольно сатирически изображает это мероприятие:

«Старика постоянно снабжали новенькими блестящими десятицентовыми монетами. В надлежащее время Джон Д. должен был подарить такую монету хитро подобранному лицу. Тот, кого одарили, мог быть бедным сельским парнем с загорелым лицом (если в этом случае делали снимки для газет, с парня снимали обувь), магнатом из мира бизнеса, редактором известной газеты, актером или иной видной личностью. Блестящие монетки Джона Д. стали популярны как сувениры самого богатого человека Америки. Так или иначе, они имели успех, хотя никаким разумным соображением нельзя объяснить этого».

В обязанности Ли входило, кроме того, редактирование и публикация в различных изданиях статей, представляющих в розовом свете действия старого Рокфеллера, а также организация его филантропической деятельности. Именно в это время и возникли многочисленные фонды, связанные с именем Рокфеллеров, призванные поддержать науку, просвещение, искусства и т. д. Самый крупный из них и располагающий наиболее значительными средствами – это так называемый фонд Рокфеллера.

Однако никто, кроме самих Рокфеллеров, не знает, какая часть их миллиардного состояния в той или иной форме ассигнована на филантропические цели. Возможно даже, что точной суммы не знает и само семейство. Уильям Манчестер,

который, по-видимому, имел доступ к различным семейным документам Рокфеллеров, не убежден, что от этой филантропической деятельности состояние Рокфеллеров заметно уменьшилось, ибо внуки Джона Д. принадлежат к богатейшим людям современной Америки.

По поводу благотворительных фондов известный американский социолог профессор Райт С. Миллс в своем уже цитированном труде «Властвующая элита» пишет коротко и ясно: «В действительности создание фондов часто бывает удобным способом уклониться от налогов». Профессор Миллс ссылается, в частности, на журнал «Бизнес уик», который утверждает, что фонды «выполняют для их основателей роль частных банков, а «человечество», которому они призваны служить, – это нередко просто горстка бедных родственников». По мнению профессора Миллса, «семьи крупных богачей могут сохранять в своих руках контроль над предприятиями после смерти кого-либо из своих членов, передавая значительную часть принадлежащих им акций фонду».

Другой американский социолог, Фердинанд Ландберг, является не менее решительным критиком этих фондов. В широко известной книге «60 семейств Америки» (“America’s 60 Familiers”) [13], опубликованной в 1937 году, он собрал огромную информацию о богатейших семействах США (в его перечне шестидесяти семейств первое место занимали Рокфеллеры, чье состояние он оценивал тогда в 2,5 миллиарда долларов). Уже в то время Ландберг обратил внимание на тот факт, что главной целью основателей фондов было стремление уклониться от уплаты налогов.

В 1968 году появилась новая работа Ландберга «Богачи и сверхбогачи» (“The Rich and the Super-Rich”)[14], которая несколько месяцев фигурировала в списке американских бестселлеров. Фундаментальный труд Ландберга (свыше 800 страниц) – это подлинный кладезь сведений об американских миллионерах. Чтобы избежать недоразумений, следует, пожалуй, заметить, что автор этой книги не марксист и не коммунист, о чем он прямо говорит в своем труде.

На этот раз Ландберг уделил большое внимание вопросу о благотворительных фондах, ссылаясь прежде всего на результаты исследований, проведенных в 1962 году одной из комиссий палаты представителей, которую возглавлял депутат Райт Патмэн. Как результаты исследований Патмэна, так и анализ Ландберга не оставляют сомнений в том, что благотворительные фонды созданы для того, чтобы сохранить состояние в семье и уклониться от уплаты налогов. Ландберг следующим образом

описывает механику действий богачей.

Если бы владелец крупного состояния захотел превратить свое имущество в наличные деньги, ему пришлось бы уплатить огромный налог. Но он может избежать этого, если передаст состояние специально созданному фонду, который не подлежит обложению налогами. В свою очередь фонд может продать это имущество (эта операция тоже освобождается от уплаты налогов) и вырученную сумму «одолжить» создателю фонда за минимальные проценты. Таким образом, государственная казна теряет большие суммы.

По сообщению Ландберга, ныне в США существует около 15 тысяч самых различных фондов, общий капптал которых превышает 15 миллиардов долларов. Среди многих сравнительно незначительных фондов выделяется несколько крупнейших, например Фонд Форда, чей капптал составляет более 3 миллиардов долларов, а также Фонд Рокфеллера, располагающий 600 миллионами. Семейство Рокфеллеров осуществляет контроль над четырнадцатью фондами, общий капитал которых достигает 1 миллиарда долларов.

Финансовые и организационные связи между семейством Рокфеллеров, их фондами и всеми фирмами концерна «Стандард ойл» весьма сложны и не слишком охотно оглашаются. Однако Ландберг сумел найти достаточно данных, чтобы показать эти связи. Так, например, семь из всех рокфеллеровских фондов располагают в общей сложности почти 8 миллионами акций «Стандард ойл оф Нью-Джерси», рыночная стоимость которых превышает 300 миллионов долларов. Кроме того, фонды Рокфеллеров являются собственниками крупных пакетов акций таких компаний, как «Сокони мобил ойл», «Континентал ойл», «Стандард ойл оф Индиана» и т. д. Вот вывод Ландберга:

«Контроль семейства Рокфеллеров над огромной собственностью «Стандард ойл» не оспаривается и не может быть оспорен. Акции, которыми владеют их фонды, обеспечивают этот контроль на вечные времена. При существующем законодательстве никакая комбинация финансовых групп не могла бы ликвидировать этот контроль».

В 1929 году энергичный полковник Роберт У. Стюарт, тогдашний председатель правления концерна «Стандард ойл оф Индиана», обратился к акционерам фирмы с призывом освободиться от контроля Рокфеллеров. Когда дело дошло до голосования, выяснилось, что представители семейства Рокфеллеров, его фондов и компаньонов без труда получили большинство. Как пишет Ландберг, Стюарт «позорно проиграл». В последующие годы никто уже не пытался сопротивляться

Рокфеллерам.

Пять братьев

Как из апологетических выводов Манчестера, так п из критической оценки Ландберга бесспорно явствует, что Джон Д. Рокфеллер был личностью незаурядной. Его сын Джон Д.-младший не унаследовал разнообразных талантов отца. Он был, скорее, человеком, не отличающимся какими-либо особыми способностями, страдающим различными комплексами.

Впрочем, сначала жизнь оставила его в тени всевластного отца, а затем – пяти энергичных и способных сыновей. Джон Д.-младший родился в 1874 году, когда его отец уже был миллионером. Ему исполнилось шестьдесят три года, когда его отец умер. А поскольку старый Рокфеллер почти до последних дней сохранял трезвость ума, то сын, собственно говоря, не имел никакой возможности проявить свои личные склонности. Когда в 1937 году старый Рокфеллер умер, сыновья Джона Д.-младшего уже были взрослыми людьми: старшему, Джону Д.-третьему, исполнился тридцать один год, а Нелсону – двадцать девять. Вскоре они забрали в свои руки скипетр власти в империи деда.

Джона Д.-младшего воспитывали, мягко говоря, странным образом: он никогда не ходил ни в одну школу – его учили дома; у него никогда не было товарищей или друзей – всю молодость он провел с родителями; когда сын подрос, отец одолжил ему немалую сумму денег и поручил ознакомиться с игрой на бирже. Первые опыты Рокфеллера-сына в мире бизнеса были печальными: он нарвался на какого-то мошенника и после нескольких сделок потерял миллион долларов. Рассказывая об этом приключении, Манчестер замечает, что отец был не слишком удручен неудачей сына: ведь миллион долларов в то время был для него равен недельной прибыли.

Джона Д.-младшего «выдали» за Эбби Олдрич – дочь известного сенатора (и богача) Нелсона У. Олдрича, постаравшись при этом, чтобы президент США Уильям Х. Тафт пригласил молодую пару в Белый дом. Президент, тесно связанный с кругами крупных капиталистов и находившийся в дружбе с сенатором Олдричем, согласился, поставив, однако, два условия: молодожены должны были войти в Белый дом тихо, через боковые двери, а об их визите не должно было упоминаться ни в одном официальном сообщении.

Кливленд Эмори, автор известных в США книг о жизни миллионеров, рассказывает такой забавный анекдот. В двадцатых годах дети Джона Д.-младшего захотели познакомиться и провести каникулы со своим ровесником Робертом Гардинером,

потомком некогда весьма известной в Нью-Йорке и уважаемой семьи. Когда об этом узнала бабка Роберта миссис Дэвис Лайон Гардинер, она категорически запретила ему даже встречаться с внуками старого Рокфеллера. «Ни один Гардинер, – гордо заявила старуха, – никогда не станет играть с внуками гангстера!»

В своей книге «Кто убил общество?» (“Who Killed Society?”) тот же Эмори приводит еще один красноречивый анекдот о старом Рокфеллере. Однажды автор встретился с Эвереттом Ли де Жолье, богатым нефтепромышленником, которого называли «отцом американской геофизики» и который хорошо знал Джона Д.

«Я никак не могу понять, – сказал ему де Жолье, – был ли Джон Д. Рокфеллер величайшим из нефтяных королей, какой когда-либо жил на земле, или прожженным негодяем, обесславившим всю капиталистическую систему…»

Возвращаясь к Джону Д.-младшему, упомянем, что с его именем связан в определенной мере и облик Нью-Йорка. Еще в тридцатых годах по его инициативе (а может, и по инициативе его сыновей) началось строительство так называемого Рокфеллеровского центра. Это огромный комплекс небоскребов в самом центре Манхэттена, расширенный и увеличенный в последующие годы. Здесь размещены тысячи контор и магазинов, многочисленные зрительные залы, здания радио и телевидения, рестораны, огромный каток и т. п.

Затем, уже после окончания второй мировой войны, когда встал вопрос о том, где разместить резиденцию ООН, Джон Д.-младший за 8 миллионов долларов купил соответствующий участок на берегу Ист-Ривер в Нью-Йорке и подарил его Организации Объединенных Наций.

В кулуарах ООН рассказывают, что Рокфеллеры отнюдь не проиграли на этом подарке: одновременно с покупкой участка для нужд Организации Объединенных Наций им удалось прибрать к рукам многочисленные земельные участки на соседних улицах – разумеется, в надежде на то, что в недалеком будущем их стоимость возрастет в несколько раз. Они не ошиблись: спустя два-три года выяснилось, что Рокфеллеры не только не потеряли этих подаренных ООН 8 миллионов долларов, но и хорошо заработали на операции.

* * *

Джон Д.-младший не превысил рекорда долголетия своего отца: он умер в 1960 году на восемьдесят шестом году жизни.

Правда, он жил достаточно долго, чтобы иметь возможность убедиться в том, что вторая мировая война снова увеличила спрос на бензин, а тем самым повысила и прибыли «Стандард ойл». Перед смертью он прочел статистический отчет, из которого явствовало, что в первой половине XX века добыча нефти увеличилась в 34 раза, а выплавка стали – только в 7,5 раза. Осуществились мечты его отца: Рокфеллеры начали опережать своих многолетних конкурентов Морганов.

Однако мнения относительно заслуг Джона Д.-младшего в увеличении семейного состояния разделились. Так, Фердинанд Ланберг пишет:

«Что касается Рокфеллеров, то может показаться, что никому из них никогда не удастся превзойти старого монополиста, создавшего этой семье славу в финансовом и политическом мире. Но многие авторитетные специалисты стали бы утверждать, что Джон Д. Рокфеллер-младший выполнил гораздо более трудную задачу, удержав состояние в руках семьи, невзирая на резкие политические нападки на нее… А если это так, то надо считать, что Рокфеллер-младший, которому досталось в наследство трудное положение, превзошел своего отца. Внуки же преуспевают еще больше…»

После смерти Джона Д.-младшего его миллиардное состояние перешло в руки дочери и пятерых сыновей. Но насколько велико это состояние? Ответ на этот, казалось бы, простой вопрос вот уже много лет порождает определенные трудности. Создатель богатства семьи, атакованный со всех сторон и привлекаемый к судам, предпочитал скрывать размеры своего капитала. Эту же политику – вместе с деньгами – унаследовали его сын и внуки.

Американский журнал «Форчун», специализирующийся на проблемах крупного капитала, писал в 1955 году:

«Все данные, касающиеся богатства [пяти] братьев, старательно хранились в тайне со дня их рождения. Никогда не оглашались условия подконтрольных фондов, созданных их отцом, и даже имена доверенных лиц известны лишь их семье п немногочисленным ближайшим советникам».

Возможно, стоит напомнить, что газетный концерн «Тайм – Лайф», которому принадлежит п журнал «Форчун», никогда не был доброжелателен к Рокфеллерам. Журнал «Лайф» в свое время писал о «жестоких методах» старого Джона Д., называя его «одним из самых ненавистных в Америке людей».

Многочисленные американские публицисты и экономисты не раз предпринимали попытки определить размеры состояния Рокфеллеров. Результаты были различными, в зависимости от

избранных критериев и примененных методов, но с одной точки зрения все исследователи единодушны: сегодня Рокфеллеры принадлежат к самым богатым людям на земном шаре.

Прогрессивный американский экономист Виктор Перло в переведенной на польский язык книге «Империя крупных финансовых магнатов» (1960 год) [15] перечисляет восемь главных финансовых групп Соединенных Штатов. Как легко догадаться, одна из этих групп – конечно, самая мощная – это «группа Рокфеллеров», валовый актив которой автор оценивает более чем в 60 миллиардов долларов. Понятие «группа» в интерпретации Виктора Перло получило явно недостаточное объяснение. Однако оно учитывает все концерны, банки, страховые общества и т. д., которые остаются в сфере влияния семейства Рокфеллеров.

К астрономической сумме 60 миллиардов долларов автор приходит в результате того, что присоединяет к концерну «Стандард ойл» и те банки, в которых Рокфеллеры имеют крупные пакеты акций (в частности, «Чейз Манхэттен бэнк» – 7,5 миллиарда долларов), а также два крупнейших в Америке страховых общества – «Метрополитэн лайф» и «Эквитэбл лайф», в которых, как пишет Перло, Рокфеллеры получили контроль «при условиях, которые до сих пор остаются невыясненными» (их актив – 20 миллиардов долларов).

К наиболее интересным пунктам длинного перечня Виктора Перло относятся концерны: «Амэрикен телефон энд телеграф», в котором Рокфеллеры делят влияние с Морганами, а также «Вестингауз электрик», где они участвуют совместно с другими своими конкурентами – Меллонами. Что касается непосредственно империи Рокфеллеров, то Виктор Перло причисляет к ней – среди других – очень богатую и весьма влиятельную юридическую фирму, выступающую под вывеской «Салливэн энд Кромвэл». Эти два имени ничего рядовому читателю не говорят, поэтому необходимо разъяснить, что многолетними сотрудниками этой известной в Америке адвокатской конторы были братья Даллесы – Джон Фостер, позднее государственный секретарь США, а также Аллен Уэлш, глава Центрального разведывательного управления. Тесная дружба братьев Даллес с Рокфеллерами никогда не скрывалась.

Перло подтверждает, что формально братья Рокфеллер не принимают непосредственного участия в управлении своими многочисленными предприятиями.

«Можно ли, – спрашивает он, – найти для этого лучший путь, чем путь найма не имеющих никаких связей, неизвестных в финансовом мире, но зато преданных делу технических специалистов, которые будут осуществлять повседневное

управление по указке находящихся за кулисами Рокфеллеров?

Следует, однако, отличать управление от контроля. Совершенно бесспорно, что нефтяные корпорации управляются наемными администраторами – менеджерами. Но в равной степени несомненно и то, что эти администраторы подчиняются тем, в чьих руках находится контрольный пакет акций и кто осуществляет общий надзор и определяет направление политики».

Фердинанд Ландберг применяет иные критерии, уделяя много времени и места подсчетам личного состояния пяти братьев Рокфеллер в отличие от сферы их финансового влияния (и фирм, остающихся под их контролем). Результат его скрупулезных сопоставлений таков: общая сумма состояния Рокфеллеров в шестидесятые годы составляла около 5 миллиардов долларов, из которых более половины (2,6 миллиарда) приходилось на один концерн – «Стандард ойл оф Нью-Джерси», где братья имели контрольный пакет акций.

Объем всех рокфеллеровских фондов Ландберг оценивает более чем в 1 миллиард долларов. Остальные 3,6 миллиарда – это личное состояние пяти братьев и сестры. Иными словами, каждый из них имеет около 600 миллионов долларов.

Нелишне вспомнить в связи с этим о роскошной резиденции Рокфеллеров «Кикуит» в Покантико-Хиллз, восточнее города Тэрритаун в штате Нью-Йорк. Это имение приобрел еще старый Джон Д., который вскоре там и поселился. Сын и внуки расширили его, возводя все новые и новые здания на обширной территории, насчитывающей свыше 4 тысяч акров. Сейчас каждый из внуков старого Джона Д. имеет большой собственный дом, не считая различных помещений для прислуги, бассейна для купания, теннисных кортов, площадок для гольфа и т. д. Все поместье окружено высокой стеной с колючей проволокой наверху. Охрана и полицейские собаки оберегают покой и богатство Рокфеллеров. Персонал, обслуживающий братьев в этом имении (администраторы, секретари, повара, горничные и т. д.), очень велик – около трехсот пятидесяти человек.

Кроме того, почти у каждого из Рокфеллеров есть роскошный особняк в Нью-Йорке, а также многочисленные виллы и поместья в Штатах и за границей. Пуританские привычки старого Джона Д. давно преданы забвению…

* * *

Джо Алекс Моррис, написавший по поручению братьев

Рокфеллер их «официальную» биографию, носящую название «Братья Рокфеллеры» (“Those Rockfeller Brothers”), уверяет читателей, что все они «глубоко заинтересованы в том, чтобы делать деньги», но отнюдь не рассматривают обладание ими и их сколачивание как самоцель; они занимаются этим лишь для того, чтобы «доказать свои способности». Как сообщает Моррис, каждую неделю пять братьев встречаются на приватных совещаниях, где всесторонне обсуждаются и согласовываются интересующие их вопросы.

Братья Рокфеллеры в Рокфеллер-центре: Дэвид, Лоуренс, Джон Д.-третий, Нельсон и Уинтроп

Между братьями существует своеобразное разделение труда. Самый старший, Джон Д.-третий, по поручению семьи занимается вопросами попечительства и надзора за фондами и благотворительной деятельностью. Наши критические замечания в адрес американских фондов отнюдь не уменьшают их значения и широкой сферы действия. Не подлежит сомнению, что Джон Д.-третий по горло занят работой.

Однако время от времени он включается в другие дела. В семье он слывет специалистом по проблемам Востока. Так, в 1951 году он был консультантом Джона Фостера Даллеса во время его поездки в Японию, где велись переговоры о мирном урегулировании. Затем он был членом американской делегации на конференции в Сан-Франциско по заключению мирного

договора с Японией. Соединяя приятное с полезным, Джон Д.-третий не упускает случая позаботиться о нефтяных интересах «Стандард ойл» на Дальнем Востоке.

Вторым по старшинству братом является Нелсон. Это, несомненно, самая интересная фигура в третьем поколении Рокфеллеров, заслуживающая отдельного рассмотрения.

Третий брат, Лоуренс, представляет семью в десятках самых различных концернов – не нефтяных – и фирм. Ландберг составил перечень его постов. Он оказался весьма длинным и разнородным. Между прочим, Лоуренс интересуется фирмами, связанными с производством самолетов и вооружения.

Четвертый брат, Уинтроп, в отличие от других членов семьи долгие годы принимал активное участие в управлении нефтяными концернами, но потом решил, что можно ограничиться надлежаще подобранными директорами и общим надзором за делами. В свое время Уинтроп Рокфеллер вызвал сенсацию в Штатах, когда женился – а вскоре развелся – на красивой и тоже богатой американке мисс Барбаре Сирс, которую нью-йоркские газеты фамильярно называли Бобо. Супружество оказалось неудачным, и после громкого бракоразводного процесса, во всех подробностях описанного газетами, Уинтроп согласился выплатить бывшей жене кругленькую сумму в 6 миллионов долларов.

После этого он переехал в штат Арканзас, где хотел найти покой, отнюдь не оставаясь праздным. Он начал интересоваться политикой и в соответствии с семейными традициями стал одним из лидеров местного отделения Республиканской партии. В 1966 году Уинтроп от имени этой партии был выдвинут кандидатом на пост губернатора штата и оплатил все расходы по избирательной кампании. Выборы Уинтроп выиграл, и сейчас наряду с Нелсоном является вторым в семействе Рокфеллеров губернатором.

Самый младший из братьев, Дэвид, в начале своей карьеры некоторое время был секретарем популярного мэра Нью-Йорка Фиорелло Лагуардиа. Вскоре он стал получать повышения – как благодаря своему богатству, так и благодаря несомненным способностям. Сейчас он занимает пост президента «Чейз Манхэттен бэнк» – одного из самых крупных банков земного шара. Американские экономисты относят этот банк к «большой тройке» в банковом мире. Членами «тройки» являются также «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», президентом которого является кузен Дэвида Рокфеллера Джеймс, отпрыск другой ветви семейства миллионеров.

Дэвид Рокфеллер занимает много постов в мире американских концернов и фондов. От имени семейства он часто

выезжает за границу.

В американской прессе все чаще появляются заметки о «четвертом поколении» Рокфеллеров, то есть о сыновьях и дочерях пяти братьев. В скором времени они станут обладателями миллиардного состояния семьи и, предполагая, что некоторые из них унаследуют способности старого Джона Д., начнут играть самостоятельную роль в американской экономической и политической жизни. Чаще других упоминается Джон Д.-четвертый, сын Джона Д.-третьего. Сейчас он помощник губернатора штата Западная Виргиния, и пресса предсказывает, что он выставит свою кандидатуру на пост губернатора. Полушутя-полусерьезно Ландберг пишет, что однажды Джон Д.-четвертый может стать президентом Соединенных Штатов.

«Несостоявшимся президентом» следует считать Нелсона А. Рокфеллера, еще с 1959 года занимающего пост губернатора штата Нью-Йорк[16]. Пост этот считается в Америке самым удобным трамплином для прыжка в Белый дом. И Нелсон Рокфеллер не скрывал своих притязаний на президентское кресло. По мнению многих американских обозревателей, у него были все данные занять самый высший в Соединенных Штатах пост, однако дело не дошло даже до выдвижения его кандидатуры. Парадокс ситуации заключается в том, что, как поговаривают в Вашингтоне, мультимиллионер Рокфеллер… “слишком либерален”, чтобы стать в настоящее время президентом.

Нелсон родился в 1908 году. Политическую карьеру начал в период Второй мировой войны, когда президент Франклин Рузвельт доверил ему пост главы управления по координации межамериканских проблем. Позже Нелсон сотрудничал с президентами Трумэном и Эйзенхауэром, занимаясь проблемами Латинской Америки. В 1955 году, разочаровавшись в политике холодной войны, проводившейся генералом Эйзенхауэром, он подает в отставку, но отнюдь не порывает с политической деятельностью.

В 1958 году Нелсон Рокфеллер решает выставить свою кандидатуру на пост губернатора штата Нью-Йорк и в ходе выборов одерживает победу над другим миллионером, У. Авереллом Гарриманом. Нелсон оказался способным администратором. Он завоевывает популярность не только в штате Нью-Йорк, но и в стране и наконец решается раскрыть свое намерение занять место в Белом доме. Ближе всего к этой цели он был в 1960 году, но все его усилия потерпели неудачу.

В 1960 году закончился второй срок президентства генерала Эйзенхауэра. В то время Соединенные Штаты потерпели ряд

поражений на международной арене. Афера, в ходе которой над Советским Союзом был сбит шпионский самолет У-2, привела к явной компрометации Вашингтона. Назначенная в Париже встреча «большой четверки» не состоялась по вине Эйзенхауэра. В стране ширилась критика по адресу президента, у которого кончался срок полномочий.

Нелсон Рокфеллер присоединился к критическим высказываниям и в июне 1960 года, незадолго до избирательного съезда Республиканской партии, опубликовал заявление, представлявшее собой, по сути дела, обвинительный акт против Эйзенхауэра. Когда в следующем месяце в Чикаго открылся съезд республиканцев, выяснилось, что Рокфеллер пользуется поддержкой значительной группы делегатов. Однако почти все партийные боссы, или весь аппарат партии, выступили против него.

Во время очередных президентских выборов в 1964 году положение в Республиканской партии изменилось: ее кандидатом стал фашиствующий сенатор Барри Голдуотер, и у Нелсона Рокфеллера не осталось никаких шансов. Затем в 1968 году, когда Линдону Б. Джонсону пришлось отказаться от выдвижения своей кандидатуры из-за войны во Вьетнаме и когда шансы республиканцев значительно возросли, стало известно, что их кандидатом будет Ричард Никсон, который в течение восьми лет был довольно близок к победе. Кандидатура Рокфеллера снова отпала.

Политические противники Нелсона Рокфеллера использовали против него тот факт, что он, отец взрослых детей, решился на развод, чтобы соединиться с любимой женщиной.

Оставаясь много лет на посту губернатора штата Нью-Йорк, Нелсон Рокфеллер продолжает интересоваться странами Латинской Америки. Это вполне отвечает семейным традициям. Вот что пишет об этом Уильям Манчестер:

«Пятьдесят лет назад (в Южной Америке) представителей “Стандард ойл” ошибочно принимали за представителей Соединенных Штатов. Такое случается еще и сейчас».

Летом 1969 года по поручению президента Никсона Нелсон Рокфеллер за два месяца объехал почти все страны Латинской Америки. Целью четырех очередных поездок было ознакомление с обстановкой, особенно с тем, как относится к США местное население. Рокфеллер на собственном примере убедился в том, что эти отношения глубоко враждебны. Еженедельник «Тайм» писал:

«Путешествие губернатора Нью-Йорка было беспрецедентным поступком в области внешней политики, и некоторые лица в

Вашингтоне выражали сожаление по поводу того, что это был типичный пример бесполезной траты усилий. Практически в каждой столице, которую посетил Рокфеллер, его визит обострил укоренившиеся в Латинской Америке враждебные настроения, горечь и опасения. Против Соединенных Штатов устраивались демонстрации…»

Эта поездка Нелсона Рокфеллера в Латинскую Америку показала, что его сделали ответственным за систему, одним из творцов которой был его дед Джон Д. Рокфеллер.

Глава 3. Морганы – это деньги

Джон Пирпонт Морган родился в 1837 году – всего на два года раньше Джона Д. Рокфеллера, поэтому можно сказать, что они были ровесниками. Жили и действовали они в одной и той же стране, в одно и то же время. Пользовались одинаковыми методами обогащения, преодолевали одинаковые трудности, сталкивались с теми же представителями государственной власти, нарушали и обходили одни и те же законы, подкупали тех же самых чиновников и судей. Оба были охвачены одинаковой страстью – страстью стяжательства.

И все-таки они были разными людьми. Джон Д.Рокфеллер происходил из небогатой семьи, а Морган был сыном крупного банкира. У первого не было возможности учиться, а второй получил солидное образование – вплоть до Геттингенского университета. Джон Д. Рокфеллер считался образцовым семьянином, Морган же, как гласит молва, содержал несколько любовниц. Рокфеллер жил скромно, а Морган любил богатую, полную удовольствий жизнь, щедро тратил деньги на развлечения, содержал шикарную яхту «Корсар». Позже кличка Корсар пристала к нему самому.

Живописуя первые годы XX века, Густав Майерс сравнивает обоих богачей как раз в тот период, когда и Рокфеллер и Морган были уже мультимиллионерами:

«Высокое и доминирующее положение Моргана отнюдь не было результатом ошибочного суждения, что он самый богатый человек в Соединенных Штатах. Джон Д. Рокфеллер мог легко доказать, что приоритет в этом принадлежит ему, но Морган так неустанно демонстрировал обществу различные свои начинания, а создаваемые им железнодорожные компании и промышленные тресты столь резко бросались в глаза людям, что, принимая все это во внимание, его, по-видимому, считали самым крупным из магнатов. Это было повсеместным, всеобщим самообманом, проистекавшим из различия методов деятельности Моргана и олигархии «Стандард ойл».

Рокфеллеры и их компаньоны всегда избегали рекламы. При проведении всех операций они сохраняли самую строгую конфиденциальность и предпринимали немало усилий, чтобы общество не знало ни подлинного масштаба их состояния, ни методов, с помощью которых они постепенно прибирали к рукам богатства не одного, а многих народов. Действуя при посредничестве вспомогательных и подчиненных им фирм, они превратили значительную часть Соединенных Штатов – вместе с

природными богатствами, не исключая и труда людей, – в свою частную собственность. Но все это делалось тайно, и Рокфеллеры не разрешали официального или неофициального оглашения сведений о своих завоеваниях. Главный штаб «Стандард ойл» был недоступной и молчащей крепостью.

С другой стороны, казалось, что Морган восхищен рекламой и внешним блеском. И даже если бы он не был захвачен этим, все равно реклама была неизменным атрибутом его деятельности. В своей тройной ипостаси – банкира, железнодорожного магната и организатора промышленных трестов – Морган должен был использовать в определенной степени инспирированную рекламу в интересах своих начинаний. Как банкир, он должен был рекламировать финансируемые им предприятия, чтобы (быстрее) продавать их акции. И чем большую силу ему приписывали, чем больше раздували его необычайные финансовые способности, тем легче ему было поощрять множество инвесторов вкладывать деньги в опекаемые им предприятия.

Отличались друг от друга Морган и Рокфеллер и еще с одной точки зрения. Джон Д. Рокфеллер старался прослыть порядочным человеком (взятки давали его подчиненные якобы без его ведома). Что касается Корсара (Моргана), то его мало интересовало и общественное мнение и сохранение хотя бы видимости порядочности. Хорошо известно содержание его беседы с юрисконсультом, видным адвокатом Элбертом Гэри. В связи с некоторыми проектами Моргана адвокат спокойно заметил:

– Не допускаю мысли, чтобы вы могли это сделать, не нарушая закона.

На что взбешенный Морган ответил:

– Мне не нужен юрист, который говорил бы мне, чего я не могу делать. Я нанимаю его, чтобы он разъяснял мне, как я могу делать то, что хочу.

Начало и конец

Отец Джона Пирпонта Моргана был совладельцем банкирского дома «Джордж Пибоди энд компани», главная резиденция которого находилась в Лондоне. Но это был американский банк. Разместился же он в Англии только для того, чтобы иметь возможность контролировать поступления европейских капиталов в Соединенные Штаты (давно это было!). В хлопотах о должном образовании сына отец отправил его сначала в Швейцарию (Веве), а затем в Геттинген (Германия), где тот учился в университете.

Однако в 1857 году Пирпонт вернулся в Америку, по желанию отца прервав занятия. Он стал нью-йоркским представителем банка «Джордж Пибоди энд компани».

Гражданская война между южными и северными штатами способствовала получению высоких прибылей.

Банкирский дом «Джордж Пибоди» в самом начале войны стал финансовым представителем американского правительства в Лондоне. В течение нескольких лет этот банкирский дом чрезвычайно обогатился, но значительная часть прибылей попала в карманы Джуниуса С. Моргана, как главного компаньона банка, и его сына Джона Пирпонта, как представителя банка в Нью-Йорке.

Не только Густав Майерс, но и другие известные американские авторы резко осуждают Пибоди и обоих Морганов – отца и сына, обвиняя их в предательстве интересов Соединенных Штатов и в оказании помощи врагу, то есть Конфедерации и ее английским союзникам. В качестве примера Мэтью Джозефсон цитирует статью, опубликованную тогда в газете «Спрингфилд рипабликен». Автор статьи писал о банкирах из фирмы «Джордж Пибоди».

«Они не доверяли нам и не оказывали помощи в нашей борьбе за национальное существование. Никто другой в столь огромной мере не способствовал снижению ценности наших облигаций в Европе и ослаблению финансового доверия к нашему народу. И никто другой не заработал больше денег на этой операции».

Майерс приводит аналогичное высказывание газеты «Нью-Йорк ивнинг пост», в котором Пибоди и Морган также обвинялись в том, что предали интересы нации и извлекли из этого прибыли.

В начале Гражданской войны (1861 г.) Пирпонту Моргану было всего двадцать четыре года, и он мог сослаться на то, что за финансовую политику банка отвечает только его отец. Но

известны и его собственные сделки, которые отнюдь не принесли ему славы. И хотя физически и психически Пирпонт был годен к военной службе, ему и в голову не приходило вступить в армию – он предпочитал обогащаться.

А вот краткое описание одной из его ловких афер, все подробности, которой точно установлены комиссией Конгресса уже в ходе войны. В самом ее начале генералы президента Линкольна ощущали нехватку оружия. Этим воспользовались два спекулянта, которым стало известно, что в армейском арсенале в Нью-Йорке находится 5 тысяч винтовок.

И хотя эти винтовки ранее были признаны негодными, некий Артур М. Истмен при финансовой поддержке Саймона Стивенса выразил желание купить эти винтовки и получил согласие властей на продажу ему всей партии оружия по 3,5 доллара за штуку. Стивенс тут же послал депешу генералу Фримонту, командующему войсками северян в Сент-Луисе, предложив ему 5 тысяч «новых винтовок». Генерал охотно согласился с таким неожиданным предложением, так как оружие было ему крайне необходимо, и утвердил счет по 22 доллара за каждую винтовку. Бесчестный спекулянт отправил всю партию оружия из Нью-Йорка в Сент-Луис, шутя заработав на этом почти 100 тысяч долларов.

Когда транспорт с оружием прибыл на место, оказалось, что винтовки не просто непригодны, а даже опасны для жизни солдат. Власти отказались оплатить счет. Стивенс обратился в суд, и тогда выяснилось, что оба спекулянта действовали от имени Джона Пирпонта Моргана. После длительного судебного разбирательства Морган выиграл этот процесс, и правительство вынуждено было заплатить спекулятивную цену за свои собственные, выбракованные винтовки.

Майерс цитирует мнение комиссии Конгресса, которая расследовала первую аферу Моргана:

«Нельзя признать добрым гражданином, имеющим право на доброжелательное расследование его жалобы, того, кто предъявляет <…> необоснованные претензии… Хуже предателей люди, которые, изображая себя лояльными перед государственным знаменем, жиреют на несчастьях нации».

Абстрагируясь от стиля прошлого века, трудно все же найти более сильные слова осуждения.

Однако сто лет спустя, когда Моргана уже не было в живых, у него нашлись защитники. Одним из них был американский писатель Фредерик Льюис Аллен, который по заказу наследников Пирпонта Моргана написал в 1949 году книгу «Великий Пирпонт Морган» (“The Great Pierpont Morgan”). Как и цитированный в предыдущем разделе труд Уильяма Манчестера о Рокфеллерах,

эта книга – просто ловко препарированная апология покойного миллиардера.

Аллен пе мог замолчать аферу с винтовками, происшедшую в 1861 году, которую он сам называет «скандальной». Он посвящает ей несколько страниц, чтобы доказать, будто Пирпонт Морган сыграл в ней роль в известной мере второстепенную, а также чтобы найти для него многие смягчающие обстоятельства. Однако Аллен признается, что дело было «паршивое», и ссылается при этом на молодость обвиняемого.

Смягчающие обстоятельства Аллен выискивает и для другой аферы Пирпонта Моргана в период Гражданской войны. Вместе с Эдвардом Кетчумом, тоже сыном банкира, Морган занялся спекуляцией золотом, играя на бирже и вывозя золото, вопреки интересам государства, в Лондон. Американские патриоты бурно протестовали против такой спекуляции. Так, «Юнион лиг клаб»[17] добивался, чтобы аферистов повесили. В конце войны, когда операция с золотом потерпела провал, Кетчум бежал, прихватив большую сумму денег, а затем, будучи арестован, предстал перед судом, который приговорил его к тюремному заключению.

По мнению Аллена, торговля золотом была легальной деятельностью, но даже адвокат Моргана признает, что это «грязная операция, фактически направленная на снижение стоимости национальной валюты в период наибольшей опасности».

Таково начало карьеры Пирпонта Моргана, который после четырех лет Гражданской войны стал богатым и независимым от отца человеком.

* * *

Пусть читатели извинят автора за то, что теперь он перескочит полвека в биографии Дж. П. Моргана. Когда в 1913 году Морган умер, ему было семьдесят шесть лет, и он считался одним из самых богатых людей в мире. Ему принадлежали многочисленные банки, промышленные предприятия, железнодорожные компании. Судьбы сотен тысяч людей так или иначе зависели от его решений, его милости или немилости. Но методы его действий в основном не изменились: до последних дней своей жизни Дж. П. Морган был готов – буквально и в переносном смысле – продавать бракованные винтовки и спекулировать золотом. Изменились только его возможности и размеры прибылей: теперь его интересовали сделки, с помощью

которых он мог одним махом заработать по меньшей мере несколько миллионов долларов.

Джон Пирпонт Морган умер в Риме, на обратном пути из Египта в Америку. В самом дорогом римском отеле он занимал многокомнатные апартаменты, за которые платил пятьсот долларов в сутки. После его смерти приходили многочисленные телеграммы с выражением соболезнования, в том числе от итальянского короля Виктора Эммануила и от папы Пия X, который писал о Моргане как о «великом и добром человеке».

Американские и английские буржуазные газеты соперничали между собой в публикации статей, описывающих заслуги Моргана в области бизнеса. Лорд Эйвбэри, президент лондонского объединения банкиров, заявил, что Морган – «гений, и мы, банкиры, гордимся им». Альфред де Ротшильд, брат лорда Ротшильда, сказал, что «немыслимо в нескольких словах оценить значение этого гиганта в финансовом мире».

Наследники Джона Пирпонта Моргана позаботились о том, чтобы поток идолопоклоннических высказываний не прекратился даже после его смерти. К изданным еще при жизни Моргана апологетическим биографиям вроде книги Карла Хоуви «Жизнеописание Д. П. Моргана» прибавились новые публикации. В качестве примера можно указать на труд Джона Уинклера «Изумительный Морган» (“Morgan the Magnificent”) или на упомянутую выше книгу Аллена о «великом Пирпонте».

За несколько месяцев до смерти Моргану пришлось выехать в Вашингтон по вызову так называемой Комиссии Пюжо. Это была комиссия палаты представителей Конгресса, председателем которой был Арсен Пюжо из штата Луизиана. На комиссию возлагалась задача производить расследования о положении дел в американском финансовом мире, особенно проверку обоснованности бесконечных жалоб на то, что небольшая группа людей, прямо нарушая обязательные постановления, захватила доминирующее положение в банковом деле и навязывает свою волю и свои решения другим многочисленным фирмам и концернам.

На заседаниях Комиссии Пюжо Моргана допрашивал юридический советник Сэмюэл Энтермейер, один из самых способных адвокатов того времени. Вместе с членами комитета Энтермейер стремился показать, что Морган сосредоточил в своих руках чрезмерное влияние, нарушающее принципы свободной конкуренции и антитрестовские законы На вопросы адвоката Морган порой отвечал уклончиво, а порой открыто высказывал свое кредо – кредо миллиардера, который не видит ничего плохого в том, что в руках одного человека сосредоточены

влияние и деньги.

Джон Пирпонт Морган – американский предприниматель, банкир и финансист. Контролировал строительство железных дорог, участвовал в создании крупнейшей сталелитейной компании US Steel Corporation, электротехнической фирмы «Дженерал электрик», финансировал пассажирские перевозки в Атлантике

Так, например, Энтермейер спросил Моргана, считает ли тот правильным, что различные учреждения штатов доверили его

банку, частному банку, депозиты на сумму свыше 80 миллионов долларов. «Так точно, сэр!» – ответил миллиардер. Затем последовал новый вопрос, касающийся монополии банка Моргана в распространении акций и облигаций железнодорожных компаний. «Не считаете ли вы, – спросил адвокат, – что было бы лучше, если бы компании сами продавали свои акции?» На что последовал отнет: «Нет, не считаю» Семидесятилетний Морган держался на заседании Комиссии Пюжо подчеркнуто независимо Расследование комиссии выявило множество фактов, о которых американское общество могло только догадываться Так, оказалось, что банк «Д.П. Морган энд компани» вместе с несколькими другими банками, в которых голос Моргана был решающим, захватили 341 пост в 112 различных компаниях!

В число этих 112 акционерных обществ, или компаний, входили 34 банка, 10 страховых обществ, 32 транспортные фирмы (главным образом железнодорожные компании), 24 промышленных и торговых концерна, 12 предприятий общественного потребления (например, электростанции и газовые заводы) Валовой капитал указанных ста двенадцати компаний превышал 22 миллиарда долларов. Из 341 директорского поста 72 приходилось на долю компаньонов и сотрудников банкирского дома «Д.П. Морган энд компани», остальные – на другие банки, «породненные» с Морганом. По мнению Комиссии Пюжо, такое положение было равнозначно аннулированию обязательных в Америке постановлений и законов о свободной конкуренции.

Здесь полезно, особенно имея в виду молодое поколение, вернуться к пояснению того, что в Соединенных Штатах – тогда и теперь – свободная конкуренция считается одним из столпов капиталистического строя. На страже свободной конкуренции призваны стоять антитрестовский «закон Шермана», принятый в 1890 году, а также широко разветвленный аппарат министерства юстиции. Однако в мире капитализма обратной стороной свободной конкуренции сплошь и рядом оказывается всесилие монополий.

Буквально на следующий день после смерти Дж. П. Моргана вскрылась еще одна его афера, принесшая ему миллионные прибыли и способствовавшая укреплению его позиции монополиста в финансовом мире. Речь идет об афере с железнодорожной линией «Нью-Йорк – Нью-Хейвен – Хартфорд рейлроуд», сокращенно именуемой «Нью-Хейвен». Дело это подробно расследовала одна из комиссий сената, опубликовавшая свой отчет в 1914 году. Выявилось, что на протяжении нескольких лет принадлежащая Моргану «Нью-

Хейвен» совершила немало преступлений, вытягивая из акционеров миллионы долларов и выделяя огромные суммы на подкуп чиновников.

На основании протоколов комиссии сената публицист Густав Майерс перечисляет злоупотребления «Нью-Хейвен»: выпуск акций, не обеспеченных капиталом; мошенничества при управлении дорогой; подкуп депутатов законодательных собраний штатов; взятки прокурорам и журналистам. Общая сумма прибылей после злоупотреблений, по оценке комиссии, составила от 60 до 90 миллионов долларов. Неоднократно допрошенный президент компании «Нью-Хейвен», некий Чарлз С. Меллен, показал, что назначением на свой пост он целиком обязан Дж. П. Моргану, который считал его мальчиком на побегушках.

Фредерик Льюис Аллен и в этом случае пытается обелить Моргана, сваливая значительную часть вины именно на Меллена и заверяя читателей, что Морган лично не принимал участия в аферах компании «Нью-Хейвен». Но вывод этот не выглядит убедительным. Аллен сам признает, что один из директоров «Нью-Хейвен», то есть лицо, подчиненное Моргану, попросту присвоил себе 2,7 миллиона долларов; что какой-то журналист и даже один из профессоров Гарвардского университета брали взятки от железнодорожной компании; что более миллиона долларов предназначалось на «политические взятки», а документы бухгалтерии, «которые могли бы пролить свет на эти выплаты, были предусмотрительно сожжены».

Таковы были последние сделки Джона Пирпонта Моргана. Они отличались от спекуляции непригодными винтовками в годы Гражданской войны только одним – размером прибылей.

Банкир

В течение пятидесяти лет, которые прошли со времени первых спекуляций Моргана, и до периода, когда он стал «монархом Уолл-стрита» (выражение Аллена), Морган был прежде всего банкиром, а уже потом диктатором в сфере железных дорог, создателем и главным акционером «Юнайтед Стейтс стил компани», совладельцем многих других предприятий. Экономическая наука различает в банковом деле операции пассивные, заключающиеся в накоплении денег, от операций активных, которые предусматривают предоставление кредитов. В силу своего активного характера и огромной энергии Морган интересовался почти исключительно активными операциями своего банка. Накопление фондов он расценивал только как средство к достижению цели, а его неизменной целью было умножение богатства.

Здесь автор должен напомнить читателям, что в буржуазных государствах банки, как правило, являются частной собственностью. Преимущественно это акционерные общества, причем не «раз случается так (например, в случае с Морганом), что контрольный пакет акций принадлежит одному лицу.

Поскольку же капиталистические банки являются частной собственностью, то их основной задачей становится увеличение прибылей, выплачиваемых акционерам в виде дивидендов. Прибыли будут тем большими, чем больше разница между ценой приобретения капитала (проценты за вклады) и ценой его отпуска (проценты за предоставляемые кредиты). Вывод тут простой: в капиталистическом мире банкир торгует деньгами, стремясь приобрести их дешево, а продать дорого.

Слово «банк» происходит от итальянского «банко», что значит меняльная лавка, где происходит обмен валюты. Но мы обойдем историческую часть и остановимся лишь на том положении, что банки в современном значении этого слова сформировались и расширились в XVIII-XIX веках, когда в ходе промышленной революции и развития капитализма появилась необходимость в растущих денежных фондах на строительство и ввод в действие промышленных, торговых, транспортных и других предприятий.

Так называемые торговые, или коммерческие, банки специализируются на предоставлении краткосрочных кредитов, но нередко они занимаются и организаторской деятельностью, то есть распространением акций вновь возникающих предприятий, а также продажей облигаций действующих фирм. В отличие от государств Западной Европы, где произошла концентрация

капиталов торговых банков, а число их значительно сократилось, в Соединенных Штатах до сих пор существует несколько тысяч торговых банков. Большинство их имеет чисто локальное (местное) значение, и лишь немногие оказывают существенное влияние на экономическую жизнь страны. К последним банкам принадлежал (и продолжает им оставаться) банк Моргана.

Предоставлением долгосрочных кредитов занимаются так называемые инвестиционные тресты, которые развивались главным образом в США. Они интересуются прежде всего скупкой акций предприятий – промышленных или торговых, а также других, более мелких банков. Одним из самых ранних инвестиционных трестов как раз и был банк Моргана.

В Нью-Йорке по сей день существует банк, выступающий под вывеской «Морган таранти траст компани», который не только сохранил имя своего основателя, но и никогда не менял своего широко известного адреса – Уолл-стрит, 23. В публикуемой и поныне рекламе (например, в лондонском журнале «Экономист») банк Моргана похваляется тем, что его называют «банком банкиров», что у него сравнительно немногочисленная клиентура и что он специализируется на финансировании других банков и предприятий. Таким образом, формула Пирпонта Моргана осталась без изменений даже сто лет спустя.

* * *

В последние дни Гражданской войны, а именно к весне 1865 года, Морган приехал в Лондон, где развил огромную финансовую активность, используя благоприятную экономическую и политическую конъюнктуру. На пользу Моргану пошли и события в Европе, а именно поражение Франции в 1870 году Морган-отец предложил от имени своего лондонского банка находившемуся в затруднительном положении французскому правительству заем в размере 50 миллионов долларов Сделка была весьма рискованной, но оказалась очень и очень выгодной Во всяком случае, она поощрила Морганов, отца и сына, усилить финансовую активность.

В течение нескольких лет Пирпонт Морган выступал под вывеской банка «Джордж Пибоди» и своего отца, но в 1871 году решил отделиться, стать самостоятельным и создал новый банк «Дрексел, Морган энд компани». Его первый компаньон Антани Дрексел был банкиром из Филадельфии. Он долгое время с завистью наблюдал за успехами своего главного конкурента, известного в то время миллионера и банкира Джея Кука, который

отлично делал деньги, пользуясь предоставленной ему привилегией распространения государственных облигаций.

Объединенными силами Морган и Дрексел вскоре одолели Кука. Случай, который им представился, был исключительным: экономический кризис 1873 года, буквально потрясший Соединенные Штаты В самом начале того года банкирскому дому Кука явно не повезло: он пытался продать государственные облигации на 300 миллионов долларов, но без особого успеха В сентябре 1873 года Джей Кук принимал в своем дворце президента США генерала Гранта, что должно было успокоить встревоженных клиентов банкира. Но на следующий день они узнали, что кризис разрастается и что он разорил сотни банков и промышленных предприятий. Одной из жертв этой экономической катастрофы стал и банк Кука.

Банк Дрексела и Моргана сравнительно мало пострадал во время кризиса и вскоре захватил привилегированные позиции Кука. Правительство в Вашингтоне начало поручать ему продажу государственных облигаций. Как утверждает Майерс, первый случай для получения миллионных прибылей от продажи облигаций представился в 1877 году, когда американское правительство дало задание группе банков продать облигации на 260 миллионов долларов.

К этой небольшой группе наряду с Ротшильдами относился и банкирский дом «Дрексел, Морган энд компани». На сей раз спрос на государственные облигации был велик (в частности, в Европе), и банкиры заработали буквально ни на чем от 1 до 4 процентов от сумм, внесенных ими в государственное казначейство в Вашингтоне. Майерс считает, что чистая прибыль этих банкиров составила несколько миллионов долларов, из них только банку Моргана было выплачено около 5 миллионов. По мнению Майерса, вся эта сделка полностью противоречила интересам государства, поскольку правительство само могло без труда продавать облигации, не прибегая к помощи дорогостоящих посредников.

В начале девяностых годов XIX века Пирпонт Морган становится полностью самостоятельным в банковских делах Он уже провел многочисленные схватки с конкурентами, прежде рхего с владельцами железных дорог, и теперь готовился к новым сражениям Почти из каждого боя он выходил еще более обогащенным. Несомненно, Морган превосходил всех своих компаньонов, контрагентов и противников ловкостью, изобретательностью, выдумкой и, самое главное, беспощадностью.

В 1890 году умер его отец, и Джон Пирпонт стал главным

акционером продолжавшей действовать в Европе фирмы «Дж С. Морган энд компани». Три года спустя умер Антони Дрексел. Тогда Пирпонт Морган пригласил на роскошный ужин в «Метрополитен клаб» в Нью-Йорке всех своих филадельфийских и нью-йоркских компаньонов, а после ужина заявил им, что фирма под названием «Дрексел, Морган энд компани» перестала существовать и что отныне в Нью-Йорке будет функционировать новый банк – «Дж. Пирпонт Морган энд компани». Положение Моргана было в то время столь прочным, что компаньонам ничего больше не оставалось, как выразить свое согласие.

Подобно Рокфеллеру, Морган умел подбирать нужных ему сотрудников. Как правило, это были талантливые и предприимчивые люди, готовые верно выполнять поручения своего шефа, а вместе с тем умеющие проявлять и личную инициативу. Одним из таких главных сотрудников и компаньонов Моргана был Чарлз Х. Костер, которому Морган поручил руководить отделом все более интересовавших его (и приносивших возрастающие доходы) железных дорог Другим сотрудником стал Джон Пирпонт-младший, который в 1889 году окончил Гарвардский университет

* * *

Одна из крупнейших финансовых сделок в деятельности Моргана как банкира, принесшая ему 18 миллионов чистой прибыли и окончательно укрепившая его позиции в американском финансовом мире, приходится на девяностые годы прошлого столетия.

В 1893 году в США разразился очередной экономический кризис. Снова произошло резкое падение цен, снова многочисленные промышленные и торговые предприятия объявили о своем банкротстве, снова увеличилось число безработных. Но вскоре в довершение всех бед разразился валютный кризис. В соответствии с существовавшими тогда экономическими доктринами доллар должен был быть полностью обеспечен золотом, так как любой владелец бумажных денег имел право немедленно обменять их на золото.

Но рядовые граждане Америки этим правом не пользовались – им пользовались банкиры, и среди них Морган. По мере углубления экономических трудностей по всей стране и усиления забот и хлопот государственного казначейства банкиры все чаще обменивали банкноты на золото, которое затем продавали на европейских рынках. Спекуляция золотом в 1893-1894 годах

привела к катастрофическому истощению резервов государственного казначейства и к угрозе подрыва американской валюты.

И тогда банкиры – люди, сыгравшие такую зловещую роль в углублении экономического кризиса, – предложили государству свои услуги в спасении валюты. Несомненно, первую скрипку сыграл здесь Пирпонт Морган. Задача его облегчалась тем, что в качестве его юридического советника в это время выступал Фрэнсис Линд Стетсон – давний друг и бывший сотрудник американского президента.

Гровер Кливленд был единственным в истории Соединенных Штатов президентом, который осуществлял власть в течение двух сроков, но не подряд. Впервые он стал хозяином Белого дома в 1885-1889, а затем в 1893-1897 годах. Во время четырехлетнего перерыва, когда президентом США был Бенджамин Гаррисон, экс-президент Кливленд занимался адвокатской практикой, а его компаньоном в этот период был Стетсон.

В начале 1895 года американская казна оказалась почти пустой и единственным спасением стала продажа государственных облигаций: таким способом можно было пополнить золотой запас. Существовали два выхода из тупика: продажа облигаций либо на свободном рынке, либо при посредничестве группы банков, как то было в 1877 году. Общественное мнение и политические сторонники президента Кливленда добивались устранения посредников и связанных с этим больших расходов.

Однако Пирпонт Морган весьма энергично вмешался в это дело и поставил на своем. Президент Кливленд поручил ему и нескольким другим банкирам продажу государственных облигаций. Подробное описание связанной с этим поездки Моргана из Нью-Йорка в Вашингтон читается, как детективный роман. После нескольких предварительных бесед с властями, убедившись, что его план встречает сопротивление, Морган счел необходимым добиться личного разговора с президентом. Он хотел убедить последнего в том, что, если продажа облигаций не будет поручена частным банкам, вся операция может окончиться провалом и привести к финансовой катастрофе.

По приезде в Вашингтон Морган узнал, что президент не спешит с ним встретиться. Кливленд хотел избежать обвинения в том, что он действует в сговоре с банкирами (такое обвинение действительно было выдвинуто против него, но позднее). В связи с такой ситуацией Морган направил в Белый дом Стетсона, а сам укрылся в квартире своей «приятельницы». Он предпочел не показываться в отеле, где обычно останавливался по приезде в

столицу: там его могли увидеть репортеры, следившие в эти дни за каждым его шагом.

Одновременно с Морганом действовал другой американский банкир, Огюст Бельмонт, представляющий интересы европейского банкирского дома Ротшильдов. В то время как сотрудники Моргана оказывали нажим на самого президента и его министра юстиции, Бельмонт имел свободный доступ к министру финансов. Результат был любопытным: Кливленд пригласил на следующий день к себе и Моргана, и Бельмонта, и их ближайших советников.

Открывая конфиденциальную конференцию в Белом доме, Кливленд сообщил банкирам, что решение уже принято: облигации будут продаваться на свободном рынке.

Слово взял Морган. Замечу, что существуют противоречивые сведения о содержании его выступления и использованных им аргументов, но результат известен: после этого совещания с банкирами Кливленд поручил продажу облигаций именно им. По подсчетам Г. Майерса, банкиры заработали на этом деле 18 миллионов долларов, из которых львиная доля попала в сейфы Моргана. Майерс приводит высказывания тогдашних политических деятелей и публицистов, которые охарактеризовали эту сделку как «скандальную».

В 1907 году американскую экономику вновь потряс кризис. Картина его была уже хорошо знакома, хотя каждый раз он начинался как-то неожиданно. Паника на бирже, резкое падение курса ценных бумаг, бурный рост банкротств предприятий и банков, закрытие заводов и фабрик, нарастание безработицы – все это никого уже не удивляло.

Пирпонт Морган в третий, и последний, раз за время кризиса смог проявить все свои способности ловкого бизнесмена. И хотя к этому времени ему было уже за семьдесят, Морган развил бурную деятельность. Получив весть о разразившемся кризисе, он поспешно вернулся в Нью-Йорк из Ричмонда (штат Виргиния), где принимал участие в съезде епископальной церкви. Приехав в Нью-Йорк, он немедленно пригласил к себе крупнейших американских, банкиров и в течение нескольких следующих дней председательствовал на их долгих заседаниях, которые нередко затягивались до утра. Целью всех этих совещаний была мобилизация фондов и средств для спасения концернов и более мелких банков, которым угрожало банкротство. Морган провел несколько совещаний с представителями правительства, с другими банкирами и экспертами, проверял через своих директоров состояние дел в акционерных компаниях, которым грозило разорение, предоставлял кредиты и призывал владельцев других банков принять участие в кампании по спасению

ситуации. Он буквально разрывался на части, не избегая на сей раз рекламы и охотно выступая в роли человека, готового к самопожертвованию для блага общества.

Американские авторы, описывающие экономический кризис 1907 года, единодушны в том, что Дж. П. Морган сыграл в это время огромную роль и проявил большую активность. Однако при оценке этой роли они все же расходятся во мнениях. Наряду с панегириками Моргану можно найти и весьма критические оценки и даже решительное осуждение миллиардера.

В феврале 1908 года, то есть всего несколько месяцев спустя после начала кризиса, в популярном тогда американском журнале «Пёрсонс мэгезин» появилась статья «Изумительный Морган» (отсюда и это прозвище в позднейших его биографиях). В статье, написанной в патетических тонах и, по-видимому, оплаченной Морганом, автор выдвигал тезис, будто именно Морган «спас отечество», выступая против анонимных злоумышленников с Уолл-стрита, которые готовы были ввергнуть страну в пучину кризиса и катастрофы.

Фредерик Л. Аллен в своей книге «Великий Пирпонт Морган» избегает пафоса и преувеличений, однако он более современным, более приемлемым для нынешнего читателя способом раздувает заслуги своего героя в 1907 году. Прямо-таки слеза прошибает, когда читаешь строки, как Морган вынужден был покинуть дорогой его сердцу съезд епископальной церкви; как он не спал целыми ночами, совещаясь с другими банкирами, как однажды ночью он сидел в своей великолепной библиотеке среди прекрасных итальянских картин и скульптур, раскладывая пасьянс и ожидая результата ультиматума, предъявленного им группе приглашенных банкиров; как в другом случае Морган закрыл на ключ двери своего кабинета, заставив таким способом собравшихся там финансистов принять необходимые решения.

Но это только одна сторона медали. Есть и другая, более негативная.

В самом начале 1908 года против Моргана были выдвинуты два обвинения, которые уравновешивают его «заслуги», если не зачеркивают их. Первое обвинение гласило: Морган относится к категории людей, которые повинны в возникновении кризиса. Второе – Морган сколотил на кризисе крупные суммы.

В марте 1908 года на четырех очередных заседаниях сената выступал сенатор Роберт М. Лафоллет, позднее кандидат в президенты от Прогрессивной партии и одна из самых интересных фигур в истории Соединенных Штатов. Ссылаясь на огромный фактический материал и на многочисленные конкретные данные, Лафоллет высказал предположение, что

небольшая группа заговорщиков, руководствуясь корыстными интересами, вызвала панику на бирже и среди населения, что и явилось началом экономического кризиса. В числе главных виновников сенатор назвал Моргана и директоров «Стандард ойл», не жалея резкой критики в их адрес.

Второй пункт обвинения касался приобретения Морганом – как раз в дни кризиса! – акционерного общества «Теннесси коул энд айрон компани». Начиная с 1901 года Морган выступал как организатор и главный совладелец концерна «Юнайтед Стейтс стил компани», занимающего ведущее место в американской сталелитейной промышленности Компания же «Теннесси», владевшая крупными железными рудниками и угольными шахтами, считалась одним из главных конкурентов Моргана.

Во время кризиса 1907 года среди тех, кто оказался в трудном положении, был и инвестиционный банк «Траст компани оф Америка». Морган тогда выразил согласие оказать помощь этому банку, но с одним условием: продать ему акции «Теннесси коул», находившиеся в распоряжении инвестиционного банка. Оказавшиеся в безвыходном положении директора «Траст компани оф Америка» вынуждены были принять ультиматум Моргана, который таким дешевым способом стал владельцем конкурирующей фирмы. Следует подчеркнуть также, что объединение стального концерна Моргана с конкурирующей фирмой было грубейшим нарушением антитрестовского закона. Зная об этом, Морган еще в ходе переговоров с инвестиционным банком направил в Вашингтон двух своих доверенных директоров, которые немедленно получили аудиенцию у президента Теодора Рузвельта и склонили его к согласию на незаконную сделку.

Фредерик JI. Аллен так пишет о событиях 1907 года:

«Нынешний читатель может спросить, где же был президент Соединенных Штатов во время повсеместной угрозы [кризиса]? Где был министр финансов? Где были губернатор штата и мэр города? Они либо пассивно наблюдали за развитием кризиса, либо подчинялись требованиям Моргана, либо, наконец, ожидали от него помощи. Предводителем был Морган».

В этих словах, пожалуй, нет преувеличения.

Диктатор в сфере железных дорог

В мае 1969 года в Соединенных Штатах состоялись оригинальные торжества. Вспомнили, что ровно сто лет назад было закончено строительство первой железнодорожной линии, которая соединила американское побережье Атлантики с побережьем Тихого океана. Эту трансконтинентальную железную дорогу строили одновременно с двух сторон – с востока и запада. Строители встретились в Промонтори (штат Юта). По тем временам это было большим событием. В церемонии открытия линии принял участие сам президент. Трансконтинентальный железнодорожный путь открывал для США новые экономические возможности, а его владельцы не обманулись в своих надеждах и расчетах на получение огромных прибылей.

По случаю столетия этого события в Промонтори организовали торжества, имевшие полусентиментальный (для старых участников праздника, воспитанных в эпоху бурного строительства железных дорог), полузрелищный (для молодых гостей, родившихся в эпоху автомобиля и самолета) характер. Специальные поезда доставили в Промонтори около 15 тысяч участников со всех уголков страны. Но многие гости решили воспользоваться другими средствами сообщения – самолетами и автомобилями. Американские газеты отметили тогда, что даже часть железнодорожных магнатов, не желая терять драгоценное время, прилетели в Промонтори на собственных самолетах.

Торжества в штате Юта напомнили американцам эпоху величия железнодорожного строительства, но вместе с тем стали непредвиденным доказательством заката этой эры. Достаточно просмотреть статистические данные, чтобы убедиться в сказанном: роль железных дорог в богатой Америке неуклонно уменьшается из-за конкуренции других средств сообщения. За последние пятьдесят лет сократилась и протяженность эксплуатируемых линий – с 400 тысяч до 300 тысяч километров. Это означает, что новые железные дороги уже не строятся, а на некоторых старых движение вообще прекратилось.

Еще более любопытны статистические данные о пассажирских перевозках. Непосредственно перед второй мировой войной они составили 35 миллионов пассажиро-километров. В первые послевоенные годы эта цифра возросла до 50 миллионов, а затем начался бурный спад – до 25 миллионов пассажиро-километров. Совсем иначе обстоит дело у нас в Польше. До войны польская статистика приводила цифру 7,5 миллиона. После войны перевозки пассажиров возросли до 35

миллионов пассажиро-километров. К сожалению, это вовсе не означает, что мы обогнали США в этой области, хотя цифры, казалось, говорят именно об этом. Это означает другое: в Соединенных Штатах все большее число людей предпочитает не железную дорогу, а самолет или автомобиль.

Однако мы не слишком-то сочувствуем нынешним владельцам американских железных дорог, они ничего не теряют в своем бизнесе. А не теряют потому, что железные дороги, несмотря на сокращение пассажирских перевозок, по-прежнему приносят своим хозяевам огромные прибыли благодаря поддержанию на высоком уровне грузовых перевозок, исчисляемых миллиардами тонно-километров. Статистические таблицы показывают, что грузоперевозки в Соединенных Штатах в два раза превысили уровень последних предвоенных лет. Только Советский Союз опережает ныне – в два раза! – Соединенные Штаты. Это тем более любопытно, что перед войной и в первые годы после ее окончания США занимали первое место в мире по объему грузоперевозок.

Морган – король железных дорог

Но вернемся к временам Моргана, когда у железных дорог еще не было конкурентов и когда владельцы железнодорожных линий устанавливали тарифы пассажирских и грузовых перевозок по своему усмотрению и по собственной прихоти. Полный расцвет железнодорожной империи Моргана приходится на конец XIX – начало XX века Мэри и Чарлз Бирд пишут:

«В 1890 году Америка имела 162 562 мили [свыше 250 тысяч километров] железнодорожных линий, то есть все, чем

располагала Европа, и почти половину железнодорожных линий мира. В то время номинальная сумма вложенных в [американские] железные дороги капиталов составляла почти 10 миллиардов долларов, или около одной шестой всего богатства страны».

Кроме того, Бирды обращают внимание читателей на далеко зашедший процесс концентрации капиталов в американских железнодорожных компаниях:

«Из общего числа 1600 железнодорожных компаний 75 осуществляли власть над двумя третями протяженности этих линий. Несмотря на столь большую концентрацию, существовали еще большие возможности ее расширения и получения при этом новых прибылей».

Именно это обстоятельство склонило Моргана проявить усиленный интерес к железнодорожным делам. В 1885 году он решил, что «должен что-то предпринять с железными дорогами».

«В результате, – как пишут Бирды, – семнадцать лет спустя под его контролем находилось тринадцать железнодорожных линий общей протяженностью 55 тысяч миль, или около 90 тысяч километров (в три раза больше, чем имеет современная Польша. – Г.Я.), с капиталом свыше 3 миллиардов долларов».

Прежде чем перейти к более подробному рассказу о Моргане как диктаторе в области американских железных дорог, следует оговориться, что он не построил ни одного километра железнодорожных путей и никогда не владел ни одной линией. Он занимался только «организацией» железнодорожного дела, его финансированием и получал прибыли. Со своей точки зрения Морган был прав, риск был относительно небольшим, а прибыли – огромные.

Дж. Пирпонт Морган был дальновидным человеком и рано начал заниматься железными дорогами, так как предвидел. что это будет выгодным бизнесом. Уже в 1869 году в ходе первой «войны» между железнодорожными магнатами США он стоял за кулисами и ловко дергал за ниточки своих марионеток, то есть выступавших от его имени президентов и директоров компаний. В первой главе данной книги автор ссылался на битву за железнодорожную линию Олбани – Сусквегана как на пример откровенно грубых методов, применявшихся тогдашними капиталистами К этим методам относились кулачные драки между конкурирующими магнатами, наем хулиганов и драчунов, которые силой захватывали локомотивы и вагоны, подкуп судей Как-то одним из главных героев такой баталии стал сам Морган!

Выше мы коснулись также «последней железнодорожной войны» начала XX века. Главными антагонистами тогда были

Гарриман и Хилл, причем первого (деньгами) поддерживал Рокфеллер, а второго – Морган. Из этого раздора и родилась серьезная ненависть Джона П. Моргана к Джону Д. Рокфеллеру. Мы уже писали о посмертно преданной гласности афере Моргана с железнодорожной компанией «Нью-Хейвен», поэтому ограничимся всего несколькими примерами из деятельности Моргана как диктатора в области американских железных дорог.

В 1879 году Морган заключил соглашение с другим железнодорожным магнатом, Уильямом Х. Вандербилтом, сыном пресловутого Коммодора. В то время Вандербилт был единоличным владельцем одной из крупнейших американских компаний – «Нью-Йорк сентрал». После длительных драматических забастовок железнодорожников в 1877 году общественное мнение восстало против владельцев железных дорог, которых оно обвинило в том, что те эксплуатируют не только рабочих, но и пассажиров. Законодательная палата штата Нью-Йорк начала расследование по делу Вандербилта.

Морган немедленно пришел ему на помощь. План его был таков: из 400 тысяч акций «Нью-Йорк сентрал» Вандербилт продает – разумеется, при посредничестве банкирского «Дома Моргана»—250 тысяч. На полученные деньги (примерно 35 миллионов долларов) Вандербилт покупает государственные облигации, приносящие неплохой доход. Таким образом он избавляется от бремени единоличного владения железной дорогой, сохраняя при этом значительный пакет акций и полный контроль над дорогой. Продажей акций занялся Морган, создав для этой цели особый «синдикат». Покупателями акций стали прежде всего английские аристократы, охотно вкладывающие свои деньги в предприятия Нового Света. На этой сделке Морган заработал несколько миллионов (точная сумма не была объявлена) и через Вандербилта завоевал влияние еще на одной крупной железной дороге.

Десять лет спустя Морган сделал новый шаг в направлении «реорганизации» железных дорог – шаг, который был равнозначен усилению его влияния и увеличению прибылей. 2 января 1889 года банкирский «Дом Моргана» по соглашению с двумя другими банкирами направил приглашение крупнейшим американским железнодорожным магнатам. В этом приглашении, содержавшем пометку «Лично и конфиденциально», было сказано: 8 января в библиотеке Моргана на Мэдисон-авеню, 219, состоится совершенно секретное совещание группы банкиров и владельцев железных дорог.

Как пишет Густав Майерс, приглашение Моргана «было историческим документом». По мнению этого исследователя

американских богачей, «оно имело большее значение, чем ряд посланий президента, решений Конгресса или судебных приговоров». По инициативе Моргана должно было быть заключено соглашение между всеми железнодорожными магнатами о прекращении конкурентной борьбы и установлении принципов сотрудничества.

В назначенный день и час все приглашенные собрались в знаменитой библиотеке Моргана – той самой, что вошла в историю США со времен экономического кризиса 1907 года. Но в тот день (в январе 1889 года) там еще не было произведений искусства – миллионер делал только первые шаги как коллекционер скульптур и картин. На заседании председательствовал Морган. Он же произнес вступительную речц в которой предложил создать новую межштатную организацию под названием «Интерстейт коммерс рейлуэй коммити». Она-то и должна была ликвидировать нездоровую конкуренцию между владельцами железных дорог. Морган недвусмысленно дал понять собравшимся, что использует всю свою финансовую мощь, чтобы принудить их к сотрудничеству. И гости вынуждены были принять его предложения.

Созданная Морганом неофициальная организация пригодилась ему несколько лет спустя, когда в 1893 году разразился очередной экономический кризис. В числе обанкротившихся предпринимателей, торговцев и банкиров оказались тогда и некоторые владельцы железных дорог. Александер Д. Нойес, американский историк, занимающийся вопросами экономики, подсчитал, что за два года в состоянии упадка оказалось 169 железных дорог, которым принадлежала четвертая часть всех капиталов, вложенных в железнодорожные компании. О своем банкротстве объявили, в частности, такие крупные железнодорожные фирмы, как «Балтимор энд Огайо», «Эри», «Норзерн пасифик», «Юнион пасифик» и «Санта-Фе».

Вот теперь-то Морган мог использовать все свои капиталы и проявить все таланты! Его представители «исследовали финансовое положение железнодорожных компаний, объявивших о своем банкротстве, и представили шефу планы «реорганизации» – Морган выступал тут как банкир, который «спасает» железные дороги от полной катастрофы. По странному стечению обстоятельств все его шаги были направлены к тому, чтобы еще более увеличить свое влияние на железнодорожные компании.

Нет смысла описывать здесь многочисленные стычки Моргана с конкурентами, которые отнюдь не спешили сдавать свои позиции и расставаться с прибылями. Но почти в каждой схватке выигрывал именно Морган. В последние годы прошлого века он

стал фактическим диктатором в сфере американских железных дорог, опередив даже прежнего железнодорожного короля Гарримана.

Фредерик Л. Аллен, который постоянно стремится обелить Моргана, заверяет читателей, что власть его над железными дорогами была якобы «ограничена» и сводилась лишь к «праву вето». Однако даже этот апологет миллиардера приводит длинный список железнодорожных компаний, которые перешли под контроль Моргана. Аллен признает:

«В 1897 году сформировалась такая система господства, влияний и дружественных консультаций, которая в глазах наблюдателей могла действительно создать впечатление о наличии железнодорожной империи во главе с Пирпонтом Морганом в качестве императора».

В ходе захвата различных железных дорог или в поисках мер к установлению над ними финансового контроля Морган как бы нехотя становился и владельцем угольных шахт. Когда железнодорожная компания «Филадельфия энд Ридинг» оказалась в трудном положении, Морган оказал ей «помощь»: сперва довел дело до падения курса ее акций, а потом скупил их по дешевке. Вместе с линией железной дороги Морган купил и принадлежавшие ей крупные угольные шахты в штате Пенсильвания.

Но конституция этого штата содержала пункт, запрещающий сосредоточение в одних руках железных дорог и угольных шахт. Правда, богачи не обращали на это никакого внимания: с помощью ловких адвокатов они создавали фиктивные фирмы, которым передавали угольные шахты, сохраняя в своем прямом владении железные дороги. Когда спустя несколько лет все эти махинации стали известны Верховному суду в Вашингтоне, было принято решение, выгодное для миллионеров. Морган воспользовался этим и оставил у себя угольные шахты компании «Филадельфиа энд Ридинг». Но в 1902 году именно это обстоятельство привело его к стычке с горняками, о чем автор намерен рассказать несколько подробнее, ибо это лучше освещает образ жизни миллиардера.

В конце августа 1902 года Морган после длительного пребывания в Европе вернулся в Штаты. Еще во время своего путешествия по Европе он получал из дому тревожные сообщения о крупной забастовке рабочих на шахте, принадлежавшей компании «Филадельфиа энд Ридинг». Забастовка началась в мае, и все попытки ликвидировать ее с помощью компромисса между горняками и директорами шахты оказались тщетными. Ознакомившись с положением дел, Морган решил, что ему не

следует заниматься забастовкой, хотя шахта и была его собственностью.

Забастовка продолжалась и постепенно охватила другие шахты. Горняки требовали улучшения условий труда и признания их профсоюза. От имени владельцев выступил Джордж Ф. Баер, который и слышать не хотел о переговорах с горняками, а тем более с их профсоюзом. Когда же в стране стала ощущаться нехватка угля, президент Рузвельт в октябре взял дело в свои руки. Однако и он не смог убедить Баера и директоров шахт начать переговоры: те не шли ни на какие уступки.

Американский историк Льюис Кори, в 1930 году опубликовавший свою книгу «Дом Моргана» («The House of Morgan»), утверждает, что миллиардер запретил директорам шахт идти на какие-либо уступки. По мнению Моргана, рабочие должны были прекратить забастовку и только после этого следовало начать переговоры. В связи с этим Кори приводит отрывок из петиции торговцев и промышленников Пенсильвании, направленной президенту Теодору Рузвельту:

«Разве Дж. П. Морган стоит над народом? – спрашивали они. – Морган навязал нам запрет, который равнозначен разрушению, нужде, беспорядкам и кровопролитию… Мы отказываемся от короля трестов и обращаемся к президенту народа».

Обеспокоенный создавшимся положением, военный министр Илиу Рут нашел выход из положения, который понравился и Рузвельту. Рут выехал в Нью-Йорк, где встретился с Морганом, подлинным владельцем шахт, добывающих антрацит. Встреча состоялась на борту его яхты «Корсар», бросившей якорь в нью-йоркском порту. После нескольких часов совещания Рут и Морган разработали формулу компромисса, призванного покончить с забастовкой. Выждав несколько дней, Морган отправился в Вашингтон, где его принял Рузвельт, утвердивший текст документа, согласованного на яхте миллиардера. На следующий день свое согласие выразили Баер и представители горняков.

Когда в 1904 году Теодор Рузвельт выставил свою кандидатуру на второй президентский срок, Морган частично финансировал его избирательную кампанию, ассигновав для этой цели 100 тысяч долларов (правда, потом Теодор Рузвельт заверял всех, что он «не знал» о таком взносе). А во время экономического кризиса 1907 года президент Рузвельт закрыл глаза на существующие антитрестовские законы, выразив согласие на поглощение моргановским «Стальным трестом» конкурирующего концерна.

«Юнайтед Стейтс стил»

Двенадцатого декабря 1900 года в салонах фешенебельного закрытого клуба «Юниверсити клаб» в Нью-Йорке состоялся торжественный ужин. Хозяевами были нью-йоркские банкиры Д. Эдвард Симмонс и Чарлз Стюарт Смит, а почетным гостем – Чарлз Шваб, председатель правления крупного стального концерна «Карнеги стил компани». Оба хозяина недавно гостили в Питтсбурге, где побывали на заводах концерна, и, видимо, признали необходимым отблагодарить Шваба за гостеприимство.

Среди восьмидесяти других гостей, представлявших сливки американского мира банкиров и промышленников, находился также Джон Пирпонт Морган, которого посадили рядом с почетным гостем. Все полагали, что цель этого пышного приема – установление контакта между Швабом и Морганом. После десерта и кофе выступил Шваб. Говорят, что он был записным оратором.

Магнат начал с того, что он специализируется исключительно на стали, и поэтому именно она будет темой его речи. Затем он развернул перед слушателями заманчивую картину развития американской сталелитейной промышленности. Оратор доказывал, что Соединенные Штаты обладают крупнейшими на земном шаре месторождениями и запасами сырья, необходимыми для выплавки стали, что американская технология в этой области – наилучшая в мире и что можно снизить цены на изделия сталелитейной промышленности, если будет увеличен спрос на них. По мнению Шваба, путь к этому заключался в сосредоточении всей сталелитейной промышленности в одном гигантском тресте, который сразу ликвидировал бы конкуренцию, а затем ввел строгую специализацию на подведомственных тресту предприятиях.

Присутствующие сразу заметили, что Дж. П. Морган внимательно прислушивается к словам оратора и даже отложил в сторону зажженную сигару. Когда Шваб закончил свою речь, Морган подошел к нему, отвел в укромный уголок одного из салонов и полчаса доверительно с ним беседовал. Плодом этой тайной беседы было рождение крупнейшего в истории Америки гиганта сталелитейной промышленности – концерна «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», известного под сокращенным названием «Ю. С. стил».

Многочисленные американские авторы подробно описывают прием в «Юниверсити клаб» и уверяют, что Морган, «пораженный» речью Шваба, внезапно решил создать «Стальной

трест», который – что самое странное! – начал функционировать буквально через три месяца после описанного приема! Но это сказочка для легковерных американцев, от которых скрыты закулисные реальности возникновения крупных трестов и монополий. Другие исследователи, например Густав Майерс, вообще обходят молчанием сей предосудительный прием, а Мэтью Джозефсон спрашивает: «Не было ли это комедией, подготовленной и отрепетированной Эндрю (Карнеги)?»

В последние годы XIX века в Штатах усилились конкурентные баталии между владельцами сталелитейных заводов. Одним из самых богатых среди них был именно Эндрю Карнеги, но и Дж. П. Морган в то время тоже владел акциями нескольких сталелитейных предприятий. Да и слишком долго он интересовался железными дорогами, чтобы не уметь разобраться в стальной промышленности и выгодах, которые та сулит.

Дополнительным толчком в этом деле стала американо-испанская война 1898 года, которая благоприятствовала экономической конъюнктуре и увеличила спрос на сталь. Прием в «Юниверсити клаб» был, таким образом, не столько началом определенного процесса, сколько его окончанием. Созрела необходимость концентрации капиталов в сталелитейной промышленности, и Морган решил этим воспользоваться. В течение нескольких последующих месяцев он развил лихорадочную деятельность, неоднократно встречаясь со Швабом и другими магнатами стали. Результатом было приобретение уже известных нам предприятий Карнеги за фантастическую сумму в полмиллиарда долларов.

Препятствием в создании нового стального треста была необходимость приобретения соответствующих месторождений железа. Крупные залежи железной руды в районе Месаби Рэндж были собственностью Рокфеллеров. А Пирпонт Морган ненавидел Джона Д. Рокфеллера и не желал иметь с ним дело даже в качестве покупателя. Когда же Морган уступил многодневным уговорам своих компаньонов и все-таки явился к Джону Д., визит оказался бесполезным: старый миллионер заявил, что он уже «отошел от дел», и отослал Моргана к сыну. Сын Рокфеллера долго не уступал, дорожился, но в конце концов согласился продать залежи железной руды. Общей суммы сделки никто и никогда не регистрировал, но специалисты называют цифры от 30 до 80 миллионов долларов.

Вот теперь все было готово! В марте 1901 года в американских газетах появились сообщения, что в штате Нью-Джерси зарегистрирован новый трест под названием «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». Как раньше Рокфеллер (при создании

концерна «Стандард ойл»), так теперь Морган воспользовался удобными для миллионеров законами штата Нью-Джерси. Новый трест охватывал своим контролем и властью преобладающую часть американской сталелитейной промышленности.

Акционерный капитал «Ю. С. стил» составлял 1,4 миллиарда долларов, что было неведомым доселе рекордом в истории Соединенных Штатов. В связи с этим полезно отметить, что фактическая стоимость всех предприятий, включенных в трест, исчислялась лишь 700 миллионами долларов. Вторую часть капитала представляли собой «разжиженные» акции[18], что открывало широкие возможности для различных спекуляций. Созданный для этого синдикат банкиров занялся распространением акций и облигаций нового треста. Единовременную прибыль от такой операции специалисты определяли в 62 миллиона долларов, из которых пятая часть приходилась на долю Моргана. В перспективе было еще более важное и доходное дело: завоевание решающего голоса в американской сталелитейной промышленности.

Создание треста «Ю. С. стил» стало подлинной сенсацией в Соединенных Штатах. (Фирма была крупнее всех известных доселе концернов, опережала их по размеру акционерного капитала и численности занятых рабочих – 178 тысяч человек). В американских газетах того времени повторялся такой анекдот. Однажды учитель спросил маленького Джонни: «Кто создал мир?» На что последовал ответ: «Господь Бог создал мир в 4004 году до рождества Христова, а Пирпонт реорганизовал его в 1901-м».

Вскоре выяснилось, что создатели треста во главе с Морганом обманули ожидания общества.

Во-первых, они заверяли, что рабочие сталелитейных заводов будут их «компаньонами», и в доказательство вручали им одиночные акции «Стального треста» (этот пропагандистский трюк потом не раз повторяли другие). Когда же летом 1901 года на нескольких заводах вспыхнули забастовки, дирекция треста подавила их самым беспощадным образом. В объявлении треста можно было прочесть:

«Мы являемся решительными противниками организации рабочих (завода) в профсоюзы и рекомендуем зависимым от нас компаниям занять в этом вопросе решительную позицию и не признавать профессиональных союзов».

Забастовка была подавлена, но при этом общественное мнение узнало, что на заводах существуют бесчеловечные условия труда. Люди работали тогда по двенадцать часов в день – это было узаконено решениями правительства.

Во-вторых, «Ю. С. стил» пренебрег своими обещаниями в

части снижения цен на сталь. Как известно, Шваб заверял всех, что концентрация всей стальной промышленности непременно приведет к снижению цен. На деле же одним из первых шагов нового треста было установление твердых цен на железнодорожные рельсы: вместо прежних 23 долларов 75 центов за тонну теперь приходилось платить 28 долларов. Такое повышение цен было тем более необоснованным, что себестоимость тонны рельсов составляла всего 12 долларов (об этом потребители узнали много лет спустя, когда было опубликовано частное письмо Чарлза Шваба).

Но эксплуатация рабочих и сохранение высоких цен на товары соответствовали жизненной философии Дж. П. Моргана. Создание треста «Ю. С. стил» стало для него наряду с банками и железными дорогами третьим источником получения миллионных прибылей. Как и в железнодорожных делах, Морган и здесь не был ни производителем, ни коммерсантом, а лишь организатором и финансистом.

Несколько недель спустя после создания «Стального треста» Морган отправился на корабле «Тевтоник» в поездку по Европе. Однажды, читая журнал «Космополитен», он увидел такие строки: «3 марта 1901 года (дата регистрации «Ю. С. стил». – *Г.Я.*) так называемые государственные деятели перестали управлять миром… Подлинными властителями мира стали те, что взяли под свой контроль огромные запасы денег».

По прибытии в Лондон Морган заплатил баснословную сумму за картину «Портрет принцессы Девонширской» – он мог позволить себе и такие траты.

Во главе «Ю. С. стил» стал Чарлз Шваб, к которому Морган питал безграничное доверие. Но спустя несколько лет между ними возникли трения и Шваб вынужден был уйти в отставку. Морган бранил Шваба, в частности, за то, что тот ездил в Монте-Карло и предавался азартным играм. В это время Шваб и создал новый стальной концерн «Бетлихем стил корпорейшн», который вскоре стал – и остается по сей день – главным конкурентом «Ю. С. стил».

Шваба, самого доверенного лица Моргана, сменил Уильям Э. Кори. Но вскоре миллиардер пожалел о своем выборе: в 1907 году Кори стал героем (в негативном значении слова) американской прессы. Нет, не потому, что в соответствии с принципами своего шефа эксплуатировал рабочих, и не из-за того, что сохранял для фирмы высокие цены на сталь. Американские газеты заинтересовались им в связи с его бракоразводным процессом и новой женитьбой.

Второй женой Кори стала популярная тогда актриса Мейбл

Гилмен. Гордясь своим успехом, Кори устроил в Нью-Йорке пышную свадьбу, купил для своей любимой замок во Франции за 200 тысяч долларов и охотно рассказывал журналистам, что его расходы в связи со свадьбой и медовым месяцем превышают полмиллиона долларов.

Пирпонт Морган, приняв во внимание поднявшийся по этому поводу светский шум и компрометацию своего доверенного, расстался с ним. Сложный механизм «Ю. С. стил» был столь хорошо отрегулирован и смазан, а позиции треста так крепки, что смена на высших постах не оказала большого влияния на прибыли Они постоянно увеличивались вплоть до смерти Моргана, а в годы первой мировой войны побили все рекорды в одном только 1917 году чистая прибыль треста (за вычетом всех налогов и расходов) составила 250 миллионов долларов!

Коль скоро речь зашла о периоде после смерти Дж. П. Моргана, следует немного остановиться на нынешнем положении треста «Ю. С. стил». Если этот трест и утратил свои монопольные позиции, то все же он остается крупнейшей фирмой сталелитейной промышленности капиталистического мира. Его годовая производительность превышает 20 миллионов тонн стали (то есть в два раза больше, чем вся продукция польских сталелитейных заводов), а годовые работы составляют около 4 миллиардов долларов.

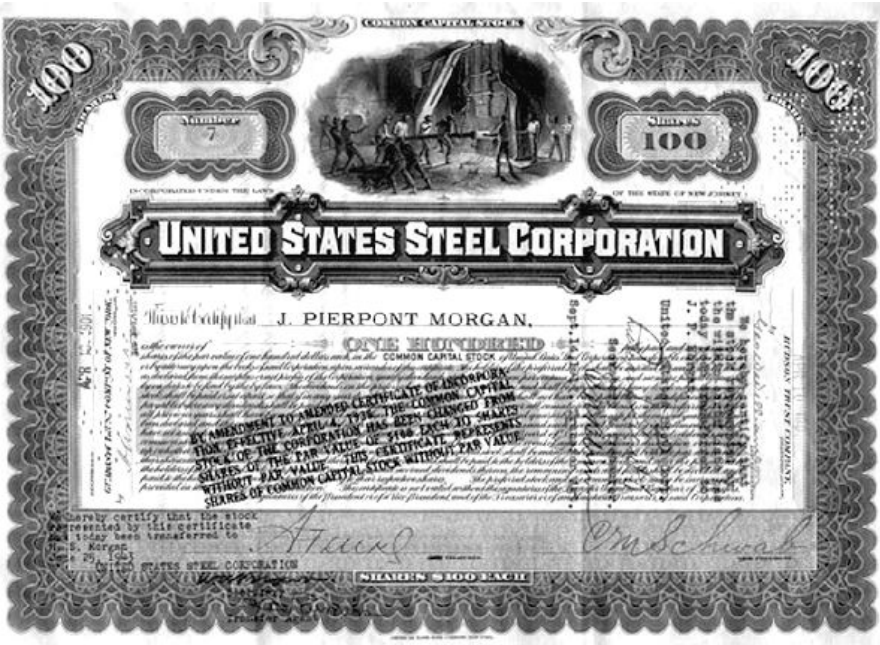
Насколько велико значение «Ю. С. стил», мог убедиться еще в начале шестидесятых годов нашего столетия президент США Джон Ф. Кеннеди. Одним из аспектов его экономической политики была борьба с инфляцией, в связи с чем президент противодействовал повышению цен и заработной платы. После долгих и трудных переговоров Кеннеди добился компромисса между председателямп стальных концернов и сильного профсоюза литейщиков: первые обязались удерживать цены на сталь на существующем уровне, а вторые отказались от требования о повышении зарплаты.

Тем большим было удивление Джона Кеннеди, когда в апреле 1962 года к нему неожиданно явился Роджер Блоу, тогдашний глава «Ю. С. стил». Целью его визита в Белый дом было намерение сообщить президенту, что стальные концерны решили повысить цены на сталь на 6 долларов за тонну и что газетные агентства объявят об этом буквально через час. Таким образом, Блоу поставил Кеннеди перед свершившимся фактом.

Возмущенный президент заявил, что повышение цен на сталь не имеет никакого экономического основания. Он предвидел, что такое повышение станет исходным пунктом для роста других цен. И в довершение всего он оказался в роли человека, который ввел

в заблуждение руководителей профсоюза литейщиков.

Честолюбивый и энергичный, президент Джон Кеннеди немедленно приступил к контрдействиям. Первый раунд этой баталии он выиграл: директора стальных концернов временно отказались от повышения цен. Но только временно! Год спустя, на сей раз по согласованию с президентом, были повышены цены на некоторые виды стальных изделий Трест «Ю. С. стил» и другие концерны поставили на своем. Роджер Блоу оказался достойным преемником Пирпонта Моргана.



Один из самых ранних фондовых сертификатов US Steel Corporation. 1901год

«Корсар»

В 1882 году Морган счел, что он уже достаточно богат, чтобы позволить себе купить роскошную яхту, которой дал имя «Корсар». Он весьма охотно проводил время на борту яхты в компании своих друзей и «приятельниц», а кроме того, яхта в те времена считалась наглядным символом богатства. Восемь лет спустя Морган заказал другую яхту – «Корсар II», еще больших размеров и оборудованную с небывалой роскошью. На своих яхтах Дж. П. Морган не только отдыхал, но часто приглашал туда компаньонов или конкурентов, представителей правительства или подчиненных ему директоров, чтобы в тишине завершить какое-либо выгодное дело.

В 1898 году, когда разразилась американо-испанская война, Морган продал яхту «Корсар-Н» правительству, и переименованное судно приняло участие в военных действиях против Испании. Одновременно миллиардер заказал верфям новую яхту – «Корсар III». В заказе говорилось: судно должно быть значительно больше предыдущего (длина 302 фута, то есть около 100 метров), но оснащено с прежней пышностью. В ходе строительства возникли некоторые трудности, поскольку нельзя было достать таких же ковров, как на «Корсаре II». По поручению Моргана и на его деньги были сделаны точно такие же ковры, какие миллиардер очень любил.

В пожилом возрасте Морган все чаще бывал на своей яхте. Даже во время поездок в Европу он приводил яхту в Средиземное море, чтобы там принимать гостей. Чем больше он богател, тем охотнее встречался с членами королевских фамилий Европы. В Риме он добился аудиенции у итальянской королевы и у папы, а в Лондоне королева Александра сама прибыла в его резиденцию, чтобы полюбоваться его коллекциями произведений искусства. Кайзер Вильгельм принял его приглашение на завтрак, устроенный на борту яхты «Корсар III».

Название судна пристало и к самому Пирпонту Моргану, которого и друзья и враги единодушно – но, разумеется, за глаза – называли Корсаром. В этой кличке было немало правды. Льюис Кори в своей книге «Дом Моргана» пишет:

«Неукротимый в своей ненависти, Морган никогда не забывал и не прощал неуважения, а обижался очень легко. Отличаясь железной волей, он непоколебимо шел к намеченной цели, и, если при этом приходилось подминать под себя людей, он их топтал».

Среди множества примеров, которые приводят биографы

Моргана, упомянем лишь об одном. В 1893 году, когда Дж. П. Морган энергично занимался «реорганизацией» железных дорог, выяснилось вдруг, что председатель правления одной железнодорожной компании, некий Арчибалд А. Маклеод, не хочет мириться с диктатом миллиардера. А надо заметить, что Маклеод стоял во главе компании «Филадельфиа энд Ридинг» – той самой, что владела угольными шахтами, а позже была инициатором раздора Моргана с горняками.

Строптивое поведение Маклеода привело Моргана в бешенство: он не терпел никакого сопротивления. Миллиардер дал указание своим подчиненным начать на бирже крупную спекуляцию акциями этой компании. Результат сказался почти немедленно: несколько дней спустя компания «Филадельфиа энд Ридинг» не выдержала натиска и объявила о своем банкротстве. Маклеоду пришлось сойти со сцены, а компания перешла в руки Моргана.

Густав Майерс так характеризует Моргана в период завоевания им ведущего положения в железнодорожных делах:

«Он был жестоким, агрессивным финансистом, склонным к диктату и раздражительности. В своей области – банковском деле – Морган был великой силой. Его ум был решительным, всегда властвующим над ситуацией. От намеченной цели его не могли отвлечь ни люди, ни преграды. Его методы не отличались деликатностью… Агрессивность характера и поступков Моргана, его дерзкая отвага в преодолении препятствий, презрение к искусственным юридическим ограничениям, пренебрежение к общественному мнению, наконец, его умение определить, где будет получен наилучший результат, – все эти черты и способности были необходимы как раз в те времена».

Пирпонт Морган был Корсаром не только в бизнесе, но и в личной жизни. На этот счет нелишне еще раз процитировать Льюиса Кори, который пишет:

«Старый Морган отличался исключительным мотовством. Его любовные похождения шокировали пуританскую Америку. Своих многочисленных любовниц, которых он выбирал из числа красивейших женщин Европы и Америки, Морган награждал очень щедро, не уступая в этом самому Людовику XIV. Он был религиозен и имел собственную церковь, где держал своего пастора. Но приезжал он туда обычно со своей очередной любовницей, которая ожидала его в карете. Он не находил ничего аморального в этом фарисейском сочетании набожности с плотской распущенностью».

Даже Фредерик Л. Аллен, для которого Морган был «монархом Уолл-стрита» и который восхищается его

«королевским образом жизни», решается на несколько критических замечаний в адрес своего героя. Разумеется, они не столь прямолинейны, как обвинения Майерса или Кори, но достаточно красноречивы, ибо выходят из-под пера почти официального биографа. Аллен пишет:

«Когда Морган думал о промышленности, то он имел в виду не тысячи рабочих, чей труд увеличивал производство, и даже не о техническом прогрессе, благодаря которому растет производительность в промышленности. Он заботился прежде всего об инвесторах (читай: капиталистах. – *Г.Я.*), чьи деньги финансируют промышленность, а также о директорах и председателях, обязанностью которых является защита и обогащение инвесторов».

Аллен противопоставляет «королевский образ жизни и пышные путешествия» Моргана жизни «огромной массы рядовых мужчин и женщин, от которых он был страшно далек:

«Законы, направленные на признание за ними (рядовыми гражданами. – *Ред*.) права на большее участие в плодах национальной экономики, Морган считал плохими. По его мнению, такие законы вступают в противоречие с принципами бережливости и разумности, которые должны лежать в основе финансовой политики… Идея демократии была чужда Моргану».

* * *

Если Джон Д. Рокфеллер в пожилом возрасте стремился казаться, прежде всего «филантропом», то Дж Пирпонт Морган выступал в роли «коллекционера». Начал он с покупки старинных рукописей и первопечатных книг. Таким первым приобретением Моргана стала рукопись одной из книг Уильяма Теккерея, которую он так и не удосужился прочесть. Затем, особенно во время поездок в Европу, он скупал картины и скульптуры, стекло и хрусталь, миниатюры и барельефы, гобелены и старинные часы, редкие издания Библии, ценные автографы знаменитостей.

Следует заметить, что при этом Морган не раз становился жертвой обедневших аристократов, которые продавали ему фальшивые «семейные реликвии», или мошенников, которые уговаривали его купить различные подделки, выдавая их за произведения выдающихся мастеров. Широко известен анекдот о приобретении Морганом поддельного «Портрета ребенка» Веласкеса. Когда эксперты установили, что эта мазня не имеет ничего общего с Веласкесом, взбешенный Корсар заявил: «Мне все равно, кто нарисовал это!»

Разраставшиеся год от года коллекции Морган хранил либо в своем огромном особняке, который все больше напоминал захламленный музей, либо в нью-йоркском «Метрополитен музеум оф арт», который он опекал, входя в состав его правления и занимая там почетный пост председателя. На этой почве и произошел характерный инцидент между Дж. П. Морганом и знаменитым американским экспертом и критиком Роджером Фраем, который в течение ряда лет был хранителем музея.

Вирджиния Вулф, автор книги «Роджер Фрай», так пишет об этом инциденте. В 1909 году Фрай хотел приобрести для музея какую-то картину. Узнав об этом, Морган заявил, что намерен купить ее для себя. Разразился скандал, но миллиардер поставил на своем, и Фрай подал в отставку. Чувствуя горечь и обиду, Фрай дал волю своим чувствам, назвав Моргана «отвратительнейшей личностью». В письме, которое цитирует Вирджиния Вулф, Фрай писал:

«Я убежден, что ему нужна только лесть. Подлинная ценность вещей ему безразлична. Эксперты ему нужны лишь для того, чтобы подтверждать необычайную быстроту его мысли. Этот человек настолько надут спесью и сознанием собственной мощи, что ему никогда не приходило в голову, что другие люди тоже имеют какие-то права».

Фрай весьма сатирически описал совместную с Морганом поездку в Италию. При этом он подчеркнул, что, несмотря на свои семьдесят лет, миллиардер путешествовал в сопровождении любовницы.

В последние годы жизни Дж. П. Моргана американская буржуазная пресса славила коллекционера, подчеркивая его «великодушие» в связи с передачей им большинства своих коллекций музею «Метрополитен». Повсеместно думали, что это был бескорыстный дар, но, как утверждает Фердинанд Ландберг в своей книге «60 семейств Америки», после смерти Моргана выяснилось, что миллиардер лишь «одолжил» музею свои коллекции. А его сын, который вел переговоры с дирекцией музея, продал музею эти «дарованные» коллекции за 25 миллионов долларов. Как видим, Пирпонт Морган умел наживать деньги даже после смерти…

«Группа Моргана»

Если так можно выразиться, старый Морган умер вовремя. В ходе расследования по делу о банкротстве железнодорожной компании «Нью-Хейвен» обнаружились многочисленные злоупотребления и скандальные аферы. Престиж банкирского дома «Дж. П. Морган энд компани» был подорван. Сын миллиардера, Джон Пирпонт-младший, не обладал ни способностями, ни самоуверенностью отца. Как пишет Холбрук, целых шесть лет сын оставался в тени живого отца, а в последующие тридцать лет – в тени покойного отца. В его банкирском доме все большую роль стали играть талантливые директора, верные традициям Корсара.

Весной и летом 1914 года банк Моргана был неожиданно атакован на страницах прессы. Высказывалось немало предположений, что он обанкротится. Судьба банка изменилась буквально за несколько дней: в Европе началась Первая мировая война. Английское и французское правительства обратились к банку Моргана с предложением быть их представителями в Соединенных Штатах. Разумеется, директора банка тотчас же дали согласие. Лондон и Париж требовали немедленных кредитов. Директора искали новые источники прибылей. Поэтому интересы обеих сторон совпали, так как распространение на американском рынке английских и французских государственных облигаций было очень выгодным предприятием для тех и других.

Дирекцию банковского дома не обвинишь в отсутствии дальнозоркости. Ф. Ландберг приводит любопытную и малоизвестную речь, произнесенную в 1915 году Томасом У. Ламонтом, компаньоном Моргана-младшего, который после смерти Пирпонта стал во главе банка. Выступая в Филадельфии на заседании Академии политических и общественных наук США, Ламонт цинично заявил, что Соединенные Штаты кровно заинтересованы в том, чтобы война в Европе длилась как можно дольше, что она благоприятствует американскому экспорту и что после войны «США станут финансовым центром мира». Где было этому циничному банкиру предположить, что одним из результатов войны станет Великая Октябрьская революция!

Многие американские авторы утверждают, что в в 1917 году банкирский дом Моргана развил бурную закулисную деятельность и существенно способствовал вступлению США в войну на стороне союзников. Об этом пишет, например, Фердинанд Ландберг, а также Джордж Сельдес в своей книге «1000 американцев»[19]. В связи с этим цитируется депеша

американского посла в Лондоне Уолтера Хайнса Пэйджа президенту Вильсону, датированная мартом 1917 года.

Как свидетельствует Ландберг, Пейдж был не только представителем американского правительства, но и посланцем банкиров с Уолл-стрита. В своей депеше президенту он с грубой прямотой доказывал, что Соединенные Штаты должны объявить войну Германии, так как лишь таким способом можно увеличить кредиты английскому и французскому правительствам (что было равнозначно увеличению прибылей посредничающих банков, прежде всего банка Моргана). Несколько недель спустя после получения депеши Пэйджа президент Вильсон получил согласие конгресса объявить войну Германии.

Чтобы избежать недоразумений, следует подчеркнуть, что директора банка Моргана, посол Пэйдж и другие сторонники вступления Америки в войну действовали отнюдь не из патриотических чувств. Их побуждения были совсем иными – ими руководила жажда прибылей. Когда после войны был подведен баланс, оказалось, что США «одолжили» правительствам европейских государств фантастическую сумму – около 10 миллиардов долларов! Американские банки во главе с банком Моргана заработали на этом немало миллионов долларов.

В течение нескольких следующих лет, вплоть до мирового экономического кризиса 1929 года, банк Моргана оставался одним из важнейших и наиболее влиятельных в экономической и финансовой жизни Соединенных Штатов. Резиденция банка по-прежнему находилась на скрещении Брод-стрит и Уолл-стрит, хотя само здание было перестроено и расширено. Американцы – одни с волнением, другие с ужасом – называли этот банк «Корнер», что дословно означает «угол»[20], и это имя стало неофициальным названием банкирского «Дома Моргана».

В октябре 1929 года, когда разразился очередной экономический кризис, все наиболее важные совещания американских банкиров проходили именно в «Корнере», а председательствовал на них неизменно тот же самый Томас У. Ламонт, выступавший от имени банка Моргана. Но в тот год попытки спасти положение на бирже потерпели фиаско: на долгие четыре года Соединенные Штаты были ввергнуты в пучину самой тяжелой в истории страны экономической катастрофы. Милая сердцу Корсара легенда о всевластии и непогрешимости «Дома Моргана» оказалась в данном случае сказкой для наивных детей.

Американский издатель и финансист Эллиот В. Белл писал в 1938 году о деятельности банка Моргана в период, предшествовавший великому кризису:

«Позиция “Дома Моргана” была единственной в своем роде, и в те годы никто не подвергал сомнению его право на руководство. Нелегко объяснить, откуда берется мощь и сила Моргана: ведь это не самый крупный банк на Уолл-стрите. Но из дюжины других банков он располагает самым большим капиталом. Правда и то, что дом Моргана оказывает большое влияние на некоторые из этих крупных банков (это так называемые “морган овские банки”), но так никогда и не было установлено, в какой мере это влияние основано на финансовом контроле. Позднейшая мощь “Корнера”, по-видимому, была очень велика, но, по-моему, это не самый главный фактор в главенствующей роли банка. Большее значение, нежели деньги, имеет репутация [банка Моргана] и его возможности…

“Корнер” – это не только банк, учреждение. Это имя стало символом Уолл-стрита. Одни видят в «Корнере» некое хищное существо, которое оплетает своей паутиной и контролирует большинство банковских и промышленных ресурсов всей страны, другие – наполовину филантропическую организацию, благотворная помощь которой способствовала расцвету крупных банков и концернов…

Многие люди на Уолл-стрите еще помнят те времена, когда финансовые титаны безумствовали на бирже, ведя частные войны в своих корыстных целях. Это были годы, когда Дж. П. Морган-старший приглашал к себе группу растерянных банкиров и давал им решительные указания, как “овладеть паникой”. И совсем близки те дни, когда правительство обращалось к заправилам Уолл-стрита с просьбой дать совет и [указать] средства решения экономических проблем: могло показаться, что Уолл-стрит командует Вашингтоном».

В соответствии с требованиями тогдашней американской пропаганды Эллиот В. Белл писал о доминирующей роли банков на Уолл-стрите в прошедшем времени. Но правда заключается в том, что в годы рузвельтовского Нового курса значение банков, в том числе банка Моргана, несколько уменьшилось. Правдой, однако, является и то, что банки по-прежнему имеют решающий голос в экономической жизни США, а тем самым и в политической деятельности государства.

В 1958 году произошло объединение старого банка «Дж. П. Морган энд компани» с оставшимся под его влиянием банком «Гаранта траст компани». Новый институт под названием «Морган гаранти траст компани» унаследовал старый «Корнер» на Уолл-стрите и стартовал с акционерным капиталом в 4 миллиарда долларов. Банк Моргана и по сей день находится во главе огромной финансовой и промышленной империи, которая

справедливо именуется «группой Моргана».

* * *

Читатели, наверное, заметили, что выше речь шла о банке Моргана, или «группе Моргана», однако еще не были названы наследники старого Пирпонта. Так вот, в отличие от Рокфеллеров, где на место Джона Д. пришел сначала сын, а затем пять внуков, в семье Морганов не было никого, кто унаследовал бы способности и изворотливость Корсара. Его сын, Джон Пирпонт-младший, оказался человеком неспособным – его деятельность практически равнялась нулю. Как отмечалось выше, банкирским домом и другими морган овскими предприятиями руководили способные директора. Старший из третьего поколения Морганов, Джуниус Спенсер, умер в 1960 году, даже не пытаясь вмешиваться в пугавшие его трудные финансовые проблемы. Сын его, названный гордо Джон Пирпонт III, тоже ничем особенно до сих пор не отличился. И если его имя время от времени появляется в американских газетах, то чаще всего в отделе светской хроники, но отнюдь не на страницах, отведенных экономическим вопросам.

Не вошли наследники Моргана и в число самых богатых людей современной Америки. Еще в 1938 году, когда Фердинанд Ландберг составлял свой список шестидесяти богатейших семейств Соединенных Штатов, на втором месте после Рокфеллеров он поместил членов так называемой «внутренней группы Моргана», подчеркнув, что в эту группу включены компаньоны и генеральные директора «Дома Моргана». Когда же спустя тридцать лет Ландберг привел в своем труде «Богачи и сверхбогачи» имеющий огромное значение список сорока двух богатейших американцев, то в нем не оказалось ни одного представителя семейства Морганов.

Однако не будем сочувствовать им: они спокойно стригут купоны акций тех или иных банков и морган овских концернов. А все эти банки и концерны, вместе взятые, по-прежнему являются одной из крупнейших экономических сил в Соединенных Штатах. По подсчетам Виктора Перло (в цитированной выше книге «Империя крупных финансовых магнатов»), общий актив акционерных компаний «в сфере влияния Морганов» достигал в 1955 году огромной суммы – около 65 миллиардов долларов!

Перечень Перло состоит из нескольких десятков пунктов – банков, страховых компаний, промышленных концернов, транспортных и коммунальных предприятий, заводов и т. д.

«Группа Моргана», как и «группа Рокфеллеров», вкладывает свои деньги в самые различные области экономики, не прекращая поисков вое новых и новых объектов для инвестирования капиталов и получения высоких прибылей. Вместе с тем она изымает капиталы из менее выгодных предприятий.

Назовем здесь лишь некоторые пункты из длинного перечня Виктора Перло. Наряду с такими известными банками, как «Дж. П. Морган энд компани» и «Гаранти траст компани» (которые потом объединились), автор называет еще несколько (например, «Бэнкерз траст»), а также целый ряд страховых обществ, находящихся в орбите влияния «группы Моргана». Крупнейшим из них является «Пруденшл иншуренс» («Предусмотрительное страхование»), актив которого превышает 12 миллиардов долларов. (В довоенные годы «Пруденшл» действовал также в Польше. После него осталось здание, которое до войны у нас называли небоскребом. Сейчас там расположен отель «Варшава».)

Перечень морган овских промышленных концернов открывает хорошо нам известный «Стальной трест» («Ю. С. стил»). Эта фирма, жемчужина в короне династии Морганов, значительно расширилась в период второй мировой войны. Металлургические заводы, построенные американским правительством за счет государства и обошедшиеся в круглую сумму 350 миллионов долларов, после войны перешли в собственность «Ю. С. стил», которая заплатила за них 120 миллионов долларов.

На второе место Перло поставил концерн «Дженерал электрик», в котором, как он сообщает, «группа Моргана» располагает сравнительно небольшим пакетом акций, однако сохраняет там решающий голос через своих директоров. «Дженерал электрик» – это крупнейший на земном шаре электротехнический комбинат. Основой нынешнего богатства концерна является его участие в производстве ядерного оружия и электронного оборудования. На различных заводах концерна выпускаются атомные реакторы для подводных лодок, боеголовки с атомным зарядом для ракет, реактивные двигатели для военных самолетов и управляемых снарядов и т. д., и т. п. Правительственные заказы широким потоком льются в «Дженерал электрик», а каждый новый заказ – это миллионы долларов.

По мнению Виктора Перло, фирма «Интернэшнл бизнес мэшинз», более известная под инициалами ИБМ (крупнейший в мире производитель компьютеров), также остается в сфере влияния «группы Моргана». Последующие места в перечне Перло занимают концерны таких различных направлений, как химическая и бумажно-целлюлозная промышленность, угольные шахты, нефтяные вышки, легкая промышленность, в том числе

производство знаменитой кока-колы.

В то же время Перло не включает в «группу Моргана» гигантский концерн «Дженерал моторс», хотя в другом месте он упоминает о большой задолженности этого концерна банку Моргана, а также говорит о многочисленных персональных связях концерна с «группой Моргана». Оказывается, что одни и те же люди занимают ответственные посты в «Дженерал моторс» и в банках Моргана. Однако контрольный пакет акций концерна находится в руках династии Дюпонов.

Стоит подчеркнуть, что в перечне Виктора Перло фигурируют различные железнодорожные компании (следы того времени, когда старый Морган был диктатором в сфере железных дорог) и концерны, которым принадлежат электростанции и газовые заводы (в США – частные), а также крупная фирма «Американ телефон энд телеграф» (в которой, по мнению Перло, «группа Моргана» делит свое влияние с «группой Рокфеллера»).

Вместо новых примеров следует процитировать отрывок из диалога на тему о влиянии «группы Моргана». Так, в 1950 году еще одна комиссия палаты представителей (как при жизни старого Моргана Комиссия Пюжо) занялась расследованием вопроса о влиянии трестов и монополий. Проводивший от имени комиссии допросы член палаты представителей Эммануэл Келлер в связи с предъявлением отчета директоров банка Моргана, занимающих одновременно ведущие посты в различных концернах, поставил такой вопрос: «Существовала ли когда-либо в США компания, которая благодаря своим объединенным директорским постам обладала бы такой огромной финансовой властью?» Отвечавший в качестве свидетеля Дональд К. Кук, эксперт по ценным бумагам и биржевым операциям, ответил весьма осторожно: «Можно с некоторым основанием допустить, что указанная фирма [банк Моргана] занимает с этой точки зрения исключительное место».

В начале этой главы мы сравнивали Дж. Пирпонта Моргана с Джоном Д. Рокфеллером. Сейчас хотелось бы вернуться к этому сравнению. Читая их биографии, знакомясь с более или менее объективными сообщениями об их жизни и деятельности, невольно приходишь к выводу, что и Морган, и Рокфеллер были, каждый по-своему, отвратительными людьми. Джон Д. с юных лет и до глубокой старости был ханжой и лицемером, готовым пуститься на любую аферу, лишь бы сохранялась видимость приличия. Джон Пирпонт Морган был грубым и циничным человеком, не признававшим никакой щепетильности и не думавшим о чести.

Поэтому очень трудно говорить о какой-либо симпатии к

таким людям. Но оба они сумели создать огромные финансовые империи, которые в значительной мере сформировали облик американской экономики. Имена Моргана и Рокфеллера вошли в историю Соединенных Штатов. Апологеты американской капиталистической экономики твердят о «величии» обоих миллиардеров, а противники и критики говорят о них как о жестоких эксплуататорах, сообщают об их злоупотреблениях, аферах и скандалах.

Действительно, Морганы и Рокфеллеры, Мелоны и Дюпоны благодаря своей предприимчивости и ловкости, энергии и инициативе сыграли определенную позитивную роль в расширении и перестройке экономики Соединенных Штатов. Но, с другой стороны, это были грубые и безжалостные люди, охваченные страстью к стяжательству, нещадно эксплуатировавшие своих рабочих. И это тоже оказало огромное влияние на формирование облика американского капитализма.

Глава 4. Дюпоны – это химия

Пьер Сэмюэль Дюпон де Немур – первый из династии Дюпонов – прибыл из Франции в Америку в 1800 году. Основатель одного из самых богатых и крупных семейств Америки

Школьные учебники и энциклопедии – как американские, так

и польские – сообщают, что Соединенные Штаты представляют собой федерацию из пятидесяти штатов. Это верно. Однако, быть может, более соответствовала бы действительности другая формулировка: США – это федерация сорока девяти штатов плюс «государство Дюпонов».

«Государство» это занимает площадь 5 тысяч квадратных километров (всего в два раза меньше, чем Краковское воеводство в Польше) и насчитывает свыше 500 тысяч жителей. Официально «государство» называется Делавэр. Это один из американских штатов. Колонизированный в самом начале XVII века шведами, он затем перешел в руки Голландии, а позже – Великобритании. Делавэр был одной из тринадцати английских колоний, которые в 1776 году провозгласили независимость.

Столицей Делавэра является город Довер, где находится резиденция губернатора и проходят сессии Законодательного собрания штата. Фактическим же административным, политическим, а также, что самое важное, промышленным центром является город Уилмингтон (100 тысяч жителей). Здесь размещены дворцы семейства Дюпонов, тут находится штаб их концерна, здесь принимаются решения, касающиеся всего «государства».

По внешнему виду Уилмингтон ничем особенно не отличается от остальных американских городов: такая же архитектура, такая же главная улица – Мэйн-стрит, те же рекламы, те же фильмы в кинотеатрах. Во время своего пребывания в Штатах автор проезжал через Уилмингтон несколько раз – поездом или на автомобиле по пути из Нью-Йорка в Вашингтон – и не заметил там ничего интересного.

Однако, как уверяют сведущие американцы, это исключительный город, особенно теперь, во второй половине XX века. Именно отсюда Дюпоны осуществляют власть над всем Делавэром и его жителями. Отсюда они дают указания губернатору, сенаторам и членам палаты представителей от своего штата, редакторам всех местных газет, шефу полиции штата, директорам школ и т. д., и т. п. Словом, Делавэр принадлежит Дюпонам. С этим смирились не только жители «государства», но и население других штатов Америки.

Поскольку такое положение вещей совершенно исключительно и, надо признаться, в него трудно поверить, сошлемся на выдающегося знатока Соединенных Штатов публициста Джона Гантера, которого никто и никогда не обвинял во враждебном отношении к своей стране. В его известной книге «Изнанка США» (“Inside USA”) можно прочесть такие строки:

«Дюпоны и Делавэр – это, пожалуй, синонимы… Штат

Делавэр обычно считается своего рода семейным халифатом Дюпонов. Как гласит старый анекдот, здесь существуют только две политические партии – сторонники Дюпонов и их враги. Однако с одной оговоркой: многие Дюпоны принадлежат к фракции анти-Дюпонов».

Перед тем как познакомить читателей с историей семейства Дюпонов и обратить их внимание на нынешнюю мощь этой династии, автор задает вопрос: «Действительно ли штатом Делавэр управляет семейство Дюпонов и их концерн?» На это следует ответ Гантера:

«Фирма Дюпон – это крупнейший и не имеющий конкурентов концерн, а также самый солидный в штате налогоплательщик. Без него Уилмингтон был бы безвестным железнодорожным полустанком».

Гантер обращает внимание на такие разные по значению, но характерные факты: бывший губернатор штата Делавэр, а тогда сенатор (сказанное относится к 1947 году) С. Дуглас Бак женился на девушке из семейства Дюпонов; единственный большой отель в Уилмингтоне и единственный театр принадлежат Дюпонам; без поддержки этого семейства в штате Делавэр невозможна никакая инициатива.

Коротко и убедительно освещает вопрос английский профессор Гарольд Д. Ласки, которого считают одним из крупных знатоков США. В своем фундаментальном труде «Американская демократия» (“The American Democracy”) он пишет:

«Избиратели Делавэра могут посылать в сенат двух своих представителей, но каждый знает, что подлинным шефом обоих этих сенаторов является семейство Дюпонов».

Мы уже обратили внимание читателя на то обстоятельство, что Дюпоны имеют собственное «государство». Однако куда более существен тот факт, что семейство Дюпонов – самое богатое семейство Соединенных Штатов. По скрупулезным подсчетам Фердинанда Ландберга, в 1964 году личное состояние Дюпонов оценивалось по меньшей мере в 7,6 миллиарда долларов, а возможно, и выше (Дюпоны, подобно другим миллиардерам, тщательно избегают оглашать сведения о своем состоянии). По мнению Ландберга, семейство Дюпонов значительно богаче даже таких американских династий, как Рокфеллеры, Меллоны и Форды.

Но Дюпоны никогда не были и не стали символом богатства, а их имя никогда не было столь широко известно ни в самой Америке, ни за ее пределами, как имена Морганов или Рокфеллеров. Семейство Дюпонов всегда держалось сравнительно скромно и избегало широкой известности. Дюпоны всегда

предпочитали действовать втихомолку, втайне сколачивая сначала миллионные, а затем и миллиардные состояния. Как верно пишет Дж. Гантер, они никогда не были «агрессивными в общественных и политических делах». Дюпоны никогда не властвовали на бирже в Нью-Йорке или в правительственных кабинетах Вашингтона. Однако именно они являются одной из великих сил в нынешней Америке, а не только в штате Делавэр.

Восемь поколений

Первый Дюпон прибыл из Франции в Америку в 1800 году. Случаю было угодно, чтобы он после длительного путешествия высадился на побережье Соединенных Штатов как раз 1 января, открыв новую страницу в летописи семьи и, как оказалось позже, в истории американской промышленности. Вместе с первым Дюпоном приехали двое взрослых его сыновей с женами и детьми. Вскоре семья Дюпонов американизировалась и изменила написание своей фамилии. Вместо французского Дюпон де Немур она предпочла более аристократически звучащее Дюпон, опустив дополнение де Немур.

Сегодня из восьми поколений Дюпонов в США живет около 1600 потомков родоначальника семьи. Дух предприимчивости первого Дюпона и его многообразные способности переходили из поколения в поколение. В прежние времена в семье часто заключались браки среди родственников, что, вопреки распространенному мнению, все же не приводило к вырождению потомков. На всякий случай позже семейный совет запретил такого рода браки.

Из 1600 здравствующих ныне Дюпонов почти 250 человек можно отнести к самым богатым в Штатах или просто богатым людям. Это преимущественно акционеры различных семейных концернов. Большинство их по-прежнему живет в Уилмингтоне, штат Делавэр, где некогда обосновался старый Дюпон. Все они привязаны к этому маленькому городу не только из-за семейных традиций. В чудесных старых парках размещены их роскошные дворцы, а законы этого штата, продиктованные Дюпонами, весьма удобны для них, поскольку предусматривают различные налоговые льготы и иные послабления (этими законами пользуются и некоторые другие концерны, например предприятия Форда, которые формально вписаны в реестр штата Делавэр).

В течение жизни восьми поколений Дюпонов эта династия явила миру немало своих любопытных представителей. Но мы познакомимся лишь с некоторыми. Разумеется, начать следует с основателя рода, хотя он и не имел ничего общего ни с порохом – основой богатства семейства, ни с химией – источником его миллионных доходов.

Пьер Сэмюэль Дюпон де Немур родился в Париже в 1739 году в семье часовщика. Его пышно звучащая фамилия довольно часто вводит в заблуждение некоторых авторов: можно предположить, что он был дворянином, находился в свите Людовика XVI, ходил в «расшитом золотом камзоле с кружевными манжетами» и

«размахивал шпагой». Это явное недоразумение. Сын часовщика сначала изучал медицину, а потом заинтересовался проблемами экономики и вскоре стал одним из выдающихся представителей французского экономического течения, известного под названием школы физиократов.

В то время Пьер Дюпон тесно сотрудничал с Франсуа Кенэ и А. Р. Ж. Тюрго (позднее министром), а в 1767 году, когда ему еще не было и тридцати, опубликовал шеститомную книгу под длинным названием: «Физиократия, или Естественный совет наилучшему в мире правительству» (Pierre Samuel Du Pont de Nemours: Physiocratie, ou consultation naturelle du gouvernement le plus avantageux du genre humain). Благодаря этой работе Дюпон завоевал мировую славу и был приглашен читать лекции в Россию, Германию и Польшу.

В Варшаву Пьер Сэмюэль Дюпон де Немур приехал в семидесятые годы XVIII века. Французский ученый получил почетную должность секретаря Комиссии по национальному образованию, по ее поручению разработал детальный проект создания широкой сети польских школ. В соответствии с принципами физиократов элементарное обучение в этих школах призвано было повысить производительность крестьянского труда. Проект не был осуществлен, однако ответственность за это нельзя возлагать на француза.

По возвращении в Париж Пьер Сэмюэль Дюпон принимает участие в разработке проектов экономических реформ. И тут слава его доходит до отдаленной Америки. Тесный контакт с французским ученым устанавливает Томас Джефферсон, впоследствии президент Соединенных Штатов, который в 1785-1789 годах был американским послом в Париже. Дюпона даже пригласили участвовать в англо-американских переговорах по вопросу о признании независимости Соединенных Штатов и в заключении первого торгового договора между Англией и США.

В период Французской революции 1789-1790 годов Дюпон становится членом Генеральных штатов, а затем Конституанты[21], которая в 1790 году избирает его своим председателем. Но Дюпон не скрывает своих роялистских убеждений и поэтому после ареста Людовика XVI вынужден скрываться. В 1794 году Пьера Дюпона арестовывают, и только смерть Робеспьера спасает его от гильотины. В 1797 году на него, как на роялиста, вновь обрушились нападки, и в конце 1799 года он решается бежать в Америку.

В Америке его дружески встретил Томас Джефферсон, который в конце 1800 года становится президентом страны. Джефферсон поручает Дюпону разработать проект всеобщего

народного образования, но, как и в Польше, этот проект остается лишь клочком бумаги. Несколько лет спустя Дюпон возвращается во Францию, но свою семью оставляет в Штатах. В 1814 году он снова получает высокий пост в Париже, но уже через год вновь эмигрирует в Америку, где и умирает в середине 1817 года.

Томас Джефферсон считал Пьера Дюпона «самым способным человеком во Франции». Пьер Сэмюэль Дюпон был не только экономистом и политиком, но также писателем и философом (он перевел на французский Ариосто, а находясь в тюрьме, написал трактат о «вселенской философии»). Среди множества неосуществленных проектов Дюпона был и план создания в Америке колонии для французских мыслителей. В нее должны были войти Лафайетт, Бомарше, Талейран, Руссо. Но эта утопическая колония так и не родилась на свет.

Пьер Сэмюэль Дюпон де Немур был мечтателем. Его потомки оказались куда более земными, практичными людьми. Став в Америке XIX столетия промышленниками, они сумели сколотить многомиллионное состояние.

* * *

У Пьера Сэмюэля было два сына. Старший, Виктор Мари, был французским консулом в штате Джорджия и ничем особенным не выделялся. Он спекулировал землей в окрестностях Нью-Йорка, но обанкротился, после чего переехал к младшему брату. А младший, Элетер Ирене, не спеша построил на реке Брендуайн в штате Делавэр… пороховой завод. Небольшое предприятие положило начало гигантскому концерну, который и по сей день носит имя основателя – «Э.И. Дюпон де Немур».

В летописи рода Дюпонов можно найти упоминание о том, как молодой Элетер Ирене однажды отправился на охоту в сопровождении своего друга полковника Туссара. Они купили банку пороха для ружей, но тут Дюпон увидел, что порох очень низкого качества, а цена невероятно высокая. Это якобы и навело его на мысль построить пороховой завод.

Не знаю, сказка это или быль, но в общем это не имеет значения. Более существен тот факт, что молодая американская республика во всех областях жизни искала полной независимости от Англии, а как раз в производстве пороха Англия до самого конца XVIII века фактически владела монополией. Томас Джефферсон, уже будучи президентом, обратился к Дюпонам с просьбой наладить производство пороха непосредственно в Америке. Президент знал, что Дюпон-младший был в течение

четырех лет близким сотрудником знаменитого французского химика Антуана Лавуазье. А этот последний, считающийся одним из создателей современной химии, стоял во главе государственных пороховых заводов Франции.

Элетер Дюпон охотно согласился на предложение президента и* выехал во Францию. Там он закупил все необходимое оборудование и приступил к постройке завода. Джефферсон полагал, что завод будет находиться близ Вашингтона, но Дюпон предпочел окрестности Уилмингтона. Здесь он сумел приобрести соответствующий участок земли и здесь же нашел у самой реки сотни верб, дающих лучший древесный уголь – крайне важный для того времени ингредиент при изготовлении пороха. Так началась великая карьера Уилмингтона и штата Делавэр.

Строительство завода относится к 1802 году, а уже через два года Дюпоны продавали порох, сразу завоевав американский рынок благодаря отличному качеству своей продукции. В последующие десятилетия спрос на порох Дюпонов рос год от года: он был нужен не только для военных действий, которые вела Америка, но и для бурно развивающегося национального хозяйства. Например, строительство шоссейных дорог, а позднее прокладка железнодорожных путей породили большой спрос на взрывчатку. Без пороха, а позднее без динамита нельзя было обойтись и при строительстве угольных шахт, железных рудников… Словом, мысль эта пришла к Джефферсону в самый подходящий момент. А Дюпоны мысль подхватили, реализовали, хорошо на этом заработав.

Во время строительства первого порохового завода американские рабочие были изумлены тем, что молодой Дюпон, сам разработавший технические проекты, распорядился возводить стены тройной по сравнению с нормой толщины, но под очень легкой крышей. Однако Дюпон знал, что при производстве пороха почти неизбежны взрывы. Действительно, спустя несколько лет на заводе произошел сильный взрыв, к счастью обошедшийся без человеческих жертв. В 1817 году, во время очередного взрыва, пожар тушили всю ночь.

В 1818 году дело дошло до катастрофы: погибло четверо рабочих. Дюпоны немедленно приступили к восстановлению предприятия, значительно расширив и модернизировав его.

Элетер Ирене женился в Америке. Его женой стала Софи Далмас, дочь владельца постоялого двора. Рассказывают, что это была способная и энергичная американка. Некоторые биографы Дюпонов особенно подчеркивают эту деталь, видимо, для того, чтобы успокоить своих читателей и доказать, что в жилах великого семейства течет не только французская кровь. Джон

Гантер уверяет даже, что без Софи Далмас все Дюпоны «были бы ничем». Супруги Дюпон вырастили троих сыновей и несколько дочерей, а их сыновья в свою очередь – девять сыновей. Имен мы не называем, иначе запутаемся в генеалогическом древе семейства Дюпонов. Один из внуков Элетера, Ламмот I, имел пятерых сыновей, у одного из которых, Ламмота II, тоже было пятеро сыновей. Таким образом, постепенно доходим до общей цифры 1600 Дюпонов.

В 1850 году во главе фирмы стал Генри (Анри) Дюпон, который управлял ею почти сорок лет. Историки Дюпонов считают, что заслугой Генри было превращение сравнительно небольшого предприятия в одну из крупнейших фирм Америки. На годы правления Генри Дюпона (имя его было уже американским) приходится очень важное с технической точки зрения событие: в 1880 году фирма приступила к производству динамита – нового типа взрывчатки. Консервативный Генри сначала не хотел признать выгод и достоинств динамита, но другой член семьи, упомянутый выше Ламмот Дюпон, сумел переубедить своего родственника. Правда, сам Ламмот заплатил за это жизнью: он погиб во время взрыва на только что построенном динамитном заводе в штате Нью-Джерси. К выпуску очередной технической новинки Дюпоны приступили в 1893 году, после того как освоили выпуск бездымного пороха.

Генри Дюпон систематически скупал предприятия своих конкурентов, стремясь стать монополистом в области производства взрывчатых веществ. С этой точки зрения он был похож на Джона Д. Рокфеллера и Джона П. Моргана. Он пользовался своеобразной аргументацией, утверждая, что стремится «к упорядочению отношений» в данной отрасли промышленности. В 1872 году, почти в то же самое время, когда возник концерн «Стандард ойл», Генри Дюпон основал так называемую «Ассоциацию по торговле порохом», которую неофициально называли «Паудер траст» – «Пороховой трест».

В 1889 году, когда Генри Дюпон умирал и когда заканчивался пятьдесят пятый год его деятельности в семейной фирме, этот трест давал уже 90-95 процентов всего пороха, производимого в Соединенных Штатах. Как пишет Стюарт Холбрук, «ни у кого не было сомнений относительно того, кто правит в тресте Дюпонов». В последние годы XIX столетия очередные Дюпоны подписали картельное соглашение с братьями Нобель и другими европейскими производителями взрывчатых веществ. Целью соглашения было установление цен и гарантирование прибылей.

В начале XX века очередное поколение Дюпонов пережило два кризиса. Один, финансовый, разразился в 1902 году, когда

после смерти Эжена Дюпона (сына Генри) самые близкие члены семьи пришли к выводу, что они не в состоянии вести дела фирмы, и выразили готовность продать свои предприятия. Общая стоимость их была оценена в 12 миллионов долларов. Но трое из многочисленного клана Дюпонов взбунтовались против капитуляции. По их мнению, стоимость имущества фирмы составляла, по меньшей мере 24 миллиона долларов.

«Бунтовщики» – Колеман, Альфред и Пьер Дюпоны – провели сложнейшую и рискованную финансовую операцию в стиле Джона Пирпонта Моргана: они основали новое акционерное общество, которое завладело всем имуществом фирмы. Прежние акционеры получили (после соответствующего пересчета) акции новой компании. Колеман стал ее председателем, Пьер – казначеем, Альфред – руководителем производства. Каждый из них., вложив в дело всего по 700 долларов (столько стоила регистрация новой компании), получил большой пакет акций и решающий голос в делах фирмы. Во всяком случае, все осталось в руках семейства Дюпонов. Трем новым руководителям фирмы очень помогал некий Джон Дж. Рэскоб, молодой секретарь Пьера Дюпона (позднее он сыграл большую роль в концерне. Его именем открывался список талантливых директоров, находившихся на службе у Дюпонов).

В течение нескольких лет новые предприимчивые руководители расширили концерн. Особенно ловко удалось им поглотить конкурирующую фирму – концерн «Лафлин энд Рэнт», которая еще год назад готова была скупить все предприятия Дюпонов. В 1903 году, во время очередной реорганизации фирмы, возник новый, холдинговый концерн, общий капитал которого оценивался в 50 миллионов долларов. Одновременно расширилась и деятельность фирмы за пределами Америки.

Стремясь установить полную монополию, Дюпоны приобрели около ста более мелких компаний и уже в 1905 году могли похвастаться, что производят 100 процентов всех взрывчатых веществ для армии и 70 процентов общего объема взрывчатых материалов, производимых в Соединенных Штатах. Ежегодная прибыль концерна достигала 4 миллионов долларов. Из трех новых руководителей фирмы наиболее энергичным оказался Колеман Дюпон. Это он решил протащить представителя семейства в сенат США и в 1906 году добился этого: сенатором от штата Делавэр стал его кузен Анри А. Дюпон. Это было тем большей победой Дюпонов, что прежде жители Делавэра голосовали за кандидатов Демократической партии, в то время как Анри А. Дюпон, да и все остальные члены семьи выступали от имени Республиканской партии. Но, как мы видели, они умели

преодолевать и не такие трудности.

В том же, 1906, году в семье разразился скандал, на долгое время нарушивший прежние гармоничные отношения Дюпонов. Альфред Дюпон неожиданно уехал из Уилмингтона в штат Южная Дакота, чтобы, по его словам, присмотреть место для строительства нового завода. Но вскоре выяснилось, что целью этой поездки был развод. (В наше время американцы, желая ускорить развод, едут в штат Невада, а в те времена наиболее благоприятными в этом отношении были законы Южной Дакоты.) Добившись развода, Альфред немедленно вступил в брак с женой своего бывшего секретаря, также успевшей развестись в Дакоте. Кстати сказать, новая жена была двоюродной сестрой Альфреда.

Семья раскололась. Начались распри, переросшие во взаимные финансовые домогательства и судебные процессы. Принадлежавшие Дюпонам местные газеты получили приказ не публиковать никаких сведений о спорах и процессах. Поэтому жители Уилмингтона буквально расхватывали газеты соседней Филадельфии, чтобы узнать, как протекает очередной скандал в семье Дюпонов.

Но вскоре Дюпонам пришлось сомкнуть ряды, чтобы дружно выступить против новой опасности: концерн был обвинен в нарушении антитрестовского «закона Шермана». По распоряжению президента Теодора Рузвельта против Дюпонов был начат судебный процесс. В качестве главного свидетеля выступил некий Роберт С. Уэддел, бывший служащий концерна, знавший многие его тайны. Он показал, что стоимость производства одного фунта бездымного пороха обходится Дюпонам в 31 цент, а в отчетах концерна, представляемых, правительству, фигурирует цифра 75 центов. Уэддел не без основания утверждал, что Дюпоны «поступают непатриотично». Он подсчитал также, что расходы правительства на покупку пороха могли бы быть на 12 миллионов долларов меньше, если бы правительство построило собственный завод, а не пользовалось услугами Дюпонов.

Во время длившегося несколько лет судебного процесса министерство юстиции доказало, что семейство Дюпонов стремится установить полную монополию в области производства взрывчатых веществ. При правлении Клемана эта цель была достигнута. Поэтому нарушение «закона Шермана» было очевидным, и суд вынес решение о ликвидации концерна. Но уже на следующий день начались осложнения, которые не в первый и не в последний раз показали, что американские антитрестовские законы не имеют большого значения. Во всяком случае, они не могут затормозить процесс монополизации и концентрации

капитала.

Оказалось, что все конкурирующие с Дюпонами фирмы просто перестали существовать, в силу чего выполнить решение суда было невозможно. Дело в том, что это повлекло бы за собой передачу по крайней мере части предприятий концерна другим фирмам, чтобы ликвидировать монополию одного семейства. Но что можно было поделать, если других фирм попросту не существовало? Однако представители министерства юстиции и ловкие адвокаты Дюпонов нашли все-таки выход из положения.

Дюпоны создали два новых концерна – «Геркулес» и «Атлас», которым и передали часть своих заводов. В официальной летописи концерна можно найти отличную фотографию, запечатлевшую большой прием в 1912 году в одном из роскошных вашингтонских отелей. На ней изображена многочисленная группа джентльменов в вечерних костюмах. Подпись под фотографией гласит: «Прощальный банкет для сотрудников, которые покидают концерн “Дюпон”, чтобы организовать фирмы “Геркулес” и “Атлас паудер”». Нетрудно догадаться, что в действительности новые фирмы были филиалами концерна Дюпонов, созданными для вида с целью обойти антитрестовский «закон Шермана». Стюарт Холбрук пишет в книге «Век воротил»:

«Эта четырехлетняя баталия оставила абсолютно все, кроме бухгалтерии, на прежнем месте, как было во времена, когда Дюпоны столь ловко обошли “закон Шермана”».

И далее:

«Правительство оставило Дюпонам больше, чем пыталось у них отнять. Концерн получил распоряжение оставить у себя все заводы, производящие бездымный порох для армии. Через два года разразилась Первая мировая война».

Война стала периодом наибольшего расцвета концерна. Спрос на продукцию Дюпонов возрастал буквально с каждым днем. Сперва Англия и Франция, а – затем и правительство Соединенных Штатов потребовали увеличить производство взрывчатых веществ. Никто теперь не спорил о ценах, не торговался. А прибыли концерна побили все прежние рекорды. После окончания первой мировой войны было подсчитано, что в кассе фирмы скопилось более 100 миллионов долларов свободных капиталов. Упомянутый выше Джон Дж. Рэскоб, ставший казначеем концерна, выступил с предложением купить акции фирмы «Дженерал моторс». Члены семейства приняли предложение, и в летописи Дюпонов открылась новая глава.

* * *

Перескочим временно через несколько десятилетий и через два поколения Дюпонов, чтобы присмотреться к нынешнему финансовому положению этой династии. В известном уже нам списке сорока двух богатейших американцев, составленном Фердинандом Ландбергом (1957 г.), мы найдем четырех Дюпонов, каждый из которых обладает капиталом в несколько сот миллионов долларов. Двойная фамилия одного из них, Ламмот Дюпон-Коупленд, заслуживает определенного внимания.

Джон Дж. Рэскоб – управляющий финансами компаний General Motors и DuPont. Благодаря его деятельности данные компании начали восхождение на вершину мирового бизнеса

Мы уже писали, что концерн по производству вооружений

«Лафлин энд Рэнд» в течение ряда лет был главным конкурентом Дюпонов и даже собирался скупить их предприятия. В ходе конкурентной борьбы члены семейства Дюпонов придумали трюк, который можно встретить скорее в королевских хрониках, а не в сфере бизнеса: одну из многочисленных девушек этой семьи выдали замуж за главу концерна «Лафлин энд Рэнт» Чарлза Коупленда. Таким образом, было предопределено объединение обеих фирм – разумеется, под вывеской Дюпонов. Сын от этого династического брака взял себе двойную фамилию и унаследовал значительную часть семейного состояния.

Ландберг посвятил немало страниц показу того, что, кроме этой четверки, насчитывается еще около 250 «великих Дюпонов», а общий капитал семейства превышает 7,6 миллиарда долларов. Задача у Ландберга была не из легких, поскольку вот уже десятки лет новые поколения Дюпонов делают все возможное, чтобы до общественности дошло как можно меньше сведений о размере их состояния. При этом Дюпоны преследовали две цели: во-первых, хорошо зная, что значительная часть их состояния нажита на военных прибылях, они хотели избежать гласности, а тем самым и публичного осуждения; во-вторых, сохранение анонимности капиталов стало одним из методов обхода налоговых законов.

Долгие годы по инициативе Дюпонов создавалась запутанная система всевозможных концернов, холдинг-компаний, трестов, акционерных обществ, в которых постороннему человеку разобраться очень трудно. Известно, например, что существует концерн «Э.И. Дюпон де Немур» и что в личном владении семейства остается по меньшей мере 44 процента его акций. Кроме того, есть холдинговый концерн «Кристиана секьюритиз компани», который тоже является собственностью Дюпонов и владеет акциями их различных фирм. Другие многочисленные предприятия – тоже личная собственность семейства.

Концерн «Э. И. Дюпон де Немур» и поныне считается самой крупной на земном шаре химической фирмой, владеющей только в Соединенных Штатах 78 крупными заводами, где занято более 300 тысяч рабочих. Ежегодная прибыль от этих предприятий составляет около 500 миллионов долларов. Концерн также владеет – под своим именем или под вывеской дочерних фирм – многочисленными заводами в других странах, прежде всего в Западной Европе, Канаде и Латинской Америке.

О роли Дюпонов в концерне «Дженерал моторс» речь впереди. Здесь мы упомянем лишь о том, что в их империю входит и фирма «Юнайтед Стейтс раббер компани», где они владеют контрольным пакетом акций. Ежегодный оборот компании свыше миллиарда долларов. Подражая другим американским богачам,

Дюпоны позаботились и об организации ряда филантропических фондов. Однако ни один из них не имеет такого масштаба и значения, как Фонд Форда или Фонд Рокфеллера. По подсчетам Ландберга, общий капитал восемнадцати дюпоновских фондов достигает 150 миллионов долларов. Два из этих фондов имеют оригинальное назначение: дворцы Дюпонов в штате Делавэр выступают в качестве общественных музеев и ботанических садов.

Как мы убедились, Виктор Перло применяет иные методы подсчета, интересуясь всеми промышленными концернами и финансовыми учреждениями, которые остаются в сфере влияния Дюпонов. Таким образом, он приходит к выводу, что эта династия располагает значительно большим капиталом – 16 миллиардами долларов. И все же нам интересны подсчеты Ландберга, касающиеся личного богатства клана.

Американский социолог Макс Лернер приводит королевство Дюпонов в качестве примера сложных и трудных для сопоставления отношений в мире трестов и концернов. В своем труде «Америка и ее цивилизация» (“America and her Civilization”) он пишет:

«Фирма Дюпонов начала с вооружений, а после первой мировой войны расширила свою деятельность, начав производить автомобили, резину и другие мирные товары. Фирма завладела концернами “Дженерал моторс” и “Ю. С. раббер”. Она имеет филиалы в многочисленных зависимых от нее компаниях в области химической промышленности и производстве синтетических изделий. Ее собственные акции находятся в распоряжении “Кристиана секьюритиз компани”. Это холдинговая компания, остающаяся под властью Дюпонов и их друзей. На самой вершине пирамиды находится “Делавэр компании” с еще более ограниченной ответственностью, целиком зависящая от внутреннего круга семейства Дюпонов».

Представители следующих восьми поколений Дюпонов вели себя скорее скромно, в отличие от Вандербилтов, Рокфеллеров или Морганов. Если Дюпоны и строили роскошные резиденции, то лишь в маленьком Уилмингтоне, да и то втайне, чтобы об этом знало как можно меньше людей. У них не было ни дворцов в Нью-Йорке, ни роскошных яхт, ни коллекций знаменитых полотен, ни разрекламированных в газетах любовниц. Они очень редко появлялись на нью-йоркской бирже и еще реже – в правительственных кабинетах Вашингтона. В существующем американском законодательстве Дюпоны находили достаточно возможностей для создания богатств, и они не так уж часто входили в противоречие с законом, как другие миллиардеры. Они старательно избегали любых сенсаций на страницах газет.

Однако в 1934 году (к тому времени фирма существовала уже более ста лет и входила в список самых богатых промышленных концернов Америки) семейство Дюпонов впервые стало объектом расследования одной из комиссий Конгресса, которое касалось получения ими огромных военных прибылей. Именно тогда Дюпонов и назвали «торговцами смертью» (“Merchants of death”).

«Торговцы смертью»

В условиях капиталистического способа производства войны, как правило, выгодны крупным фирмам. Во время войны бурно растет спрос на самые различные товары и изделия, повышаются цены, а в результате увеличиваются и прибыли капиталистов. Как известно, Рокфеллеры сами не производили оружия и боеприпасов, но зато выигрывали в каждой войне, поскольку росла потребность в нефти и нефтепродуктах. Морганы тоже не были фабрикантами оружия, но они финансировали его закупку, немало зарабатывая на этом и увеличивая продажу стали своих заводов.

Обвинение в получении сверхприбылей в годы войны тем более применимо к Дюпонам, что они с самого начала существования своей фирмы и до конца первой мировой войны, то есть в течение более ста лет, занимались исключительно производством взрывчатых веществ, причем в подавляющей степени для военных целей. Нельзя отказать в правоте Фердинанду Ландбергу, который, называя Дюпонов «американскими Круппами», пишет:

«В эпоху больших войн фирма Дюпонов бурно расширялась, достигнув небывалого расцвета в период Первой мировой войны».

Начало фирмы, как мы знаем, было скромным – первоначальный капитал ее не превышал 36 тысяч долларов. Но фирма, как говорится, родилась под счастливой звездой: ей помогали Джефферсон в Америке и Наполеон во Франции. Так, Джефферсон направил основателю фирмы письмо, в котором говорилось:

«С большим удовольствием сообщаю Вам, что в интересах общества решено обращаться к Вашим предприятиям за всем, что от них можно получить для армии и военно-морского флота».

Наполеон видел в Англии главного своего врага и правильно рассчитывал, что эта страна, как основной производитель пороха в те времена, болезненно воспримет возникновение конкурирующей фирмы в Америке. Поэтому французские правительственные специалисты разработали план строительства первого завода Дюпонов, а французские заводы изготовили необходимые для него машины. Во Франции Элетер Ирене Дюпон получил кредит на расширение своего завода. Среди видных, людей того времени, согласившихся предоставить ему заем, были, в частности, мадам де Сталь и Талейран.

В первые годы существования порохового завод Дюпон жаловался на то, что правительственные заказы весьма

незначительны. Положение изменилось в его пользу лишь тогда, когда в 1809 году английские военные корабли начали все чаще вступать в бой с американскими кораблями в связи с объявленной Англией блокадой Франции. Вашингтон сначала удвоил, а затем утроил заказы на порох. Дюпон приступил к расширению своего завода, а когда в 1812 году опять вспыхнула американо-английская война, он смог удовлетворить все запросы своей новой родины.

В двадцатые годы прошлого века Дюпон уже смог экспортировать порох за границу. Среди его покупателей оказались Испания и латиноамериканские республики, выступившие против колониальных притязаний Мадрида, он продавал взрывчатые материалы обеим сторонам. Так же поступали и его наследники, когда в 1854 году разразилась Крымская война. Вскоре после начала военных действий оказалось, что у обеих воюющих сторон не хватает пороха. Англия и Россия обратились к Дюпонам, передав им крупные заказы, которые были приняты и выполнены. Транспорты с порохом из Уилмингтона использовались в Крыму обеими сторонами.

Спустя несколько лет, когда во главе предприятий Дюпонов стал наследник основателя фирмы, представился случай доказать лояльность фирмы колониалистской политике Вашингтона. В 1848 году началась война Соединенных. Штатов против Мексики, которая вызвала в самих США многочисленные протесты и сомнения (достаточно напомнить, что противником этой войны был будущий президент США Авраам Линкольн).

Несколько недель спустя после начала войны Альфред Дюпон получил из Гаваны странный заказ на 200 тысяч фунтов пороха. Нетрудно было догадаться, что в действительности это мексиканский заказ, и Дюпон отказался выполнить его.

Такой патриотизм Дюпонов был щедро вознагражден в последующие годы.

В 1861 году в Америке вспыхнула Гражданская война. Дюпоны были последовательными сторонниками северных штатов и президента Линкольна, став главным поставщиком взрывчатых веществ для правительства Унии. Представители Конфедерации обратились к агенту Дюпонов в столице Конфедерации Ричмонде, предложив ему огромную сумму за поставку пороха. Ответ фирмы гласил:

«Если говорить о заказе полковника Димока, то мы должны помнить, что с начала войны в Чарльстоне положение национальных дел является критическим и совершенно новым. Если в эти тяжелые минуты Виргиния выполнит свой долг и

выскажется за Унию, то заказ мы выполним. Если же, вопреки всеобщим надеждам, Виргиния, к несчастью, займет по отношению к Соединенным Штатам враждебную позицию, мы будем считать себя свободными от обязанности поставлять ей порох».

Сразу же после окончания войны заказы на порох для военных целей резко уменьшились. Но как раз в это время Соединенные Штаты вступили в период бурного экономического развития, и неожиданно возрос спрос на взрывчатые вещества, применявшиеся при прокладке железнодорожных путей, строительстве шахт и т. д. И снова у Дюпонов было по горло работы.

Этим периодом и датируется создание «Ассоциации по торговле порохом» – знаменитого «Паудер траст», в задачу которого входило завоевание Дюпонами монопольного положения в области производства и торговли взрывчатыми материалами. Процесс ликвидации конкурентов был длительным и закончился лишь спустя многие десятилетия – в самом начале XX века. Возможно, что Дюпоны и избегали таких грубых методов, какими пользовался Пирпонт Морган, однако они тоже не надевали белых перчаток при встречах с противником.

Хайрэм Стивене Максим, конструктор первого в мире пулемета, хорошо знавший предприятия Дюпонов (его брат служил у них), писал об их отношении к противнику:

«Фирма «Феникс», предпринявшая попытку атаковать Дюпонов в области торговли порохом, уподобилась бычку, атаковавшему локомотив: от «Феникса» осталось столько же, сколько от бычка».

Во всяком случае, Дюпонам удалось почти полностью избавиться от конкурирующих фирм и получить едва ли не все правительственные заказы на взрывчатые вещества. С позиции монополистов, Дюпоны диктовали цены не только рядовым клиентам, но и самому правительству. Прибыли концерна увеличивались из года в год. В этой ситуации владельцы фирмы и их юридические советники вынуждены были считаться с тем фактом, что рано или поздно их обвинят в нарушении антитрестовских законов, но они были заранее готовы к этому.

В 1907 году президент Теодор Рузвельт распорядился начать судебное расследование по делу Дюпонов. Но даже это много лет продолжавшееся расследование не дало никаких результатов, хотя суд признал, что Дюпоны нарушили «закон Шермана». В книге Уильяма Х.А. Кэрра «Дюпоны из Делавэра» (“The Du Ponts of Delawar”), изданной в 1964 году, можно найти пикантные сведения о том периоде.

После вынесения неприятного для концерна приговора Альфред I от имени всей семьи побывал в Белом доме, где встретился с преемником Теодора Рузвельта Уильямом Говардом Тафтом.

«В Белом доме, – пишет Кэрр, – Альфред Дюпон настаивал на том, что для правительства и народа будет выгоднее, если Дюпоны удержат [в своих руках] стопроцентную монополию в производстве бездымного пороха для военных целей. Дюпоны знали, что вскоре начнется война в Европе».

Во время беседы Дюпона с президентом было обращено внимание на то, что концерн нарушает обязательные постановления. При разговоре присутствовал министр юстиции Джордж У. Уикерсхем.

«Альфред Дюпон, – пишет Кэрр, – напомнил министру юстиции, что тот являлся юридическим советником фирмы Дюпонов именно в то время, когда ею был нарушен закон. И если фирма нарушила закон, то произошло это потому, что она получала плохие юридические советы».

Вскоре после этого визита в Белый дом было принято решение, в силу которого в руках Дюпонов остались все предприятия, выпускающие взрывчатые вещества для военных нужд!

Тридцать лет спустя комедия повторилась. Но теперь президентом США был Франклин Делано Рузвельт, который тоже время от времени считал необходимым напоминать бизнесменам об антитрестовских законах. В 1942 году на скамье подсудимых оказался концерн «Э.И. Дюпон де Немур». Его представители сразу же признали себя виновными, так что обвинительный приговор был предрешен. Но, как пишет Кэрр, несмотря на приговор, «было ясно, что правительство проиграло». На следующий день после суда Дюпоны продолжали действовать так же, как и до вынесения приговора, не придавая никакого значения судебному решению.

Однако вернемся к временам Первой мировой войны, которая окончательно укрепила мощь Дюпонов и принесла им небывалые прибыли. Подсчитано, что их фирма произвела 40 процентов всех взрывчатых веществ, использованных союзниками в ходе военных действий. Известно также следующее заявление лорда Моултона, начальника британского управления вооружений:

«Британская и французская армии не продержались бы в 1915 году, если бы не усилия трех американских концернов – Моргана (оружие), Дюпонов (порох) и “Бетлехем стил” (пушки и снаряды)».

Многочисленные американские авторы сообщают подробные

цифровые данные об астрономических прибылях Дюпонов в годы войны. Некоторые из этих данных необходимо привести здесь. В течение четырех лет производственные возможности заводов концерна увеличились с 8 миллионов фунтов взрывчатых материалов в год до 500 миллионов фунтов. Численность занятых на предприятиях концерна Дюпонов рабочих возросла в десять раз, достигнув 50 тысяч человек. Капиталы фирмы превысили 1 миллиард долларов, а чистая прибыль составила 237 миллионов долларов, из которых 141 миллион был выплачен в виде дивидендов.

Один из директоров концерна составил любопытный обзор, из которого явствует, что стоимость товаров, проданных фирмой Дюпонов во время войны, была в двадцать шесть раз выше, чем в лучшие предвоенные годы. Если же принять во внимание только военные заказы, то их стоимость в военные годы в 276 раз превысила стоимость заказов любого мирного года. Не будет преувеличением сказать, что после войны Дюпоны располагали десятками миллионов долларов свободных денег, которые они уже не знали, как использовать. Поэтому они, если можно так сказать, были «обречены» на поиски новых объектов приложения капиталов и новых возможностей расширения своего концерна.

Следует также напомнить об одном событии, которое оказало немалое влияние на дальнейшие судьбы фирмы. В 1915 году Пьер Дюпон, один из главных акционеров и руководителей концерна, получил из Лондона сообщение, что в США прибывает представитель британской фирмы «Нобель», желающий вести с ним конфиденциальные переговоры. Темой переговоров стали поступившие в Англию тревожные сообщения, что один из крупных акционеров Дюпона оказался в трудном положении и был вынужден взять заем в банке «Куин, Леб энд компани». Банк этот представлял в Соединенных Штатах германские интересы, и поэтому в Лондоне зародилось подозрение, что Дюпоны получили заказ из Германии (в то время США еще не участвовали в войне).

Пьер Дюпон сумел убедить своего гостя, что подозрения эти не имеют никакого основания. К вопросу о сотрудничестве Дюпонов с Германией мы еще вернемся, здесь же ограничимся только упоминанием о том, что после визита гостя из Лондона Пьер Дюпон развил лихорадочную деятельность. Он знал, что один из Дюпонов, а именно упомянутый выше Колеман, действительно испытывает финансовые затруднения. Знал он и то, что дела фирмы идут лучше, чем прежде. Поэтому Пьер начал с Колеманом конфиденциальные переговоры о покупке всех его акций.

Сделка состоялась: Пьер купил акции кузена за 14 миллионов

долларов (спустя несколько месяцев их стоимость возросла в четыре раза) и приступил к финансовой реорганизации концерна, установив его капитал в 240 миллионов долларов. Другие родственники, не участвовавшие в столь выгодной сделке, выступили против Пьера. Они обратились в суд, но проиграли процесс. Судебное разбирательство волновало всю семью, но для посторонних это было безразлично: фирма по-прежнему оставалась за Дюпонами, а раздел акций между родственниками никого не интересовал.

Последний год войны (1918) концерн закончил с наиболее крупными в своей истории прибылями. В его ежегодном отчете проскользнула такая откровенная фраза: «Трудно представить более удовлетворительные результаты».

В межвоенные годы Дюпоны (после скупки акций концерна «Дженерал моторс» и «Ю.С. раббер», а также после огромного расширения своей химической империи) старались создать впечатление, будто они владеют мирным предприятием, не имеющим ничего общего с военными прибылями. Но это им не удалось. В 1934 году, когда в Америке уже пять лет бушевал крупнейший экономический кризис, одна из комиссий сената возобновила расследование по вопросу о роли крупных концернов и банков в военном производстве. Возглавлял комиссию человек отнюдь не левых взглядов – Джералд П. Най, но расследование неожиданно обернулось против крупного капитала и его адвокатов. То были времена рузвельтовского Нового курса.

В связи с миллиардными военными прибылями концерна Дюпонов в его адрес сыпались самые тяжкие обвинения. Именно в то время и родилось название «торговцы смертью». Комиссия Ная вызвала для дачи показаний очередного Дюпона – Ирене, который держался вызывающе и отвергал все обвинения. Если бы не концерн в Делавэре, заявил он, то Соединенные Штаты стали бы всего лишь «провинцией Германии». Широко известные тогда требования о национализации военной промышленности Дюпон назвал «большевистской агитацией».

К тому же периоду относится и неудачная политическая акция Дюпонов, отнюдь не принесшая им славы и старательно обойденная в летописи семейства. Напуганные Новым курсом Рузвельта, его социальными и экономическими реформами, Дюпоны сочли необходимым оказать поддержку политической организации реакционного толка, по сути дела почти фашистской. Мы имеем в виду созданную в 1934 году Американскую лигу свободы, (American Liberty League), которая, если не принимать всерьез слова «свобода» в ее названии, была крайне правой организацией. Поддержали Дюпоны и еще одну,

уже явно фашистскую организацию – Южный комитет защиты конституции (Southern Committee to Uphold the Constitution).

Дюпоны щедро финансировали обе эти организации и даже делегировали в их штабы несколько представителей своего семейства, а именно Пьера, Ирене, Ламмота и «своего человека» Джона Рэскоба. Впрочем, они не были одиноки: обе эти организации поддерживали и такие представители крупного капитала, как Джон У Дэйвис – от имени империи Моргана, Альфред П. Слоун, председатель правления «Дженерал моторс», и другие.

Американские миллионеры, поддерживающие и финансирующие фашистские организации, отнюдь не были исключением: так же поступали и германские миллионеры, без колебаний связавшие свою судьбу с Гитлером, а в гордящейся своей демократичностью Англии большая группа богачей, так называемая «кливденская клика», была готова идти на любые уступки странам фашистской «оси». Это не было случайностью или капризом того или иного миллионера. В тридцатых годах определенные круги крупных капиталистов благосклонно взирали на успехи фашизма – германского, итальянского, японского. Они лишь слегка маскировали свои империалистические цели и вовсе не скрывали своей ненависти к Советскому Союзу и международному рабочему движению.

Однако вернемся к Дюпонам и их политическим начинаниям, вроде финансирования Американской лиги свободы. Говоря о такого рода организациях, Гарольд JI. Икес, либеральный министр внутренних дел в правительстве Франклина Рузвельта, заявил в 1935 году:

«Они получают активную поддержку тех, кто нажил огромные богатства и захватил власть путем эксплуатации природных богатств и использования труда американских мужчин, женщин и детей. Ничто не удержало их от завоевания богатства, и ничто их не остановит в стремлении сохранить и умножить его».

Во время выборов 1936 года, когда Франклин Д. Рузвельт во второй раз выдвинул свою кандидатуру на пост президента, Дюпоны на свой лад отомстили ему. Как установил Фердинанд Ландберг в своей книге «60 семейств Америки», восемнадцать представителей династии Дюпонов внесли почти миллион долларов в избирательный фонд соперничавшей с Рузвельтом республиканской партии, чтобы нанести ему поражение. По мнению Ландберга, они затаили зло на президента Рузвельта за то, что тот поддержал Комиссию Ная, которая вскрыла «разбой семейства Дюпонов».

Когда началась вторая мировая война, правительство

Рузвельта вынуждено было обратиться к концерну Дюпонов с предложением о сотрудничестве: продукция «торговцев смертью» вновь стала необходимой для армии. По поручению Вашингтона концерн в короткий срок построил пятьдесят четыре новых завода, получив для этого государственный кредит в миллиард долларов. Расширение сети предприятий концерна дало возможность производить бездымный порох в небывалых до того количествах – одну тонну в минуту. Кроме того, Дюпоны поставили армии 36 миллионов ярдов (более 30 миллионов метров) парашютной пряжи из нейлона – нового продукта фирмы, которому после войны была уготована небывалая судьба.

В годы второй мировой войны Дюпоны заработали на военных поставках многие миллионы.

Общественному мнению Соединенных Штатов стало известно содержание стенограммы одного из заседаний Национальной ассоциации промышленников, этого штаба американских капиталистов, состоявшегося в сентябре 1942 года. На нем Ламмот Дюпон поучал своих коллег, как следует относиться во время войны к правительству:

«Поступайте с правительством и с другими крикунами так же, как торговец с покупателями, когда спрос на рынке превышает предложение, – говорил он. – Если клиент хочет что-то купить, он должен заплатить назначенную вами цену… Ему нужно то, что есть у вас? Прекрасно! Пусть заплатит надлежащую цену».

Нельзя отказать этому оратору в прямоте.

В той же речи Ламмот Дюпон выдвинул проект программы из трех, пунктов, в которых сформулировал требования крупных промышленников к американскому правительству. Во-первых, он добивался снижения налогов, которыми облагались концерны, и увеличение налогов с низких доходов. Во-вторых, требовал ограничить права профессиональных союзов. В-третьих, предложил ликвидировать все государственные институты, которые, по его мнению, тормозили частную инициативу. Здесь прямолинейность Дюпона шагает в ногу с его безграничной самоуверенностью и наглостью.

В последние годы второй мировой войны концерн Дюпонов принял активное участие в осуществлении так называемого «Манхэттенского проекта» (производство атомных бомб). Руководитель американской атомной программы генерал Лесли Р. Гроувз приезжал в Уилмингтон и совещался с директорами фирмы. В результате переговоров Дюпонам было поручено строительство атомных заводов в Окридже (штат Теннесси) и в Хэнфорде (штат Вашингтон).

Дюпоны согласились, но с одним условием: правительство

берет на себя все расходы по строительству (сотни миллионов долларов), а вознаграждение концерна ограничивается символической суммой в 1 доллар. В официальном отчете американской Комиссии по атомной энергии можно найти объяснение такой удивительной позиции: «Руководство фирмы Дюпонов не забыло клички «торговцы смертью», брошенное ей в лицо в тридцатые годы во время расследования Комиссии Ная». Отдавая себе отчет в значении огромного военного потенциала ядерного оружия, Дюпоны понимали, что их участие в производстве такого оружия может восстановить против них все общественное мнение страны, и поэтому решили, что атомная промышленность должна принадлежать государству.

Во время второй мировой войны Дюпоны снова делали все возможное, стремясь доказать «мирный» характер своего концерна. Но нет ни капли сомнения в том, что этот концерн по-прежнему один из главных поставщиков взрывчатых материалов для Пентагона и что в годы агрессии США против Вьетнама у концерна не было недостатка в военных заказах. В нью-йоркских газетах можно найти статьи, из которых явствует, что на вьетнамские города и села было сброшено больше бомб, чем на всех фронтах второй мировой войны. Автор нигде не нашел информации, кто именно производил эти бомбы и кто поставлял для них взрывчатые вещества Дюпоны и другие «торговце смертью» стали очень скрытными и тщательно избегают гласности.

Нейлоновые чулки

Впервые нейлон был представлен в 1939 году на Всемирной выставке в Нью-Йорке, где он вызвал необычайное волнение среди американской публики. Перед входом в павильон фирмы установили 12-метровый манекен в нейлоновых чулках. «Носить чулки из шелка, а не из нейлона – это все равно что предпочесть лошадь автомобилю» – гласила реклама

Из нейлонового волокна сейчас можно делать и материю для парашютов, и… чулки. Вскоре после окончания Второй мировой войны спрос на парашюты резко упал. Однако руководители концерна были уже готовы к этому и немедленно перешли на выпуск мирной продукции. Спрос на нейлоновые чулки возрастал с каждым днем.

Впервые автор этой книги побывал в Америке в 1946 году и хорошо помнит, какую сенсацию вызвали тогда чулки из нейлона. Один из знакомых автора принес ему три пары чулок для трех варшавянок, дав исчерпывающие наставления, как их надлежит носить и стирать. Три варшавянки были восхищены подарком из Америки и с гордостью показывали чулки своим исходившим завистью подругам. Но когда совсем недавно автор спросил одну молодую польку, что она думает о нейлоновых чулках, оказалось, что та даже не представляет, что когда-то существовали какие-то другие чулки!

В концерне Дюпонов работают не только самые лучшие химики, но и отличные экономисты. Их расчеты при производстве нейлоновых чулок оказались безошибочными. В Соединенных Штатах Америки насчитывается около 100 миллионов женщин (для упрощения автор не включил сюда младенцев женского пола, хотя они тоже пользуются изделиями из нейлона). Каждая американка покупает в среднем до двадцати пар чулок в год, а это значит, что их надо выпускать 2 миллиарда только для американских женщин. Добавим к этому, что законодатели мод вводят все новые и новые цвета, узоры и разновидности. Поэтому работы хватает и для концерна Дюпонов и для их конкурентов. Цены на нейлоновые чулки упали по сравнению с тем периодом, когда они были новинкой. Сейчас бизнесмены руководствуются принципом «большой оборот – малые прибыли». Но оборот столь велик, что и прибыли по-прежнему огромны.

Нейлоновые чулки приведены здесь только в качестве примера. За двадцать пять послевоенных лет изделия из синтетических материалов сделали молниеносную карьеру и во многом изменили и облегчили нашу жизнь. Оглядываюсь вокруг: на мне рубашка из нейлона, которую не нужно гладить («поп iron»). Многие другие предметы моего гардероба, в том числе непромокаемый плащ, носки, свитер и др., тоже содержат различные синтетические материалы. У моей жены нейлоновое белье, ее сумка и туфли сделаны из пластических масс или стилона, нейлона, дедерона и прочих синтетических волокон. На кухне у нас много посуды из пластмасс и синтетики. Дети соседей получают от родителей и их знакомых игрушки практически только из пластмассы. В телефоне, телевизоре и радиоприемнике

многие детали сделаны из искусственных материалов, а торшер – из нейлоновых полосок.

Список этот можно продолжать бесконечно, поскольку сейчас нет ни одной отрасли промышленности, которая могла бы обойтись без синтетических материалов. Они заменяют металл, дерево, стекло, натуральное волокно, их используют в строительстве и торговле (упаковка!), на транспорте и т. д. Из одного лишь полихлорвинила можно делать трубы, плиты, электроизоляцию и обувь, перчатки и искусственную кожу.

Когда автор спросил одного крупного специалиста, чем можно объяснить такую стремительную карьеру синтетических материалов, то получил ответ, который попытается хотя бы упрощенно изложить здесь. Во-первых, нужное для производства искусственных материалов сырье практически имеется в неограниченных количествах. Сырьем тут стали простые химические соединения, которые образуются при переработке нефти или каменного угля либо производных этой переработки. Нет никаких трудностей и в доставке этого сырья. Само сырье не зависит ни от животноводства (как, например, шерсть), ни от погоды (хлопок).

Во-вторых, сырье, его переработка и производство из него товаров обходятся сравнительно дешево, во всяком случае значительно дешевле, чем производство товаров из натуральных материалов. Основной метод производства – так называемая полимеризация (понятие довольно сложное для неспециалиста).

В-третьих, благодаря полимеризации можно получать материалы почти с любыми свойствами, превосходящими натуральные и прежде совершенно неизвестные. По желанию можно устанавливать их цвет, твердость, невосприимчивость к температуре, физическим и химическим воздействиям и т. д. Изделия из пластических масс, которые могут быть сказочно красочными, твердыми или эластичными, электропроводными и наоборот, крайне необходимы и в домашнем обиходе, и даже в космонавтике. Из нескольких исходных материалов (уголь, водород, хлор, азот и другие) можно создать значительно больше различных полимеров, то есть продуктов полимеризации, чем существует в природе неорганических соединений остальных элементов таблицы Менделеева.

Начавшееся после войны триумфальное восхождение синтетических материалов на вершину славы отнюдь не закончилось. Об этом лучше всего свидетельствуют статистические данные. Если в 1955 году мировое производство искусственных материалов составляло 3,3 миллиона тонн, то спустя всего пять лет оно уже удвоилось, а в 1966 году

увеличилось в пять раз. США по-прежнему остаются в этой области на первом месте (третья часть всего мирового производства). Но вот что любопытно: Япония, справедливо гордящаяся стремительными темпами своего промышленного развития, приближается к Соединенным Штатам по уровню производства, а в пересчете на одного жителя она уже значительно опередила их. Нелишне напомнить, что и Польша прилагает значительные усилия к развитию промышленности искусственных материалов. За 1955-1965 годы она увеличила их производство в десять раз, а ее экономические планы предусматривают дальнейший подъем этой отрасли промышленности.

* * *

«Роман» Дюпонов с химией начался давно. Напомним, что основатель фирмы был учеником Лавуазье и что производство лучших и постоянно совершенствуемых взрывчатых веществ рождало многие химические проблемы В 1880 году, когда Ламмот Дюпон, истинный химик, приступил к строительству завода по производству динамита в штате Нью-Джерси, он создал там и первую химическую лабораторию концерна.

С 1906 года фирма стала ежегодно выделять на химические исследования сначала скромную сумму – 300 тысяч долларов. Но в 1909 году Дюпоны заинтересовались синтетическим волокном и вскоре начали выпускать искусственную кожу, различные лаки и фотопленку. В 1917 году после вступления США в войну американское правительство конфисковало много патентов, являвшихся собственностью германских фирм, и за минимальную плату передало их американским концернам. Так Дюпоны приобрели патенты на синтетические красители и израсходовали 12 миллионов долларов (из военных прибылей) на строительство завода красителей.

По окончании войны Дюпоны располагали огромным свободным капиталом и поэтому часть его выделили на приобретение ряда мелких фирм химической промышленности. Кстати сказать, фирмы эти переходили к Дюпонам вместе со специалистами и их изобретениями. Вскоре концерн Дюпонов уже выпускал самые разнообразные изделия из первых пластмасс: гребни, пояса, пряжки, различные материалы для кинопромышленности, а начиная с 1920 года – искусственный шелк. В этой последней отрасли концерн достиг особых успехов. Одно только производство искусственного шелка приносило

фирме ежегодно до 5 миллионов долларов чистой прибыли.

Очередным этапом в завоевании Дюпонами рынка сбыта искусственных материалов было приобретение в 1924 году Соединенными Штатами прав на новый продукт, изобретенный во Франции и названный целлофаном. Химики концерна сумели наполовину снизить расходы по производству целлофана и так улучшить его, что он не стал пропускать воду. Кстати, именно целлофан произвел революцию в области упаковки. Когда мы сегодня покупаем сигареты или чай, упакованные в целлофан, то не всегда помним, что это сравнительно новое изобретение. Дюпоны заработали на нем многие миллионы долларов.

В предвоенные годы Дюпоны стали выделять на химические исследования все более крупные суммы. Как раз в это время химия и технология искусственных материалов сделали огромный шаг вперед: стало возможным выпускать ряд совершенно не известных ранее товаров. Наиболее ярким примером может служить нейлон, изобретенный в лаборатории Дюпонов. Английское слово «нейлон» (nylon) ничего не обозначает и было выбрано владельцами концерна только потому, что оно хорошо звучит и его легко рекламировать. Впрочем, тут реклама оказалась едва ли не лишней – нейлоновые чулки и другие изделия из этого волокна обеспечили Дюпонам на много лет вперед монополию и связанные с нею фантастические прибыли.

После Второй мировой войны концерн, опять-таки с помощью военных прибылей, еще более расширился и в еще большей мере переключился на химию. Джон Гантер еще в 1947 году писал о следующей дифференциации интересов Дюпонов: на первом месте – нейлон и целлофан, на втором – другие химические соединения, в особенности краски и синтетический каучук, на третьем – искусственные материалы, на четвертом – «тяжелая химия», на пятом – пластмассы и лишь на шестом, последнем месте – взрывчатые вещества.

В течение первых пяти послевоенных лет концерн мог похвалиться самыми быстрыми темпами развития и самыми крупными в своей долгой истории доходами. В отчете за 1951 год речь шла уже об инвестициях на общую сумму 1,5 миллиарда долларов. В это время на экспериментальных заводах Дюпонов работало около 5 тысяч человек, а главная лаборатория, находившаяся в Уилмингтоне (рядом с Дирборном), где в 1802 году была построена первая мастерская по выработке пороха, располагала капиталом в 30 миллионов долларов.

Сегодня концерн «Э.И. Дюпон де Немур», не считая других предприятий и различной иной собственности семейства,

является крупнейшим в мире капиталистическим объединением. На Дюпонов работает свыше 100 тысяч человек, концерн приносит ежегодно сотни миллионов долларов прибыли. Путь от пороха к нейлону оказался чрезвычайно выгодным.

Во главе этой огромной химической империи находится исполнительный комитет, состоящий из девяти человек, как правило, членов семейства Дюпонов. У них нет никаких административных обязанностей. Как сказали Джону Гантеру во время его визита в Уилмингтон, Дюпоны исходят из правила, что «высшее руководство должно иметь время на размышления».

В течение многих лет (до 1948 года) пост руководителя концерна занимал Уолтер С. Карпентер. Сам он не был членом семьи Дюпонов, но его брат женился на представительнице этого рода. Такую же карьеру сделал и один из наиболее известных магнатов американской промышленности Кроуфорд Гринуолт. В 1926 году он женился на Ирен Дюпон, получив в приданое тысячу акций «Кристиана корпорейшн». В последующие годы он постепенно увеличивал свой пакет акций, а когда в 1948 году его назначили «президентом» фирмы Дюпонов, он уже был миллионером. Его жалованье (вместе с премиальными) составляло в среднем полмиллиона долларов в год. Несколь ко больший оклад имел только Чарлз Э. Уилсон из «Дженерал моторс».

В 1967 году произошла очередная смена на руководящих постах концерна. Ламмот Дюпон-Коупленд ушел с поста «президента» фирмы и занял место, имеющее скорее представительный характер, а именно стал председателем правления. Впервые «президентом» концерна стал не член семейства Дюпонов и даже не муж одной из представительниц их рода. Речь идет о Чарлзе Б. Маккое, который служит в концерне уже несколько десятков лет. Отец его тоже служил у Дюпонов.

Ссылаясь на Маккоя, журнал «Тайм» писал в начале 1970 года, что в последнее время прибыли концерна уменьшились и даже несколько упал курс акций. Причина – усиление конкуренции, в частности со стороны японских фирм, и отсутствие новых изобретений, вроде оказавшегося столь выгодным нейлона.

«Дженерал моторс»

В 1918 году, как пишет Стюарт Х. Холбрук, «прибыли Дюпонов росли быстрее, чем бухгалтеры успевали заносить их в свои книги». Казначей дюпоновского концерна Джон Рэскоб признал целесообразным покупку акций треста «Дженерал моторс», созданного в 1908 году. Его основатель Уильям Дюран мечтал о гигантском автомобильном тресте по образцу «Юнайтед Стейтс стил» или «Стандард ойл». И он действительно сумел включить в свой концерн такие компании, как «Бьюик», «Кадиллак» и «Олдсмобил», но не смог склонить к сотрудничеству Форда – главного конкурента Дюпонов. Не получил он кредитов и в банке Моргана, который просто не верил утверждению Дюрана, что можно довести выпуск автомобилей до 500 тысяч штук в год.

В 1915 году Дюпоны купили на пробу 3 тысячи акций «Дженерал моторс» и ввели четырех своих представителей в правление этого треста. Его президентом стал Пьер Дюпон. В 1918 году в его руки перешел огромный пакет акций на сумму 25 миллионов долларов. Д. Рэскоб стал председателем финансового комитета «Дженерал моторс». Одновременно Дюпоны начали поставку тресту красок, лаков и других материалов, необходимых для производства автомобилей, и приступили к расширению и рекон струкции завода «Кадиллак» в Детройте, выделив на это 60 миллионов долларов. Численность рабочих концерна «Дженерал моторс» увеличилась до 86 тысяч человек, а его капитал достиг миллиарда долларов.

В 1920 году на американском автомобильном рынке появились явные признаки депрессии, перепроизводства. На складах «Дженерал моторс» стали накапливаться непроданные машины. Дюпоны воспользовались этими трудностями и с помощью банка Моргана захватили фактическую власть в «Дженерал моторс», скупив при этом все акции Дюрана. В последующие годы они уже располагали 23 процентами всех акций этого автомобильного концерна. Такого пакета акций оказалось вполне достаточно, чтобы включить «Дженерал моторс» в промышленно-финансовую империю Дюпонов.

Теперь Пьер Дюпон мог спокойно вернуться в Уилмингтон и почить на лаврах: председатель правления «Дженерал моторс» Альфред П. Слоун, а позднее Чарлз Э. Уилсон, один из его генеральных директоров, стояли на страже интересов автомобильного концерна. Джон Уинклер, автор изданной в 1935 году книги «Династия Дюпонов» (“The Du Pont Dynasty”), считает,

что в течение первых пятнадцати лет, с момента, когда семейство начало вкладывать капиталы в концерн «Дженерал моторс», оно получило 250 миллионов долларов прибыли.

В предвоенные годы, в ходе второй мировой воины и после нее продолжалось расширение предприятий «Дженерал моторс» – ныне самого крупного автомобильною концерна на земном шаре. «Дженерал моторс» производит около 50 процентов всех автомобилей в Соединенных Штатах, владеет заводами в других странах, например заводом «Опель» в Западной Германии или «Воксхолл» в Англии. С конвейеров многочисленных заводов «Дженерал моторс» в Детройте и других городах США ежегодно сходят миллионы автомобилей популярных марок – «шевроле», «бьюик», «кадиллак» и других.

Кроме автомашин, «Дженерал моторс» производит сотни других изделий, например огромные дизельные локомотивы, автомобильные двигатели, холодильники, стиральные машины и так далее и тому подобное. В годы войны концерн получал множество заказов на вооружение, и он до сих пор остается одним из главных поставщиков оружия Пентагону. Американская статистика не выделяет прибылей Дюпонов по этой отрасли производства, но хорошо известно, что они достигают сотен миллионов долларов.

Известный американский журнал «Форчун» ежегодно публикует список пятисот крупнейших промышленных фирм США. Список этот составлен по объему суммы оборота, и порядковый номер фирмы в списке определяется именно этим принципом. Первое место в нем занимает, «как обычно» (замечание «Форчун»), «Дженерал моторс», чьи обороты в последние годы превысили 24 миллиарда долларов. Второе и третье места отведены соответственно «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Форд мотор компани», обороты которых достигают 15 миллиардов долларов в год.

«Дженерал моторс» опережает все другие концерны и в части получения самой высокой чистой прибыли. 1,7 миллиарда долларов. На втором месте находится «Стандард ойл» —1 миллиард долларов. Что касается треста «Форд мотор», то он вынужден довольствоваться «только» пятым местом: его чистый доход составляет «всего» 500 миллионов в год.

«Дженерал моторс» занимает первое место и по численности своих рабочих, значительно превосходя в этом отношении другие концерны: почти 800 тысяч человек трудятся на его предприятиях. Второе место по этому показателю принадлежит конкурирующему с ним концерну «Форд мотор», где работает 400 тысяч рабочих.

Лишь в одном отношении «Дженерал моторс» вынужден довольствоваться вторым местом в списке журнала «Форчун»: общий суммарный капитал этого автомобильного концерна составляет 15 миллиардов долларов. На первом месте стоит «Стандард ойл»: его капитал —17 миллиардов долларов.

Кстати, несколько слов о положении концерна «Э.И. Дюпон де Немур» в списке журнала «Форчун». По размерам оборота этот химический концерн занимает только пятнадцатое место (3,7 миллиарда долларов), а по объему чистой прибыли – десятое (370 миллионов), по размеру суммарного капитала – семнадцатое (3,5 миллиарда), по численности рабочих – лишь двадцатое место (118 тысяч человек). Но ведь и это не пустяк!

В 1952 году министерство юстиции США обвинило семейство Дюпонов, «Дженерал моторс» и «Ю.С. раббер» в нарушении антитрестовского закона. Факт нарушения «закона Шермана» не вызывал сомнений, но ловкие адвокаты концернов нашли множество отговорок, хитроумных «аргументов» и «доказательств» в защиту оказавшихся под угрозой прибылей. Перед судом предстали восьмидесятилетний Пьер Дюпон и его брат Ирене. Оба они плохо слышали или, во всяком случае, не хотели слышать того, что им было невыгодно. Оба отчаянно защищались.

Лишь в 1962 году был вынесен приговор, в котором сказано, что концерн Дюпонов должен «освободиться» от акций «Дженерал моторс», которыми он владеет. Началась искусная и сложная финансово-юридическая игра, в которую включился даже американский Конгресс. Представители Дюпонов успели протащить в Конгрессе специальный закон, который ограничил до минимума потери семейства в связи с уплатой налогов и расходами по продаже акций. В результате особой сделки концерн «Э. И. Дюпон де Немур» перестал быть держателем акций фирмы «Дженерал моторс», но члены семейства Дюпонов отнюдь не «освободились» от имевшихся у них акций и, по подсчетам Фердинанда Ландберга, по-прежнему владеют 17 процентами всех акций автомобильного концерна, образуя самую большую и решающую группу акционеров. Возможно, предписания «закона Шермана» и были соблюдены, но фактическое положение вещей существенно не изменилось.

* * *

В 1953 году люди из концерна «Дженерал моторс» дважды, причем невольно, показали американскому обществу, как они

представляют себе отношения между государством и крупным капиталом. Оба эти случая столь характерны, что о них надо рассказать подробнее.

Когда в начале 1953 года генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр стал хозяином Белого дома, он сформировал правительство, которое состояло, как шутили тогда в Америке, из восьми миллионеров и одного слесаря. Одним из этих миллионеров был директор «Дженерал моторс» Чарлз Э. Вильсон, который на несколько лет отказался от огромных доходов, чтобы занять почетную должность министра обороны США. Вскоре Вильсон прославился таким откровенным высказыванием, ставшим достоянием гласности:

«Что хорошо для “Дженерал моторс”, хорошо для Соединенных Штатов».

Многие американские авторы критиковали Вильсона за чрезмерную прямоту и за полное отождествление интересов крупного капитала с интересами народа. В его защиту – ироническую – выступил профессор Миллс, заявивший в своей книге «Властвующая элита»:

«Разве не смешно предположить, что в смысле психологическом Чарлз Эрвин Вильсон представляет кого-либо иного, кроме крупных концернов, и защищает чьи-либо другие интересы, а не интересы этих концернов? И отнюдь не потому, что он невежлив. Как раз наоборот: потому, что он наверняка человек надежный – надежный, как золото. Он таков, каков есть, и иным быть не может. Он член профессиональной элиты крупных бизнесменов. Как и его коллеги в правительстве и вне его, Вильсон представляет богатство мира крупных концернов, его власть и искренне верит в то, что часто говорит».

В том же самом 1953 году газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала переписку между руководителями «Дженерал моторс» и Дюпонами, относящуюся к самому началу послевоенного периода, но по содержанию своему все еще актуальную. Один из директоров «Дженерал моторс» обратился тогда к Ламмоту Дюпону с предложением ввести в состав правления концерна генерала Джорджа Маршалла, автора пресловутого «плана Маршалла» и ведущего представителя американской «властвующей элиты». Дюпону предложение не понравилось.

«Причины, по которым я не могу быть сторонником введения генерала [в состав] правления, следующие, – писал Дюпон. – Во-первых, его возраст (Маршаллу тогда было шестьдесят пять лет. – *Г.Я.*), во-вторых, тот факт, что он не имеет акций, в-третьих, отсутствие у него опыта в экономических проблемах

промышленности».

На это Альфред П. Слоун ответил письмом, в котором изложил позицию «Дженерал моторс», отнюдь не предполагая, что это письмо когда-либо станет достоянием гласности.

«Мне кажется, – писал он, – что генерал Маршалл мог бы быть для нас в определенной мере полезен именно тогда, когда уйдет на пенсию, выполнив свои нынешние задачи, если он по-прежнему будет жить в Вашингтоне. Оценивая занимаемое им в обществе и в правительстве положение, а также тот факт, что он знаком с нашим образом мышления и с нашими замыслами, я считаю, что его назначение могло бы повлиять на изменение в общем-то негативного отношения к большому бизнесу (и главное, доходному бизнесу), символом которого мы являемся. Мне кажется, что с определенной точки зрения эта кандидатура могла бы быть для нас интересной».

Современные миллионеры и миллиардеры старательно избегают близких контактов с общественным мнением, предпочитая не раскрывать ни своей жизненной философии, ни механизма функционирования своих богатств. Так же поступают их директора и другие ответственные сотрудники. Поэтому можно только поблагодарить Вильсона и Слоуна за их откровенность.

Патриоты?

Для Соединенных Штатов вторая мировая война началась только в декабре 1941 года, когда японцы неожиданно атаковали американский флот и авиацию на их базе в Пирл-Харборе. Несмотря на то что война в Европе шла уже более двух лет и было ясно, что Соединенные Штаты не смогут сохранить нейтралитет, все же оказалось, что американская промышленность не была подготовлена к переходу на выпуск необходимого вооружения. И хотя американская пропаганда – не без участия президента Ф.Д. Рузвельта – выступала против фашистской «оси», выявился любопытный факт: многие американские концерны продолжали поддерживать дружеские контакты с германскими фирмами и не спешили порвать с ними.

Это очень щекотливый, деликатный вопрос, поскольку американские капиталисты рядились тогда и продолжают рядиться даже сейчас в тогу великих патриотов. Они яростно протестуют, когда их обвиняют в том, что они ставят свои прибыли выше долга перед родиной. Однако имеется множество доказательств того, что американские миллионеры и их директора подписывали соглашения с гитлеровскими картелями, зная, что тем самым принимают активное участие в вооружении Третьего рейха. Есть бесспорные доказательства, что такого рода соглашения не были аннулированы даже в годы войны.

Автор затрагивает эту тему в главе о Дюпонах именно потому, что, как ему кажется, различные их фирмы имели больше контактов с гитлеровским «рейхом» и более активно боролись за их сохранение, многократно рискуя быть формально обвиненными в измене родине.

Желая избежать недоразумений, сразу же оговоримся, что речь идет вовсе не о личных политических взглядах американских капиталистов. Если Генри Форд еще в двадцатые годы был сторонником Гитлера, а в 1938 году охотно принял высокую гитлеровскую награду; если в тридцатые годы Дюпоны поддерживали и финансировали полуфашистскую организацию Американская лига свободы; если в 1933 году председатель правления «Дженерал моторс» Уильям С. Кнудсен заявил, что гитлеровский «рейх» – это «чудо XX века», а в 1938 году вице-председатель того же концерна Джеймс Муни получил от Гитлера орден, – то все это можно так или иначе признать их личным делом, хотя не подлежит сомнению, что в Америке политические взгляды миллионеров и их директоров имеют больший вес, нежели взгляды так называемых «рядовых граждан». Но здесь

речь идет не о взглядах Форда или Дюпонов: нас интересуют конкретные действия капиталистов.

В начале 1942 года, то есть всего несколько месяцев спустя после нападения Японии на Пирл-Харбор, в Вашингтоне выступил сенатор Гарри С. Трумэн, позднее президент США, которого никто никогда не обвинял в левизне или во враждебности к крупному капиталу. С присущим ему темпераментом Трумэн заявил:

«За нынешнюю существенную нехватку стали ответственность несут крупные стальные концерны, которые стремились укрепить свою монополию…

Десятидневная забастовка на заводах Форда в апреле 1941 года в знак протеста против его сотрудничества с нацисткой Германией

Даже после открытия нами военных действий концерн «Стандард ойл оф Нью-Джерси» делал все возможное, лишь бы сохранить контроль германского правительства над одним из основных военных материалов. «Да, – гремел Трумэн, – это измена! Иначе это назвать нельзя».

Американское общественное мнение той поры было резко антигитлеровским, и президент Рузвельт охотно это использовал. В мае 1942 года за одну только неделю министерство юстиции выявило 162 тайных картельных соглашения германского концерна «ИГ Фарбен», известного своей близостью к Гитлеру, с

различными американскими концернами. Однако соглашения эти частично остались в силе на все время войны, а частично были «временно заморожены», чтобы вновь войти в силу после окончания военных действий.

Вскоре помощник министра юстиции Термонд Арнольд, близкий сотрудник Рузвельта, произнес речь, в которой заявил:

«Небольшая группа американских предпринимателей, которые являются участниками международных объединений, все еще думает, что война для них – только временный перерыв в нормальных связях с сильными немцами. Руководители этих картелей по-прежнему говорят и думают, что исход войны неясен и что поэтому они должны сохранить свои мощные позиции, чтобы после войны восстановить свои соглашения с сильными немцами».

В то же самое время известный американский журналист Дрю Пирсон привел конкретные примеры картельных соглашений с немцами, наносящих ущерб интересам Соединенных Штатов. Он писал, например, что если соглашение «Стандард ойл» с «ИГ Фарбен» сделало возможным производство в США синтетического каучука, то соглашение «Алюминиум корпорейшн оф Америка» с тем же концерном «ИГ Фарбен» сорвало получение магния американской авиапромышленностью. Среди многочисленных соглашений «ИГ Фарбен» с американскими концернами почетное место занимали и предприятия Дюпонов.

Так говорили и писали в Америке во время войны. Но сразу же после нее специалисты по рекламе из крупных концернов воспрянули духом и нагло приступили к контрдействиям. Они снова начали представлять своих хозяев как «великих патриотов», прикрыв завесой молчания все их действия, хвалиться которыми не приходилось. Сегодня лишь немногие американские авторы сохраняют независимость и пишут о подлинном положении вещей. С их помощью приведем некоторые факты, которые ставят под сомнение патриотизм Дюпонов и других американских миллиардеров.

В 1947 году вышла в свет книга Джорджа Сельдеса «1000 американцев»[22]. Ее несомненным достоинством является то, что автор до минимума ограничивает свой комментарий, подкрепляя выдвигаемые им тезисы обширной документацией, взятой из американских официальных изданий. Глава 12 этой книги, озаглавленная «Дюпон, Гувер и Гитлер», – это серьезный обвинительный акт против Дюпонов. Сельдес ссылается, прежде всего, на материалы, собранные комиссией американского сената, возглавляемой сенатором Наем, а также на другие документы конгресса. Вот некоторые примеры Сельдеса:

«Дюпоны тайно помогали вооружению Германии и особенно много помогали Гитлеру. В этой деятельности Дюпонам помогал министр торговли, впоследствии [1928 год] избранный президентом Соединенных Штатов, причем Дюпоны были в числе тех, кто оказал ему большую финансовую поддержку. Этим человеком был Герберт Гувер…

Дюпоны контролируют крупнейшую автомобильную фирму «Дженерал моторс», которая вместе с другими отраслями промышленности в течение многих месяцев отказывалась переключиться на производство танков и самолетов…

Дюпоны помогали также вооружению Японии. В 1932 году компания «Мицуи» уплатила Дюпонам 900 тысяч долларов за формулу производства взрывчатых веществ из азотной кислоты и аммиака.

Дюпоны, компания «Дженерал моторс» и другие американские корпорации тайно договаривались с гитлеровскими уполномоченными… о заключении политического союза с ведущими представителями делового мира и деятелями Республиканской партии».

Каждое из этих обвинений (некоторые из них кажутся просто неправдоподобными) тщательно обосновано Сельдесом. Ссылаясь на него, приведем еще несколько примеров деятельности американских миллионеров, которая имеет мало общего с патриотизмом.

В двадцатых годах в Женеве проходили многочисленные сессии так называемой Конференции по разоружению. В них принимали участие и Соединенные Штаты, а госдепартамент даже высказался за разоружение. Но в это же время министр торговли, упомянутый выше Герберт Гувер, пригласил к себе фабрикантов вооружений (среди них Дюпонов) «для разработки плана совместных действий против Женевского проекта разоружения».

«Другими словами, – пишет Сельдес, – Соединенные Штаты должны были формально согласиться с постановлениями Женевской конференции по ограничению вооружений, после чего усилия президента и государственного департамента должны были быть обойдены, с тем чтобы «торговцы смертью» могли продолжать заниматься своим бизнесом без всяких «неудобств».

Ссылаясь на показания, содержащиеся в докладе Комиссии Ная, Сельдес пишет:

«В ходе расследования, проводимого Комиссией [Ная], стало ясно, что промышленность вооружений, возглавляемая Дюпонами, в нарушение всех договоров хотела получить свою долю прибылей от тайного перевооружения Германии… Комиссия

[Ная]… докладывала также, что до и после прихода Гитлера к власти Дюпоны были в числе фирм, участвовавших в перевооружении Германии».

Дюпоны наиболее тесно сотрудничали с Круппом и концерном «ИГ Фарбен», хотя, как показал в Комиссии Ная директор их зарубежного отдела Уэнделл Р. Суинт, они хорошо знали, что и Крупп и «ИГ Фарбен» поддерживают Гитлера. Как сообщает Сельдес, 1 февраля 1933 года, когда Франклин Делано Рузвельт уже был избран президентом, но еще не приступил к своим обязанностям, Дюпоны «подписали договор с агентом Гитлера, который называл себя Гиера, но в действительности был международным шпионом Питером Бреннером… В то время снабжение Германии оружием еще считалось незаконным, но Дюпоны поручили Гиере организовать нелегальный ввоз оружия в Германию через Голландию».

Когда Гиера «засыпался» в Европе, Дюпоны выплатили ему 25 тысяч долларов и немедленно направили в Японию, чтобы он и там работал на них. Далее Джордж Сельдес цитирует документы Конгресса за 1944 год (Монография № 1) под заглавием «Экономические и политические аспекты международных картелей».

«Между Дюпоном и «ИГ Фарбен» существовало «джентльменское соглашение», обязывающее их предоставлять друг другу приоритет на использование нововведений, технологических процессов и готовую продукцию… Из документов комиссии видно, что американские члены картеля обещали гитлеровцам после войны восстановить договоры и джентльменские соглашения независимо от того, какая сторона победит».

И далее:

«Там, где речь идет о прибыли, у капиталистов нет отечества».

Сельдес приводит показания помощника министра юстиции Уэнделла Берджа, данные им в сентябре 1944 года комиссии сенатора Килгора. На основании имевшихся у него материалов Бердж обвинил Дюпонов в том, что те замышляют после войны возобновить картельные соглашения с «ИГ Фарбен».

«В этот момент, – пишет Сельдес, – председатель комиссии Килгор прервал Берджа вопросом, имеется ли сходство между взаимными обязательствами компаний «Дюпон» и «Стандард ойл» с «ИГ Фарбениндустри», которые комиссия по обследованию оборонной промышленности охарактеризовала как предательские. Бердж ответил: «Да, имеется».

Вопросу о сотрудничестве американских концернов с

германскими фирмами много внимания уделяет и Альберт Э. Кан в книге «Великая измена» (“Hight Treason”)[23], а также Ричард Сэсюли в своем труде «ИГ Фарбениндустри»[24]. Кан, в частности, приводит текст необычного письма, отправленного весной 1939 года Альбертом Слоуном, председателем правления «Дженерал моторс», одному из акционеров фирмы. В письме изложена философия сотрудничества с Германией, как ее понимает авторитетный представитель американского капитала.

«Дженерал моторс», – писал Слоун, – является организацией международной, практически действующей во всех странах земного шара. В течение многих лет, еще до возникновения нынешнего германского режима, «Дженерал моторс» инвестировал значительные суммы в фирме «Адам Опель АГ». Это было очень выгодное капиталовложение и, по моему мнению, независимое от политических событий. Оно может оказаться – с точки зрения развития и прибылей – лучшим, чем многие другие инвестиции нашего концерна.

На фирму «Опель» приходится около 50 % производства [автомобилей] в Германии. Она использует немецких рабочих и немецкое сырье. Благодаря такому развитию, тяжелому труду и, как мне кажется, интеллигентному руководству, мы пришли к тому, что на нашу долю приходится почти 50 % одной из главных отраслей промышленности в Германии. В данной ситуации, по-моему, мы должны вести себя, как немецкая организация, которая располагает немецкими капиталами».

В то время уже было хорошо известно, что фирма «Опель» принимает активное участие в вооружении гитлеровского вермахта. Можно догадаться, что именно это и склонило акционера «Дженерал моторс» поставить данный вопрос перед правлением концерна. И он получил недвусмысленный, прямой ответ.

Ричард Сэсюли интересуется также связями американских промышленников с германскими в годы войны. Вот некоторые из установленных им фактов:

«В октябре 1939 года, через месяц после начала войны, Фрэнк Говард, представитель “Стандард ойл”, прибыл в Европу и попытался найти способ сохранить в силе картельное соглашение “Стандард ойл” – “ИГ Фарбен”, невзирая на войну. На совещании с представителями “ИГ” в Голландии было достигнуто соглашение. Сам Говард так характеризует его:

“Мы постарались разработать планы для того modus vivendi, который должен был действовать во время войны независимо от того, вступили в нее США или нет”.

В соответствии с заключенным соглашением был произведен

раздел патентов и лицензий между “Стандард ойл” и его германским компаньоном, причем 20 процентов всех доходов даже за патенты, переданные “Стандард ойл”, заносилось на счет “ИГ”».

Относительно германских связей Дюпонов Сэсюли говорит, что они возникли еще в 1919 году.

«ИГ Фарбен» и Дюпоны, – пишет он, – никогда не достигали полного соглашения между собой подобно тому, какое каждый из них заключал с британским концерном «Империэл кемикл индастриз». Но Дюпон входил в картели вместе с фирмами, подконтрольными «ИГ», например в картель боеприпасов – вместе с «Динамит-Нобель» и «Кёльн-Ротвейль». Деятельность «ИГ Фарбен» и Дюпона протекала согласованно и в связи с тем, что оба они тесно сотрудничали с «Империэл кемикл индастриз»; эти две системы не могли вступать в конфликт между собой…

Правление «Стандард ойл оф Нью-Джерси» в 1943 году отказалось рассмотреть предложение не вступать после войны в картельные связи с «ИГ Фарбен». Такую же позицию заняли и другие концерны».

Корвин Эдвардс заявил перед комиссией сенатора Килгора:

«Компания “Дюпон” имеет договоренность о том, что многие, если не все, ее картельные связи будут возобновлены после войны… Прекращение обмена технической информацией между Дюпоном и “ИГ Фарбениндустри” в апреле 1941 года предусматривалось на срок “до окончания нынешнего чрезвычайного положения”, причем “все прочие договорные обязательства продолжают сохранять свою силу”».

Истинным кладезем материалов на интересующую нас тему стала книга американского автора Говарда Уотсона Эмбрастера под любопытным названием «Цена предательства. Немецкие краски и американские простофили» (“Treason’s Peace. German Dyes and American Dupes”), изданная в Нью-Йорке в 1947 году. Название книги основано на игре слов: dye дословно означает «краска, краситель», но, соединенное со словом crime, оно переводится как «отъявленное предательство». Слово dupe означает «простофиля», человек, которого одурачили. Тема указанной книги – концерн «ИГ Фарбен», и прежде всего его деятельность на территории США. Эту деятельность автор характеризует как соединение «саботажа и пропаганды, шпионажа и коррупции».

Эмбрастер пишет в предисловии, что посвятил сорок лет жизни исследованию интриг этого германского концерна. Результатом явился увесистый том в четыреста страниц, содержащий бесчисленное множество доказательств,

направленных против «ИГ Фарбен» и его американских контрагентов. Как и цитированные ранее авторы, Эмбрастер всякий раз указывает источник, из которого он черпает свои материалы. Это преимущественно протоколы различных комиссий американского Конгресса. Ниже мы приведем несколько фактов, содержащихся в его книге.

Эмбрастер, в частности, рассказывает о любопытном обмене визитами между представителями Дюпонов и «ИГ Фарбен». Так, в июле 1933 года, то есть уже после того, как Гитлер захватил власть в Германии, два представителя фирмы Дюпон выехали в Берлин, где совещались с тайным советником Германом Шмитцем и профессором Карлом Бошем, которые выступали от имени «ИГ Фарбен». Беседа касалась некоторых общих интересов и возможностей совместной акции. Ответный визит был нанесен в октябре 1935 года, когда Ламмот Дюпон в своей уилмингтонской резиденции принимал двух директоров «ИГ Фарбен» – Георга фон Шницлера и Фрица Тер Меера. Гости из Германии уговаривали хозяина согласиться на более тесное сотрудничество в области производства синтетического каучука.

Столь дружественные отношения были результатом контактов и соглашений, длившихся долгие годы. По данным Эмбрастера, уже в 1926 году был заключен первый договор между концерном Дюпонов и германским трестом «Динамит АГ», который затем слился с «ИГ Фарбен». Договор касался обмена информацией и гражданской принадлежности некоторых патентных прав в области производства взрывчатых веществ. Очередное соглашение было заключено в 1929 году между той же фирмой «Динамит АГ» и принадлежащей Дюпонам компанией «Ремингтон армс». Соглашение касалось немецкого изобретения – тетрацена, используемого для производства капсул-детонаторов. Один из пунктов соглашения предусматривал, что «Ремингтон армс» не имеет права продавать Великобритании боеприпасы, содержащие тетрацен. Дюпоны строго соблюдали этот пункт: когда в 1939 году началась вторая мировая война, фирма «Ремингтон армс», получив британский заказ, не выполнила его.

Перед войной количество картельных соглашений между Дюпонами и «ИГ Фарбен» значительно увеличилось. Так, например, Германия проявила большой интерес к неопрену (разновидность синтетического каучука), выпускавшемуся заводами Дюпонов, и вскоре получила согласие на продажу немцам патентных прав. Синтетический каучук, отмечает Эмбрастер, сыграл немалую роль в подготовке нацистов к войне.

В 1935 году заводы Дюпонов приступили к выпуску пуленепробиваемого стекла, названного люцитом. Почти

одновременно в Германии был получен аналогичный продукт, которому дали название плексиглас. Вскоре между американскими и германскими фабрикантами было заключено соглашение об установлении цен, разделе рынков и лимитировании производства каждым из участников соглашения. По сообщению Эмбрастера, соглашение было невыгодным для Соединенных Штатов. Перед самой войной, в мае 1939 года, концерн «ИГ Фарбен» получил согласие Дюпонов заключить договор на использование только что изобретенного в США нейлона.

Сотрудничество американских и германских концернов развивалось, хотя во время расследования Комиссии сенатора Ная было со всей очевидностью установлено, что «ИГ Фарбен» принимает активное участие в вооружении Германии. Как пишет Эмбрастер, во время этого расследования «…показания давал Ламмот Дюпон. Сенатор Кларк из штата Миссури, демократ-изоляционист, спрашивал его, существует ли опасность, что тайные и запатентованные формулы взрывчатых веществ, которые Дюпоны передали “ИГ Фарбен” для мирных целей, будут использованы для целей военных. Сенатор спросил свидетеля: “Может ли что-либо удержать их [немцев] от использования этих методов при производстве военной взрывчатки?” Мистер Дюпон не дал на это никакого ответа».

Значительное место в своей книге Эмбрастер отводит описанию многочисленных процессов, в ходе которых министерство юстиции – уже во время войны – обвиняло Дюпонов и другие американские концерны в сохранении картельных соглашений с германскими фирмами. Частично об этих процессах мы рассказывали раньше. Эмбрастер подтверждает, что, как правило, все кончалось взиманием штрафа и что ни с головы Дюпонов, ни с голов других американских миллионеров и миллиардеров не упало ни одного волоса.

Эмбрастер сообщает еще один любопытный факт. Оказывается, до 1939 года германский концерн «ИГ Фарбен» действовал в США под маркой «Американ ИГ кемикл корпорейшн». В октябре того же года он изменил свое название на «Дженерал анилин энд филм корпорейшн». Зловещие буквы ИГ («интересен гемайншафт», что означает «общность интересов») были из названия изъяты. Лишь в начале 1942 года американские власти конфисковали имущество этого концерна. И тогда выяснилось, что он владел многочисленными акциями американских трестов и концернов на сумму 10 миллионов долларов. В частности, были изъяты акции «Стандард ойл», «Э.И. Дюпон де Немур» и других фирм.

Полагаем, что на этом можно остановиться и не приводить больше данных и фактов, собранных независимыми американскими авторами. И без того достаточно четко вырисовывается не очень-то благопристойный облик американских капиталистов, которые ставят свои прибыли выше патриотического долга. В тридцатых-сороковых годах XIX века Элетер Ирене Дюпон, а потом и Альфред Дюпон отказывались принимать заказы на порох, если это не отвечало их представлению о долге гражданина. Сто лет спустя их наследники при заключении сделок руководствуются совершенно иными критериями.

Глава 5. Форд – это автомобили

Почти со всех точек зрения Генри Форд не был похож на других американских миллионеров. Джон Д. Рокфеллер сколотил огромное состояние на нефти, но он всегда стремился находиться подальше от нефтяных вышек и даже на нефтеперерабатывающих заводах бывал очень редко, предпочитая сидеть в кабинете и оттуда плести свои сложные интриги. Джон Пирпонт Морган пришел к миллионному состоянию благодаря эксплуатации железных дорог и сталелитейных заводов, хотя не строил ни железных дорог, ни домен. Из многих десятков Дюпонов (во всех восьми поколениях) лишь немногие знали химию.

Совсем иначе обстоит дело с Фордом. Он с малых лет интересовался техникой, что-то мастерил, выдумывал. Автомобиль сделался его страстью, и этой страсти он остался верен до конца жизни. Форд каждый день приходил на завод, участвовал в проектировании новых моделей машин, искал технические усовершенствования, а в молодые годы даже принимал участие в автомобильных гонках.

Рокфеллеры, особенно их новые поколения, вкладывали свои капиталы не только в нефтяную промышленность, но и в различные другие предприятия и отрасли. Морган и его наследники были, прежде всего, банкирами, которые вкладывали деньги туда, где рассчитывали получить максимальную прибыль. После окончания Второй мировой войны у Дюпонов оказалось столько денег, что они не могли найти им применения.

Иное дело Форд. Все свои прибыли он вкладывал только в автомобильную промышленность, расширял и реконструировал только свои заводы в Соединенных Штатах и за их пределами, постоянно искал новые рынки сбыта для своих машин.

Как мы убедились по предыдущим главам, богачи прошлого столетия наживали свои капиталы путем постоянного нарушения или обхода законов, подкупали законодателей и судей, шли к цели кривыми дорогами, часто вызывая бурю возмущения в обществе, с которым не хотели считаться.

Совсем иначе вел себя Форд. Это был поистине капиталист XX века. Существующий в США строй и действующие там законы вполне его устраивали – с их помощью он нажил миллиарды. А если Форд и судился, то всегда сам начинал процессы, защищая свое право производить автомобили. И законно выигрывал процессы. Он не пренебрегал общественным мнением, скорее даже льстил ему. А свое богатство добыл простым и почти классическим способом: путем эксплуатации сотен, а потом тысяч

и десятков тысяч рабочих. Производимая ими прибавочная стоимость шла в карман Форда.

Оговоримся, что вышесказанное не умаляет личных усилий Форда. Его главная заслуга бесспорна: это он превратил автомобиль из предмета роскоши в предмет массового потребления. И если XX век стал веком моторизации, то в это вложена немалая доля ума и сил именно Генри Форда. Однако, с другой стороны, он был, пожалуй, наиболее антипатичной личностью среди американских миллиардеров. Форд претендовал на звание философа, якобы сам писал книги, провозглашал разные напыщенные лозунги, собирался спасать мир во всем мире, а по сути дела был полуграмотным человеком. Хорошо знал он только автомобили и организацию их производства.

Свет и тени моторизации

Старики в Польше еще помнят газетную дискуссию на тему, как по-польски называть автомобиль. Наряду с повсеместно принятым впоследствии названием «самоход» употреблялось и слово «самоезд», причем сторонники второго термина ссылались на логику. Но, как это часто бывает, логика проиграла…

Я сам принадлежу к поколению, для которого автомобиль, хотя это сравнительно новое изобретение, стал сразу же чем-то самоочевидным и привычным, как электричество или телевидение для нынешнего молодого поколения. Правда, я не автомобилист и как-то не задумывался над ролью и значением автомобиля в современном мире. Это продолжалось до тех пор, пока я не попал во время одной журналистской поездки в Монголию.

Перед отъездом я прочел немало книг об этой удивительной стране. Мне было известно, что площадь ее превышает полтора миллиона квадратных километров (в этом отношении Монголия в пять раз больше моей родины, хотя насчитывает всего, по данным 1966 года, 1 миллион 120 тысяч жителей). Знал я и то, что в этой обширной стране почти нет железных дорог. Это заставило меня задуматься над вопросом, как путешествуют по этой стране. Ведь я собирался побывать не только в Улан-Баторе.

Выйдя из самолета, я обратился с этим вопросом к своим любезным и гостеприимным хозяевам, объяснив им, что очень хотел бы осмотреть древний город Каракорум, из которого в XIII веке отправился в свой поход на Европу не знавший жалости завоеватель Чингисхан. Монгольские друзья с улыбкой ответили мне, что никаких трудностей с поездкой туда не будет.

– Если не боитесь неудобств путешествия по степи без привычной для вас автострады или шоссейной дороги, то машина в вашем распоряжении.

Я охотно согласился.

Через несколько дней мы тронулись в путь на маленьком юрком советском автомобиле, похожем на американский «джип». Едва мы выехали из столицы, как дорога действительно кончилась. Дальше мы двигались прямо по степи. Иногда были хорошо видны следы наших предшественников, но мне порой казалось, что мы едем вслепую. Однако шофер, старый симпатичный монгол, знавший немного русский язык, ничуть не сомневался в правильности выбранного направления.

Никогда не забуду красот монгольской степи – ни в какой другой стране не видел я таких необозримых просторов и такого

далекого горизонта. Осталась в памяти небольшая река, на берегу которой нам пришлось заночевать, так как моста через нее не было. Вода после недавних ливней разлилась так широко, что в тот момент вброд ее было не преодолеть. Остались в памяти и самые удивительные на свете бензозаправочные станции, к которым наш шофер безошибочно находил дорогу: в безлюдной и безмолвной степи на каком-нибудь небольшом холме стояли огромные цистерны с бензином. Шофер открывал кран, и бензин лился прямо в бак, без всяких там насосов и счетчиков.

После нескольких небольших приключений мы прибыли в Каракорум. Там я осмотрел древнюю пагоду и немногочисленные исторические экспонаты, побывал в расположенном по соседству с пагодой санатории и вернулся в Улан-Батор. Короче говоря, мы проехали по степи около тысячи километров. Горячо благодаря шофера и своих друзей, я невольно подумал, что не будь автомобиля, мне никогда не удалось бы совершить это волнующее путешествие. И вот тогда я вполне оценил значение моторизации для страны.

Первые автомобили в Европе

Быть может, в этом и стыдно признаться, но именно там, в Монголии, во время нашей долгой поездки по степи, я впервые задумался об огромной роли автомобиля в современной цивилизации и о том, как резко изменил автомобиль нашу жизнь в экономическом, культурном и бытовом отношениях, о том, что эпоха дилижансов и даже первых железных дорог, а тем более конки принципиально отличается от нашего времени, когда автобус стал неотъемлемым элементом городской жизни, когда огромные грузовики добираются до самых отдаленных сел, в

прошлом нередко почти безлюдных, когда автомобиль облегчает нам поездку на работу, за город или в туристском путешествии.

Когда я стал собирать данные для этой главы и читать американские материалы, преувеличивающие заслуги Форда, я не раз вспоминал свою поездку в Каракорум и симпатичного монгольского шофера, который не так давно сменил коня на автомобиль.

* * *

Появление в конце XIX века первых автомобилей на улицах европейских городов вызвало большие сомнения. Писали и говорили, что автомобили станут новой опасностью для пешеходов и лошадей. В некоторых городах были опубликованы распоряжения местных властей, чтобы впереди автомобиля шел человек, предупреждавший пешеходов и конный транспорт о приближении опасности. Кое-где специальные предписания ограничивали скорость передвижения автомобиля.

Немец Карл Бенц, один из первых конструкторов автомобиля, остроумно высмеял такие предписания. Построив свою машину в 1886 году, он обратился к властям земли Баден с просьбой о разрешении ездить по улицам города Мангейма и его окрестностям. Вскоре пришел ответ, в котором скорость езды ограничивалась шестью километрами в час по городу и двенадцатью – за его пределами. Тогда Бенц пригласил к себе министра транспорта, подготовив для этого оригинальный сценарий.

На вокзале в Мангейме министра ожидал шофер Бенца. Когда отважный министр занял место в автомобиле, шофер включил мотор и поехал по городу со скоростью шесть километров в час. Вскоре автомобиль догнала повозка местного молочника, который, позванивая своими бидонами, стал насмехаться над машиной и ее пассажирами. Он легко обогнал автомобиль, крича министру, что тому надо купить лошадь. Взбешенный министр спросил шофера, неужели тот не может ехать быстрее. «Могу, – отпарировал шофер, – но в предписании запрещается скорость больше шести километров в час». – «К черту такое предписание! – воскликнул министр. – Предписания издаю я! Немедленно обгоните этого подлеца!» Шофер включил другую скорость и тут же обогнал молочника. Министр издал новое предписание о скорости передвижения автомобилей. Бенц поставил на своем.

Спустя несколько лет весть об успехах европейских конструкторов автомобилей Бенца, Даймлера и других достигла

Соединенных Штатов. Здесь быстро нашлись последователи немецких конструкторов. Профессор Аллен Невинс, известный американский историк, по поручению Форда и на его деньги написавший в 1954 году обширный труд под названием «Форд. Время. Человек. Компания» (“Ford. The Times. The Man. The Company”), признает: «В те времена, в начале девяностых годов, Форд был только одним из десятков, а может быть, и сотен изобретателей, мечтавших об автомобиле. Некоторые из них достигли цели раньше Форда».

В декабре 1900 года одна нью-йоркская газета сообщила, что на рождество какую-то молодую женщину, переходившую Бродвей, задавил насмерть проезжавший автомобиль. Это и было, в сущности, началом эпохи автомобилизации.

Но еще в первые годы XX века профессор Вудро Вильсон, будущий президент Соединенных Штатов, выступил с речью, в которой бурно атаковал автомобилистов. Вильсон заявил, что автомобиль – «это доказательство зазнайства богачей» и больше, чем что-либо иное, вызовет «распространение социалистических настроений среди американцев». Вильсон наверняка забыл об этих словах, когда в 1913 году сам впервые воспользовался автомобилем для поездки в город Принстон. Молодой Франклин Д. Рузвельт, баллотировавшийся в сенат от штата Нью-Йорк, тоже использовал это новое средство передвижения. Победа автомобиля не вызывала сомнений.

Эта победа складывалась из усилий и размышлений сотен людей, а Генри Форд был только одним из них, что следует особо подчеркнуть, поскольку фордовские апологеты усиленно раздувают его роль в автомобилестроении. Кстати сказать, идея создания «самодвижущегося экипажа» зародилась еще в конце XVIII века, и уже в 1800 году швейцарец Исаак де Риваз сконструировал первый «экипаж на огненной тяге». В 1814 году француз Дюкю приспособил к нему управляющий механизм, а в 1821 году англичанин Роберт Гриффит изобрел коробку скоростей. Но первым конструктором автомобиля – в полном значении этого слова – считается немец Зигфрид Маркус, который в 1864 году построил машину с бензиновым мотором, а в 1875 году – автомобиль с четырехтактным двигателем. Переломным моментом в этом отношении был быстроходный бензиновый мотор Готлиба Даймлера, изобретенный и запатентованный им в 1883 году (о машине Бенца мы уже говорили).

Продолжать перечисление не имеет смысла, так как пришлось бы назвать десятки имен и изобретений, сотни усовершенствований и выдумок людей из разных стран,

благодаря усилиям которых автомобиль стал тем, чем он является в наше время. Поэтому напомним лишь о двух событиях. В 1894 году во Франции состоялись первые автомобильные гонки, названные «гонками безлошадных экипажей». На трассе Париж – Бельфор и Бельфор – Париж победила… паровая машина Де Диона. На втором месте оказался автомобиль Пежо с бензиновым двигателем.

В Америке бесспорный приоритет в конструировании автомобилей принадлежит братьям Чарлзу и Фрэнку Дьюри, которые в 1892 году построили первую действующую машину. В 1896 году на выставке в Бостоне Фрэнк Дьюри продал свою автомашину. Это была первая торговая сделка, в которой фигурировал сделанный в Штатах автомобиль.

* * *

Мы не знаем, сколько заработал на этом Фрэнк Дьюри. Но зато хорошо известно, в частности благодаря профессору Невинсу, которому был разрешен доступ к документам и архивам Форда, что производство автомобилей оказалось необычайно выгодным делом. В 1907 году, то есть спустя несколько лет после основания «Форд мотор компани», ее прибыли впервые превысили 1 миллион долларов в год. В последующее время выпуск автомобилей и прибыли Форда возрастали в геометрической прогрессии.

В 1916 году, когда почти вся Европа была охвачена пожаром первой мировой войны, а американская промышленность процветала, Форд мог отметить особенно удачный для себя результат: в течение одного только отчетного года его продолжавшие расширяться заводы выпустили более полумиллиона автомобилей, а прибыли составили 60 миллионов долларов. Простой арифметический подсчет показывает, что Форд заработал около ста долларов на каждой машине. При существовавшей тогда цене (440 долларов за автомобиль) это была прибыль порядка 25 процентов!

В 1947 году, то есть уже после второй мировой войны, которая вызвала новое расширение автомобильной промышленности, Джон Гантер очень образно писал, что представляют собой предприятия Форда.

«Швейцария на все свои потребности расходует обычно 270 тысяч долларов в день, – пишет Гантер. – Форд расходовал и продолжает расходовать около 1 миллиона долларов в день только на заработную плату своим рабочим! С момента

основания и по сей день компания Форда заработала свыше 11 миллиардов долларов».

Двадцать лет спустя Фердинанд Ландберг оценил состояние семейства Фордов по меньшей мере в 2 миллиарда, а капитал Фонда Форда – в 2,4 миллиарда, хотя теперь фордовские предприятия (в результате реорганизации американской автомобильной промышленности) уже не считаются самыми крупными и самыми прибыльными.

Валовой выпуск легковых машин в Соединенных Штатах составлял в последние годы 7-8 миллионов штук в год (исключительно выгодным оказался 1965 год, когда было выпущено свыше 9 миллионов машин). Из этого количества около половины приходится на заводы концерна «Дженерал моторс» (например, «Шевроле», «Понтиак», «Олдс-мобил», «Бьюик»), 25-30 процентов – на предприятия Форда, остальное – на «Крайслер корпорейшн» и другие фирмы.

Чтобы покончить со статистическими выкладками, напомним, что мировое производство легковых машин составляет ныне почти 20 миллионов штук в год, а грузовиков разных марок – около 5 миллионов. Первое место здесь по-прежнему занимают Соединенные Штаты, второе – ФРГ и Япония, а на последующих местах находятся Франция, Англия и Италия. В данное время по дорогам земного шара движется более 200 миллионов легковых автомобилей, причем на долю Соединенных Штатов приходится около 80 миллионов.

Но для того чтобы понять огромное значение автомобиля для современной цивилизации, одних статистических данных явно недостаточно. Не вдаваясь в подробности, просто отметим, что в богатых и экономически развитых странах автомобиль совершенно изменил жизнь фермера и, собственно говоря, перечеркнул понятие «деревня» в его прежнем значении.

* * *

Бурное развитие моторизации и почти семикратный рост выпуска автомобилей в последнее тридцатилетие (1938-1968) поставили население промышленно развитых стран перед необходимостью принимать решения по совершенно не известным ранее вопросам. Так, европейские и американские города возникали и расширялись в эпоху, когда автомобиля еще не существовало. Их узкие улицы, как правило, не приспособлены к автомобильному движению и, в частности, там не хватает мест для стоянок. Вот почему центры таких городов, как Нью-Йорк,

Лондон или Париж, в течение всего дня – это сплошной муравейник машин, водители которых отчаянно ищут кратчайшую дорогу к цели или место для стоянки.

Сегодня в мире есть много городов, где ехать на работу в автомобиле бессмысленно, так как его негде ставить. Существуют города, из которых просто невозможно выехать на отдых за город, ибо на то, чтобы вырваться из центра и вообще из города уходит несколько часов. Немало и таких городов, где вводятся все более строгие предписания о стоянках автомобилей – впрочем, без особых результатов.

Английские специалисты давно пугают автомобилистов картиной, которая ждет их в будущем: полная закупорка лондонских улиц – и никакой возможности найти выход из этого трудного положения. А известный аргентинский писатель Хулио Кортасар, много лет живущий во Франции, написал замечательный рассказ «Южная автострада», в котором нарисовал такую картину: тысячи автомобилей с черепашьей скоростью движутся в направлении Парижа. Это их владельцы возвращаются домой после воскресного отдыха.

Нехватка мест для стоянки автомашин не единственная проблема эпохи моторизации. Из года в год увеличивается число автомобильных катастроф, зачастую со смертельным исходом. И в этом Соединенные Штаты, несомненно, занимают первое место. В последнее время там ежегодно гибнет свыше 50 тысяч человек (не считая раненых). Причина – аварии и катастрофы.

В ряде европейских государств теснота и пробки на шоссе нередко более значительны, чем в Америке. Так, в ФРГ на один квадратный километр территории приходится сорок автомашин, в то время как в США только восемь.

Вспомним также о проблеме борьбы с выхлопными газами – порождением моторизации, которая вызывает все больше и больше хлопот и размышлений. Запах бензина и смрад выхлопных газов являются сегодня составной частью атмосферы любого крупного города, и пока что эта проблема неразрешима. К чему все это приводит, можно видеть на примере Калифорнии, где царит пресловутый смог. Смесь дыма, выхлопных газов и тумана в буквальном смысле слова отравляет жизнь населения и нередко является причиной смерти людей. В начале 1970 года в редакционной статье английского еженедельника «Нью стейтсмен» можно было прочесть:

«Двигатель внутреннего сгорания – это грязное творение, неинтересное с интеллектуальной точки зрения, зря расходующее энергию при ее преобразовании и теоретически плохо приспособленное для перевозки людей к местам их повседневных

занятий. Но даже если автомобиль с двигателем внутреннего сгорания будет заменен (на что надеются некоторые) легкими машинами, снабженными электромоторами, микроавтобусами, управляемыми с центрального пульта… или мотороллерами с паровым двигателем, все равно такая страна, как наша [Великобритания], окажется перед почти неразрешимой проблемой. В наших городах просто нет места для такого количества машин, которое требуется их жителям».

В связи с этими трудностями сейчас все чаще поговаривают о необходимости расширения городских коммуникаций, ибо пассажир автобуса занимает на улице в двенадцать раз меньше места, чем в личной машине. Говорят и пишут о том, что будущее принадлежит электромобилям, которые не выделяют никаких газов. Но все эти прогнозы не лучше пресловутой музыки будущего. Сегодня автомобиль все еще триумфатор. В более бедных государствах каждый житель мечтает о собственной машине, а в странах богатых ловкая реклама побуждает человека покупать все новые и новые модели автомобилей. Наследникам Форда пока что не приходится опасаться за свои прибыли.

Генри Форд I

В 1949 году во время пребывания в Соединенных Штатах я на несколько дней отправился в Детройт. У меня было две цели. Во-первых, я хотел посетить Детройтский район (точнее говоря, поселок среди города Детройта), именуемый Хэмтрэмк, почти целиком заселенный полянами. Кстати сказать, Детройт – одно из крупнейших средоточий американцев польского происхождения. В одном только Хэмтрэмке (поляки называют его Хамтрамик) их насчитывается около 50 тысяч. Многие из них, особенно пожилые люди, хорошо говорят по-польски и с волнением вспоминают родные места, с которыми расстались много лет назад, чтобы отправиться за океан. Некоторые из моих собеседников работали на заводах Форда.

Моей второй целью были как раз эти заводы. Я собирался осмотреть их, но из-за царившей тогда международной напряженности и усиления холодной войны не был уверен, что меня туда пустят. Все же я позвонил в отдел «по связи с общественностью» концерна Форда, представился как польский журналист и выразил желание осмотреть заводы. Чиновник, к которому меня направили, не проявил никакой тревоги, и мы тут же согласовали время и место встречи.

Должен признаться, что многочасовое пребывание на одном из крупнейших заводов Форда в городе Дирборне, под Детройтом, вызвало у меня полное разочарование. Любезный сотрудник из отдела «по связи с общественностью» показывал мне различные конвейеры, с которых и впрямь каждую минуту сходит готовый автомобиль. Но похожие линии, хотя и не такие огромные, я видел и раньше на крупных английских заводах. Кроме того, знаменитый фильм Чарли Чаплина [«Новые времена»] раз навсегда внушил мне отвращение к капиталистическим методам организации труда, при которых заводской рабочий превращается в одну из составных частей бесконечного конвейера.

Сотрудник Форда буквально засыпал меня сведениями о «хороших заработках» фордовских рабочих и «совершенстве социальных и бытовых учреждений» завода. Это была правда, но, с другой стороны, я хорошо знал историю многолетней войны Форда с профсоюзами, которые пытались положить конец нещадной эксплуатации рабочих на его заводах. Знал я и то, что рабочие здесь физически изнашиваются и стареют значительно раньше, чем на других предприятиях, что их немедленно увольняют, как только они перестают поспевать за пагубной быстротой движения конвейера.

А мой гид продолжал приводить многочисленные данные о производительности заводов Форда, о количестве проданных машин, о поставках сырья и материалов, о внутризаводском транспорте и так далее и тому подобное. Однако, невольно поражаясь размаху заводов Форда, я не забывал о том, что они здорово отстали от предприятий концерна «Дженерал моторс», руководители которого после ожесточенной конкурентной борьбы сумели оттеснить Форда на второе место.

Рискуя вызвать презрение моих читателей-автомобилистов, вынужден все же признаться, что более интересным, чем посещение фордовских заводов, было для меня пребывание в музее Форда, расположенном поблизости, в Гринфилд-Вилледж. Экспонаты музея, одного из самых удивительных на земном шаре, Генри Форд собирал лично всю свою жизнь.

Я смог осмотреть тут бесчисленное множество автомобилей, начиная с самых первых, которые сегодня производят комичное впечатление. Трудно поверить, что они могли двигаться! Видел я и фордовский автомобиль № 999, на котором сам Форд принял участие в одной из самых первых автомобильных гонках, побив мировой рекорд… на одну милю. Показали мне и машину № 10 000 000 и многие другие, по тем или иным причинам имеющие историческое значение.

Не менее любопытна была и та часть музея, которая, если можно так выразиться, является неавтомобильной. Форд поставил себе цель показать историю Соединенных Штатов и, не считаясь с расходами, собрал многочисленные экспонаты, запечатлевшие приметы своего времени. В музее можно увидеть копию Зала независимости (Independence Hall) из Филадельфии, где в 1776 году была провозглашена независимость Соединенных Штатов, а также копию Колокола Свободы. Здесь же находится домик, в котором Авраам Линкольн практиковал как адвокат до своего избрания президентом. Можно также осмотреть лодки с реки Миссури, на которых перевозили рабов. Но одним из самых удивительных экспонатов музея стал английский коттедж XVI века, купленный лично Фордом и перевезенный сюда по частям.

После нескольких часов хождения по огромному музею я совершенно выдохся. Поблагодарив любезного сотрудника, я простился с ним. Он выразил надежду, что когда-нибудь заводы Форда смогут продавать свои автомобили и в Польше.

На следующий день я встретился с одним из местных лидеров профсоюза рабочих автомобильной промышленности (ныне это один из крупнейших и наиболее влиятельных в США профессиональных союзов). У меня было к нему рекомендательное письмо от нашего общего знакомого из Нью-

Йорка, поэтому разговор шел свободно. Когда я сказал своему собеседнику, что побывал на заводах Форда и был разочарован, то этот уже немолодой человек разразился длинной тирадой, в которой ненависть к Форду была перемешана с удивлением. Вот (на основе моих блокнотных записей) наиболее важные моменты высказываний этого профсоюзного деятеля.

«Форд, – сказал он, – умер в 1947 году в возрасте восьмидесяти четырех лет. Сегодня его заводы действительно ничем не отличаются от других предприятий автомобильной промышленности. Но долгое время Генри Форд во многих отношениях был пионером.

Форд не изобрел ни автомобиля, ни конвейера. Но он сумел объединить все самые новые – разумеется, по тем временам – технические достижения с самыми лучшими, с точки зрения фабриканта, методами производства. Результат был таков, что он смог производить автомобили дешевле и быстрее, чем все его конкуренты. И вскоре он опередил их».

«Форду, – продолжал мой собеседник, – первому пришла мысль, что автомобиль может стать предметом постоянного пользования, доступным для рабочего и фермера. Благодаря снижению цен на автомобили Форд вызвал на них огромный спрос – до него о таком спросе никто и не мечтал. Он заработал на этом сотни миллионов долларов, и это было его личной прибылью. Вместе с тем он ввел Америку и все человечество в эпоху автомобиля. А это уже наша общая прибыль».

«Вы только не подумайте, – закончил он, – что я энтузиаст Форда. Я его ненавижу! Долгие годы он боролся с профсоюзами и подписал с нами договор значительно позже других заводчиков. Он стал миллиардером, жестоко эксплуатируя рабочих, хотя много разглагольствовал об их высоких заработках. Форд охотно пользовался дешевой рабочей силой из Восточной Европы (включая поляков, добавил он в мой адрес). Однако все это не должно заслонить его заслуг».

* * *

Генри Форд был значительно моложе всех других героев моей книги. Он родился в июле 1863 года – всего несколько недель спустя после знаменитой в истории Гражданской войны битвы под Геттисбергом, по окончании которой президент Авраам Линкольн заявил о «правительстве народа, из народа и для народа» и провозгласил, что «все люди рождаются равными». В годы Гражданской войны, когда Вандербилт и Рокфеллер

создавали свои состояния, Форд был еще младенцем. Его неслыханная карьера началась лишь на рубеже XIX-XX веков, причем в совершенно иных политических и экономических условиях. Форд нашел свою собственную дорогу к миллиардному богатству.

«Форд мотор компани» была основана в 1903 году, когда Генри Форду было сорок лет. Поэтому не будет преувеличением сказать, что он несколько поздновато нашел должное применение своим способностям. Во всяком случае, в момент основания фирмы он еще не был богатым человеком и поэтому вынужден был искать помощи у компаньонов, от которых затем постепенно избавлялся, причем не всегда честными способами.

Биографы Форда (а о его особе создана огромная, преимущественно апологетическая литература) выискивают в жизни миллионера различные факты в защиту его поздно раскрывшихся талантов. Трудно сказать, какие из их доводов обоснованы, а какие сфабрикованы задним числом.

Генри Форд был сыном фермера, чьи предки эмигрировали в Америку из Великобритании. Еще подростком Генри начал интересоваться машинами, очень любил что-нибудь мастерить, охотно бывал в кузнице. Начав учиться в школе, он уговаривал одноклассников построить паровую турбину. В результате произошел взрыв и пожар.

Профессор Аллен Невинс утверждает, что решающим для дальнейшего развития молодого Генри Форда был 1876 год, когда будущему миллиардеру исполнилось всего тринадцать лет. Именно в этом году по дороге от Фермы до Детройта Генри впервые увидел машину с паровым двигателем. Говорят, что вид экипажа без лошади произвел на Форда огромное впечатление, и пятьдесят лет спустя он якобы сказал: «Я помню эту машину так, словно видел ее вчера».

В том же, 1876, году Генри получил в подарок ко дню рождения часы. Он немедленно разобрал их до последнего винтика и сам же точно собрал. Так он вскоре научился ремонтировать часы, хотя у него не было хороших инструментов. Впрочем, часы действительно сыграли в его жизни определенную роль. В двадцать лет Форд задумался, не заняться ли ему выпуском часов. Но потом пришел к выводу, что спрос на них будет небольшим, а его тогда уже начало интересовать массовое производство.

Часы сослужили ему службу, когда он встретил Клер Джейн Брайант – свою будущую жену. В то время в Америке было введено общегосударственное официальное железнодорожное время, но жители Дирборна (здесь Форд родился, здесь построил

свои заводы, здесь же и умер) пользовались только местным временем – «по солнцу». Молодой Генри сконструировал часы, которые одновременно показывали железнодорожное и местное время, чем очень понравился восемнадцатилетней Клер. Она сочла – и, пожалуй, правильно, – что он серьезный парень, и вскоре согласилась выйти за него замуж. Была ли она счастлива потом? Сомнительно.

Третьим событием в 1876 году, которое произвело большое впечатление на тринадцатилетнего Генри, была выставка, организованная в Филадельфии по случаю сотой годовщины со дня провозглашения независимости Соединенных Штатов. Сам Генри не попал на выставку – туда поехал его отец. Вернувшись домой, он рассказал о необычайных машинах, экспонированных на выставке. Неизвестно, обратил ли отец внимание на двигатель внутреннего сгорания, приводившийся в движение светильным газом, но он не мог не заметить локомотива и других машин с паровыми двигателями, ибо они занимали на выставке центральное место.

Молодой Генри начал мечтать о том, чтобы покинуть ферму отца и переселиться в находившийся неподалеку Детройт. В шестнадцать лет он впервые покинул отчий дом и сравнительно скоро нашел работу на одной из фабрик быстро растущего города. А шесть дней спустя он ее потерял. Говорят, что поводом к увольнению послужила его стычка с мастером: Генри за полчаса исправил какую-то машину, ремонт которой обычно отнимал значительно больше времени. Может, это просто один из элементов легенды, которую создали вокруг личности Форда? Словом, Генри стал работать на другой фабрике, но через несколько лет, поддавшись уговорам отца, вместе с молодой женой вернулся в Дирборн, где собирался стать фермером.

Однако жизнь в деревне ему не нравилась. Он тосковал по большому городу и по работе, которая соответствовала бы его увлечению техникой. В 1891 году (ему было тогда около тридцати лет) Форд окончательно переселяется в Детройт, где начинает работать техником в «Эдисон иллюминетинг компани», то есть на электростанции Эдисона. Скромный техник лишь через несколько лет смог познакомиться с известным изобретателем Томасом Алва Эдисоном, который произвел на него неизгладимое впечатление. Как гласит легенда, первая их беседа касалась именно возможности конструирования экипажа, который мог бы двигаться самостоятельно, без коня, неся в себе самом источник энергии. Эдисон якобы поощрил Форда. Во всяком случае, он стал для Генри образцом и идеалом, которому надлежало подражать. Кстати, значительная часть экспонатов упомянутого выше музея

Форда в Гринфилд-Вилледж посвящена памяти Эдисона.

Групповой снимок сотрудников детройтского филиала «Эдисон иллюминетинг компани». Генри Форд третий справа в верхнем ряду

Во время работы на электростанции Форд начал интересоваться вопросами создания двигателя внутреннего сгорания и постройки автомобиля. В технической печати того времени (это было начало девятисотых годов прошлого столетия) можно было найти обширную информацию на эту тему. Как мы уже знаем, несколько европейцев опередили американцев. Да и в самих Штатах Форд не был единственным: напомним хотя бы о братьях Дьюри.

Спустя много лет, уже будучи известным фабрикантом, Форд упорно твердил, что он первым в Америке построил автомобиль. В доказательство он называл 1891-1892 годы, когда он якобы создал двигатель. Кроме того, Форд указывал и 1893 год, когда его автомобиль будто бы выехал на улицы города. Профессор Аллен Невинс приложил немало усилий – и отвел этому немало места в своей книге, – чтобы детально исследовать вопрос, действительно ли пальма первенства принадлежит Форду. Он пришел к довольно неприятным для Генри выводам. Приведя заявление самого Форда и высказывания его апологетов, Невинс пишет:

«К сожалению, эти суждения представляют собой смесь плохой памяти и благих намерений, либо это сознательная попытка передвинуть во времени успехи Форда. Его опыты с действующим мотором вошли в обнадеживающую стадию лишь в декабре 1893 года, но еще предстояло создать сам мотор и экипаж».

В нескольких других случаях Невинс преувеличивает заслуги Форда, но в этом вопросе скрупулезно точный ученый признает, что домогательства Форда в части приоритета неосновательны. Невинс приводит также слова Оливера Э. Бартела, одного из самых первых и многолетних сотрудников Форда, который вообще ставил под сомнение технические способности промышленника. После смерти Форда Бартел заявил:

«Я никогда не видел, чтобы Генри Форд проектировал автомобиль. Сомневаюсь, мог ли бы он это делать вообще. У него не было никакого опыта в проектировании, он даже испытывал трудности при чтении проектов».

Это мнение, пожалуй, так же несправедливо, как и чрезмерное восхваление технических талантов Форда. Это факт, что в мае 1896 года он сумел сконструировать свой первый автомобиль и вывести его на улицу. При этом один из друзей Форда ехал далеко впереди на велосипеде и громкими криками предупреждал конные экипажи и пешеходов о «приближающейся опасности».

Но перед своим триумфом Форду пришлось преодолеть неожиданное препятствие: в последнюю минуту оказалось, что ворота мастерской, где собирали автомобиль, слишком узки и что машина через них не пройдет. Ни минуты не колеблясь, Форд схватил топор и срубил часть ворот…

Об успехе Форда знали только его жена и ближайшие помощники. Прошло еще несколько лет, прежде чем Генри Форда узнали как конструктора автомобилей. В последние годы XIX века «безлошадные экипажи» были криком моды среди американских миллионеров. Как прежде роскошные яхты, так вскоре автомобили стали внешним атрибутом богатства. В 1897 году сын банкира Огюста Белмонта первым приобрел французский автомобиль. После него такие экипажи купили наследники Вандербилта и другие богачи. А затем последовали автомобильные гонки, в значительной степени способствовавшие популяризации нового средства сообщения.

В 1901 году в Детройте состоялись большие гонки, в которых Генри Форд впервые выступил в двойной роли – конструктора и водителя. В соревновании участвовало более ста машин с электрическими, бензиновыми и паровыми двигателями. На трассе длиной в одну милю автомобиль Форда занял последнее место, но зато в главной гонке на десять миль Генри Форд торжествовал: он пришел первым, укрепив таким образом свое положение в только-только начавшем возникать автомобильном мире. Добавим, что в то время никто, не исключая и самого Форда, еще не знал, каково будущее автомобиля. Можно было

предположить, что он станет предметом вожделения богачей и немногочисленных спортсменов, но никак не машиной массового пользования.

Выиграв гонку, Форд заявил, что на этом заканчивает свою карьеру гонщика и шофера. Одновременно он приступил к созданию автомобиля № 999. Дело в том, что такой номер носил поезд, побивший рекорд на железнодорожной трассе Нью-Йорк – Чикаго. Машина № 999 оправдала надежды Форда, заняв первое место в гонках 1902 года. На сей раз сам он не стал садиться за руль, поручив это дело одному из первых профессиональных шоферов. Спортивный автомобиль перестал интересовать Форда: все его внимание было сосредоточено на проекте создания автомобильного завода.

* * *

Как мы уже писали, «Форд мотор компани» возникла в 1903 году. Это была третья попытка Форда построить завод. На сей раз удачная. Еще в 1899 году при его активном участии была зарегистрирована компания «Детройт отомобил». Генри Форд получил несколько акций этой новой фирмы и должность техника, что помогло ему оставить работу на электростанции Эдисона. Через два года фирма была реорганизована и переименована в «Форд мотор компани». Как показывает само название, роль Форда возросла, однако он по-прежнему был только одним из участников, причем не самым главным. Решения, принимались более состоятельными компаньонами, которые в отличие от Форда не отдавали себе отчета в перспективах и возможностях автомобильной промышленности.

Лишь в третьей фирме, тоже носившей название «Форд мотор компани», Генри Форд получил решающий голос и смог приступить к осуществлению своей собственной программы, которая оказалась правильной и очень выгодной. В новой фирме Форд был и одним из главных компаньонов: у него было 255 акций из общего числа 1000 штук. Вторым таким участником считался Александер Малкомсон, также владевший 255 акциями. Остальные акции были поделены между другими участниками.

Форд и Малкомсон владели больше чем половиной акций и поэтому были фактическими владельцами фирмы. Но первый из них вложил в дело свои способности и замыслы, а второй лишь капитал. Несколько лет их сотрудничество было плодотворным, но спустя некоторое время, когда Форд убедился, что компаньон ему больше не нужен, он начал сложную интригу, стремясь

избавиться от Малкомсона.

Биографы Форда уделяют много места описаниям споров между ними. Но нам интересен только результат. В 1906 году Форд скупил все акции Малкомсона всего за 175 тысяч долларов. По тем временам это была значительная сумма, но, как признает профессор Невинс, «по сравнению с огромными последующими прибылями это была жалкая компенсация». Причем избавление от Малкомсона и других компаньонов не принесло Форду славы: выяснилось, что он человек беспощадный и даже по отношению к самым близким сотрудникам, с которыми ему не хотелось делиться растущими прибылями.

В соответствии с идеями Форда его фирма с самого начала ставила целью сделать автомобиль наиболее удобным и выгодным средством передвижения. И в самых первых объявлениях и в более поздней рекламе подчеркивалось, что автомобиль нужен покупателю для его повседневной деятельности и в семейной жизни. Форд превозносил до небес надежность своих машин, их безопасность, одновременно выступая против погони за рекордами скорости. Одним из самых ранних элементов рекламы Форда было утверждение, что его автомобили будут стоить значительно дешевле, чем машины других конкурирующих фирм.

Уже на первом году существования фирмы Генри Форд смог убедиться в том, что его формула имеет успех. Когда в конце марта 1904 года был подведен первый баланс, то оказалось, что продано 658 машин (по тем временам цифра почти астрономическая) за 350 тысяч долларов. Цена – около 500 долларов за штуку – была действительно низкая. Но самое большое удовлетворение принесли Форду прибыли: они достигли 100 тысяч долларов. Таким образом, перспективы были радужными, и Форд вложил всю свою энергию в расширение и реконструкцию завода.

Расширение завода, наем большего числа рабочих, рост производства оказались очень выгодным делом. Отчетный 1904/05 год закончился итогом в 2 миллиона долларов, вырученных за проданные автомобили. Чистая прибыль составила 300 тысяч. В то время предприятия Форда выпускали около 25 машин в день, что считалось рекордом, а сам Форд вызвал немалую сенсацию тем, что в интервью для печати пообещал выпускать 10 тысяч машин в год при одновременном снижении цены до 400 долларов за штуку.

Единственной тучей на горизонте Форда был процесс, начатый против него в 1903 году, то есть вскоре после создания фирмы «Форд мотор компани» неким Джорджем Б. Селденом.

Селден был, как мы сказали бы сегодня, адвокатом по патентным делам. Он увлекался техникой и много лет интересовался конструированием автомобилей, скрупулезно собирая любую информацию по этому вопросу. И вот однажды он обратился к американским властям с просьбой выдать ему патент на изобретение. Этим изобретением был автомобиль, имеющий собственный источник движущей энергии. В последующие годы, когда в работах американских и европейских конструкторов отмечался значительный прогресс, Селден все еще продолжал усовершенствовать свое изобретение.

В 1895 году он наконец решился получить на руки свой патент, причем постарался, чтобы тот был изложен в такой общей редакции, что мог, собственно говоря, охватывать любую известную тогда конструкцию. Именно на основе этого Селден и обратился в суд, обвинив Форда в нарушении его, Селдена, патентных прав. И хотя Селден располагал собственными капиталами, все же он нашел себе и сильных покровителей, которые собирались (в случае выигрыша процесса) создать крупный автомобильный трест по образцу недавно возникшего Стального треста Моргана. Таким образом, процесс против Форда как бы имел характер прецедента. В случае победы Селдена Форд и другие заводчики, производившие автомобили, вынуждены были бы подчиниться адвокату-пройдохе и его покровителям.

Судебное разбирательство «Селден против Форда» продолжалось в общем восемь лет и прошло множество инстанций. Обе стороны наняли самых выдающихся адвокатов, обе ссылались на показания известнейших специалистов – конструкторов и техников. Экспертов привозили даже из Европы, а гонорары адвокатам достигли баснословных сумм. Первое решение суда было вынесено в 1909 году в пользу Селдена. Из приговора явствовало, что Форд (и другие фабриканты автомобилей) нарушил патентные права Селдена и должен выплатить ему миллионное возмещение. Адвокаты Форда немедленно подали апелляцию и спустя два тода выиграли дело в нью-йоркском суде. Необоснованные притязания Селдена были окончательно отвергнуты.

Долгие годы, пока длился процесс, Форд упорно боролся с Селденом, который стремился захватить монопольную позицию в автомобильной промышленности. Форд же выступал в защиту «свободы каждого предпринимателя». А тем временем, хотя процесс и затягивался, продолжалось расширение предприятий «Форд мотор компани», которая из года в год увеличивала выпуск своей продукции, завоевывая тем самым если не монопольную позицию, то, во всяком случае, позицию крупнейшего

предприятия в автомобилестроении, способного навязать свою волю менее значительным фирмам. К концу судебного процесса некоторые фабриканты тоже могли выступить против Форда с тем же обвинением, которое он предъявил Селдену в самом начале расследования. Правда, Форд мог ответить на это, что он завоевал свое доминирующее положение не с помощью юридического крючкотворства, а путем «честной конкурентной борьбы» в рамках американского социального строя.

В первые годы своего существования предприятия Форда несколько раз меняли модели выпускаемых автомобилей. После первой модели «А» появился усовершенствованный вариант – модель «С». Затем стали продавать несколько более дорогую модель «Ф», а потом очень дорогой тип машины – вариант «В». Форд в отличие от своего компаньона Малкомсона с самого начала стремился ограничить число выпускаемых моделей. Он готов был остановиться на одной из них, причем на самой дешевой. Первым шагом в этом направлении было создание модели «Н», которая имела большой успех у покупателей.

Одновременно с расширением предприятий и увеличением численности занятых рабочих Форд стал интересоваться вопросами организации производства. Пресловутый конвейер, неразрывно связанный с именем Форда, был введен позднее, но уже в первые годы существования фирмы Форд вполне отдавал себе отчет в том, какое огромное значение имеет производительность труда и ликвидация простоев. Когда в 1908 году завод впервые сумел за один день выпустить сто автомобилей, Форд решил, что он на правильном пути.

Форд весьма оригинальным способом приступил к борьбе с бюрократизмом, который проник и на его предприятия. Как-то во время визита одного гостя из Англии (к тому времени Форд начал успешно продавать свои автомобили за границу) фабрикант захотел показать ему некоторые части автомобильного мотора. Служащий принес их ему и попросил хозяина расписаться в получении. Взбешенный Форд рывком подписал накладную. Потом, зайдя в контору, он потребовал, чтобы ему передали все накладные. Забрав их, он выбежал во двор, схватил канистру с бензином и самолично сжег накладные и расписки.

Переломным в истории предприятий Форда считают 1909 год. Тогда на американском автомобильном рынке появилась знаменитая модель «Т». Когда сегодня мы видим ее в музее Форда или на старых фотографиях, она кажется нам карикатурой на автомобиль. Однако в течение длительного времени модель «Т» была действительно самым лучшим и самым дешевым типом такого рода автомобилей в Штатах.

По нашим нынешним эстетическим понятиям эта машина была очень некрасивой, но зато имела другие бесспорные достоинства: была солидной, легкой в управлении, обслуживании и ремонте (Форд был первым предпринимателем, который позаботился о том, чтобы каждый владелец автомобиля мог без труда приобрести к нему запасные части). Модель «Т» сразу попала к фермерам, о чем так мечтал Форд. Более того, она вошла в американский фольклор, что обеспечило Форду бесплатную рекламу.

Статистические данные наглядно показывают, какой огромный успех выпал на долю модели «Т». В первый же год ее выпуска было продано 10 тысяч таких машин, причем Форд не смог справиться со всеми заказами на нее. В 1911-1912 годах было продано около 80 тысяч машин модели «Т», два года спустя – почти 250 тысяч, в 1916-1917 годах – более 700 тысяч штук. Таким образом, выпуск этого типа автомобилей достиг 2 тысяч в день. Уже в то время Форд выпускал половину всех автомашин, продававшихся в Соединенных Штатах.

Массовое производство автомобилей было до этого совершенно неизвестным явлением. Несомненная заслуга Форда состоит именно в том, что он ввел в технологию ряд элементов, которые обусловили возможность осуществления массового производства. А то обстоятельство, что он одновременно довел до предела нещадную эксплуатацию рабочих, объясняется в значительной мере тем строем, в котором он действовал. Генри Форд лишь максимально использовал возможности жестокой эксплуатации, которые предоставлял ему капиталистический строй.

Важнейшим элементом производственной системы Форда считают конвейер. Скорость его движения увеличивалась из года в год, вынуждая рабочих прилагать максимальные усилия, чтобы успеть выполнить нужную операцию. Но конвейер не был изобретением самого Форда: он был известен еще до него на крупных бойнях Чикаго, где совершенствовалось производство, то есть забой животных и разделка мясных туш. Правда, Форд и его инженеры во многом усовершенствовали использование конвейера. Применяя так называемые методы тейлоризма, они детально проанализировали труд каждого рабочего, отбросив все лишние элементы, и значительно подняли его производительность. Рабочие фордовских предприятий не имели и до сих пор не имеют ни секунды отдыха, а производительность их труда была и остается необычайно высокой.

Заводы в Детройте, неуклонно расширявшиеся и захватывавшие все новые и новые участки территории, все же не

могли выполнять тысячи заказов на автомобили. И тогда Форду пришла мысль, что гораздо проще и дешевле построить в разных местах Соединенных Штатов сборочные заводы, нежели производить все машины непосредственно в Детройте и оттуда отправлять их покупателям. Идея оправдала себя, и всего за несколько лет на побережье Атлантики и Тихого океана, на севере и юге США появились сборочные заводы Форда.

Массовое производство автомобилей потребовало бесперебойной доставки сырья и полуфабрикатов. Эта проблема, тоже неведомая раньше, была успешно решена. Сама система продажи сотен тысяч автомашин выдвигала ряд новых проблем. Форд умел с ними справляться.

Цена модели «Т» снижалась год от года. Определенная в тысячу долларов за штуку в самом начале выпуска, она к 1916 году упала до 440 долларов. Когда же Форд почувствовал, что ему грозит сильная конкуренция, он снизил цену на свой любимый автомобиль до 295 долларов за штуку. Он мог позволить себе даже это, ибо его прибыли неуклонно увеличивались. Как уже говорилось, в 1916 году чистая прибыль Форда составила 60 миллионов долларов.

Даже после окончания Первой мировой войны заводы Форда продолжали выпускать почти исключительно модель «Т». Время от времени Форд вводил в нее некоторые технические усовершенствования, но в принципе это был тот же автомобиль, что и в 1909 году, – черный, неказистый, с течением времени становившийся анахронизмом. Улучшение экономической конъюнктуры США после войны благоприятствовало увеличению спроса на автомобили, и ряд лет Форд не мог жаловаться на недостаток заказов.

Вместе с тем это означало смертный приговор устаревшей модели «Т»: богатевшие американцы начали требовать, чтобы им дали более красивые и более удобные машины. Этим не замедлили воспользоваться конкуренты Форда. Так, братья Доджи, обогатившиеся на поставках моторов для фордовских предприятий (до того как Форд сам стал делать их на заводе в Ривер Руж), выпустили на рынок более современный автомобиль, который был несколько дороже модели «Т», но имел большой успех у покупателей. Они рекламировали его как «настоящий автомобиль», давая тем самым понять, что он далеко превосходит фордовскую модель «Т».

Еще более ощутимой была конкуренция концерна «Дженерал моторс». Он вышел на рынок с машиной марки «Шевроле», которая выглядела гораздо более красивой, чем модель «Т». Этот автомобиль спроектировал Уильям Кнудсен, в прошлом

многолетний сотрудник Форда. После скандала с Фордом Кнудсен расстался с ним и стал его конкурентом. Генри Форд пытался противостоять братьям Доджам и Кнудсену путем снижения цены на модель «Т», но впервые за много лет у его агентов стали скапливаться непроданные машины.

Кроме борьбы с конкурентами, у Форда было много хлопот с собственными компаньонами (напомним, что после скупки акций Малкомсона Форд владел подавляющим большинством акций, однако у него по-прежнему было несколько компаньонов, которым принадлежал остаток акций). У Форда не было желания делиться растущими прибылями – он предпочитал вкладывать их в новое расширение предприятий. Бунт вспыхнул, когда Форд заявил компаньонам, что при годовой чистой прибыли около 50 миллионов долларов он собирается выделить на дивиденды только 1 миллион.

Компаньоны обратились в суд с жалобой на Форда. Они требовали, чтобы тот выплатил им более крупные дивиденды. Начался сложный судебный процесс, в ходе которого Форд занял лицемерную позицию: он не признавался, что не желает ни с кем делиться прибылями, утверждая, что они не принадлежат ни ему, ни остальным акционерам и должны быть вложены в расширение предприятия, чтобы «как можно больше людей имело работу». Однако суд не согласился с формулировкой Форда и приговорил его выплатить дивиденды в размере 20 миллионов долларов. Так акционеры, каждый в отдельности, получили по 688 долларов на 1 доллар, некогда вложенный в акции вновь созданной фирмы. Это, пожалуй, рекордная в истории капиталистических предприятий сумма дивидендов.

Генри Форд «обиделся» и ушел с поста «президента» концерна. Однако он сохранил все свои акции и пост члена правления, после чего отправился к одному из своих друзей в Калифорнию и занялся… орнитологией.

В это время Форд был уже настолько известен в Америке, что репортеры следили буквально за каждым его шагом, записывая все его высказывания. Кроме рассуждений псевдофилософского порядка, миллионер поделился с журналистами своим замыслом о создании новой автомобильной фирмы – на сей раз без компаньонов.

Компаньоны Форда всполошились и начали переговоры о продаже своих акций. Тут нет ничего удивительного: эти люди умели только стричь с них купоны, а Форд умел не только стричь их, но и организовывать производство автомобилей. Переговоры закончились тем, что миллионер скупил у своих бывших компаньонов все акции.

В 1928 году Форд, уже в качестве полновластного владельца фирмы, принял героическое решение закрыть на несколько месяцев огромный завод в Ривер Руж, который выпускал 1 миллион 800 тысяч машин модели «Т» в год. За это время завод должен был перейти на выпуск нового автомобиля, которому дали название модель «А» (она не имела ничего общего с машиной, которая появилась двадцать пять лет назад и имела то же название).

Форд мог радоваться: несмотря на сильную конкуренцию, ему было оказано большое доверие – 500 тысяч покупателей внесли задаток на новый автомобиль, хотя им еще не было известно, как он будет выглядеть и какова будет его цена. Модель «А» была несколько дороже модели «Т», но это был уже вполне современный автомобиль. Он сразу завоевал громадный успех, и вскоре заводы Форда стали выпускать 6 тысяч машин в день.

Год 1928 предшествовал глубокому экономическому кризису в Соединенных Штатах, да и во многих других странах мира. Но это был, пожалуй, самый пик расцвета предприятий Форда, которые тогда считались крупнейшим на земле промышленным концерном. На заводе в Ривер Руж, занимавшем площадь 1100 акров, работало свыше 100 тысяч человек (Стюарт Холбрук подчеркивает: «Это были преимущественно люди-роботы»). Только в Соединенных Штатах Форду принадлежал тридцать один сборочный завод.

Чтобы обеспечить бесперебойную доставку сырья (и не тратиться на посредников), Форд приобрел железные рудники и сталелитейный завод, лес, пароходы, железнодорожные линии, ряд вспомогательных предприятий, поставлявших полуфабрикаты, а также огромные плантации каучука в Бразилии. Отделения концерна Форда имелись в тринадцати странах мира.

В связи с этим стоит, пожалуй, упомянуть, что в двадцатые годы Форд был одним из немногих американских капиталистов, готовых заключить соглашение с Советским Союзом. Он разрешил советским инженерам и рабочим учиться на своих заводах, принял участие в создании автозавода в городе Горьком (тогда Нижний Новгород) и заработал на советских заказах 350 миллионов долларов. К этим традициям сотрудничества положительно отнесся и внук старого Форда, Генри Форд II, когда в 1970 году по приглашению Советского правительства приехал в Москву.

В 1928 году директора концерна Форда подвели итог первых двадцати пяти лет существования фирмы: они установили, что ее валовая чистая прибыль достигла 1 миллиарда долларов. Форд

тогда сказал одному из своих друзей, что у такого рода предприятий «может быть только одна причина для беспокойства – прибыли, которые становятся слишком велики».

Хотя модель «А» имела успех, все же он не был столь беспрецедентным, как удача модели «Т». Правда, к этому времени изменилось многое, в том числе вкусы американского покупателя. Если модель «Т» удавалось продавать в течение почти двадцати лет, то модель «А» устарела всего через пять. В 1933 году, выйдя из тисков жесточайшего экономического кризиса, американцы начали интересоваться новыми автомобилями. И случилось то, чего Форд никак не предвидел: в автомобильной промышленности воцарилась изменчивая и капризная мода, допустимая, как он полагал, разве что в швейной промышленности (да и то главным образом для женских изделий). Теперь богатые американцы желали каждый год иметь новую, более красивую и более солидную машину, а те, что победнее, тоже пытались приспособиться к последнему крику моды.

В 1933 году заводы Форда вновь были на некоторое время закрыты, а после перерыва на автомобильном рынке появилась новая фордовская модель «У-8». И хотя она тоже имела успех у покупателей, однако Форд навсегда утратил господствующее положение в американской автомобильной промышленности: его конкуренты выпускали машины ничуть не хуже, а нередко лучше фордовских. Генри Форд вынужден был довольствоваться принадлежностью к «большой тройке» американских производителей автомобилей, занимая второе после «Дженерал моторс» место. За ним шел «Крайслер».

В это время Форд был уже стариком – ему минуло семьдесят лет. Формально во главе фирмы стоял его сын Эдзел, фактически же главой и хозяином предприятий был Гарри Герберт Беннет, о котором будет сказано ниже. В 1943 году Эдзел Форд неожиданно умер раньше отца, и Генри Форд I на короткое время опять стал председателем правления концерна, но в 1945 году передал этот пост своему внуку, Генри II. Основатель фирмы умер в 1947 году восьмидесяти четырех лет от роду. В последний период своей жизни он стал человеком со странностями. Перед смертью Форд был одним из самых богатых людей на земном шаре.

Пять долларов в день

Некоторые американские авторы утверждают, что Генри Форд вошел в историю не только как организатор массового производства автомобилей, но и как человек, «революционизировавший» отношения между предпринимателями и рабочими. Эти авторы ссылаются прежде всего на его решение (1914 год) о повышении заработной платы рабочим до пяти долларов за восьмичасовой рабочий день. Действительно, это было сенсационное решение: в тот период зарплата была в основном наполовину меньше, а рабочий день длился от десяти до двенадцати часов. Джон Гантер пишет об этом в своей книге «Изнанка США»:

«В 1914 году произошло два значительных по своим последствиям события. Сначала разразилась Первая мировая война. Несколько раньше пришло известие, что Форд будет платить минимум по пять долларов за рабочий день. У меня нет уверенности, – не слишком мудро добавляет Гантер, – какое из этих двух событий [люди] запомнят как более знаменательное».

Генри Форд – американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей по всему миру, изобретатель, автор 161 патента США. Его лозунг – «автомобиль для всех». Компания «Ford Motor Company» существует по сей

день

Стюарт Холбрук в своей книге «Век воротил» тоже преувеличивает значение этой декларации Форда. Он говорит:

«Трудно разъяснить новым поколениям последствия этого заявления [Форда]. Они могут представить всё его значение, если узнают, что оно произвело большую сенсацию, чем сообщение о начале Первой мировой войны» [25].

В связи со столь преувеличенной оценкой необходимо поближе присмотреться к отношениям между Фордом и его рабочими.

В начале января 1914 года Форд торжественно заявил, что вводит на своих заводах трехсменную работу по восемь часов в смену и одновременно повышает зарплату до пяти долларов за рабочий день. Результаты этой декларации можно легко угадать: в ту же ночь, сразу после ее оглашения, перед воротами заводов собралась огромная толпа людей, жаждущих получить работу. Там были не только безработные, но и рабочие с других, не фордовских, предприятий. К утру служащие Форда подсчитали, что людей было не менее 10 тысяч человек. Они не хотели расходиться даже тогда, когда на воротах появилась, табличка с надписью: «Мест больше нет».

Всю следующую неделю у ворот фордовских предприятий опять собирались толпы. Люди приезжали в Детройт со всех концов штата Миссури и даже из более отдаленных районов страны. Дело доходило до бурных демонстраций. Форд несколько раз вызывал полицию, чтобы разогнать толпу. Наконец, в ход были пущены мощные водометы. Сбивающие с ног струи ледяной воды (а погода стояла студеная, январская) возымели действие: в конце концов прилегающие к заводам улицы опустели. Американская пресса того времени широко комментировала эти драматические события, а Форд получил благодаря этому бесплатную рекламу как «благодетель, пекущийся о судьбах своих рабочих». Он ведь не был виновен в том, что безработные и рабочие с других предприятий штурмовали ворота его заводов.

Но вскоре стало ясно, что «историческое решение» о повышении заработной платы было не только закономерным, но и весьма выгодным. С самого начала организации массового выпуска автомобилей Форд стремился к тому, чтобы его рабочий стал придатком, составной частью безжалостного конвейера, чтобы этот конвейер двигался все быстрее, чтобы производительность труда достигла максимума. А разве в условиях капитализма есть для этого лучший стимул, чем повышение заработной платы?

С помощью предоставленных ему документов из архива «Форд мотор компани» профессор Аллен Невинс тщательно исследовал этот вопрос и пришел к выводу, что компания к выгоде для себя использовала повышение заработной платы. Решение Форда привязывало рабочих к его заводам, усиливало дисциплину труда, сокращало текучесть кадров Каждый старался работать как можно лучше, а выиграл на этом Форд.

Невинс сделал такой расчет: если заработная плата увеличилась в 1914 году вдвое, то расходы на оплату рабочей силы (в пересчете на один автомобиль) повысились лишь на 35 процентов. За год фирма израсходовала на повышение заработной платы всего около 6 миллионов долларов. Это была небольшая сумма по сравнению с возросшими прибылями, а кроме того, как утверждает профессор Невинс, для фирмы гораздо важнее была бесплатная реклама и завоевание симпатий общества.

Впрочем, сам Форд писал потом в своей книге «Моя жизнь и работа»:

«Плата в пять долларов за восьмичасовой рабочий день была одним из наилучших мероприятий, какие мы когда-либо осуществляли, и это привело к снижению расходов».

Одновременно с повышением заработной платы Форд ввел на своих заводах отдел контроля и проверки рабочих, лицемерно назвав его «социологическим отделом». Но этот отдел не имел ничего общего с социологией: просто он с помощью своих многочисленных тайных агентов ежедневно проверял, как ведут себя рабочие на работе и за пределами завода. Форд осуждал и преследовал потребителей спиртного и курильщиков. Он разработал целую серию предписаний, которых его рабочие должны были придерживаться даже у себя дома. Все это делалось под вывеской «филантропии», «заботы о рабочем», а на деле было не чем иным, как строжайшим контролем за жизнью фордовских роботов.

Предприятия Форда охотно принимали на работу эмигрантов, только что прибывших из Восточной Европы. Как правило, эмигранты, в том числе и из Польши, были покорны и не протестовали против жестокой эксплуатации (польская колония в Детройте состоит именно из фордовских рабочих). Расхваливая на все лады введенную Фордом повышенную заработную плату, местная газета «Детройт таймс» ссылалась тогда на мнение одного из фордовских рабочих. С высокомерной пренебрежительностью к «трудным» польским фамилиям газета приводит высказывание «Вольецка Манийклисийского», который якобы заявил:

«Моему сыну уже нет надобности продавать газеты, а моей дочери незачем работать у чужих, встречаясь с матерью лишь раз в неделю. Мы снова живем семьей».

«Вольецк», то есть Войцех, был доволен повышением заработной платы. Но он не знал, да и не мог знать, что этот шаг Форда был выгоден прежде всего самому Форду.

* * *

Позднее Форд неоднократно говорил о проведенном им в 1914 году повышении заработной платы, пытаясь представить себя этаким «благодетелем» и «другом рабочих», хотя рост цен во время первой мировой войны начисто перечеркнул значение мероприятия Форда, а заработная плата па его предприятиях вскоре сравнялась с зарплатой на других автомобильных заводах страны.

Несмотря на свои демагогические речи, Форд был и остался типичным американским капиталистом, который смотрел на рабочих исключительно как на источник прибыли. Он зорко следил за тем, чтобы его рабочие не выдвигали чрезмерных требований, «знали свое место» и – главное – не вступали в профсоюз. В 1937 году, при президенте Франклине Рузвельте, когда профсоюзы стали играть все большую роль в американской экономической жизни (хотя они и не отличались особым радикализмом), Форд публично заявил:

«Мы никогда не признаем Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности или какой-либо другой профсоюз».

Борьбу с рабочими и их организациями Форд поручил одному из наиболее близких своих сотрудников, который пользовался особым его доверием и признанием. Это был Гарри Герберт Беннет, занимавший скромную на первый взгляд должность главы «сервис депатмент» – «отдела обслуживания». Английское слово «сервис» (service) буквально означает «служба», «обслуживание». Здесь оно было шифром. На самом деле, как пишет Джон Гантер, Беннет был начальником фордовской полиции. То была, добавляет он, «самая мощная в мире частная полиция».

Гарри Беннет начал работать у Форда в 1916 году. Сначала ему поручили следить за тем, чтобы гангстеры не выкрали внуков Форда, как это зачастую случалось в Америке тогда, а нередко случается еще и теперь. До этого Беннет был боксером-легковесом, служил на флоте. Но главное, что больше всего

импонировало Форду, – это связи Беннета с уголовным миром. Функции Беннета с каждым годом расширялись, и спустя некоторое время он стал правой рукой своего хозяина. С течением времени увеличилось и число людей, подчиненных Беннету. Сначала их было несколько десятков, а к концу его карьеры у Форда, то есть в 1945 году, – несколько тысяч.

Джон Гантер так пишет о Беннете:

«Он был больше, чем детективом, связанным с преступным миром. Во-первых, его организация стала авангардом борьбы Форда с миром труда. Во-вторых, это была своего рода «дворцовая стража».

Когда в сороковых годах Гантер спрашивал жителей Детройта, кто управляет заводами Форда, ему неизменно отвечали: Гарри Беннет…

Впервые Беннет довел дело до стрельбы и кровопролития в 1932 году. Это произошло во время жестокого экономического кризиса, когда миллионы американцев тщетно искали работу. В Детройте, как и в других городах Америки, было много безработных, и среди них сотни людей, выброшенных за ворота Фордом. Отчаявшиеся рабочие организовали «голодный марш» на Дирборн. Там их встретила полиция и люди Беннета, который сам участвовал в этой операции. Никто нимало не сомневался, что стрельбу открыли именно люди Беннета. На площади перед заводом осталось четверо убитых и двадцать раненых…

Когда в 1937 году Профсоюз рабочих автомобильной промышленности попытался организовать рабочих Форда, это вызвало очередное столкновение с «полицией» Беннета. На основании официальных документов Фердинанд Ландберг раскрывает ход событий, приводя при этом мнение тогдашнего губернатора штата Мичиган Фрэнка Мэрфи: «Генри Форд нанимает самых отпетых гангстеров нашего города…»

В один из дней марта 1937 года у ворот завода Форда появились представители профсоюза – они собирались раздавать возвращавшимся с работы людям брошюры и листовки о деятельности профсоюза. Один из фордовских охранников сказал репортеру местной газеты: «Мы их выкинем ко всем чертям!» Когда профсоюзные деятели приблизились к воротам, им было сказано, что подходить запрещено. Те послушно отошли. Тогда охранники Беннета неожиданно напали на них сзади, стали избивать, валить с ног. Как потом говорили свидетели, охранники «вели себя страшно грубо». Среди избитых оказался, в частности, Уолтер Рейтер, известный позднее руководитель Профсоюза рабочих автомобильной промышленности США и один из лидеров американских профсоюзов.

Как пишет Ландберг, люди Беннета продолжали преследовать профсоюзников и журналистов даже на улицах города. Два репортера вынуждены были укрыться в здании полицейского комиссариата. Охранники Беннета насильно отнимали у них фотоаппараты и уничтожали пленку. Было избито несколько женщин. Ландберг пишет:

«Местная полиция присутствовала при этих событиях, но не вмешивалась. И это тоже свидетельство личной власти Генри Форда».

Американец Кейт Суорд, автор изданной в 1948 году книги «Легенда о Генри Форде» (“The Legend of Henry Ford”), взял на себя нелегкий труд собрать обширную документацию о событиях 1937 года. Выводы его, как нетрудно догадаться, не слишком лестны для Форда, все еще рекламируемого американской пропагандой как «образец работодателя».

Мнение Суорда нашло полное подтверждение в расследованиях комиссии американского сената под председательством сенатора Истэса Кефовера, которая занималась вопросами преступности в Соединенных Штатах. Кефовер отразил результаты своих расследований в книге «Преступность в Америке» (“Crime of America”), изданной в 1951 году. В ней он уделил много места Генри Форду. В ходе расследования комиссия установила, что Беннет заключил от имени Форда ряд соглашений с известными гангстерами.

Так, например, знаменитый нью-йоркский гангстер Джо Адонис, действовавший под вывеской какой-то фирмы, получил право транспортировать автомобили Форда с его заводов в город Эджуотер, штат Нью-Джерси. Другой гангстер, Энтони д’Анна, выступавший в качестве служащего фирмы «И. энд Л.», подписал договор на перевозку автомобилей из Детройта. Гарри Беннета вызвали в сенатскую комиссию Кефовера для дачи показаний, он туда не явился, ссылаясь на то, что опасается мести со стороны гангстеров, если станет говорить. Его преемник (Беннет уже находился «в отставке») тоже отказался явиться на заседание комиссии.

В официальном отчете комиссии Кефовера есть упоминание о том, что предприятия Форда «фактически имели частную армию, состоящую из бывших арестантов и уголовников, чьей обязанностью была борьба против рабочих и другие антиобщественные действия». Надо признать, что для официального вашингтонского документа это смелая формулировка. Во всяком случае, она начисто перечеркивает все легенды о Форде, как о «друге рабочих».

Лишь в 1941 году, значительно позже других крупных

американских предпринимателей, Генри Форд наконец-то согласился на то, чтобы его рабочие вступали в профсоюз. А вскоре закончилась и эра Беннета.

«Идеолог»

В 1920 году, когда Форд уже был миллиардером, ему нанесли визит пятеро наиболее известных нью-йоркских торговцев произведениями искусства. Один из них, Джозеф Дьювин, рассказывал потом, как проходила аудиенция у автомобильного короля. Известно, что в первые послевоенные годы произведения искусства не пользовались особым спросом, и торговцам приходилось туго. У Дьювина и его коллег по бизнесу родилась идея продать Форду «сто самых известных в мире картин» и тем самым несколько поправить свои финансовые дела.

Поскольку не было ясности, каким образом удастся собрать эти картины, торговцы сделали с них сто цветных репродукций, сброшюровали в три толстых тома и отправились к Форду. Миллиардер просмотрел репродукции, затем позвал жену и предложил ей полюбоваться прекрасными творениями художников. Дьювин стал исподволь агитировать Форда приобрести чудесные полотна и подарил ему принесенные репродукции. И тут выяснилось, что Форд не в состоянии отличить цветные репродукции от оригиналов: он не принял предложенные ему три тома репродукций, сочтя это слишком дорогим подарком. Сделка не состоялась. Торговцы, покинув кабинет миллиардера в полном отчаянии, убедились, что Форд был попросту полуграмотным человеком.

Но Форд не интересовался культурой. Он был слишком поглощен сколачиванием капиталов. Хуже то, что «полуинтеллигент» Форд претендовал на издание своих книг, на выступления в роли идеолога и пророка, на поучения своих рабочих и вообще окружающих, как им следует жить, к чему стремиться. Он пытался также сделать политическую карьеру, но, к счастью, неудачно.

Генри Форд известен как автор нескольких книг. Все они написаны в «содружестве» с профессиональным публицистом Сэмюэлом Кроутером. Невозможно понять, что в этих творениях принадлежит перу и уму Форда, а что – Кроутера. Весьма вероятно, что капиталист высказывал свои взгляды, а Кроутер записывал и литературно обрабатывал их. В свое время книги Форда вызывали ярость, сегодня они только смешны. Ведь эти книги – просто коллекция банальностей и бахвальства нуворйша, его дешевой псевдофилософии и морализаторских поучений. Но так как Форд был богат, люди интересовались его «творениями». Книги Форда переводились даже на иностранные языки (до войны они издавались и в Польше).

Если бы Форд только ппсал книги, это было бы еще полбеды. Ведь выступали же другие миллиардеры в качестве «филантропов» или «коллекционеров», так почему бы Форду было не претендовать на лавры «писателя»? К сожалению, Форд не довольствовался пассивной ролью автора. В различные периоды своей жизни он пытался играть активную роль во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов.

О самых ранних такого рода попытках Форда рассказывает Альфред Либфельд в своей недавно вышедшей книге «Генри Форд. Легенда и действительность». Во время Первой мировой войны Форд объявил себя пацифистом. Вскоре он начал «крестовый поход за мир». С этой целью он нанял специальный корабль и вместе с небольшой группой друзей отправился в Европу. Перед отъездом Форд побывал в Белом доме у президента Вильсона, но, убедившись, что тот не поддерживает его замыслов, довольно неодобрительно отозвался о президенте.

Во время «крестового похода», который, как нетрудно догадаться, закончился осмеянием Форда, наш главный герой стал «мстить» финансистам с Уолл-стрита. В том, что началась война, повинны банкиры с Уолл-стрита, утверждал он, а евреи несут за это особую ответственность. Комизм ситуации заключался в том, что Форд, кроме того, что высказывал довольно странные взгляды, ничем не отличался от других богачей Америки. Что касается евреев, то красавица Розита Швиммер, уговорившая его нанять «корабль мира», принадлежала к еврейской нации.

В это же самое время Форд затеял длительный судебный процесс против газеты «Чикаго трибюн», которая начала острую полемику с политическими взглядами миллиардера, причем не очень лестно отозвалась о его интеллекте. Форд счел себя оскорбленным и подал в суд. Адвокаты «Чикаго трибюн» использовали процесс, чтобы скомпрометировать Форда. На процессе они задавали ему многочисленные вопросы, в том числе по истории Соединенных Штатов, чтобы показать общественному мнению его невежество и безграмотность. Форд то и дело «сыпался» на ответах. Через три года был вынесен приговор, принесший Форду сомнительное удовлетворение: суд присяжных признал, что он действительно был оскорблен, но постановил возместить ему ущерб за диффамацию не в миллион долларов, как он требовал, а только в размере шести центов.

Однако Форд не сдавался. В 1918 году он выдвинул свою кандидатуру в сенат США. За мандат он начал бороться в своем родном штате Мичиган, наивно рассчитывая на поддержку рабочих предприятий своего концерна (ведь в представлении

Форда он был их «благодетелем»). Одно оставалось неясным, от какой партии выступать? Правда, Форд был ближе к республиканцам, но те таили на него злобу за его нападки на Уолл-стрит. Тогда Форд решил выступить от имени демократической партии.

Его противником в избирательной кампании был другой миллионер, Трумэн Ньюберри, в прошлом конкурент Форда в автомобильной промышленности, поскольку он активно участвовал в «Паккард мотор компани». В ходе избирательной кампании Форд и Ньюберри обливали грязью, оскорбляли и поносили друг друга, что вполне соответствовало американской предвыборной практике. Сторонники Ньюберри на всех перекрестках кричали, что Форд неуч, невежда, что он жестоко обращается с рабочими. И Форд проиграл выборы: его конкурент получил вдвое больше голосов избирателей.

Еще в ходе избирательной кампании 1918 года Форд дал понять, что, если он станет сенатором, то в будущем сможет претендовать и на пост президента Соединенных штатов… Как видим, честолюбие Форда было обратно пропорционально его интеллекту. В 1923 году, когда во главе США стал Гардинг, Генри Форд вновь заявил, что он намерен попасть в Белый дом. В популярном тогда журнале «Кольерс» появилась его статья под кричащим заголовком «Если бы я был президентом Соединенных Штатов».

Многие в Америке считали в то время, что популярность Форда может принести ему большинство голосов избирателей, особенно если он выступит против скомпрометированного Гардинга. Неожиданно и при до сих пор не выясненных полностью обстоятельствах президент Гардинг умер, а его место занял вице-президент Кулидж. Это перечеркнуло надежды Форда на президентское кресло, но не погасило политических и публицистических притязаний миллионера.

Много лет «публицистические» опусы Форда регулярно появлялись на страницах основанного и финансировавшегося им еженедельника «Дирборн индепендент». Этот журнал, распространявшийся довольно оригинальным способом – через торговцев фордовскими автомобилями, резервировал в каждом номере одну страницу для высказываний миллионера («Собственная страница мистера Форда»). «Золотые мысли» миллионера записывали сотрудники редакции, но даже после их обработки нетрудно было обнаружить плоды размышлений Форда.

Генри Форд выступал в роли «друга рабочих и фермеров», не жалея при этом поучений и моральных наставлений. Он обличал

«распущенность» Парижа и Лондона, атаковал Уолл-стрит (что теперь, с позиции наших дней, не лишено пикантности), громил нью-йоркские театры за «бесстыжих» актрис в слишком откровенных туалетах. Будучи одним из самых богатых в мире людей, Форд обрушивался на «культ денег», давал правительству в Вашингтоне многочисленные советы в социальной и экономической областях.

Выполняя задание Форда, редакторы журнала «Дирборн индепендент» начали борьбу с «международным еврейством», возлагая на него бремя ответственности за первую мировую войну и за все прочие несчастья (аргументы и стиль этих обвинений ничем не отличались от ставшей известной позднее пропаганды Гитлера). На страницах фордовского журнала публиковались соответствующим образом препарированные отрывки из так называемых «Протоколов сионских мудрецов» – пресловутой антисемитской фальшивки царской охранки.

В 1928 году один детройтский юрист, еврей по происхождению, начал против Форда процесс, обвинив его в диффамации и требуя возмещения в 1 миллион долларов за позорящие этого юриста статьи в «Дирборн индепендент». Форд уклонился от дачи показаний. Однако, убедившись, что процесс принимает неприятный для него оборот, он свалил вину на одного из редакторов журнала и публично заявил, что уволил его.

Так закончилась длительная антисемитская кампания Форда. Увидев, что она вредит его репутации, миллионер поспешил ловко выйти из нее.

* * *

В тридцатые годы, когда президентом Соединенных Штатов стал Франклин Делано Рузвельт, а Адольф Гитлер уже начал готовиться к установлению своего господства над миром, Генри Форд полностью раскрыл свое политическое лицо. Во внутренней политике он яростно выступал против Рузвельта, а во внешней – целиком поддерживал Гитлера.

Как и многие другие американские миллионеры и миллиардеры, Форд считал Рузвельта своим личным врагом. Он не понимал, да и не мог понять, что рузвельтовский Новый курс направлен на спасение американского капитализма. Он не понимал и не хотел понять, что рузвельтовские экономические и социальные реформы – это единственный путь к выходу из тяжелейшего в истории США экономического кризиса.

Одним из институтов Нового курса было так называемое

Национальное управление по вопросам труда (National Labor Relations Board). В задачу управления входил надзор за отношениями между предпринимателями и рабочими, особенно контроль за выполнением нового законодательства о труде (прежде всего «закона Вагнера»). В соответствии с этим законом рабочие имели право создавать профсоюзы, а Форд, как известно, был ярым противником профсоюзов.

Альберт Е. Кан в своей книге «Измена родине» описывает историю борьбы Форда с «законом Вагнера» и Национальным управлением по вопросам труда. Косвенно это была борьба и против Рузвельта. В одиннадцати случаях дело дошло до вынесения управлением суровых приговоров по делу «Форд мотор компани», причем в ходе расследования были выявлены факты грубого нарушения директорами Форда многих обязательных предписаний. Как отмечает Кан, американская пресса, не слишком симпатизировавшая Рузвельту, обычно замалчивала нередко сенсационный характер расследований, проводившихся Управлением по вопросам труда.

Воюя с Рузвельтом, Форд оказывал поддержку – прежде всего финансовую – организациям типа «Христианский фронт», глава которого преподобный Чарлз Э. Кофлин вскоре был разоблачен как гитлеровский агент. Когда разразилась вторая мировая война, Форд оказался среди деятелей организации «Америка прежде всего», которая призывала страну к изоляционизму и выступала против предоставления военной помощи Советскому Союзу и даже Великобритании.

Все это отвечало взглядам Форда в области внешней политики: миллионер из Детройта сделал ставку на Гитлера еще в 1923 году и поэтому принадлежал к самым первым сторонникам будущего «фюрера». В газете «Нью-Йорк таймс» за 8 февраля 1923 года можно найти такое заявление заместителя председателя баварского земельного парламента Ауэра:

«Баварский парламент уже давно располагает сведениями, что гитлеровское движение частично финансируется главой американских антисемитов Генри Фордом… Гитлер открыто похваляется этой поддержкой и превозносит Форда не как великого индивидуалиста, а как великого антисемита».

Вскоре и сам Гитлер заявил:

«Мы считаем Генриха Форда предводителем зарождающегося в Америке национал-социалистского движения. Особенно восхищает нас его антисемитская политика».

В предвоенные годы действовавшие в Америке гитлеровские агенты выступали как сотрудники «Форд мотор компани». В платежных ведомостях завода в Детройте можно найти имя

Фрица Кюна, основавшего организацию «Германо-американский союз» («Бунд»), а также Гейнца Шпанкнебеля, который действовал под вывеской общества «Друзья новой Германии». Обе эти организации были агентурными и выступали в пользу гитлеровской Германии.

По странному стечению обстоятельств (а может быть, это вовсе не было случайным?) многие директора зарубежных предприятий Форда охотно сотрудничали с Гитлером. Это касалось не только директоров фордовских заводов в Германии, Австрии или Венгрии, но и его представительств в Париже и Лондоне. Адольф Гитлер надлежащим образом оценил заслуги Форда, наградив его в августе 1938 года, то есть за год до начала Второй мировой войны, Большим крестом германского орла.

Попробуем теперь суммировать известные нам сведения об идеологии Форда. Он кричал, что является другом рабочих, но одновременно шпионил за ними и терроризировал их с помощью полиции Беннета. Он утверждал, что является сторонником получения рабочими прибылей, но в то же время нещадно эксплуатировал их, сколачивая на этом свои миллиарды и живя в обстановке растущей роскоши. Он заявлял, что любит Америку, но яростно боролся с великим президентом Рузвельтом. Он уверял всех, что является патриотом, но без колебаний вступил в прямую связь с Гитлером.

Таков был Генри Форд I.

Генри Форд II

Парад Германо-американского союза в Нью-Йорке, 30 октября 1939 года

Сын Генри Форда, Эдзел, неожиданно умер в 1943 году, когда ему было пятьдесят лет. И хотя формально он занимал пост президента концерна, однако фактически оставался в тени своего деспотичного отца и его любимчика Беннета. По многим принципиальным вопросам, например по отношению к рабочим, у Эдзела были несколько иные взгляды, чем у отца и Беннета, но он был недостаточно энергичным, чтобы отстаивать свое мнение.

После его смерти выяснилось, что старый Генри Форд (ему было уже восемьдесят лет) не в состоянии управлять предприятиями. В связи с этим был отозван с военной службы старший из трех внуков (что Форду удалось без особого труда), и в 1945 году во главе фирмы стал Генри II. Идея прибавлять к имени сыновей и внуков цифру, на манер королей, родилась отнюдь не в Детройте. Рокфеллеры и другие американские миллионеры еще до Форда практиковали это по отношению к своим наследникам.

Генри II стал управлять фирмой с помощью матери (вдовы

Эдзела) и двух младших братьев, Бенсона и Уильяма. И, надо признать, очень энергично. В несколько недель он сумел отстранить ненавистного (как выяснилось, не только фордовским рабочим) Гарри Беннета. Вместе с этим экс-боксером вынуждены были покинуть концерн и несколько сот его подчиненных. «Частная полиция» Беннета была ликвидирована. Рабочие вздохнули с облегчением: кончилось шпионство за ними на работе и дома. Уход Беннета очистил атмосферу, но отнюдь не уменьшил прибылей концерна.

Смерть старого Форда в 1947 году вынудила его наследников искать новые организационные формы для концерна. Путь был проложен еще несколько лет назад, когда аналогичные проблемы возникли после внезапной смерти Эдзела. Речь шла о том, как обойти налоговые законы, уклониться от уплаты налога на наследство, который для обоих Фордов мог составить почти 90 процентов стоимости всего их имущества.

Изобретательные юридические советники Фордов вскоре нашли выход из положения, соединив приятное с полезным. В главе о Рокфеллерах мы уже говорили об американских филантропических фондах как о пути обхода налоговых законов. Форды пошли по стопам своих предшественников, причем в игру были включены значительно большие суммы налогов, а тем самым и большие отчисления в фонд.

После смерти Эдзела почти все его имущество было передано в Фонд Форда, который Эдзел основал еще в 1936 году. Старый Форд, кажется, считал отчисление денег на благотворительные цели мотовством, но, когда ему пришлось писать свое завещание, у него почти не оставалось выбора: либо смириться с тем, что налог на наследство поглотит более 90 процентов всего сколоченного им богатства, либо передать большую его часть в Фонд. Как меньшее из зол, был выбран второй вариант.

Фердинанд Ландберг в цитированном уже труде об американских миллионерах и Дуайт Макдональд в своей книге «Фонд Форда. Человек и его миллионы» (“The Ford Foundation. The Man and the Millions”) произвел тщательный анализ деятельности Фордов, которая привела к созданию крупнейшего в Америке филантропического фонда и, таким образом, к спасению их богатства. Не будем повторять их сложные выводы о различного рода акциях «Форд мотор компани» (из которых часть касается собственно семейства, а часть – их фондов) и о хитроумных постановлениях, о статусе, благодаря которому семейство Фордов, владея даже меньшинством акций, сохраняет полный контроль над концерном и его прибылями.

Достаточно сказать, основываясь на утверждении Ландберга,

что во времена Генри II концерн за несколько лет увеличил свои капиталы в шесть раз. Достаточно и того, если мы сошлемся на Дуайта Макдональда и скажем, что Фонд Форда за один год ассигновал на филантропические цели в четыре раза больше средств, чем Фонд Рокфеллера, и в десять раз – чем стоящий на третьем месте Фонд Карнеги.

Говоря о Рокфеллерах, мы упоминали о расследовании, связанном с созданием фондов, проведенном комиссией палаты представителей под председательством Райта Патмэна. Отчет этой комиссии содержит много критических замечаний в адрес Фонда Форда, например обвинение в ряде финансовых операций, идущих вразрез с законом о фондах. Однако учреждения и частные лица, пользующиеся стипендиями из Фонда Форда, остаются и поныне благодарны ему за оказанную помощь, совершенно не интересуясь ни происхождением полученных денег, ни курсами акций, ни биржевыми махинациями.

* * *

Генри Форд II стоит ныне во главе одного из крупнейших на земном шаре промышленных концернов, где работает свыше 400 тысяч человек. Концерн располагает капиталом порядка 9 миллиардов долларов, его обороты достигали 14 миллиардов в год, а ежегодная чистая прибыль составляет 600 миллионов долларов.

В конце 1969 года парижский еженедельник «Экспресс» опубликовал пространное интервью, взятое у Генри II. Редакция журнала обратила внимание своих читателей на тот факт, что Генри II по-прежнему руководит семейной фирмой, в то время как имена французских промышленников, выпускающих автомобили, например Рено или Ситроен, носят только фирмы, а сами эти семьи давно исчезли с горизонта. Никто в Европе не знает также нынешних руководителей таких крупнейших американских концернов, как «Дженерал моторс» или «Интернешнл бизнес мэшинз» (ИБМ).

Генри II отнюдь не избегает рекламы – ни в личной жизни, ни как руководитель концерна. Ландберг объясняет это тем, что Форды сколотили свои капиталы значительно позже, чем другие американские миллионеры:

«Их, видимо, еще ждет урок, который давно получили Рокфеллеры, Дюпоны, Меллоны и другие: не следует публично напрягать свои мускулы, провоцируя таким образом зависть. Генри Форд II, высказывая свои последние политические

суждения (как правило, он всегда выступал против реформ), поступает так, словно чиновник на выборной должности, которого не знает никто из видных посетителей бара».

Имя Генри II действительно время от времени появляется на страницах американской печати – иногда на первых полосах, если дело касается его заводов, а чаще в светской хронике, когда пронырливые репортеры добывают сведения о его личной жизни. В свое время пресса подробно описывала его женитьбу на мисс Энн Макдоннел, наследнице крупного состояния. Невеста была католичкой, и ее родители потребовали, чтобы Генри II перешел в лоно римско-католической церкви. В результате, когда дело дошло до развода с Энн, молодой Форд был отлучен от церкви. Вскоре он вступил в брак с миссис Мэри Кристин Веттор-Остин, особой очень богатой и тоже разведенной.

От первого брака у Генри II было трое детей – один сын и две дочери. В 1969 году, когда его сыну Эдзелу II минуло двадцать лет, тот начал работать в качестве «скромного служащего» концерна «Форд мотор компани». Представитель концерна сообщил об этом журналистам, добавив, что жалованье самого юного Форда составляет «менее 500 долларов в месяц». Это, пожалуй, и впрямь небольшое жалованье для одного из наследников Форда, но будем надеяться, что в отцовской фирме его не обидят.

Старшая дочь Генри II Шарлотта неоднократно была объектом сенсационных выступлений американской бульварной прессы. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, родители, как это водится у богачей, устроили пышный прием в честь вступления дебютантки в большой свет. Подготовка к балу, на который было приглашено свыше тысячи гостей, длилась почти год. Расходы достигли круглой суммы в 250 тысяч долларов. Несколько лет спустя красавица Шарлотта вышла замуж за греческого миллионера – судовладельца Ставроса Спироса Ниархоса, который был старше ее на тридцать два года. Вскоре у супругов родился ребенок, после чего Форды объявили о разводе Шарлотты. (Ходят слухи, кто конкурент Ниархоса, печально известный Аристотель Онассис, позавидовал Ниархосу, нашедшему молодую, красивую и богатую жену и получившему бесплатную рекламу, и поэтому стал добиваться руки Жаклин Кеннеди, вдовы президента. Как известно, его сватовство увенчалось успехом.)

Теперь несколько слов о людях, окружающих Генри II. В отличие от своего деда, часто ссорившегося со своими ближайшими сотрудниками и потому терявшего способных людей, внук с уважением относится ко всем, кто может быть ему

полезен (сам он не успел [sic!] получить высшего образования, и поэтому весьма ценит талант и умение людей, готовых с ним сотрудничать).

Среди таких людей следует назвать прежде всего Роберта С. Макнамару, который в 1960 году занимал пост председателя правления «Форд мотор компани», а через год стал министром обороны в правительстве Джона Кеннеди. При Линдоне Б. Джонсоне он ушел с этого поста, будто бы из-за расхождений с президентом по вопросу о Вьетнаме. Во всяком случае, Макнамару считают одним из способнейших людей в Штатах. Сотрудниками Фонда Форда в разное время были Джон Дж. Макклой, политик и банкир, и Макджордж Банди, советник двух президентов. Генри II не может пожаловаться на то, что у него нет связей в Вашингтоне.

Есть у него контакты и с так называемыми «авторитетными кругами» Западной Европы. В упомянутом выше интервью, данном Генри II журналу «Экспресс», речь шла о том, что ныне Форд владеет в Западной Европе сорока предприятиями, где работает около 100 тысяч человек, дающих почти 25 процентов всей продукции «Форд мотор компани». В последние годы Генри II дважды побывал в Париже, и оба раза был принят Жоржем Помпиду – сперва когда тот был премьер-министром, а затем – президентом Франции. На «неофициальном завтраке» в Елисейском дворце они, в частности, обсуждали вопрос о строительстве крупного завода запасных частей к автомобилям в Фосс-сюр-Мер на юге Франции.

В беседе с французскими журналистами из парижского журнала «Экспресс» Генри II подробно изложил свои взгляды на будущее автомобиля (по его мнению, светлое), капиталистического строя (который он предпочитает называть «миром свободной инициативы») и своих конкурентов в автомобильной промышленности (к примеру, на концерн «Фольксваген» и японские фирмы). В этих высказываниях необходимо обратить внимание на два момента.

Первый касается 1945 года, когда молодой Генри II стал управлять концерном. В изложении журнала «Экспресс» ситуация выглядит так:

«Дед его, дожив до восьмидесяти лет, часто болел и практически передал руль управления начальнику своей стражи Гарри Г. Беннету, в прошлом портовому грузчику и боксеру. С помощью восьмисот гангстеров из Чикаго Беннет создал самую могущественную в мире частную полицию, которая терроризировала рабочих и профсоюзных деятелей».

Генри II не выступил против этих столь смелых

формулировок. Он даже косвенно подтвердил их.

Излагая свою «философию», Генри II заявил, что он в своей деятельности руководствуется принципом трех «П»: Пипл – Продакт – Профит. На английском языке слово «пипл» (people) означает «народ»; «продакт» (product) не требует, видимо, особых разъяснений («продукция»), а слово «профит» (profit) – это, в понимании Форда, законная прибыль. Словом, внук верен памяти деда, если ставит на первое место слово «народ». Впрочем, сейчас нет на всем земном шаре капиталиста или миллионера, который не уверял бы, что он трудится для народа. Продукция Форда не нуждается в рекламе – его автомобили по-прежнему считаются лучшими. Открытым остается вопрос о прибылях – одном из трех элементов «философии» Генри Форда II. Прибыли и эксплуатация были и остаются основой деятельности автомобильных предприятий Форда – как в эпоху Генри I, так и во времена Генри II.

Глава 6. Асторы

Эта глава об Асторах несколько отличается от остальных глав книги хотя бы потому, что состоит из трех отдельных разделов. Тема первого – финансово-экономический скандал. В нем автор представляет читателям родоначальника династии Джона Джекоба Астора, который нажил в Англии середины XIX века огромное состояние ценой многочисленных преступлений и попрания всех законов.

Второй раздел относится к тридцатым годам нашего столетия. Именно тогда очередное поколение Асторов оказалось активно замешанным в политическом скандале – попытке «ублаготворить» Гитлера. Дело происходило в родовом замке Асторов в Кливдене.

Спустя еще тридцать лет Асторы снова напомнили обществу о своих «традициях» в связи с громким общественно-политическим скандалом, косвенно повлиявшим на падение британского кабинета. Именно в их имении в Кливдене министр обороны Англии Джон Профьюмо познакомился с легкомысленной девицей Кристин Килер. В третьем разделе будет рассказано о том, что из этого вышло.

Единственным связующим звеном всех трех столь разнородных разделов является имя Асторов. В то же время автор не собирается излагать здесь подробную историю династии, поскольку она хорошо известна по обе стороны Атлантики. Просто скажем, что Джон Джекоб Астор родился в Германии, а миллионное состояние нажил в Соединенных Штатах. Но его наследники переселились в Англию, получили там титул лордов и ловко использовали свое богатство для активного участия в политических махинациях.

И еще одна оговорка. В отличие от других героев этой книги ни один из Асторов никогда не был миллиардером в полном смысле слова. Но в середине XIX века Джон Джекоб Астор намного опередил других тогдашних богачей: его капитал оценивался в 20 миллионов долларов, тогда как многие американские богачи могли похвастаться лишь одним-двумя миллионами. Даже известный Корнелиус Вандербилт имел капитал «всего» в полтора миллиона. Вот почему в течение многих лет Асторы считались крупнейшими богачами. Лишь во второй половине прошлого столетия их состояние затмили капиталы Рокфеллеров и Морганов.

Именно этот факт и, признаемся открыто, их скандалы побудили автора написать самостоятельную главу об Асторах.

Как разбогатеть?

Джон Джекоб Астор родился в 1763 году в маленьком немецком городке Вальдорф, в семье мясника. (Наследники увековечили родной город родоначальника династии, назвав его именем один из самых больших и самых роскошных нью-йоркских отелей. Это отель «Вальдорф-Астория»[26]. Кроме того, в штате Орегон есть городок Астория, названный так в честь Джона Джекоба, который одним из первых добрался до этих мест на далеком западе.)

В восемнадцать лет Джон Джекоб отправился бродить по белу свету. Сперва он на два года задержался у брата в Лондоне, а затем эмигрировал в Америку, где начал работать в Нью-Йорке у одного немца пекаря. Но вскоре он стал подыскивать себе более самостоятельное и выгодное дело. И тут его заинтересовала торговля мехами. Оказалось, что это и впрямь золотая жила. Несколько лет спустя Джон Астор был уже богатым человеком.

Меха, скупаемые поначалу в окрестностях Нью-Йорка, а затем во все более отдаленных штатах, причем по дешевке, Астор экспортировал в Англию, продавая в несколько раз дороже. Так, например, за одну бобровую шкурку он платил в Нью-Йорке всего один доллар, а в Лондоне продавал ее за шесть долларов. Но когда он пришел к выводу, что за вырученные в Лондоне доллары он может покупать там же английские товары и импортировать их в Америку, прибыли его достигли десяти долларов за бобровую шкурку. Кстати, спрос на английские товары был тогда в Америке очень велик, если не сказать огромен. Прибыли Астора еще более увеличились, когда он начал перевозить закупленные товары на собственных кораблях.

Кое-кто может подумать, что прибыли эти были законными и честными, что они явились плодом умения и предприимчивости молодого Астора. Однако Густав Майерс рассеивает такого рода иллюзии, уделяя много места разъяснению (на основании правительственных актов и исторических документов) того факта, что Джон Джекоб Астор нажил свои богатства прежде всего путем обмана и злоупотреблений. Майерс и вообще-то не слишком милостив по отношению к американским миллионерам, а страницы его интересной книги, посвященные Астору, содержат, пожалуй, наиболее тяжкие и хорошо аргументированные обвинения.

В 1808 году Джон Астор основал фирму «Американ фюр компани», которая номинально была акционерным обществом по добыче и продаже мехов, а фактически являлась его личной собственностью. В поисках богатых мехами районов фирма все дальше проникала на «дикий Запад». Но в результате

грабительского хозяйничанья в тамошних лесах вскоре выяснилось, что на всем побережье Атлантики (которое, кстати сказать, было колыбелью Соединенных Штатов) пушной зверь почти поголовно истреблен. В то же время оставались еще нетронутыми резервы пушнины на территории центральных и западных штатов, населенных индейцами.

В этих районах, как утверждает Густав Майерс, ловкий Джон Астор стал полновластным монополистом и осуществлял свою власть словно «феодальный барон в родовых имениях».

«Формально, – пишет Майерс, – правительство Соединенных Штатов осуществляло власть на этих огромных территориях – издавало законы и вроде бы выполняло их. В действительности же компания Астора была сама себе законом и властью. Из правительственных отчетов того времени бесспорно явствует, что компания использовала насилие и обман и совершенно игнорировала законы, принятые Конгрессом».

Майерс несколько патетически описывает действия Джона Астора:

«В этом диком краю правительство располагало в лучшем случае несколькими малочисленными отрядами войск, зато агенты компании [Астора] были вооружены до зубов. Поэтому бесспорно был признан и повсеместно принят тот факт, что сюда не имеют доступа ни посланцы конкурентов, ни отдельные самостоятельные охотники. Нарушение этого положения вещей влекло за собой суровое наказание, не исключая и прямого убийства. «Американ фюр компани» страшила всех и властвовала над всеми. Она оказывала противодействие представителям правительства, не признавала над собой никакой власти, игнорировала любые законы, которые противоречили ее интересам. В результате всего этого [там] царила продуманно жестокая, беспощадная эксплуатация, равной которой не существовало ни в какой другой стране».

В те времена в центральных и западных районах США охотниками были почти исключительно индейцы. Они-то и стали поставщиками пушного зверя для Астора, который не только обманывал, но и планомерно спаивал их. Ссылаясь на многочисленные документы и отчеты Конгресса США, Майерс пишет:

«Самым большим преступлением того времени была доставка индейцам алкогольных напитков. Правительство вполне отдавало себе отчет в губительных последствиях спаивания индейцев и поэтому приняло ряд законов, влекущих за собой суровые наказания. Но компания Астора бесстыдно и нагло попирала эти законы и другие предписания, не отвечавшие ее интересам. Она

контрабандным путем ввозила [на Запад] огромное количество алкоголя. В совершенно невиданных раньше масштабах Астор пользовался старым приемом, заключающимся в спаивании индейцев и обманном захвате у них пушнины и принадлежащих им земель».

Астор экспортировал меха не только в Европу. Американская хроника того времени отмечает, что он первым пришел к мысли о прибыльности экспорта мехов в Китай, откуда его корабли привозили чай и шелка. Каждый такой рейс был очень выгоден, и, когда во время военных действий 1812-1815 годов в Америке не стало чая, Астор бесстыдно потребовал за него двойную цену.

В 1831 году сын Джона признался в одном официальном письме, что капитал «Американ фюр компани» достигал 1 миллиона долларов, а его ежегодная прибыль превысила 500 тысяч долларов. В то время слово «миллионер» еще не было в ходу, но к Астору оно подходило как нельзя больше.

Густав Майерс обращает внимание читателей еще на одно любопытное обстоятельство первых лет деятельности Джона Джекоба Астора. Хотя Астор постоянно нарушал обязательные постановления и законы, его так ни разу и не привлекли к ответственности – ни к уголовной, ни к гражданской. Почему? Во-первых, у него было достаточно денег, чтобы оплатить услуги лучших адвокатов, а во-вторых, он «подкупал наиболее известных и наиболее влиятельных политиков того времени». Таким образом, Астор открывает длинную галерею американских миллионеров, которые считали подкуп политических деятелей одним из эффективных способов обогащения.

* * *

Все же прибыли от торговли мехами, от продажи алкоголя индейцам, от спекуляции чаем не удовлетворяли претензий Джона Астора. Во время своих частых поездок в Англию он убедился, что наибольшим авторитетом там пользуются аристократы, владеющие крупными земельными угодьями. И Астор начинает интересоваться землевладениями, причем делает здесь новый шаг вперед: он приобретает земельные участки не в сельской местности, где они дают скромные доходы, а в городах, где цены на землю возрастают с каждым годом. У Астора было достаточно денег, чтобы начать спекуляцию землей в самых широких масштабах.

Как типичный пример одной из его первых сделок в этой области приводится афера с землей в графстве Патнам, штат

Нью-Йорк. В игру входил массив общей площадью более 50 тысяч акров, составлявший одну треть территории всего графства. После провозглашения независимости Соединенных Штатов американские власти объявили о конфискации этих земель, формально принадлежавших супругам Роджеру и Мэри Моррис, жившим в Англии. Необходимо, видимо, сказать также, что Мэри Моррис унаследовала этот огромный земельный массив от одного из своих предков, который был… пиратом и по причине столь благородного занятия стал землевладельцем в графстве Патнам.

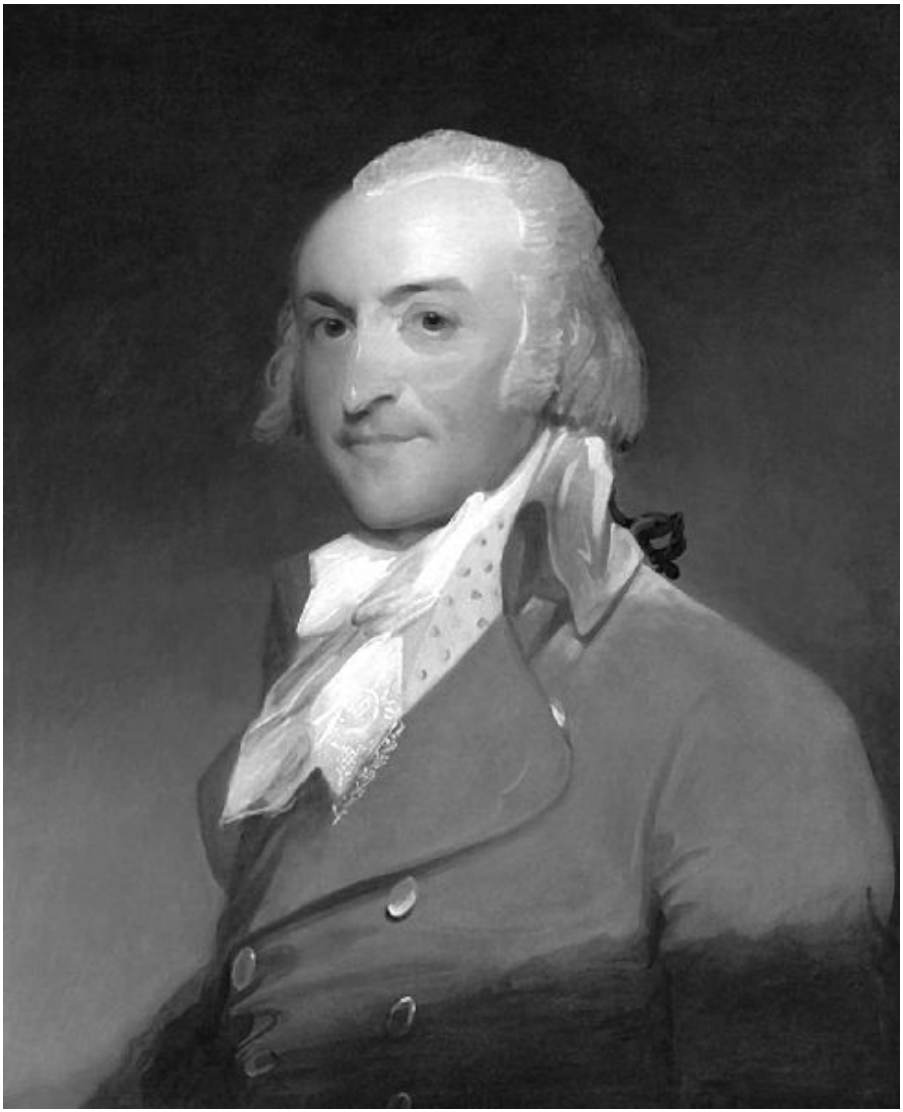
В 1809 году, когда Астор неожиданно заинтересовался землей в Патнаме, мало кто уже помнил, что она была конфискована еще несколько десятков лет назад. В свое время власти штата Нью-Йорк поделили этот земельный массив на участки и продали их отдельным лицам. Земля эта принадлежала семистам семействам, которые считали ее своей собственностью. За минувшие годы они вложили в эту землю много своего личного труда и денег, чтобы повысить ее плодородие.

Джон Астор случайно узнал, что конфискация земли в графстве Патнам была проведена в свое время с нарушением закона: супруги Моррис владели ею пожизненно. Его адвокаты установили, что формальными владельцами всего земельного массива являются дети супругов Моррис. После весьма сложных маневров («достойных пера самого Бальзака», пишет Майерс) адвокаты откупили у нпх право на землю за 100 тысяч долларов. Когда сделка была оформлена, Астор известил всех семьсот фермеров, что они «незаконно хозяйничают» на земле, которая является его собственностью…

Ошеломленные, растерявшиеся фермеры обратились к властям штата Нью-Йорк, которые продали землю их отцам. Последовала длинная череда переговоров и судебных процессов. Общественное мнение клеймило Астора, назвав его происки «наглым примером несправедливости и грабежа», как пишет Майерс. Но миллионер держался вызывающе, ссылаясь на свои «права». Спустя несколько лет, в 1827 году, дело закончилось компромиссом: Астор получил от штата Нью-Йорк в качестве возмещения 500 тысяч долларов, то есть заработал на этом в пять раз больше, чем вложил в свою столь позорную аферу. Фермеры же наконец вздохнули спокойно и смогли вернуться к возделыванию своих участков.

В дальнейшем Астор продолжал скупать землю в различных районах Соединенных Штатов, особенно в западных, правильно рассчитав, что как раз там будет происходить развитие страны, в связи с чем повысятся и цены на землю. Все же его больше интересовали участки в центре Нью-Йорка – на острове

Манхэттен. Надо заметить, что в те времена этот район города выглядел совсем иначе, чем сейчас: очень немного сравнительно высоких домов было расположено только на юге острова, в районе нынешней Уолл-стрит, а остальная территория изобиловала множеством прудов, речушек, болот. Но Астора это не тревожило: он предвидел, что Нью-Йорк будет развиваться быстрыми темпами и что на Манхэттене, находящемся в центре города, каждый метр земли вскоре станет продаваться по баснословным ценам.



Джон Джекоб Астор – американский промышленник и мультимиллионер, родоначальник клана Асторов

Тут можно было бы еще раз подчеркнуть, что Астор вроде бы

не делал ничего плохого – просто он был прозорливее других. Но дело в том, что, скупая земельные участки в Нью-Йорке, Астор допускал многочисленные злоупотребления, делал подлости, подкупал местную власть (прославившуюся своей коррупцией), нагло обманывал конкурентов, попирал все законы. Майерс, подробно описывая «мероприятия» Астора с указанием адресов и дат, затраченных сумм и т. д., приходит к следующему выводу:

«Сделки Астора в области недвижимости – внешне невинные, отвечающие законам и обычаям того времени, – были неразрывно связаны с очередным обходом закона, с обманом и мошенничеством, с нарушением предписаний, со злоупотреблениями. Законы были чрезвычайно выгодны имущим классам, однако он все же попирал их».

Следующей сферой действий Астора стали банки. Его капиталы увеличивались с каждым годом, и предприимчивый миллионер искал новое применение своим деньгам. Говоря о банковских инвестициях Астора, следует тут же отметить, что американские банки первой половины XIX века так же резко отличались от нынешних, как тогдашний Манхэттен от сегодняшнего центра Нью-Йорка. В связи с предоставленным им правом печатать бумажные деньги тогдашние банки легко и быстро стали получать колоссальные прибыли, и потому их владельцы готовы были дать любую взятку, лишь бы получить такое право.

Джон Джекоб Астор стал акционером четырех крупных по тому времени банков, «статуты которых были зарегистрированы или возобновлены мошенническим путем» (Майерс). У него оказалось по тысяче акций «Манхэттен бэнк компании «Мерчентс бэнк», а также большое количество акций в двух других банках.

«Нет доказательств, – пишет Майерс, – что Астор лично давал взятки или был связан с этим делом, но безотносительно к тому, давал он их или нет, он сознательно пользовался результатами подкупа».

Когда в 1837 году в Соединенных Штатах разразился очередной экономический кризис, Джон Джекоб Астор решил, что может хорошо заработать на трудностях своих друзей и конкурентов. Располагая крупными денежными суммами, он стал по дешевке скупать государственные облигации, акции, закладные.

В сороковых годах XIX столетия началась массовая эмиграция из Европы в Америку. Хотя это звучит неправдоподобно, она стала для Астора новым источником прибылей. Дело в том, что значительная часть эмигрантов оседала именно в Нью-Йорке: за десять лет (1840-1850) число жителей города увеличилось с 300

тысяч до 500 тысяч человек. Эмигранты искали работу и жилье. Надо было строить новые дома. И тут на их горизонте появился вездесущий Астор – владелец свободных земельных участков. Он не соглашался продавать их, подписывая договоры лишь на сдачу в аренду (как правило, на двадцать один год). Он оказался прав: стоимость земельных участков в Нью-Йорке росла молниеносно, особенно в связи с наплывом эмигрантов.

В 1848 году, перед смертью (Джону Джекобу Астору было тогда восемьдесят четыре года), он считался богатейшим человеком в Америке. Его наследники получили состояние порядка 20 миллионов долларов, что вызвало всеобщую сенсацию. Слово «миллионер» только рождалось, и американцы еще не привыкли к тому, что на свете могут быть такие состояния. Газета «Нью-Йорк джорнел» писала, что такие суммы «выходят за рамки нашего воображения». Джеймс Гордон Беннет, редактор и владелец «Нью-Йорк трибюн» (его сын прославился тем, что финансировал экспедиции Стэнли в Африку), писал после смерти Джона Д. Астора:

«Мы публикуем на своих страницах копию одного из крупнейших документов нашего времени – завещание Джона Джекоба Астора. Он оставил своим наследникам из первого, второго, третьего и четвертого поколений наследство на общую сумму 20 миллионов долларов. Если бы мы были в дружеских отношениях с Джоном Джекобом Астором, то прежде всего постарались бы убедить его в том, что половина этого огромного состояния, по меньшей мере 10 миллионов, принадлежит жителям города Нью-Йорка.

В последние пятьдесят лет жизни Джона Джекоба Астора его собственность увеличилась, а стоимость ее возросла в два раза… Фермы и городские участки, которые он приобрел сорок, двадцать, десять или пять лет назад, стали дороже исключительно благодаря трудолюбию граждан Нью-Йорка. Очевидно, как дважды два четыре, что половина огромного наследства Астора увеличилась благодаря усилиям его сограждан».

Джон Джекоб Астор был тогда уже покойником и не мог прочитать этих волнующих и наивных выводов. Но если бы он даже прочел их, то, видимо, только усмехнулся бы по такому поводу: он был слишком циничен, чтобы расчувствоваться. Во всяком случае, его сын Уильям Б. Астор, который унаследовал большую часть состояния отца, вовсе не обратил внимания на выводы известного журналиста и немедленно приступил к увеличению полученного наследства.

Перед смертью отца Уильяму Астору было пятьдесят шесть

лет. Его собственный капитал оценивался в 5 миллионов долларов. После отца он стал председателем правления «Американ фюр компани» и по примеру старого Астора занялся продажей недвижимости. Унаследованное состояние помогло ему начать новую экспансию в этой области. Используя те же методы, он ко дню своей смерти в 1875 году был владельцем семисот различных домов и зданий, не считая незастроенных земельных участков. Он прославился тем, что взимал высокую квартирную плату с жильцов, даже если их квартиры были почти непригодны для жилья. В наследство своим детям Уильям оставил капитал в 100 миллионов долларов. В течение жизни одного поколения общественные отношения в Америке изменились настолько, что после смерти Астора-сына газеты поместили его жизнеописание, составленное в идолопоклоннических тонах. Прославлялись его «заслуги», отмечалось, что он является «образцом предпринимателя».

Имущество и капиталы Уильяма Б. Астора унаследовали его сыновья – Джекоб II и Уильям II. Не будем представлять здесь ни их самих, ни их наследников, среди которых часто повторяются имена Джон Джекоб (сейчас уже VII), Уильям и Уолдорф. Напомним только, что Джон Джекоб II приумножил семейное состояние: не мог же он отстать от других американских миллионеров! Густав Манерс пишет о нем:

«Никогда в жизни он так и не построил ни одной железнодорожной линии и вообще ничего не понимал в железнодорожном деле, но так как он владел огромным богатством, нажитым главным образом за счет квартирной платы, то мог скупить достаточно акций, чтобы стать одним из главных акционеров [линии «Нью-Йорк сентрал рейлроуд»], а затем вместе с другими акционерами подкупил законодательное собрание [штата Нью-Йорк], чтобы оно приняло законы, которые в огромной степени повысили стоимость акций».

В следующих поколениях Асторов наиболее интересной фигурой является Уильям Уолдорф Астор, который, хотя и унаследовал от отца 100 миллионов долларов, возненавидел Америку и в конце XIX века вместе с несколькими ближайшими родственниками переселился в Англию. До своего отъезда он тщетно добивался депутатского мандата в палате представителей. Эти политические неудачи якобы повлияли на его решение покинуть США. А в Нью-Йорке остался знаменитый отель «Уолдорф-Астория», построенный этим наследником миллионов.

На Британских островах Уильям купил дворец в Кливдене, принадлежавший некогда герцогам Вестминстерским, и решил

никогда не возвращаться в Америку, отнюдь не отрекаясь от огромных богатств, оставшихся по ту сторону океана. В 1899 году Уильям отказался от американского гражданства, став подданным ее королевского величества. В 1915 году ему был пожалован титул лорда.

Героями последующих разделов этой главы будут уже его наследники.

Как «умиротворить» Гитлера?

Во второй половине XIX века миссис Уильям Астор, супруга одного из представителей этой династии миллионеров, узурпировала себе право выступать в роли королевы американского высшего света. Как известно, в Соединенных Штатах никогда не было аристократии в европейском значении этого слова. Зато развивалась и процветала плутократия, и потому миссис Астор решила, что из-за унаследованного ею огромного богатства и своеобразного приоритета она может претендовать на главенствующее положение среди американских миллионеров.

В своем роскошном п претенциозном дворце на знаменитой Пятой авеню в Нью-Йорке она устраивала пышные приемы, тщательно составляя списки приглашенных. Постепенно эти приглашения в дом миссис Астор стали предметом гордости и зависти. Гости миссис Астор не помнили или не хотели вспоминать, каково происхождение богатства Асторов. Впрочем, многие из них пришли к огромным состояниям столь же бесчестным и противозаконным путем, как и сами хозяева.

Салон миссис Астор все же вошел в историю Соединенных Штатов. В своей книге «Развитие американской цивилизации» Чарлз и Мэри Бирд пишут о миссис Астор:

«Часть нью-йоркской плутократии оказалась под влиянием организатора светской жизни миссис Уильям Астор, которая сумела навязать своему городу, а косвенно и всей стране, определенный стиль жизни… Когда королевствующая наследница [Асторов] на правах супруги взяла в свои руки управление жизнью нью-йоркского общества, у нее имелись все материальные основания, необходимые для выполнения такой роли. У нее были [поистине] королевские драгоценности, и она по-королевски носила их.

Миссис Астор создала свой «двор» и тщательно подбирала его придворных – только четыреста человек, ибо больше не могли вместить стены ее бального зала. У нее были герольды, возвещавшие о каждом ее шаге, а ослепленная пышностью публика и газеты так же охотно, как аристократические печатные издания монархов, распространяли придворные новости для сведения всех тех, кто не был допущен к участию в этой полной блеска жизни… Эксперимент оказался неожиданно удачным, и салон миссис Астор выполнял свою роль в течение многих лет».

Приемы миссис Астор имели широкий резонанс по обе стороны Атлантики, и поэтому Уильям Уолдорф Астор по

прибытии в Англию стал подражать им. Он начал приглашать в свои дворцы Кливден и Хевер-Кэстл избранных гостей и вскоре завел знакомства в кругах британской аристократии. Связи и деньги облегчили ему получение титула лорда, Чарлз и Мэри Бирд пишут об этом прозаически:

«Обычным путем он приобрел титул пэра и оказался в палате лордов среди английских владельцев прядильных фабрик, королей мыла и табака, газетчиков (речь, видимо, идет о владельцах газет. – *Г.Я.*) и богатых биржевиков».

Первый лорд Астор умер в 1919 году, оставив своим наследникам (в Америке) состояние в 100 миллионов долларов. Второй лорд получил в наследство дворец в Кливдене, где по примеру своего отца и миссис Уильям Астор из Нью-Йорка стал устраивать великосветские приемы. Но этот второй лорд Астор и его жена леди Нэнси Астор не довольствовались своим положением в высшем свете – их амбиции простирались и на область политики. И это приводит нас к сути дела, отраженной в данном разделе.

* * *

Английское слово «эпписмент» (appeasement) не имеет эквивалента в польском языке. Костюшковский словарь предлагает переводить его как «успокоение, ублаготворение, умиротворение», что вполне приемлемо с точки зрения лексикографической, но далеко не отвечает политическому содержанию этого слова, как его трактовали в тридцатых годах. Речь тогда шла о политике уступок Гитлеру, о попытке «ублаготворить» диктатора Третьего рейха. Сторонников такой политики в народе называли «эпписерс», что можно перевести как «соглашатели», «примиренцы».

Хотя это покажется не очень логичным, однако следует сказать, что политика «умиротворения» зародилась в Англии еще до прихода Гитлера к власти в 1933 году. Почти сразу после окончания первой мировой войны и подписания Версальского договора в Англии нашлись люди, которые придерживались мнения, что условия договора слишком суровы и что Германии надо каким-то образом возместить ущерб. Сторонники подобных взглядов (а среди них оказались некоторые видные политические деятели и «интеллектуалы») таким способом давали выход своим антифранцузским настроениям (они утверждали, что Версальский договор был навязан Германии именно Францией) и антисоветским злобствованиям.

Английские историки Мартин Гилберт и Ричард Готт в своей книге «Умиротворители» (“The Appeasers”) в качестве типичного примера, характеризующего таких людей, указывают на видного английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. По мнению последнего, Версальский договор содержал много таких условий, которые «могут разорить Германию или затормозить ее развитие в будущем». Гилберт и Готт добавляют:

«Многие англичане соглашались с такой оценкой. Стыдясь того, что было ими сделано, они искали козлов отпущения и возможностей исправить ошибку. Такого козла отпущения они нашли в лице Франции, а удовлетворение – в политике «умиротворения».

Что касается разжигания антисоветских настроений, то здесь следует напомнить о том, что Уинстон Черчилль, один из выдающихся деятелей британской империалистической политики нашего времени, человек, которому приписывают столь великие заслуги во второй мировой войне и в совместной с Советским Союзом борьбе против гитлеризма, в 1918-1920 годах был идеологом «крестового похода» против Советской России и одним из организаторов вооруженной интервенции империалистических держав против Страны Советов.

То обстоятельство, что Гитлер захватил власть в Германии, отнюдь не ослабило в Англии настроений «умиротворения». Скорее, как это ни парадоксально, оно усилило их. Английские дипломаты и журналисты немедленно начали присылать в Лондон сообщения о фашистской и расистской практике нового германского режима, резко противоречившего обязательным в Великобритании принципам общественной и политической жизни. Но сторонники «умиротворения» отмахивались от таких сообщений. Мартин Гилберт и Ричард Готт, историки отнюдь не левого толка, так характеризуют это обстоятельство:

«Умиротворители игнорировали тот факт, что гитлеризм существует. Они считали, что англо-германские отношения гораздо более близки к успешной эволюции, чем позволяла предположить реальная действительность… Иногда те, кто был заинтересован в англо-германской дружбе, прощали новому режиму в Германии любое зло, порой они игнорировали его, а то и просто не хотели верить, что оно существует. Прогерманизм, словно алкоголь, притуплял чувство разума у тех, кто чрезмерно попустительствовал всему».

Среди многих англичан, бывших совершенно слепыми во всем, что касалось Гитлера, автор хотел бы назвать прежде всего Дэвида Ллойд Джорджа, бывшего британского премьера и одного из творцов Версальского договора. В 1936 году Ллойд Джордж

находился уже не у дел, однако он поехал с визитом к Гитлеру (его сопровождал фон Риббентроп, тогдашний германский посол в Лондоне).

Ллойд Джордж считал Гитлера «самым великим из живущих [ныне] немцев» и сам сказал ему об этом. По возвращении в Лондон он писал в газете «Дейли экспресс», что Гитлер «прирожденный вождь», расхваливал его «магнетизм, динамичную индивидуальность, отсутствие сомнений и колебаний в осуществлении своих планов». Ллойд Джордж заверял всех, что Германия уже «не стремится вторгнуться в чью-либо страну». Год спустя он снова писал:

«Я восхищаюсь Гитлером… Я могу только пожелать нашей стране, чтобы ею руководил человек, наделенный его огромными достоинствами».

Таким взглядам соответствовала и политика британских кабинетов в тридцатые годы, когда премьерами были сначала Стенли Болдуин, а после него достославный Невилл Чемберлен. Великобритания согласилась с очередными шагами Гитлера, нарушавшими Версальский договор и подрывавшими европейский мир – во всяком случае, она не противилась этим нарушениям. Просто Лондон «принял к сведению», что в Германии введена воинская повинность, запрещенная Версальским договором; смирился с ремилитаризацией Третьего рейха; не протестовал против вторжения в прирейнские области; занял позицию «невмешательства», когда Гитлер и Муссолини оказывали помощь генералу Франко; согласился с аншлюссом Австрии и, наконец, принял активное участие в позорном мюнхенском сговоре, который похоронил свободу Чехословакии.

Премьер Невилл Чемберлен вернулся из Мюнхена в Лондон в ореоле победителя. «Умиротворители», которых с того дня стали называть мюнхенцами, прославляли его талант государственного деятеля. Дезориентированная толпа встречала его как гениального политика, который «спас мир». Сам же Чемберлен высокопарно заявил: «Я верю, что это мир для нашего поколения» (Вторая мировая война разразилась только через год). А «Таймс» напыщенно писала: «Ни один завоеватель, одержавший победу на поле боя, не был украшен более благородными лаврами».

Совершенно обособленным в официальных британских кругах был голос Уинстона Черчилля, который заявил в палате общин: «Мы потерпели полное, ничем не смягченное поражение». Спустя некоторое время он добавил:

«У Великобритании был выбор – война или позор. Ее министры выбрали позор, чтобы позже получить и войну».

У нас нет места, чтобы более подробно описать политику

«умиротворения», которая дала возможность Гитлеру развязать вторую мировую войну. Но прежде чем вернуться к Асторам и их гостям в Кливдене, хотелось бы представить хотя бы некоторых ведущих британских «умиротворителей». Первое место тут, безусловно, принадлежит премьеру Невиллу Чемберлену.

Английский историк и поэт А.Л. Роуз пишет о нем в своей книге «Люди и умиротворение» ("AH Souls and Appeasement"), к которой нам еще предстоит вернуться:

«У него [Чемберлена] действительно было намерение договориться с Гитлером, чтобы таким образом прийти к соглашению. Независимо от аморальности ведения тайных переговоров с преступником, этот шаг представлял собой полнейшую нелепость, ибо никакое соглашение, кроме подчинения [гитлеровской] Германии и ее союзникам Европы и всего мира, было невозможно».

Правой рукой премьера Невилла Чемберлена был лорд Галифакс, ставший в начале 1938 года министром иностранных дел (Антони Иден подал в то время в отставку в знак протеста против политики «умиротворения»). О взглядах и образе мыслей лорда Галифакса свидетельствует его беседа с Гитлером, состоявшаяся в 1937 году в Оберзальцберге. Протокол этой тайной беседы был найден в германских архивах уже после войны. Ссылаясь на премьера Чемберлена, лорд Галифакс в ходе беседы расхваливал «великие заслуги фюрера в восстановлении Германии» и призывал его «улучшать взаимопонимание между Англией и Германией», выражая готовность «исправить старые ошибки». Но наиболее характерной для политики «умиротворения» является, пожалуй, такая формулировка Галифакса:

«Благодаря ликвидации коммунизма в своей стране фюрер закрыл ему путь в Западную Европу, и поэтому Германия может считаться бастионом Запада против большевизма».

Наряду с премьером Чемберленом, которого французские политики называли между собой Мсье Люблю Берлин, и его министром иностранных дел Галифаксом в состав так называемой «большой четверки», образовавшей некий внутренний кабинет и осуществлявшей фактическую власть в Великобритании, входили еще министр финансов Джон Саймон и министр внутренних дел Сэмюэль Хор. Это были люди не слишком высокого полета, полностью доверявшие своему премьеру и его политике «умиротворения» Гитлера.

«Большую четверку» поддерживали определенные круги политиков и единомышленников, которые отличались друг от друга лишь возрастом, происхождением и способностями, но

был единодушны в двух вопросах: во-первых, в ненависти к Советскому Союзу и, во-вторых, в своей убежденности, что с Гитлером следует договориться, даже ценой далеко идущих уступок. Тут мы должны назвать несколько имен из этого окружения.

Лорд Лотиан дважды посетил Гитлера – в 1935 и 1937 годах. После первого визита он писал в «Таймсе», что «Германия не желает войны и готова полностью отказаться от нее, как от метода решения споров с соседними государствами». Во время второго визита он заверил Гитлера, что «Великобритания не имеет никаких жизненных интересов в Восточной Европе». Американский посол в Берлине Уильям Додд после встречи с лордом Лотианом записал в своем дневнике:

«Не могу понять, на чьей он стороне? Он показался мне больше фашистом, чем кто-либо другой из известных мне англичан».

Когда германские войска незаконно вторглись в Рейнскую область, Общество британско-немецкого содружества, где верховодили «умиротворители», направило Гитлеру поздравительную телеграмму. Вместе с лордом Лотианом ее подписал лорд Лондондерри, еще один сторонник «умиротворения», часто встречавшийся с гитлеровскими вожаками и даже принимавший в своем имении самого фон Риббентропа.

«Серым кардиналом» премьера был сэр Гораций Вильсон, о котором Гилберт и Готт пишут, что он «поддерживал, стимулировал внешнюю политику Чемберлена, а возможно, был даже ее инициатором». Разумеется, Вильсон тоже был сторонником «умиротворения» Гитлера. Еще одной фигурой «умиротворения», но действовавшей за кулисами, был Томас Джонс, бывший секретарь Ллойд Джорджа и Болдуина, составитель многих их речей. Джонс постоянно вращался в замкнутом кругу ведущих британских политиков и часто встречался с Риббентропом. В 1938 году он разочаровался в политике «умиротворения». После войны Джонс опубликовал свои воспоминания, озаглавленные «Дневник, включающий письма» (“Diary with Letters”), которые оказались источником совершенно неизвестной дотоле информации об английских «умиротворителях», в частности об Асторах и их друзьях в Кливдене.

После вторжения гитлеровцев в Рейнскую область Томас Джонс откровенно записал в дневнике:

«Я обедал вдвоем с фон Риббентропом в «Карлтоне». Как обычно, мы беседовали об отношениях между Великобританией и

Германией. Он хорошо говорит по-английски, и я уверен, что он не желает войны на Западе. Риббентроп отзывается о Гитлере как о человеке, наделенном необычайными качествами: прежде всего это артистическая натура – он много читает, страстно любит музыку, искусство. Оба они [Риббентроп и Гитлер] напуганы Россией. Коммунизм – это враг, которому одна Германия, без помощи Великобритании, противостоять не может…»

Вранье Риббентропа нас не удивляет. Труднее попять, как могли верить ему все эти джонсы, лотианы, галифаксы и чемберлены? Верили потому, что хотели верить…

Обходя имена многих известных «умиротворителей», хотим все же на минутку остановиться на особе Джеффри Доусона, который почти тридцать лет (1912-1941) – правда, с коротким перерывом – был главным редактором лондонской «Таймс». Эта газета пользовалась тогда огромным авторитетом и, хотя была частной собственностью (принадлежала династии Асторов), все же считалась не только в Англии, но и за ее пределами неофициальным органом правительства. В тридцатые годы «Таймс», возглавляемая Доусоном, решительно выступала за политику «умиротворения», в значительной мере формируя и популяризируя ее.

Среди многочисленных статей в «Таймс», призывавших к соглашению с Гитлером, назовем только две. Так, 7 сентября 1938 года, то есть всего за несколько недель до позорной мюнхенской сделки, Доусон написал редакционную статью, в которой требовал передать Судеты гитлеровской Германии. Разумеется, Гитлер мог истолковать эту статью только как поощрение к более сильному нажиму на Чехословакию. Затем, уже весной 1939 года, когда Англия с большим опозданием выступила в качестве гаранта Польши, тот же Джеффри Доусон выступил со статьей, в которой всячески преуменьшал значение этой гарантии. Цитированный выше Роуз пишет по этому поводу:

«Трудно удивляться тому, что Гитлер догадался (после статьи в «Таймс»), что мы не сдержим данного Польше слова».

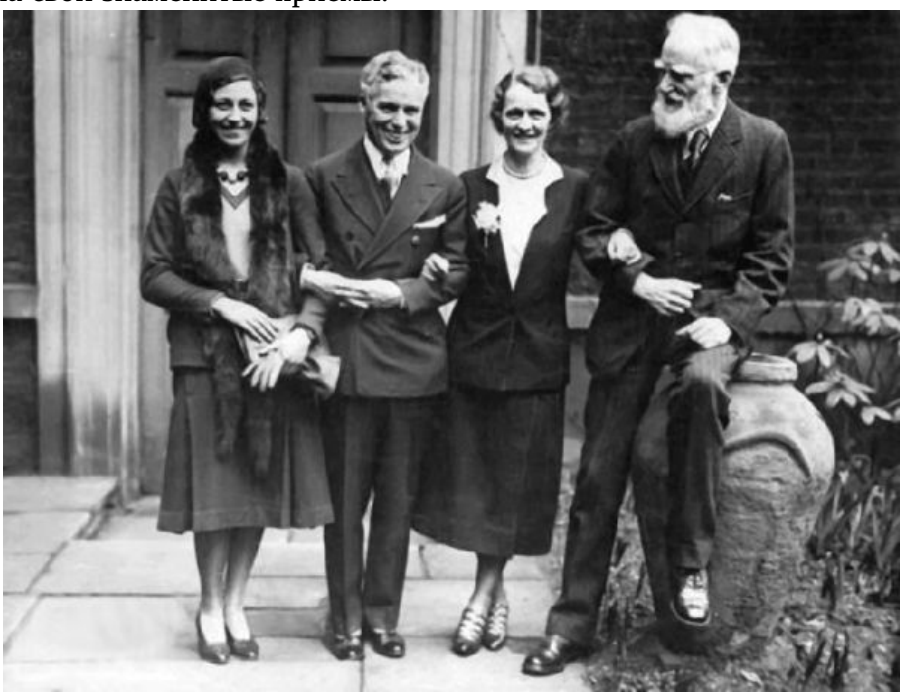
Заметим, что в тридцатых годах Роуз был адъюнктом в знаменитом оксфордском «Олл соулс колледж» (“AH Souls College”), который стал местом встреч сторонников «умиротворения». В своей уже цитированной книге, изданной в 1961 году, Роуз, этот историк и поэт, безжалостно разделался с соглашателями, которых он прямо обвинил в политической слепоте. О Доусоне он пишет так:

«Он ничего не понимал в истории Европы, не разбирался в истории Германии, не знал ни одного немецкого слова, понятия не имел о немецком образе мышления. Однако он использовал

все свое влияние – а оно было огромно – для подрыва Версальского договора и для выступлений в пользу Германии».

Наряду с указанным оксфордским колледжем другим центром сторонников соглашения с Гитлером был Кливден. И нам пора вернуться к Асторам.

Иван Майский, один из выдающихся советских дипломатов, в тридцатые годы был послом СССР в Лондоне. В своей книге «Воспоминания советского дипломата»[27] он отводит немалое место лорду Астору, его жене Нэнси Астор и их имению в Кливдене. Майский сообщает, что в 1931 году леди Астор вместе с Бернардом Шоу совершила поездку в Москву и даже виделась со Сталиным. На этом основании она считала себя «другом» Советского Союза и потому не раз приглашала посла И. Майского на свои знаменитые приемы.



Слева направо: Эми Джонсон – американская авиатриса, Чарли Чаплин, Нэнси Астор и Бернард Шоу в гостях у леди Астор. 1931 год

«Потом положение изменилось, – пишет И. Майский. – Чем ближе надвигалась Вторая мировая война, тем реакционнее становилось настроение Асторов. С приходом в мае 1937 года к власти Чемберлена окончательно сложилась “кливденская клика”, и салон леди Астор превратился в главный штаб антисоветских интриг и “умиротворения” Гитлера и Муссолини…»

По словам Майского, «в доме Асторов царили начала матриархата». Господствующей фигурой здесь была леди Нэнси Астор. Американка по происхождению, она после неудачного замужества и развода в Соединенных Штатах переселилась в Англию и здесь вновь вышла замуж за второго лорда Астора. В 1910-1919 годах Уолдорф Астор был членом палаты общин от города-графства Плимут. Когда он в 1919 году получил титул лорда и перешел в палату лордов, энергичная леди Нэнси выдвинула свою кандидатуру на его место в палату общин, выиграла избирательную кампанию и стала первой женщиной-депутатом этой палаты (разумеется, от Консервативной партии). Свой мандат она сохраняла до 1945 года. В палате общин леди Нэнси отличалась своими эксцентричными выступлениями.

Все это не имело бы большого значения, если бы не существовало «кливденекой клики». Поэтому снова обратимся к Ивану Майскому, который пишет о леди Нэнси Астор:

«Обычно в ее роскошном имении Кливден, под Лондоном, где она пыталась имитировать Версаль, встречались такие люди, как Невилл Чемберлен, лорд Галифакс, Сэмюэль Хор, Саймон, Кингсли Вуд, Лотиан, Том Джонс, Эрнст Браун и др. Особенно крупную роль играл здесь редактор “Таймс” Джеффри Доусон, являвшийся чем-то вроде идеологического вождя всей этой клики.

Человек крайне реакционный, религиозно настроенный, не имевший реального представления ни об Европе, ни, в частности, о Германии, Доусон преклонялся перед силой и, считая гитлеровскую Германию решающей мощью на континенте Европы, проповедовал самое беззастенчивое “умиротворение” нацистского диктатора. Влияние Доусона было настолько велико, что премьер-министры того времени – Макдональд, Болдуин, Чемберлен – обсуждали с редактором “Таймс” министерские назначения».

«Все эти печальной памяти герои недавнего прошлого, – продолжает Майский, – регулярно встречались в салоне леди Астор, пили, ели, развлекались, обменивались мнениями и намечали планы ближайших действий. Нередко между двумя партиями гольфа решались важнейшие государственные вопросы. Чем ближе надвигалась война, тем активнее становился Кливден. Салон леди Астор превратился в главную цитадель врагов Советского Союза и друзей англо-германского сближения. Отсюда шла наиболее энергичная пропаганда концепции “западной безопасности”; здесь смаковались картины советско-германского взаимоистребления, на осуществление которого и делали ставку завсегдатаи Кливдена. Салон леди Астор имел сильнейшее

влияние на назначение министров, на формирование правительств и на определение политической линии этих правительств. Приход к власти Невилла Чемберлена ознаменовал собой усиление “кливденской клики”, что рождало в руководящих кругах Советского Союза лишь самые тревожные опасения. Ждать пришлось недолго».

Не преувеличивает ли советский посол? Неужели влияние Асторов и «кливденской клики» на британскую политику было действительно так велико? Ответы на эти вопросы мы находим в воспоминаниях английских государственных деятелей тридцатых годов (пожалуй, ни в одной стране не пишут и не публикуют столько воспоминаний, как в Великобритании) и в книгах, посвященных новейшей истории. В зависимости от своих политических взглядов и темперамента их авторы по-разному трактуют те или иные события, но в отношении зловещей роли салона леди Астор среди них царит единодушие.

Гарольд Никольсон был известным английским дипломатом, писателем и политиком. В течение долгих лет он вел дневник и в 1966 году опубликовал книгу «Дневники и письма. 1930-1939» (“Diaries and Letters”). Никольсон был частым гостем в Кливдене и не раз вспоминает о своих визитах к Асторам и свои встречи с леди Астор в палате общин. Он не скрывает своей антипатии к ней, называя леди Нэнси «обаятельной, но необычайно ограниченной женщиной…».

Называя имена многих видных политиков, встречавшихся в Кливдене, Никольсон пишет о леди Нэнси Астор:

«Такого рода люди имеют пагубное влияние. Они приглашают и принимают молодых политиков, создавая атмосферу власти, ответственности и величия, в то время как на деле все это лишь видимость. Так у нас всегда: глупые люди считаются представителями британского [общественного] мнения, тогда как от людей информированных избавляются, как от “интеллектуалов”. Я был бы очень несчастлив, если бы стал миссис Астор».

Гарольд Никольсон был решительным противником политики «умиротворения». Поэтому не удивительно, что в своих воспоминаниях (опубликованных только после его смерти) он высказал столько критических замечаний в адрес Асторов. Что касается Томаса Джонса, то он был явным сторонником «умиротворения» Гитлера, тем не менее в его воспоминаниях тоже вырисовывается подлинный облик «кливденской клики», предстает картина ее политических интриг.

Джонс описывает конец недели, так называемый уик-энд, в Кливдене в мае 1936 года. По приглашению Асторов туда

съехалось много видных политических деятелей и даже – для украшения – несколько членов семьи бывшего австрийского императора. Никольсон утверждает, что на приемах бывало «бесчисленное множество родственников и домочадцев Асторов».

«Все мы испытываем чувство подавленности и покорности и не очень-то представляем, что делать дальше, – пишет Джонс. – Чувствуем тут себя ответственными перед премьером и воображаем, что занимаем его позицию или позицию министра иностранных дел. Никогда не разговариваем о внутренних проблемах, а лишь о внешних вопросах – кроме извечной игры в перетасовку кабинета… Большинство высказывается за продолжение переговоров с Гитлером, и только Солтер (противник «умиротворения». – *Г.Я.*) вспоминает о “переговорах с гангстерами”… Боб Брэнд (шурин Нэнси Астор. – *Г.Я.*) хочет любой ценой договориться с Гитлером, но не порывая с Францией. У миссис Брэнд (сестра леди Астор. – *Г.Я.*) есть немецкий врач д-р Герл, который часто навещает ее. Он друг Рудольфа Гесса и постоянно привозит одно и то же сообщение, что Гитлер не желает войны и жаждет мира».

В другом месте Томас Джонс рассказывает, как привез к Асторам фон Риббентропа, который быстро установил с ними дружеские отношения. Из воспоминаний Джонса явствует, что в дни аншлюса Австрии Риббентроп пригласил на завтрак в германское посольство лорда Астора, Томаса Джонса и Томаса Инскипа – еще одного члена кабинета Чемберлена и тоже соглашателя.

Уже после захвата Австрии, в мае 1938 года, леди Астор пригласила в свой салон премьера Чемберлена и нескольких американских корреспондентов, аккредитованных в Лондоне. Разумеется, содержание этой неофициальной беседы сразу же попало на газетные полосы, вызвав мировую сенсацию и став при этом новым поощрением для выдвижения Гитлером очередных притязаний к Чехословакии. Уильям Л. Ширер в своей книге «Возвышение и падение Третьего рейха» следующим образом излагает выводы Чемберлена:

«Как сообщили журналисты, британский премьер сказал, что… это государство не может существовать в его нынешнем виде и что Великобритания в интересах мира высказывается за передачу Судетской области Германии. Немцы заметили, что, несмотря на гневные запросы в палате общин, Чемберлен не опроверг правдивости американских сообщений».

В своей книге «Джентльмены в Мюнхене» Мартин Гилберт и Ричард Готт также пишут об этой встрече в Кливдене, поскольку в течение всего лета 1938 года она была объектом «расследования»

в палате общин:

«Леди Астор даже удалось на несколько дней создать впечатление, что Чемберлена вообще не было на завтраке в тот критический день. Однако именно увертки премьера и леди Астор, [их] непрестанные возражения позволили вскрыть правду».

О близких отношениях между премьером Чемберленом и леди Астор свидетельствует, в частности, такой факт, отмеченный многими мемуаристами: именно в ее руки премьер отдал свое известное заявление, что он хочет быть своим собственным министром иностранных дел.

Гилберт и Готт отводят много места сообщениям о встречах в Кливдене, особенно подчеркивая дружеские отношения между Асторами и фон Риббентропом. Они не скрывают своего отвращения к политике «умиротворения», но предостерегают от преувеличения роли «кливденской клики». В их книге мы читаем:

«Много говорилось об уикендах в Кливдене, где гости представляли собой определенную группу. Уикенды были для нее удобным предлогом. Майский доказывает, что клика из Кливдена фактически была “сообщником Гитлера”. А другие, кого считали членами этой группы, вообще отрицали ее существование. Но те и другие, на мой взгляд, впадают в крайность.

Несмотря на общественную позицию лиц, которые обедали там, Кливден только в малой степени несет [груз] ответственности. Там много рассуждали, а некоторые из выступавших надеялись на то, что воздействуют на правящие [круги]. Их успех, если он вообще был, являлся скорее результатом общего стремления богачей, чем вина, выпитого в Кливдене.

Тенденция к умиротворению [Гитлера] была широко распространена. Для ее навязывания не нужны были едва законспирированные светские сборища. В Кливдене наверняка много рассуждали об “умиротворении”, но это была только прелюдия к главному представлению. Если архивы Кливдена когда-либо увидят свет, ими скорее воспользуется романист, нежели историк».

В другом месте Гилберт и Готт пишут:

«Суфлерство группы в Кливдене дало свои плоды. Но замыслы и телеграммы из Кливдена не ввели нового курса во внешнюю политику [Англии]. Они только утвердили умиротворителей в их линии поведения, которая уже была определена».

Оба историка все же полемизируют с послом Майским. Однако, по сути дела, они лишь подтверждают его обвинения по адресу британских соглашателей, среди которых Асторы сыграли

такую бесславную роль.

Когда разразилась Вторая мировая война, лорд и леди Астор поспешили отмежеваться от Кливдена и его славы. Дворец и поместье были переданы ими «в дар народу». Но британские законы позволяют владельцам замков и дворцов по-прежнему жить там даже после формального перехода собственности в руки государства. Благодаря этому следующее поколение Асторов смогло вызвать новую сенсацию, связанную с Кливденом.

Как свергнуть правительство?

В субботу 8 июля 1961 года в Кливдене был жаркий, душный день. У супругов Астор, как обычно во время уик-эндов, собралось много гостей. После ужина все в поисках прохлады отправились к плавательному бассейну, находящемуся в глубине дворцового парка. Купаясь, одна из девушек, Кристин Килер, сняла купальник и швырнула его на землю. Ни она сама, ни остальные гости и предположить не могли, что два года спустя эта забава станет косвенной причиной отставки правительства Макмиллана.

И все же причинная связь последующих событий и того июльского дня совершенно очевидна: если бы Кристин Килер не сняла купальник и не предстала перед всеми в нескромном виде, ее, возможно, и не заметил бы один из гостей, а именно английский министр Джон Профьюмо. А если бы не заметил, то и не завязал бы с нею роман. А если бы не этот роман, то дело не дошло бы до лживых объяснений министра в палате общин. Стало быть, если бы Профьюмо не лгал, премьер Макмиллан, видимо, не подал бы в отставку.

В связи с этим нелишне несколько подробнее рассказать о приключениях красотки Кристин Килер и министра обороны Джона Профьюмо, начавшихся в поместье лорда Астора. Задача наша облегчается тем, что еще в 1963 году издательство ее королевского величества выпустило так называемую Голубую книгу – доклад лорда Деннинга, который по поручению правительства расследовал это дело.

Накануне объявленного дня продажи Голубой книги англичане образовали длиннющие очереди возле книжных магазинов, чтобы как можно скорее приобрести сенсационный документ. И они не обманулись в своих ожиданиях: это, пожалуй, единственный случай, когда печатный труд издательства ее королевского величества содержит то, что мы привыкли называть криминалом. Причем на нем лежит печать несомненного литературного таланта, не говоря уже о том, что он содержит множество фактов и подробностей.

Следует, видимо, начать с представления широкому читателю главных персонажей этой истории, то есть Кристин Килер, Джона Профьюмо, Стефена Уорда и лорда Астора.

В 1961 году Кристин Килер было девятнадцать лет. Шестнадцати лет Кристин покинула родительский дом в отдаленной провинции и переселилась в Лондон, где нашла работу в одном из многочисленных кабаре. Там она служила в качестве так называемой шоу-гёрл – девушки для развлечений.

Именно в этом ночном кабаре Килер встретилась с неким Стефеном Уордом, который предложил ей поселиться у него. Кристин согласилась. Впоследствии она не раз уходила от Уорда, но неизменно возвращалась. Уорд познакомил Кристин со своими многочисленными приятелями. Некоторые из них занимали довольно высокое положение. Кристин вступала с ними в связь и затем передавала Уорду часть своих заработков. Именно Уорд в июле 1961 года повез Кристин в Кливден, где она и познакомилась с Профьюмо.

На следующий год Кристин Килер случайно попала в Лондоне в среду «цветных» эмигрантов и вскоре пристрастилась к наркотикам. Сперва она жила с одним эмигрантом, потом с другим. Каждый из них считал ее своей личной собственностью, поэтому нередко дело доходило до скандалов и даже до перестрелок. Когда одного из этих приятелей привлекли к уголовной ответственности, Кристин должна была выступить на суде в качестве главного свидетеля. Но в феврале 1963 года Кристин внезапно исчезла из Лондона и отправилась в Испанию.

Третьего февраля 1963 года воскресная газета «Ньюс оф уорлд», издающаяся шестимиллионным тиражом, поместила огромную фотографию Кристин Килер в бикини. Подпись под фотографией гласила, что эта та самая «очаровательная манекенщица», которая должна выступить на суде в качестве свидетельницы. С того дня Кристин стала известна всей Англии. Лорд Деннинг утверждает, что при взгляде на эту фотографию нетрудно догадаться, какова подлинная профессия этой манекенщицы. Тем большей была сенсация, когда в следующем месяце Джону Профьюмо пришлось давать в палате общин объяснения по поводу своих отношений с Кристин Килер.

Джону Профьюмо (его предки были итальянцами) в момент знакомства с Кристин Килер было сорок шесть лет. В годы Второй мировой войны он служил в армии и дослужился до командира бригады. В это же время началась его политическая карьера – в 1940 году он стал членом палаты общин от Консервативной партии. В 1945 году Профьюмо лишился депутатского мандата, однако через пять лет вновь получил его.

Профьюмо отличался немалыми способностями и интеллигентностью. Несколько раз был заместителем министра, в том числе в министерстве иностранных дел. В 1960 году стал министром обороны в кабинете Макмиллана. В июне 1963 года в связи со скандалом (дело Кристин Килер) подал в отставку, полностью отойдя от политической жизни и лишившись депутатского мандата. Он был женат на миссис Валери Хобсон, известной актрисе.

Стефен Уорд, несомненно, является самой загадочной личностью во всей этой афере. Впрочем, он заплатил за нее жизнью, в связи со скандалом покончив с собой. По профессии Уорд был остеопатом. Эта специальность совершенно неизвестна в польской медицине. Если верить энциклопедии, то остеопатия – это «лечение болезней путем манипулирования костями, якобы зажимающими нервы». В качестве такого рода лекаря Уорд имел большой успех. Среди его пациентов было множество представителей высшего света.

Уорд был также художником. Он весьма охотно рисовал портреты, ему позировали даже некоторые знатные лица. Он был очень обходительным, легко завязывал многочисленные знакомства в разных слоях общества, но больше всего любил бывать среди людей, занимающих видные посты. Интересовался политикой, особенно международными вопросами.

Ко всему прочему Уорд, как пишет лорд Деннинг, был «совершенно аморален. Он принимал активное участие в пирушках, где дело нередко доходило до омерзительных сексуальных оргий».

Одним из приятелей Уорда был лорд Астор, с которым этот лекарь познакомился в 1950 году как с одним из своих пациентов. Астор, в то время еще не лорд, оказался жертвой несчастного случая на охоте, и Уорд вылечил его. В 1956 году Астор арендовал для своего лекаря небольшую виллу на территории Кливдена, расположенную в некотором отдалении от дворца.

Третий лорд Астор унаследовал этот титул в 1952 году после смерти отца. В отчете Деннинга сказано, что вскоре Астор перестал интересоваться политикой и занялся исключительно своими частными делами и филантропической деятельностью. В наследство ему досталась также знаменитая конюшня скаковых лошадей, а это придает богачам определенный шик. Кроме того, он унаследовал и крупные земельные владения.

* * *

Расследование лорда Деннинга, проведенное очень скрупулезно, продолжалось семь недель. Деннинг, выдающийся юрист и всеми уважаемый человек, допросил сто шестьдесят три свидетеля, в том числе премьера Макмиллана, восемь членов кабинета, четырех других министров, пять членов палаты лордов, пятнадцать депутатов палаты общин, многих высокопоставленных чиновников и полицейских чинов, генерального директора службы безопасности, двадцать пять журналистов и т. д.

В течение всего 1962 года Кристин Килер никому ни слова не говорила о своих отношениях с Профьюмо. Однако в самом конце года, когда она попала в переплет со своими «цветными» приятелями и ей грозила необходимость выступить в качестве свидетельницы в неприятном уголовном процессе, она решила продать свои тайны. Под словом «продажа» тут надо понимать откровенную сделку. С помощью знакомых репортеров Килер установила связь с двумя лондонскими журналами, специализирующимися на публикации сенсаций уголовного или эротического характера.

В начале 1963 года, как установил лорд Деннинг, об отношениях Кристин Килер с Джоном Профьюмо уже знали редакторы обоих журналов, с которыми она вела переговоры, представители полиции, службы безопасности и депутат Джордж Уигг, один из лидеров оппозиционной в то время Лейбористской партии. Вскоре Уигг и поднял этот вопрос в палате общин.

В отчете лорда Деннинга подробно изложено, как Джон Профьюмо, лорд Астор и Стефен Уорд пытались в течение всех «десяти критических дней» конца января – начала февраля 1963 года не допустить публикации «воспоминаний» Кристин Килер. Все трое действовали согласованно: они не желали компрометации, которая стала бы неизбежной, если бы сообщения Килер появились в печати. Их адвокаты вели переговоры с представителями Кристин Килер, предлагая ей в пять раз больше, чем давала редакция (один раз сумма была повышена до 5 тысяч фунтов стерлингов), если она обещает молчать. В то же время адвокаты Профьюмо оказывали нажим на редакцию журнала «Санди пикториэл», чтобы та отказалась от публикации «воспоминаний».

В марте 1963 года события достигли кульминации. С одной стороны, Кристин Килер внезапно исчезла из Лондона, причем как раз в то время, когда ей предстояло давать свидетельские показания в суде. С другой стороны, дело министра Профьюмо было поднято в палате общин. Профьюмо сделал заявление, в котором настаивал, что ему не в чем себя упрекнуть.

Кристин Килер выехала из Лондона в Испанию за неделю до начала процесса Джона Эджкомба, которого обвиняли в попытке совершить убийство. Кристин сопровождал очередной любовник. Суд над Еджкомбом состоялся без ее участия. Приговор гласил: семь лет тюрьмы. На следующий день после вынесения приговора на первой полосе газеты «Дейли экспресс» (тираж – 4 миллиона экземпляров) появился огромный заголовок: «Сенсация в связи с министром обороны». Под заголовком слева был помещен снимок Джона Профьюмо с женой и сообщение, что министр подал в

отставку «по личным мотивам» (что отнюдь не было правдой). С правой стороны полосы оказалась фотография Кристин Килер и заметка, что ей предстоит давать показания в уголовном суде, но что она исчезла из Лондона.

Лорд Деннинг утверждает, что тщательно расследовал и этот момент, выясняя, финансировал ли лорд Астор или сам министр поездку Килер. Результат был отрицательным. В связи с этим лорд Деннинг склонен был дать иное объяснение ее таинственному исчезновению. По его мнению, Кристин Килер предвидела, что ее таинственный отъезд в Испанию значительно повысит ценность ее будущих сенсационных «воспоминаний». Так оно и случилось: когда спустя несколько недель пронырливые английские журналисты отыскали ее в Испании, сумма предлагаемого ей гонорара за право опубликовать ее записки выросла вдвое – до 2 тысяч фунтов стерлингов.

А тем временем депутат Джордж Уигг (лейборист) внес в палате общин запрос по поводу слухов о связи министра Профьюмо с Килер.

Днем 22 марта 1963 года, в самом начале заседания палаты общин, Профьюмо попросил слова и в присутствии премьера Макмиллана, лидера оппозиции Гарольда Вильсона, многочисленных депутатов, министров и своей жены дал парламенту разъяснение, в котором признался в мимолетном знакомстве с Кристин Килер. Однако он тут же категорически отверг обвинение, будто в этом знакомстве «было что-либо непозволительное», и будто бы он в какой-то мере причастен к тому, что Килер уклонилась от дачи показаний в уголовном суде.

Однако Профьюмо и его влиятельные друзья (среди них лорд Астор) не смогли замять неприятное для них дело. Полиция и служба безопасности продолжали вести расследование. Кроме того, независимо от них лидеры лейбористов собственными силами и средствами собирали материалы, касавшиеся этой аферы, справедливо полагая, что компрометация одного из виднейших министров может привести к падению всего кабинета. Гарольд Вильсон не раз информировал премьера Макмиллана о собранных им материалах.

В начале июня стало очевидно, что Джон Профьюмо ввел в заблуждение и своих друзей из числа руководителей Консервативной партии, и английское правительство, и всю палату общин, когда заверял их, что не был в близких отношениях с Кристин Килер. Отставка незадачливого министра стала неизбежной. 5 июня Макмиллан сообщил в палате общин, что Джон Профьюмо оставил свой пост.

Дебаты в парламенте были драматическими и бурными. Их

открыл Гарольд Вильсон, заявив от имени оппозиции, что его мало интересует частная жизнь Джона Профьюмо, но он возмущен тем, что министр преднамеренно обманул правительство и парламент. Поскольку Профьюмо, как заявил Вильсон, имел доступ к самым секретным документам, следует тщательно проверить, не подверг ли он благодаря своей связи с «шайкой, состоящей из отбросов общества», реальной угрозе безопасность страны.

Лидеру оппозиции ответил сам Гарольд Макмиллан, признав, что был обманут Джоном Профьюмо и что вся эта афера явилась для него «тяжелейшим ударом». Премьер заверил парламент, что будет проведено тщательное расследование (оно было поручено лорду Деннингу) и что палате общин сообщат о его результатах. В ходе дебатов один из депутатов-консерваторов, Найджел Бирч, потребовал отставки премьера.

Прежде чем перейти к изложению политических последствий аферы Профьюмо, хотелось бы еще напомнить о том, что только после всего изложенного английская бульварная пресса смогла полностью использовать полученные сведения. Газета «Ньюс оф уорлд» немедленно начала публикацию «воспоминаний» Кристин Килер, на сей раз уплатив ей огромную сумму – 23 тысячи фунтов стерлингов (более 100 тысяч долларов). А один журнал поместил фотокопию известной записки министра, адресованной Кристин. Спустя некоторое время перед судом предстал и Стефен Уорд, обвиненный в сутенерстве. Но еще до окончания судебного разбирательства, когда вынесение сурового приговора стало неизбежным, Уорд покончил жизнь самоубийством.

После опубликования в сентябре 1963 года доклада лорда Деннинга лидер лейбористов Гарольд Вильсон выступил по телевидению. Он обвинил премьера Макмиллана в том, что последний в связи с аферой Профьюмо проявил свою некомпетентность, легкомыслие и беспечность. Англичане выказали большое любопытство к сенсационному «делу», а английская пресса не скупилась на публикацию все новых и новых пикантных подробностей.

В октябре в Блекпуле открылся ежегодный съезд Консервативной партии. В день открытия съезда родилась новая сенсация: премьер Макмиллан вообще не явился в Блекпул. Из больницы он известил делегатов съезда, что вынужден был лечь на операцию и поэтому решил подать в отставку. На съезде никто даже не вспоминал о Кристин Килер, но мнение участников съезда было единодушным – это она довела кабинет Макмиллана до отставки. Новым премьером стал Алек Дуглас-Хьюм, из-за этого отказавшийся от титула лорда.

Нечто вроде эпилога разыгралось в палате общин в декабре 1963 года, когда парламент приступил к обсуждению доклада лорда Деннинга. Выступая в качестве бывшего премьера, Макмиллан признал, что допустил непростительную оплошность, поверив лживым разъяснениям Джона Профьюмо. Репортеры подметили, что у оратора от волнения дрожал голос. В публицистических комментариях по поводу съезда консерваторов указывалось, что впервые в длинной истории Великобритании ее правительство пало из-за девицы легкого поведения[28].

* * *

Джон Профьюмо – военный министр Великобритании, ушедший в отставку в 1963 году из-за скандальной связи с Кристин Килер, работавшей на советскую разведку

В 1969 году, когда похоже было, что скандал с Профьюмо уже предан забвению, дело это снова оказалось в центре внимания английского общества. Та же газета «Ньюс оф уорлд» в поисках новых тем, которые помогли бы ей увеличить свой тираж, извлекла из архива «воспоминания» Кристин Килер, дополнила их новыми подробностями и начала публикацию очередного сенсационного цикла «воспоминаний». На страницах других изданий развернулась широкая полемика, следует ли возвращаться к такого рода вопросам, если Джон Профьюмо уже

наказан вполне достаточно. Солидная «Таймс» поместила в связи с этим письмо Кристин Килер, очень ловко написанное и содержавшее требование защитить ее достоинство.

В том же 1969 году в известном английском биографическом справочнике «Кто есть кто» (“Who’s Who”) можно было найти имена восьми представителей рода Асторов. Один из них, полковник Джон Джекоб Астор, который в 1956 году получил титул барона, был назван там в качестве многолетнего владельца газеты «Таймс». Второй, Дэвид Астор, был владельцем газеты «Обсервер». Третий, просто Джон Астор, – член палаты общин от Консервативной партии. Четвертый, Хью Уолдорф Астор, – директор крупного банка «Хэмброз бэнк».

Как видим, Асторам не повредили ни аферы, героем которых был основатель династии, ни политические и бытовые скандалы, связанные с их дворцом в Кливдене.

Глава 7. Круппы – это оружие

В 1961 году в Эссене (ФРГ) состоялись большие торжества по случаю стопятидесятилетия концерна «Фридрих Крупп». Всем приглашенным хозяева вручали только что вышедшую книгу Герта фон Класса «Из руин и пепла. Пять поколений Круппов» (“Aus Schutt und Asche. Krupp Funf Menschenaltern”), в которой автор на фоне истории этого концерна рисует процесс его восстановления после Второй мировой войны. На обложке книги изображены три кольца – фирменный знак Круппа. До этого фон Класс опубликовал еще одну книгу о Круппе – «Три кольца. Жизнеописание промышленника» (“Die drei Ringe. Lebensgeschichte eines Industrienehmens”). Таким образом, фон Класса можно считать как бы официальным летописцем Круппа.

Труды Герта фон Класса, который имел доступ к архивам Круппа, содержат множество сведений – разумеется, соответственно подобранных и препарированных. Их назначение – подкрепить основную мысль автора, которую можно свести к двум тезисам. Первый подводит к выводу, что очередные владельцы предприятий Круппа никогда не стремились производить оружие, а если все же выпускали его, то лишь под нажимом лиц, стоявших тогда у власти в Германии. Второй тезис гласит, что владельцы концерна никогда не жаждали чрезмерных прибылей, что они были добрыми патриотами, всегда заботились о высоком качестве своей продукции и стремились обеспечить работой своих рабочих. Но оба эти тезиса придворного историка Круппов попросту несостоятельны. Так, например, Герт фон Класс пишет:

«Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, он сразу же оказал давление на Густава фон Болена (владельца фирмы. – *Г.Я.*) и потребовал, чтобы тот выпускал оружие в количествах, превышающих установленные [Версалем] нормы. Формально Адольф Гитлер пришел к власти легально в соответствии с положениями Веймарской конституции. Густав фон Болен оказался перед дилеммой: может ли он противостоять правительству Германии, ссылаясь на Версальский договор, или нет. Прошло немного времени, и стало предельно ясно, что такое сопротивление немыслимо. Оно привело бы лишь к тому, что на его, Болена, место пришел бы уполномоченный правительства – комиссар, чтобы таким образом претворить в жизнь планы Адольфа Гитлера о вооружении».

Эта аргументация, получившая широкое распространение в ФРГ после военного поражения Германии, не выдерживает ни

малейшей критики. Во-первых, нам известны многочисленные верноподданические декларации Густава Крупна фон Болена, который буквально лез из кожи вон, чтобы получить как можно больше военных заказов и угодить «фюреру». Во-вторых, не было ничего такого, что препятствовало Круппу пойти по следам своего приятеля Фрица Тиссена, который в начале второй мировой войны порвал с Гитлером, уехал из Германии, опубликовав за рубежом книгу, разоблачающую Третий рейх.

Если же говорить о патриотизме и бескорыстии владельцев концерна «Крупп», то это были довольно своеобразные патриотизм и бескорыстие. По примеру основателей фирмы их наследники не испытывали ни малейших колебаний или угрызений совести, когда подписывали счета на проданное оружие. Все расчеты строились на том, чтобы прибыли фирмы росли год от года, а ведь известно, что ни на чем ином не заработаешь столько, сколько на поставках оружия. Известен и такой факт, что Крупны нередко продавали оружие германскому правительству по более высоким ценам, чем правительствам иностранным.

Усилия Герта фон Класса и других хорошо оплаченных Крупном пропагандистов не дают нужных им результатов. Известно, что более ста лет фирма «Крупп» была символом германского милитаризма. Эту печальную славу она приобрела еще во времена «железного канцлера» Бисмарка, укрепила при кайзере Вильгельме II и еще более приумножила при Адольфе Гитлере. И хотя предприятия Круппа на несколько лет перестали быть частной собственностью крупповского семейства, Круппам трудно смыть с себя позорное пятно и кличку «торговцев смертью».

Бисмарк и Седан

В первой главе этой книги речь шла о 1870 годе, то есть о франко-прусской войне и воссоединении Германии, осуществленном канцлером Бисмарком. В главе о Круппах нам придется вернуться к тем историческим событиям, во время которых фирма «Гусштальфабрик Фрид. Крупп, Эссен» сыграла столь большую роль.

Имя Седана, маленького городка на севере Франции, дважды вписано в военную историю Европы: в первый раз – в 1870 году, вторично – в 1940-м, во время наступления гитлеровского вермахта. С этими военными действиями непосредственно связана и фирма Круппа: в 1870 году она поставляла пушки, в 1940 – танки.

Первого сентября 1870 года под Седаном капитулировала восьмидесятитысячная французская армия под командованием маршала Мак-Магона. Немецкие и французские историки единодушны в том, что результат сражения решили пятьсот пушек Круппа, которыми располагал главнокомандующий германскими войсками генерал Мольтке. Французская армия вместе с императором Наполеоном III попала в плен, что решило исход войны и привело к падению империи.

Бисмарк, лично наблюдавший, как Наполеон III садился в карету, которая должна была отвезти его в лагерь военнопленных, сказал: «Вот династия, сходящая на нет». Приводя эти слова «железного канцлера», Уильям Манчестер, автор известной книги о Круппах[29], пишет:

«Он [Бисмарк] мог бы добавить, что две другие одновременно без зазрения совести рвутся вверх – Гогенцоллерны и Круппы».

После победы под Седаном германские войска быстро приблизились к Парижу. Во время осады города пушки Круппа разрушали столицу Франции. Снаряды падали в самом центре города. Около 20 тысяч парижан остались без крова, не говоря уже об убитых и раненых. Во время обстрела Парижа в великолепном Зеркальном зале Версального дворца состоялось торжество, во время которого Бисмарк провозгласил создание Германской империи. Коронация Вильгельма I проходила под аккомпанемент залпов крупповских пушек.

Год 1871 открыл золотую эру в истории предприятий Круппа в Эссене. Вскоре один из авторитетных германских генералов Фойгтс-Ретц писал Круппу из Берлина, что Бисмарк «теперь впрягся в вашу триумфальную колесницу со всей присущей ему напористостью». Торжествуя, Альфред Крупп начертал поперек

послания: «Теперь великий вершитель судеб Германии действует заодно с нами!» Крупп обещал Берлину поставить тысячу орудий в 1872 году и вторую тысячу – к концу следующего года. Упоминавшийся уже нами официальный летописец Круппов Герт фон Класс, с одной стороны, силится любой ценой преуменьшить значение производившегося в Эссене оружия, а с другой – подчеркивает значение победы по Седаном:

«Альфред Крупп сторонился любой политики и не пытался оказывать даже косвенного влияния на развитие политических событий. И все же такая позиция не могла изменить того факта, что с течением времени производство оружия фирмой «Фрид. Крупп» становилось все более важным фактором в политике Германии, а также того обстоятельства, что продукция фирмы была отличной.

Орудия, с помощью которых была одержана победа под Седаном во франко-прусской войне 1870-1871 годов, были орудиями Круппа, а сама победа под Седаном явилась не только военным событием, но и предпосылкой создания Германской империи».

В этих словах Класса нет преувеличения. Если бы не австро-прусская война 1866 года (во время которой обе воюющие стороны были вооружены пушками Круппа) и франко-прусская война 1870 года, Отто фон Бисмарк не смог бы осуществить своих честолюбивых планов объединения Германии. Следовательно, летописец Круппов имеет все основания с гордостью превозносить заслуги своих хозяев в те бурные, полные событий времена. Во второй половине XIX века владельцем фирмы был Альфред Крупп. Биографы династии Круппов много пишут о мнимом патриотизме и благородстве Альфреда. В связи с этим следует напомнить, что в 1868 году (когда уже не оставалось сомнений, что война с Францией неизбежна) Альфред Крупп дважды обращался к императору Наполеону III с предложением поставить французской армии необходимое количество превосходных пушек. Во втором своем письме, датированном апрелем 1868 года, он писал:

«Одобренный тем интересом, который Ваше Императорское Величество изволили проявить к рядовому промышленнику в связи с успешными результатами его усилий и понесенными им неслыханными жертвами, осмеливаюсь еще раз положить к стопам Вашего Императорского Величества покорнейшую просьбу принять и проспект изделий, выпускаемых моими предприятиями, и ознакомиться с ним. Позволю себе питать надежду, что четыре последних страницы с рисунками стальных пушек, которые я поставляю различным правительствам Европы,

привлекут особое внимание Вашего Императорского Величества, что оправдает вместе с тем и дерзость моей просьбы».

Поражает не раболепный тон этого письма – так уж было принято писать императорам и королям, а готовность Круппа вооружать врагов своей родины. Весьма возможно, что, если бы Наполеон III воспользовался столь выгодным предложением, ход битвы под Седаном был бы иным. Но Наполеон отнесся к письму промышленника из Эссена легкомысленно, и тот в июле 1870 года, уже после начала войны с Францией, написал прусскому министру Роону:

«Позволю себе напомнить Вашему Превосходительству мое прежнее обещание: в случае войны с Францией я предлагаю – в качестве своего бескорыстного участия в военных расходах – стальные пушки стоимостью один миллион талеров. Трудный для отечества час дает мне возможность полностью выполнить данное обязательство. Разумеется, свое предложение я до конца сохраню в тайне. Боже, храни Пруссию!»

Фирма «Фрид Крупп», основанная Фридрихом Круппом, отцом Альфреда, еще в 1811 году, несколько десятков лет выпускала только мирную продукцию. Однако в 1844 году предприимчивый Альфред Крупп заинтересовался возможностью отливки из стали орудийных стволов. Опыты тянулись довольно долго, и лишь в 1851 году на всемирной выставке в Лондоне Крупп смог показать свою первую пушку. Она вызвала большой интерес военных.

Однако выгодных заказов ему пришлось ждать еще несколько лет. Наконец в 1856 году поступил первый заказ – по странному стечению обстоятельств из Египта. Египетский хедив Саид-паша купил несколько десятков пушек Круппа, вполне оценив их высокое качество. Вскоре Альфреду Круппу удается пригласить в Эссен принца-регента Пруссии Вильгельма, которому очень импонировало, что ему демонстрируют безупречную работу тридцатитонного молота. Когда же в 1859 году военные власти Пруссии решились заказать у Круппа 72 полевых орудия, Вильгельм зачеркнул число 72, вписав вместо нее число 300.

Консервативные прусские генералы поначалу относились к Круппу не очень доброжелательно. Они привыкли иметь дело с традиционными бронзовыми пушками и сопротивлялись новшествам эссенского промышленника. Но Вильгельм, впоследствии первый император объединенной Германии, становится приверженцем стальных пушек. По этому поводу Уильям Манчестер пишет:

«Отныне Крупп и Гогенцоллерны были соединены неразрывными узами. Альфред хотел делать пушки, Вильгельм –

их покупать. Это был брак по расчету, вернее, по необходимости, и даже смерть не могла его расторгнуть: каждый из преемников Вильгельма неизбежно становился союзником одного из старших Круппов».

Кроме Германии, наиболее значительным клиентом Круппа становится царская Россия. В 1863 году предприятия в Эссене получают из Петербурга заказ на пушки общей стоимостью на 1 миллион талеров, что в пять раз превышает стоимость заказов Пруссии. Чтобы выполнить русский заказ, Крупп вынужден построить новый завод, а в связи с нехваткой рабочих рук посылает своих агентов… в Польшу, чтобы набрать там рабочих. На следующий год Альфред Крупп пишет царскому генералу Тотлебену, что у него в Эссене работает 7 тысяч человек, «из них большинство – на Россию».

Быстрое расширение орудийных цехов на эссенских предприятиях приходится на начало шестидесятых годов прошлого века. Альфред Крупп стремится получить максимальные прибыли и решает выпускать не только орудийные стволы, но и сами пушки. От полевых орудий он переходит к корабельным, причем все большего и большего калибра. Он успешно начинает конкурировать с прусскими государственными заводами, а вскоре переходит к соперничеству на мировом рынке, противоборствуя английской фирме «Армстронг» и французской «Шнейдер – Крезо». И хотя обе фирмы значительно раньше Круппа начали выпускать оружие, его предприятия в Эссене тянутся за пальмой первенства, а сам Крупп завоевывает сомнительное звание «пушечный король».

О быстром расширении эссенских заводов лучше всего свидетельствует число занятых там рабочих. Так, в пятидесятых годах XIX века у Круппа работало всего несколько сот рабочих. Резкий скачок произошел сразу после того, как Крупп начал выпускать военную продукцию. В 1862 году численность рабочих на его заводах достигает 2500 человек, в 1865 – 9 тысяч, а в 1873 году, то есть после знаменитого успеха крупповских пушек под Седаном, эта цифра увеличивается почти вдвое, и в платежных ведомостях фирмы значится уже более 16 тысяч человек – огромная по тем временам цифра, хотя она не идет ни в какое сравнение с периодом расцвета крупповской фирмы в первую и вторую мировые войны.

В 1873 году Крупп выпустил более 2 тысяч различных пушек, значительная часть которых предназначалась на экспорт. Заводы в Эссене обретают покупателей в таких различных странах, как Австрия и Бразилия, царская Россия и Турция, Египет, Китай и Япония. После 1871 года Крупп пытается захватить и

французский рынок. Его представитель Генрих Хаасс отправляется в Париж, откуда вскоре пишет:

«Ненависть к Германии тут значительно ослабла, поэтому я все больше начинаю верить, что нам удастся возобновить давние торговые отношения, хотя имя Круппа все еще вызывает страх».

Другой показатель успехов Круппа – годовые обороты его фирмы. Если в начале пятидесятых годов они составляли всего несколько сот тысяч марок в год, то в конце шестидесятых – 20 миллионов. Нетрудно догадаться, что соответственно возросли и прибыли Круппа. В объединенной Германии канцлера Бисмарка фирма Круппа становится одним из крупнейших промышленных концернов, а сам Альфред Крупп – богатейшим из предпринимателей. Основой всех его богатств является производство оружия.

* * *

Об истории семейства Круппов написано множество книг – на немецком, английском, русском, польском языках (из польских авторов назовем Альфреда Либфельда с его книгой «Крупны» и Мариана Подковинского, написавшего книгу «Пушки на гербе»). Темой этих книг часто становится широко разветвленное генеалогическое древо династии Круппов, корни которого уходят в конец XVI века, когда в Эссен прибыл Арндт Крупп (вернее, Кроп).

Но нас интересуют только четыре последних владельца фирмы. Это Альфред Крупп, который перевел свои заводы на выпуск вооружений, став одним из столпов германского государства; его сын Фридрих Альфред, установивший тесную связь с Вильгельмом II и сумевший сделать его компаньоном фирмы; зять Фридриха Альфреда Густав фон Болен унд Гальбах, который верно служил Гитлеру, и, наконец, сын этого последнего, Альфрид Крупп фон Болен унд Гальбах[30], который, пользуясь неограниченной поддержкой американцев, восстановил фирмы после Второй мировой войны.

Родоначальник династии Альфред Крупп стал владельцем предприятия в Эссене, когда это был небольшой сталелитейный завод. Произошло это в 1826 году после смерти его отца. Альфреду в то время было всего четырнадцать лет, поэтому его первые шаги в роли промышленника делались с помощью матери Терезы Крупп, происходившей из немецкой аристократической семьи Вильгельми. Вскоре выяснилось, что мальчик развит, энергичен и поэтому он довольно быстро стал полноправным

хозяином завода.

В течение почти шестидесяти лет история предприятий Круппа неразрывно связана с именем Альфреда. После смерти отца он унаследовал завод, находившийся в плачевном финансовом положении и ничем не выделявшийся на фоне других предприятий сталелитейной промышленности. Но после смерти Альфреда в 1887 году, его сыну досталась одна из крупнейших в Германии фирм, считавшаяся главным поставщиком оружия для германской армии и одним из крупнейших на земном шаре экспортеров оружия.

Альфред Крупп умел находить и переманивать к себе высококвалифицированных сотрудников, налаживать отношения со все более увеличивавшимся коллективом завода. Разумеется, отношения эти строились на эксплуатации рабочих, и с этой точки зрения эссенские предприятия ничем не отличались от остальных капиталистических предприятий. Герт фон Класс, повествуя о временах Альфреда фон Круппа, пишет:

«При двенадцатичасовом рабочем дне и при заработках, не превышающих 2,5 марки в день, рабочим оставалось немного радости в жизни, а когда в дом приходила болезнь, это почти всегда было равнозначно нищете».

Поэтому в последние годы жизни Альфреда Круппа его рабочие начали протестовать и все более открыто выступать против него Незадолго до смерти в письме к рабочим и служащим эссенского завода Крупп жаловался: «Коммунистический дух на моих предприятиях обретает все большую силу».

Альфред Крупп всегда интересовался техническим прогрессом, и это дало ему возможность успешно конкурировать с другими предпринимателями как в Германии, так и за границей. Узнав о новом методе производства стали с помощью конверторов Бессемера, он отказывается от тиглей. А впоследствии, когда француз Мартен и немец Сименс изобретают печи с газовым подогревом, Крупп еще раз меняет технологию производства.

Он постоянно экспонирует свои изделия на всемирных выставках в Лондоне или Париже, всем и всюду стараясь доказать, что его сталь лучшая в мире. В предыдущих главах об американских миллиардерах речь шла о быстром развитии железнодорожного строительства в США сто лет назад. В связи с этим нелишне вспомнить, что в семидесятых годах XIX века Альфред Крупп завоевывает и американский рынок, куда экспортирует сталь (прежде всего рельсы) на несколько миллионов долларов в год. Одним из его крупных покупателей был Эдвард Х. Гарриман, позднее «железнодорожный король».

Для методов деятельности Альфреда Круппа характерны также поездки по всему свету. Ему хотелось узнать другие страны, познакомиться с предприятиями иностранных конкурентов. В 1838 году он выезжает в Париж и Лондон, в последующие годы часто бывает в Вене, добирается до царской России, в 1840 году останавливается в Варшаве. Сто лет спустя танки очередного Круппа появятся на польских дорогах и варшавских улицах…

Из каждой поездки Альфред Крупп возвращается в Эссен, преисполненный энергии и бодрости духа. Целью его жизни становится расширение предприятий и увеличение прибылей. По его мнению, нельзя было довольствоваться прибылями только от разливки стали: более выгодно сосредоточить в одних руках все элементы производства. Поэтому Альфред Крупп приобретает железные рудники и угольные шахты, становясь тем самым независимым от поставщиков и максимально увеличивая свои прибыли. Как поясняет Герт фон Класс, «кульминационная точка в таких приобретениях была достигнута в 1872 году».

К тому же году относится строительство дворца Круппов в Эссене. Альфред Крупп сам выбрал подходящий участок земли, сам разработал архитектурный проект, сам наблюдал за ходом строительства. Дворец назвали скромно – «Вилла Хюгель». Можно подумать, судя по названию, будто это просто маленькая вилла на холме. На самом деле резиденцией Круппов почти сто лет был огромный дворец, состоящий из двух зданий, соединенных галереей.

Как пишет Уильям Манчестер, никто никогда не знал, из скольких помещений состоит эта громадина. По официальным данным, в большем здании насчитывалось сто пятьдесят шесть комнат, в меньшем – шестьдесят. Когда же в последние годы начали более детально подсчитывать комнаты, их оказалось около трехсот. В конце XIX века в «Вилле на холме» находились личные апартаменты кайзера Вильгельма II, который был частым гостем семьи Круппов. Там же не раз принимали других коронованных особ, а позже туда приезжал Гитлер…

В год своей смерти Альфред Крупп мог с гордостью заявить, что его предприятия в Эссене выплавили 265 тысяч тонн стали, то есть в двадцать раз больше, чем в 1865 году, когда они только начали давать продукцию. По тем временам это была рекордная цифра. Но в 1914 году выплавка стали достигла 1 миллиона тонн. Новый рекорд поставил Густав фон Болен унд Гальбах.

Альфред Крупп еще при жизни позаботился не только о развитии фирмы и о превращении ее в один из крупнейших на земном шаре центров по производству оружия, но и (уже перед

смертью) о ее дальнейшей судьбе. По его завещанию, предприятия в Эссене после смерти очередного владельца полностью переходили в руки только одного наследника.

Завещание было выполнено. У самого Альфреда был всего один сын, поэтому никаких проблем с передачей наследства не возникало, но когда умер этот наследник, после него остались только две дочери, из них лишь старшая, Берта, получала право наследовать эссенские заводы. У Берты было восемь детей, но после ее смерти предприятия достались только старшему сыну, Альфреду.

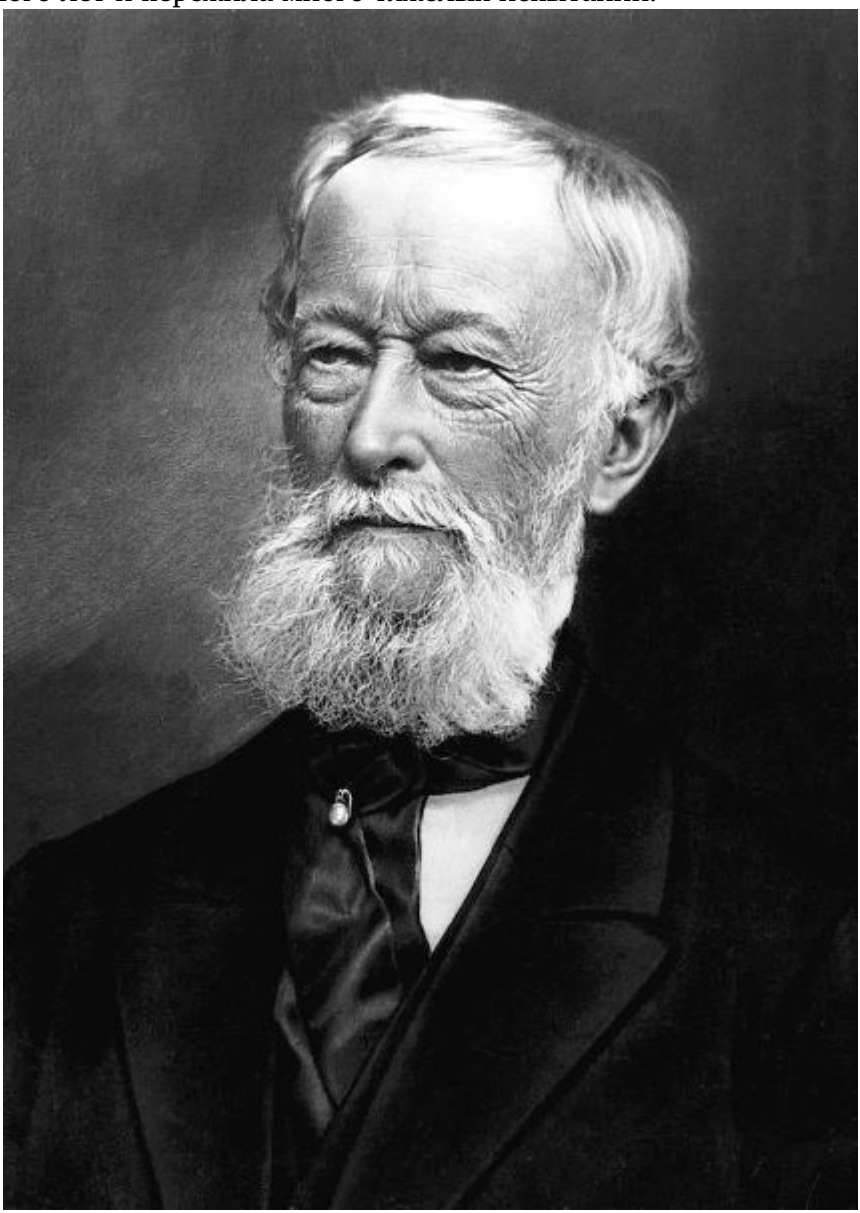
Таким образом, прозорливый Альфред Крупп сумел на протяжении целых восьмидесяти лет избежать раздробления семейного состояния. В отличие от американских миллиардеров (сотен Дюпонов, многочисленных Морганов, пяти Рокфеллеров) в Эссене всегда был только один Крупп. Лишь в 1967 году, учитывая кардинально изменившиеся политические и экономические условия, концерн был преобразован в акционерное общество.

Старый Альфред Крупп умер 14 июля 1887 года в возрасте семидесяти пяти лет. Весть о его смерти достигла Парижа в тот же день. Это был день французского национального праздника. Французы и в частных беседах и в обществе не скрывали своей радости по поводу смерти одного из виновников поражения Франции под Седаном. Столичные газеты поместили ряд недоброжелательных по отношению к Круппу статей. Однако вот что пишет Уильям Манчестер:

«Парижские газеты были исключением. В большинстве других заграничных газет имя Круппа ставилось наравне с именами канцлера Бисмарка и императора Вильгельма. Альфреда Круппа называли одним из главных организаторов победы 1871 года и одним из основателей Германской империи».

Компаньон Вильгельма II

Фридрих Альфред Крупп начал управлять эссенскими заводами в 1887 году. Вильгельм II стал германским императором в 1888 году. Совпадение дат, несомненно, случайное, но неоспорим тот факт, что между молодым Круппом и молодым Вильгельмом II завязалась дружба, которая длилась много лет и пережила много тяжелых испытаний.



Альфред Крупп – «пушечный король» Германии XIX века.

Создал свое гигантское состояние на поставках оружия. Его потомки продолжили и успешно развили оружейную империю

По милости Вильгельма II Крупп получает титул тайного советника, что в Германской империи считалось весьма почетным званием. Затем Крупп попадает в палату господ и в Государственный совет. Почти каждый год Вильгельм II ездит в Эссен погостить у своего компаньона – молодого Круппа. С этими визитами связывают так п не проверенные до конца слухи о финансовых комбинациях императора и фабриканта оружия. Альфред Либфельд пишет:

«После поражения Германии в 1918 году и бегства Вильгельма II в Голландию много говорилось и писалось о финансовых связях Гогенцоллернов с концерном Круппа. По этим слухам и предположениям Вильгельм II финансировал предприятия [Круппа] из собственных средств. Кроме того, он был держателем крупного пакета акций этих предприятий. С несомненностью установлено, что в 1908 году Вильгельм II приобрел значительное количество акций [концерна] Круппа и что в наблюдательном совете [фирмы] заседал Дельбрюк, банкир Гогенцоллернов».

Известный английский историк А. Дж. П. Тейлор, опубликовавший в 1954 году свой труд «Борьба за господство в Европе, 1848-1918» (“The Struggle for Mastery of Europe. 1848-1918”), также утверждает, что император был «важным участником» предприятий Круппа. Что касается Уильяма Манчестера, то он более осторожен и ограничивается замечанием, что в архивах Круппа не обнаружено никаких следов финансовых связей Вильгельма II с Круппом, чему трудно удивляться. Однако американец приводит мнение приближенных кайзера, которые не сомневались в том, что Вильгельм был компаньоном крупповской фирмы.

Но если Фридриху Альфреду Круппу удалось сохранить в тайне свои финансовые связи с Вильгельмом II, то другая его тайна стала достоянием гласности. Речь идет о том, что он был гомосексуалистом, а это в тогдашней Германии (да и не только там) было уголовно наказуемым деянием. В довершение всего Фридрих Альфред систематически развращал юношей, что является еще большим преступлением. Порочность, или, если говорить мягче, «дурные наклонности», Круппа довели его до самоубийства.

Подробную информацию об этой позорной главе в истории династии Круппов мы находим в книге Уильяма Манчестера «Оружие Круппа». Что касается немецких авторов, то они

предпочитают обходить этот факт. Когда в 1969 году труд Манчестера должен был увидеть свет на немецком языке, члены семьи последнего Круппа обратились в западногерманский суд с требованием запретить публикацию этой книги. Не трудно догадаться, что их страшила огласка именно этого раздела книги Манчестера.

В последние годы XIX века Фридрих Альфред, которого повсеместно звали Фрицем, все чаще стал выезжать в Италию. Предлогом было исследование океанской фауны Фриц даже установил деловой контакт с немецкой зоологической станцией в Неаполе. Поселился он на чудесном острове Капри. Но вскоре выяснилось, что Фрица Круппа интересуют не столько рыбы, сколько юноши и мальчики.

Весной 1902 года дело это стало настолько громким, что итальянское правительство запретило Круппу въезд в Италию. Предприниматель из Эссена полагал, что весть об этом скандале до Германии не дойдет. Однако он ошибся: осенью того же года две итальянские газеты, римская и неаполитанская, одновременно опубликовали подробную информацию о похождениях Круппа.

В ноябре того же года католическая газета «Аугсбургер постцайтунг» поместила статью своею корреспондента из Рима, в которой, без упоминания имени Круппа, все это дело было пространно описано. Газета, давно выступавшая против Круппа, напомнила читателям содержание соответствующих пунктов уголовного кодекса и потребовала расследования по данному делу.

Крупп обратился к германским властям с требованием «защитить его честь» и получил согласие на конфискацию указанного номера «Форвертса» и на уголовное преследование ответственного редактора газеты. Однако спустя несколько дней, поняв, что ему не выпутаться из скандала, Фриц покончил жизнь самоубийством. Последний вечер он провел в беседе с двумя своими несовершеннолетними дочерьми Бертой и Барбарой. На следующее утро его нашли мертвым. Манчестер пишет по этому поводу:

«Как именно и в какой момент совершил он самоубийство, никогда не будет известно; несомненно только то, что официальные сообщения о его смерти изобиловали противоречиями… и представляли собой очевидный для всех набор наскоро состряпанной лжи».

Заключение о смерти, подписанное врачами, не соответствовало сообщению, опубликованному правлением фирмы. Вскрытия тела не производилось, а гроб был наглухо

запаян.

Получив известие о смерти мужа, его находившаяся в отсутствии супруга Марга Крупп срочно вернулась в Эссен, чтобы принять участие в похоронах Фрица. Рядом с нею в похоронной процессии вышагивал Вильгельм II в окружении многочисленной свиты генералов и адмиралов, прибывших в Эссен отдать последний долг одному из своих главных единомышленников. На кладбище Вильгельм произнес речь, в которой заявил, что приехал в Рур, чтобы «поднять щит германского императора над домом и памятью Круппа». Далее он обвинил Социал-демократическую партию Германии в том, что она совершила «психологическое» убийство, ибо ее печатный орган, газета «Форвертс», разоблачала похождения Круппа на Капри.

Было бы ошибочным делать вывод, что Фридрих Альфред Крупп прославился только финансовым сотрудничеством с императором и гомосексуальным скандалом. Под властью этого второго «великого Круппа» предприятия в Эссене продолжали расширяться, а их значение как арсенала Германской империи неуклонно возрастало. В течение пятнадцати лет правления Фрица Круппа численность рабочих на его заводах увеличилась втрое, а обороты фирмы превысили 100 миллионов марок в год.

При Фрице Круппе, когда он находился во главе концерна, были заключены две крупнейшие сделки, которые ярко иллюстрировали финансовую мощь фирмы и ее экспансионистские возможности. Сталелитейный завод «Грусонверк» в Магдебурге много лет считался одним из серьезных конкурентов Круппа и не раз доставлял отцу Фридриха Альфреда множество хлопот. Однако Фриц добился покупки «Грусонверк», избавившись таким образом от конкурента, и расширил свою империю.

Еще большее значение, особенно с точки зрения вооружения Германской империи, имела покупка в 1896 году верфи «Германия» в Киле. Крупп немедленно приступил к расширению верфи, приспособив ее к постройке военных кораблей. Именно в то время во главе германского военно-морского флота стоял известный милитарист адмирал Альфред фон Тирпиц, признанный после первой мировой войны военным преступником. Тирпиц вступил с Крупном в тесное сотрудничество. После утверждения двух очередных законов о расширении военно-морского флота (1898 и 1900 годы) верфи Круппа уже не могли пожаловаться на недостаток заказов. Специалисты верфей «Германия» начали подготовку к выпуску первого немецкого подводного корабля, которому было дано прозаическое название «Подводная лодка—1 (V-1)».

Вскоре имущественное положение Фридриха Альфреда Круппа выглядело так: кроме значительно расширенного и реконструированного сталелитейного завода в Эссене, имевшего пять мартеновских печей, он был владельцем еще трех крупных сталелитейных заводов – «Грусонверк», предприятия в Рейнхаузене и вновь построенного завода в Аннене, близ Дортмунда. Кроме того, ему принадлежали три огромные угольные шахты, 547 железорудных участков и шахты в Скандинавии и Испании.

В период правления «второго» Круппа город Эссен становится едва ли не семейной собственностью династии. Преобладающее большинство жителей города работает на его предприятиях и живет в домах, принадлежащих концерну. Крупп владел также бойней и пекарнями, девяносто двумя бакалейными лавками, четырьмя текстильными фабриками, двумя гостиницами, фабриками обуви, часовым заводом, мебельной фабрикой и т. д. Фамилия Круппа встречалась буквально повсюду. Даже на Библии, церковных облачениях и распятиях в городских кирхах можно было обнаружить неброскую надпись: “Bewegliche Habe Fried. Krupp” («Частная собственность Фрид. Круппа»)…

Если Крупны могли считать город Эссен своей собственностью, то его жители имели на сей счет иное мнение и несколько раз продемонстрировали это. Вопреки лживому тезису многих немецких авторов, представлявших очередных Круппов как «благодетелей» рабочих, которые любят своего хозяина, в конце XIX века дело дошло до противоборства. И Круппы проиграли.

Так, в 1878 году в Германии проходили выборы в рейхстаг. Тогда был еще жив старый Альфред Крупп. По наущению своего друга Бисмарка Крупп решил бороться за мандат депутата от Эссена. Он выступил от имени национально-либеральной партии Бисмарка, которая стремилась получить подавляющее большинство мест в рейхстаге. Соперником предпринимателя оказался некий Герхард Штотцель, в прошлом токарь на заводе Круппа, ставший позже редактором местной газеты «Эсснер блеттер». Он выступал от католической партии Центра. К немалому изумлению Круппа, его соперник победил. Существенную роль в этом сыграли голоса довольно многочисленной группы поляков – рабочих крупповских предприятий, коллективно голосовавших за Штотцеля против Круппа.

Вторично Круппы активно участвуют в избирательной кампании в 1887 году незадолго до смерти Альфреда Круппа. На сей раз одним из главных пунктов избирательной кампании стал

вопрос о вооружениях. Бисмарк и его сторонники домогаются усиления милитаризации Германии и увеличения кредитов на вооружения. Католическая партия Центра и уже сильная тогда, несмотря на противодействие бисмарковского «Социалистенгезетц», Социалистическая рабочая партия создают коалицию, противостоявшую программе перевооружения страны.

Теперь за мандат депутата рейхстага борется в Эссене сын Альфреда Круппа – Фридрих Альфред. Его соперником вновь становится Штотцель. Круппы, отец и сын, не жалеют ни сил, ни денег, чтобы выиграть бой, не останавливаются даже перед оказанием давления на своих рабочих. Они почти уверены в победе. Но после подсчета голосов убеждаются, что и на сей раз проиграли.

Старший Крупп был взбешен. Он приказал совету директоров уволить без предупреждения со своих предприятий всех социал-демократов.

«Следующий раз, проходя по заводу, – говорилось в приказе Круппа, – я хочу чувствовать себя там как дома; я предпочту увидеть завод пустым, чем найти там какого-нибудь субъекта со змеиным ядом в душе, каким является каждый социал-демократ».

Но борьба Круппа с ненавистными ему социал-демократами на этом не закончилась. Его наследникам пришлось иметь дело с таким серьезным противником, как Карл Либкнехт, который назвал предприятие Круппов «матадором международной промышленности вооружений», громя с трибуны «кровавый интернационал торговцев смертью».

«Большая Берта»

В день смерти отца в 1902 году Берте Крупп (Берте Антуанетте) было всего шестнадцать лет. Неожиданно для себя она стала наследницей огромного семейного состояния и богатейшей девушкой в Германии, а возможно, и в Европе. Хотя у Берты была сестра Барбара годом моложе ее, но, согласно завещанию отца, Берта одна стала владелицей всего состояния. В соответствии с обязательным юридическим предписанием концерн Круппа был преобразован в акционерное общество, но это была чистая формалистика, ибо Берта Крупп владела 159 996 акциями из общего числа 160 тысяч.

Прозвище Большая Берта пристало к Берте Крупп в 1914 году, когда так назвали самую большую немецкую пушку, использованную в начале Первой мировой войны в Бельгии. Пушка весила девяносто восемь тонн, а каждый ее снаряд – тонну. То был бесспорный успех фирмы Круппа. В конце войны, в 1918 году германская артиллерия в течение ста тридцати девяти дней обстреливала Париж, и каждые двадцать минут тяжелый снаряд падал на самый красивый город мира. Такие пушки выпускали заводы Круппа. Немцы называли их «Париж-каноне» («Парижская пушка»), но повсеместно они были известны под именем «Большая Берта», хотя были значительно меньше «Большой Берты» образца 1914 года (весила 98 тонн. – *Ред.*).

Шестнадцатилетнюю Берту отправили в Баден-Баден в пансион для благородных девиц, где она должна была подготовиться к своей будущей роли владелицы огромного концерна. Но в Германии начала XX века считалось немыслимым, чтобы женщина самостоятельно выступала в такой серьезной роли даже в том случае, если она имела соответствующую подготовку. Выход был только один: найти Берте подходящего мужа. Этим занялся сам Вильгельм II.

А тем временем предприятия Круппа продолжали развиваться, становясь главным поставщиком оружия для германской армии и военно-морского флота, а также одним из крупнейших в мире центров военной промышленности. Отнюдь не случайно, что именно в то время (декабрь 1905 года) в Лондоне состоялась премьера ставшей позднее широко известной пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Майор Барбара» – этой слегка завуалированной сатиры на деятельность Круппов.

В пьесе Шоу владелец оружейных заводов носит имя Эндрю Ундершафт, а Барбара – это Берта Крупп. Единственным фиктивным персонажем был брат Барбары – пацифист,

жаловавшийся друзьям, что он «никогда в жизни не мог раскрыть газету, чтобы не найти там нашей фамилии». Отчаявшийся пацифист перечислял различные виды оружия, выпускаемые Ундершафтами, – пушки, торпеды и т. д. Бернард Шоу оказался прозорливым: через год с верфей Круппа в Киле сошла первая немецкая подводная лодка. (Отметим, что в наши дни семейство Круппов еще раз стало объектом творчества драматурга: известный итальянский кинорежиссер Лукино Висконти назвал героев своего антигитлеровского фильма «Сумерки богов» фон Эссенбеками, прозрачно намекая на Круппов и их город Эссен.)

Весной 1906 года, когда Берте исполнилось двадцать лет, кайзер Вильгельм решил, что пора выдать ее замуж. Сделано это было довольно поспешно. Берту в сопровождении младшей сестры Барбары срочно отправили в путешествие по Италии. Но поездка закончилась в Риме, где Берту познакомили с атташе прусского королевского посольства при Ватикане. Его звали Густав фон Болен унд Гальбах. Он был на шестнадцать лет старше Берты и на целую голову ниже ее ростом.

Густав попросил ее руки. Берта без колебаний выразила согласие. Несколько месяцев спустя в «Вилле на холме» близ Эссена состоялась свадьба. Уильям Манчестер пишет об этом:

«До этой поездки на Юг в жизни Берты не было ни малейшего намека на какой-либо роман. И вдруг Берта приняла предложение этого ничем не выдающегося, невзрачного, чопорного, самодовольного фата! И так как ни Берта, ни Густав не принадлежали к числу людей, способных влюбиться с первого взгляда, то в Эссене не сомневались, что этот союз был задуман и осуществлен имперским купидоном в Берлине».

Вильгельм II приехал на их свадьбу в сопровождении адмирала Тирпица, всего кабинета министров и многочисленных генералов. Свою торжественную речь кайзер закончил таким тостом:

«Да сопутствует вам, дорогая моя дочь, успех в поддержании вашего предприятия на том высоком уровне производства, которого оно уже достигло, а также в снабжении нашего германского фатерланда наступательным и оборонительным оружием такого качества и такого действия, какие недосягаемы для любого другого государства!»

Прежде чем покинуть зал, кайзер заявил, что на сей раз в виде исключения, «чтобы обеспечить эссенской династии… преемственность», не жена примет фамилию мужа, а наоборот. Отныне Густав будет носить фамилию Крупп фон Болен унд Галъбах. Одновременно Вильгельм II даровал молодым и их потомству право передавать фамилию Крупп и все наследство

старшему сыну. В соответствующем документе было сказано об «особом положении дома Круппов», а Густаву кайзер пожелал, чтобы тот доказал, что является «истинным Круппом». Густав оправдал надежду, став третьим «великим Круппом». Берта родила восьмерых детей, из которых самый старший сын, Альфрид, стал четвертым Круппом.

После свадьбы Берта занималась только домашними делами, воспитанием детей и (что широко рекламировалось в Германии) благотворительной деятельностью. Однако юридически она оставалась единоличной владелицей фирмы, приносившей все более высокие доходы. Особенно увеличились они в те годы, когда Геманская империя стала готовиться к Первой мировой войне. Перед самой войной в немецком справочнике «Ежегодник миллионеров» Берта Крупп без какой-либо конкуренции фигурировала на первом месте. Ее капитал оценивался в 283 миллиона марок.

Поначалу захват власти Гитлером не вызвал энтузиазма Берты Крупп. Как иронически пишет Уильям Манчестер, она и ее муж симпатизировали бы Гитлеру значительно больше, если бы тот был офицером, а не ефрейтором, и звался бы не Гитлер, а фон Гитлер. Но, помимо таких снобистских предубеждений, супруги Крупп (об этом речь впереди) все же полностью включились в осуществление гитлеровской программы вооружений. И неплохо на этом заработали: чистая прибыль Берты Крупп составила в 1935 году 57 миллионов марок, в 1938-м – 97 миллионов, а в 1941-м – 111 миллионов.

Несмотря на тесное сотрудничество [крупповского концерна] с Гитлером, в 1950 году Берта Крупп сочла возможным обратиться с ходатайством к американским оккупационным властям о возвращении ей всего семейного состояния, которое адвокаты оценивали более чем в 500 миллионов долларов. В это время умер муж Берты Густав фон Болен, и вдова стала оспаривать правомерность гитлеровского закона, согласно которому состояние Круппов должен был унаследовать сын Гуетава Альфрид (кстати сказать, в это время Альфрид находился в тюрьме как военный преступник). Притязания Берты были оставлены без внимания, однако год спустя Альфрид Крупп вышел из тюрьмы и унаследовал семейное состояние.

Теперь Берта Крупп могла возвратиться в «Виллу на холме», где она снова стала царствовать, как и во времена Вильгельма II, а потом Гитлера. В 1956 году в Эссене торжественно отмечали ее семидесятилетие. Год спустя Большая Берта умерла. Ее похоронили на родовом кладбище и, воспользовавшись случаем, в Эссен перевезли урну с прахом Густава Круппа, которому она

была верной женой.

* * *

Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, повсеместно именуемый просто Крупп, вовсе не был принцем-супругом. Он являлся подлинным хозяином огромного концерна, был трудолюбивым, энергичным и… весьма ограниченным человеком. У него самого не появлялось никаких идей ни в области промышленности, ни в политике. Но они ему и не требовались. К моменту своего приезда в Эссен он застал в правлении фирмы способных и преданных директоров, которые самостоятельно вели дело, повседневно заботясь о прибылях владельцев. Если же говорить о политике, то Густава вполне устраивало беспрекословное подчинение очередным правителям Германии. Оп был слепо предан Вильгельму II, который сделал его миллионером, был лоялен по отношению к Веймарской республике, хотя в душе не мог смириться с падением монархии, и усердно выполнял директивы Гитлера, когда тот захватил власть.

Происходил он из семьи Гальбахов, которая в XVII веке занималась в Рурском бассейне производством снарядов. В начале XIX века семья эмигрировала в Соединенные Штаты, где купила угольную шахту в штате Пенсильвания. После Гражданской войны в США Густав Гальбах, отец нашего героя, женился на дочери полковника Генриха Болена и прибавил к своей фамилии фамилию тестя. В это время (дело происходило уже после битвы под Седаном) произошло объединение Германии, и Густав-отец решил вернуться на родину. Великий герцог Баденский присвоил ему дворянское звание и разрешил именоваться Густав фон Болен унд Гальбах.

Закончив воинскую службу, Густав-сын начал изучать право в Гейдельбергском университете, а позже стал чиновником министерства иностранных дел. Служил в германских посольствах в Вашингтоне и Пекине, а потом оказался в Риме, где и встретился с Бертой Крупп. Женившись и став фактическим хозяином огромных промышленных предприятий, Густав продолжал держаться как прусский чиновник. Его прежде всего интересовали порядок и пунктуальность, вернее, педантизм. Он замучил своих служащих и домочадцев требованиями соблюдать порядок и субординацию. Как явствует из сохранившихся записей п воспоминаний встречавшихся с ним людей, Густав Крупп был скучной и бесцветной личностью.

Рабочих своих заводов он считал частью своего имущества. Правда, он давал им жилье в домах, принадлежавших фирме, но взамен требовал безоговорочного послушания. Рабочих он вынуждал отказываться от права вступать в профсоюз, а тем более в Социал-демократическую партию. Как это было заведено у Форда в Детройте, инспектора Густава Круппа тоже были уполномочены проверять жилища рабочих в любое время дня и ночи. Эти люди следили за тем, чтобы строго выполнялись установленные дирекцией фирмы бытовые предписания. Один американский корреспондент, побывавший в Эссене, писал тогда:

«Те, кто работает у Круппа, вынуждены отказываться от личной свободы… Их тела и души – собственность Круппа».

Вскоре после воцарения в Эссене новый хозяин стал готовиться к торжествам по случаю столетия фирмы. Дата эта приходилась на 1911 год, но Густав Крупп решил перенести ее на 1912 год, получив таким образом больший выигрыш во времени. Кроме того, 1912 год был сотой годовщиной со дня рождения прадеда Берты Крупп Альфреда Круппа, перед которым Густав преклонялся.

В эссенском архиве Круппов сохранилась написанная маслом картина, изображающая кульминационный пункт этих торжеств; Густав Крупп, читающий текст речи, напротив кайзер Вильгельм II рядом с императрицей и Бертой Крупп. На головах обеих дам огромные шляпы с цветами. За спиной кайзера – министры во главе с канцлером фон Бетман-Гольвегом. Справа на картине – высшие чины генерального штаба, все в парадных мундирах. Слева – адмирал Тирпиц со своими сотрудниками.

В ответ на верноподданническую речь Круппа Вильгельм II сказал:

«Пушки Круппа гремели на полях сражений, где ковалось единство немецкой нации, и сегодня орудия Круппа вливают энергию в германскую армию и германский военно-морской флот. Корабли, построенные на верфях Круппа, несут германский флаг по всем морям…»

Не будем удивляться откровенно милитаристскому, шовинистическому тону кайзера: дело происходило всего за два года до начала Первой мировой войны, а он готовился к ней давно.

Предполагалось, что торжества в Эссене продлятся три дня. Третий, заключительный день отводился соревнованию по образцу феодальных турниров. Густав Крупп, пожелавший принять в нем личное участие, готовился к турниру довольно долго. Сам он собирался выступить верхом на коне в тяжелых латах (разумеется, из крупповской стали). Берта сшила себе

платье средневековой дамы, а пятилетний Альфрид должен был изображать ее оруженосца. Патронами турнира были святая Барбара – покровительница артиллерии, и святой Георгий – покровитель рыцарей.

Когда все уже было готово и высокие гости заняли места на трибунах, пришла весть о страшной катастрофе на шахте Круппа под Бохумом, где в результате взрыва рудничного газа погибло сто десять шахтеров. Кайзер и Густав Крупп сочли целесообразным отложить турнир: траур не вязался с веселым праздником.

Вскоре после эссенских торжеств Густава Круппа ждала новая неприятность, по его мнению, даже более значительная, чем гибель ста десяти шахтеров. Вскрылось, что агенты Круппа в Берлине систематически подкупали высокопоставленных государственных чиновников и через них добывали секретные документы, касающиеся вооружения Германии. Эти люди выкрали в общей сложности свыше тысячи документов. Восемь офицеров военно-морского флота получили за это 50 тысяч марок, а один артиллерийский офицер —13 тысяч.

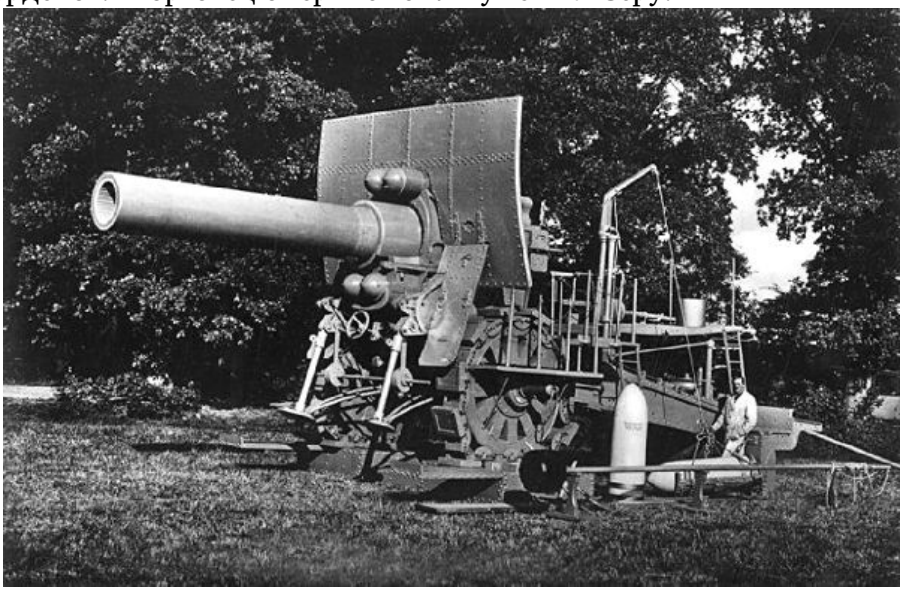
Хотя доказательства преступления были очевидны, однако власти целых семь месяцев пытались замять это скандальное дело, не привлекая виновников к ответу. В апреле 1913 года на заседании рейхстага выступил Карл Либкнехт.

«До самого последнего времени правление фирмы «Крупп» в Эссене держало в Берлине своего агента по фамилии Брандт, бывшего техника по боеприпасам в прусской артиллерии, – сказал он. – В его задачу входило установление контактов с чиновниками государственных учреждений. Путем подкупа им удалось получить доступ к секретным документам, содержание которых могло интересовать фирму Круппа. А ее интересовали прежде всего планы властей в области вооружений, конструкций и правительственных заказов, особенно цены [на вооружение] на других предприятиях или цены, установленные властями. На ведение такой деятельности г-н Брандт получал значительные финансовые средства. Концерн систематически использовал «свои капиталы, чтобы толкать старших и младших прусских чиновников на разглашение военных секретов».

После такого выступления отважного социал-демократического депутата замять скандал уже не удалось. Военный министр вынужден был уйти со своего поста, а на скамье подсудимых оказались несколько офицеров-взяточников и мелких чиновников. Процесс тянулся до октября 1913 года, когда был вынесен приговор. Главный виновник Брандт был осужден на четыре месяца тюремного заключения, а офицеров разжаловали,

уволили из армии и приговорили к шести месяцам тюрьмы каждого.

Что касается Густава Круппа, то у него, как говорится, и волос с головы не упал. Власти сочли, что он «ничего не знал» об этой скандальной афере. Больше того, Вильгельм II пригласил Круппа в Берлин и вручил ему один из наивысших прусских орденов. «Торговец смертью» был нужен кайзеру.



Осадное орудие, изготовленное на заводах Круппа. Модель L/14. Орудие получило прозвище «Большая Берта» – по имени жены руководителя концерна Густава Круппа

* * *

После нескольких лет правления в качестве главы концерна Густав Крупп, проанализировав состояние дел, убедился, как велика и сильна империя его жены. Только в самом Эссене фирма насчитывала восемьдесят различных предприятий, которые имели собственную полицию, пожарную охрану и т. д. Кроме того, в северных и западных районах Германии Круппу принадлежало восемь крупных сталелитейных заводов, верфи в Киле, много рудников и угольных шахт. Некоторые предприятия фирмы находились в Силезии.

Концерн имел три огромных полигона, где проводились испытания орудий. Стрельбища Круппов в Меппене, Дюльмене и Тангерхютте были значительно больше любых государственных полигонов. Только за один год на них было произведено около 50 тысяч орудийных выстрелов.

В 1911 году фирма могла похвастаться выпуском 50-тысячного орудия. 24 тысячи орудий Крупны поставили германской армии, 26 тысяч – клиентам из пятидесяти двух стран Европы, Южной Америки, Азии и Африки.

В это время фирма имела широкие международные связи, причем не только в качестве одного из крупнейших экспортеров оружия: Берта Крупп владела значительным пакетом акций в металлургической промышленности Австралии, шахт в индийском княжестве Траванкур, рудников в Новой Каледонии и т. д. С помощью картельных соглашений концерн «Крупп» инвестировал 1 миллион марок в британскую военную промышленность, вместе с французским концерном «Шнейдер» став совладельцем предприятий Шкода в Чехословакии (последняя входила тогда в состав Австро-Венгрии).

Но и после подведения столь блестящего баланса Густав Крупп отнюдь не почил на лаврах. Он считал своей обязанностью дальнейшее расширение фирмы: надо же было доказать, что он достойный преемник «великих Круппов», что он стал «настоящим Круппом». Впрочем, у Густава были способные, инициативные сотрудники, которые подсказывали ему все новые и новые выгодные проекты. К тому же он пользовался всемерной поддержкой императорского двора, который был готов спасти его в любом случае.

Густав Крупп решил построить новый артиллерийский полигон. Ему стало известно, что в недавней русско-японской войне использовались окопы, защищенные проволочными заграждениями. Так Крупп пришел к выводу, что в следующих войнах непременно возрастет спрос на колючую проволоку, и потому в 1911 году он купил крупнейший в Германии проволочный завод. Кроме того, в связи с увеличившимся выпуском подводных лодок на своих верфях в Киле Крупп заинтересовался двигателями Дизеля и вскоре приобрел патент на них. В 1912 году концерн Круппа купил по его инициативе патент на нержавеющую сталь – ошеломляющую новинку в сталелитейной промышленности.

Но больше всего Густав Крупп интересовался вооружениями – и для германской армии, и на экспорт. Он играл роль немецкого патриота, но не стеснялся заключать сделки, противоречившие германским национальным интересам, – разумеется, если эти сделки были выгодными.

Когда граф Цеппелин построил для германской армии первые дирижабли с мощными двигателями, Крупп приступил к выпуску зенитных орудий против «цеппелинов» и стал охотно продавать их Франции, Англии и России. Перед Первой мировой войной

между Германией и Великобританией началось соперничество на морях. Крупп дал согласие поставлять Англии по восемь военных кораблей в год. Против этой сделки сразу же выступили адмирал Тирпиц и американские конкуренты Круппа Армстронг и Виккерс.

Когда экспорт оружия стал одним из основных источников огромных прибылей концерна Круппа, Густав позаботился о том, чтобы повысить престиж своих агентов в столицах других стран, став называть их уполномоченными. Как правило, это были граждане страны представительства. Так, в Нью-Йорке интересы Круппа представлял родственник Морганов, в Вене – друг семьи Ротшильдов, в Копенгагене – будущий военный министр Дании, в Брюсселе – зять бельгийского военного министра, в Пекине – племянник китайского премьера, в Риме – председатель итальянской Торговой палаты.

Некоторые уполномоченные Круппа попадали в трудное положение, когда в годы, предшествовавшие первой мировой войне, все чаще стали возникать локальные конфликты и когда оказалось, что обе сражающиеся стороны снабжены крупповскими пушками. Так, например, Италия начала захват Триполитании (Северная Африка), вооруженная орудиями из Эссена. Ей противостояли турецкие войска, на вооружении которых было пятьдесят пушек того же Круппа. (Значительно большая неприятность ожидала Фридриха Алфреда Круппа в 1900 году, когда германские войска были посланы в Китай на усмирение «боксерского (Ихэтуаньского. – *Ред*.) восстания». После обстрела повстанцами германской канонерки «Ильтис» выяснилось, что китайцы вооружены пушками, закупленными в Эссене.)

Во время Балканских войн турецкая армия, оснащенная крупповскими орудиями, сначала потерпела поражение, так как болгары и греки, вооруженные пушками Шнейдера, оказались сильнее. Крупп облегченно вздохнул лишь во время Второй Балканской войны, когда на стороне Турции выступила Румыния, тоже клиент Круппа. На сей раз крупповские пушки возвестили победу.

Поставки оружия германской армии и иностранным государствам усилили интерес Круппа и его директоров к международной политике. Многие факты говорят о том, что Крупп действовал за кулисами, когда в 1905 году германские войска неожиданно высадились в порту Танжер (Северная Африка). То же самое произошло и в 1911 году в марокканском порту Агадир, когда там неожиданно появилась германская канонерка «Пантера», прибывшая якобы «для защиты германских интересов».

По мере усиления напряженности в Европе и приближения

войны возрастала и активность Круппа. Особенно он спешил с выпуском «Большой Берты». В начале 1914 года Вильгельм II присутствовал при испытаниях на полигоне и уехал весьма удовлетворенный. Очередное испытание было назначено на 1 октября на полигоне в Меппене. В это время уже шли военные действия, и «Большую Берту» использовали в Бельгии.

Среди множества высказываний по вопросу об участии Круппа в подготовке первой мировой войны и степени его ответственности за усиление германского милитаризма приведем только два. Известный английский писатель Герберт Уэллс писал накануне вступления Великобритании в войну:

«В основе всего этого зла, которое вылилось наконец в мировую катастрофу, лежит круппизм – эта мрачная, гигантская торговля орудиями смерти».

Но более существенным и неприятным, с точки зрения Густава Круппа, было обвинение, сформулированное одним из его ближайших помощников. Молодой способный адвокат-немец Вильгельм Мюлон начинал в качестве личного секретаря Густава Круппа, но уже в 1911 году он стал одним из директоров концерна Круппа. Когда разразилась война, Мюлон исчез из Эссена. Он сумел добраться до нейтральной Швейцарии и там сделал представителям прессы заявление, обвиняющее Круппа. Он сказал:

«Еще за шесть месяцев до августа [1914 года] Крупп получил из Берлина секретную информацию о предстоящей войне и немедленно приступил к соответствующей перестройке своих заводов».

* * *

Первая мировая война началась для Густава Круппа очень хорошо. Его «Большая Берта» способствовала быстрому захвату Бельгии германскими войсками. Благодарный Вильгельм II пригласил Густава Круппа в свой императорский дворец и лично вручил ему «Железный крест» I класса, которым награждаются только военнослужащие за подвиги на поле боя. А Боннский университет счел необходимым присвоить Густаву Круппу звание почетного доктора (хонорис пауза)… философии.

В первые месяцы войны германское командование было уверено в легкой и быстрой победе. Верил в это и Густав Крупп. Поэтому в ноябре 1914 года он составил для министра иностранных дел памятную записку о целях войны. Крупп предлагал создать в Центральной и Северной Европе огромное

государство, включив в состав Германской империи Австро-Венгрию, Голландию, Швейцарию и Скандинавию. Польша должна была возродиться в качестве маленького «буферного государства», причем исключительно на территории, входившей в состав царской России…

Сразу же после начала войны Крупп стал лихорадочно расширять свои предприятия в Эссене. Вскоре численность его рабочих там увеличилась с 82 тысяч до 150 тысяч человек. В первом полугодии 1915 года в Эссене был построен огромный завод, выпускавший артиллерийские снаряды. В 1916 году заводы Круппа побили все прежние рекорды: каждый месяц они отправляли германской армии 3 тысячи орудий и 9 миллионов снарядов.

Верфи в Киле начали ускоренное строительство подводных лодок. Когда адмирал Тирпиц инспектировал в феврале 1915 года верфи «Германия», он сказал Круппу, глядя на строящиеся подводные лодки, что война окончится (разумеется, победой Германии, как он считал) прежде, чем эти лодки вступят в действие. Но адмирал ошибся: 1 мая того же года крупповская подводная лодка «V-20» торпедировала у берегов Ирландии мирный пассажирский пароход «Лузитания». Утонуло свыше 1100 человек, в том числе 138 американцев, и это неспровоцированное нападение вынудило президента США Вильсона направить в Берлин резкий протест.

Много лет спустя Густав Крупп заявил:

«С первых дней войны главным принципом стало то, что владельцы предприятий не хотели зарабатывать никаких денег на войне».

Это была беспардонная ложь: Крупп зарабатывал на каждой пушке, на каждом снаряде, на каждой подводной лодке и даже (что выяснилось позже) на каждом снаряде, выпущенном орудиями англичан. К концу войны в бухгалтерских книгах в Эссене была записана прибыль в 432 миллиона марок.

Невозможно перечислить все большие и малые сражения, где «изделия» концерна Круппа сыграли решающую роль, – в этом случае нам пришлось бы составить новую летопись первой мировой войны. Поэтому ограничимся лишь несколькими примерами.

О «Большой Берте», действовавшей в 1914 году на территории Бельгии, мы уже говорили. В 1916 году произошла историческая битва под Верденом. В первый день битвы германская артиллерия двенадцать с половиной часов беспрерывно обстреливала французские позиции, пустив в ход 1200 орудий Круппа, расставленных на линии фронта

протяженностью в несколько километров. В обстреле участвовало тринадцать усовершенствованных пушек «Большая Берта».

В том же 1916 году на Северном море близ пролива Скагеррак произошла знаменитая Ютландская битва между германским и британским флотами – крупнейшее морское сражение первой мировой войны. После нее Вильгельм II направил в Эссен поздравительную телеграмму, в которой говорилось что «эта битва – день торжества и заводов Круппа». Кайзер деликатно умолчал о том, что английские военные корабли тоже были одеты в крупповскую броню.

В конце 1916 – начале 1917 года германские подводные лодки полностью господствовали в Атлантическом океане. Верфи Круппа сумели построить 148 подводных лодок, которые топили корабли Антанты. Не будет преувеличением сказать, что именно немецкие подлодки серии «V» вынудили Америку объявить войну Германии.

В 1918 году «Парижские пушки» Круппа начали обстрел Парижа, нанося городу огромный ущерб. В Страстную пятницу один из снарядов угодил в собор Сеи-Жерве, когда там служили мессу. Погибло девяносто человек, было ранено свыше ста. Даже Герт фон Класс, столь снисходительный к Круппам, вынужден был признаться, что единственным результатом этого была «нарастающая ненависть к Германии».

Теперь вернемся к вопросу, каким образом Крупп мог зарабатывать на английских снарядах. Еще в начале войны французы заметили, что на неразорвавшихся английских снарядах стоит крохотное клеймо «КР 94/04». Позже выяснилось, что буквы «КР» означают «Крупп», а цифры «96/04» – это 1896 и 1904 годы, когда британская фирма «Виккерс» купила в Эссене лицензию на эти снаряды.

В 1915 году лорд Бересфорд внес запрос в британский парламент, пытаясь выяснить, правда ли, что Крупп зарабатывает один шиллинг три пенса на каждом снаряде, выпущенном орудиями английской армии. Ответ был отрицательным, но не однозначным. Уильям Манчестер исследовал всю эту аферу, компрометирующую обе стороны. Вот его вывод:

«Утверждение, что договор (между Виккерсом и Круппом. – *Ред.*) утратил силу, было заведомой ложью. Юридически он по-прежнему оставался действительным, и обе фирмы учитывали его в своих бухгалтерских книгах: Виккерс – в счетах, помеченных буквой «К», а Густав – под простой формулой, согласно которой Виккерс должен был выплачивать Круппу по 60 марок за каждого убитого немецкого солдата».

Американский автор воздерживается от комментария по

поводу столь циничного соглашения.

Летом 1918 года стало ясно, что Германия проиграет войну. Однако Густав Крупп не верил в это. Вот что пишет Герт фон Класс:

«Он был не в состоянии признать, что война проиграна. В связи с этим он опустил шоры на свой разум и, ослепленный, не видел, что происходит в действительности».

Густав фон Болен всегда хотел подражать Альфреду Круппу. Теперь он мог, как Альфред Крупп, посылать пушки на Париж.

В конце августа 1918 года генерал Людендорф пригласил к себе Круппа и других промышленных магнатов из Рура, чтобы разъяснить им тяжелое положение Германии. Он предложил промышленникам тут же отправиться к кайзеру и «открыть ему глаза» на реальную ситуацию. От имени промышленников Крупп ответил, что пессимизм Людендорфа неоправдан и что война в любой день может принять выгодный для Германии оборот.

В начале сентября 1918 года Крупп получил сообщение, что кайзер желает прибыть в Эссен, переночевать в своих апартаментах в «Вилле на холме» и лично ознакомиться с положением дел на крупповских заводах, чтобы выяснить, какие усилия предпринимаются для ускорения и увеличения выпуска оружия. Густав Крупп тщательно подготовился к визиту высокого гостя и разработал для него особую программу. Одного он не предусмотрел, а именно, что Вильгельм пожелает обратиться к рабочим с патетической речью. А в последнюю минуту, когда это пожелание было высказано, уже трудно было подобрать лояльно настроенных рабочих, и поэтому выступление Вильгельма провалилось.

Кайзер говорил долго и скучно, апеллируя к патриотическим чувствам слушателей и призывая их быть «крепкими, как сталь». Он заверял рабочих, что германская армия «будет сражаться до последнего солдата». Когда он закончил свою речь, в фабричном цехе воцарилась глухая тишина. Потом один из рабочих крикнул: «Когда же, наконец, будет мир?», второй простонал: «Голод!»…

В ноябре 1918 года империя Гогенцоллернов пала. Вильгельм II бежал в Голландию. Германская армия капитулировала. А вскоре в Версале собралась Мирная конференция. В самой Германии поднималась широкая волна революционных настроений. В Эссене, к немалому страху Густава Круппа, возникли Советы рабочих и солдат. Когда же дело дошло до подписания Версальского договора, Густав Крупп узнал, что он значится в этом документе в качестве военного преступника. Статья 231 Версальского договора назвала ответственными за войну прежде всего кайзера Вильгельма II, затем наследника

престола, адмиралов Тирпица и Шеера, генералов Гинденбурга и Людендорфа, а также Густава Круппа фон Болена унд Гальбаха.

В те тяжелые для Круппа дни только одна весть принесла ему утешение: в январе 1919 года реакционная банда убила Карла Либкнехта – непримиримого и смелого борца против Круппов. «Ну, еще не все потеряно!» – мог подумать супруг Большой Берты.

Гитлер и Освенцим

Апологеты Круппов (они и до сих пор не перевелись в ФРГ) пытаются уверить всех, что эссенские магнаты дольше других германских промышленников воздерживались от оказания поддержки Гитлеру и будто бы они вынуждены были пойти на это лишь «под сильным нажимом». Действительно, Густав Крупп некоторое время колебался и гадал, стоит ли делать ставку на Гитлера. С этой точки зрения другие промышленные магнаты вроде бы опередили его. Тем не менее, когда оба Круппа (Густав и его сын Альфрид) перешли на сторону Гитлера, они очень скоро стали его ближайшими сотрудниками и с большим усердием приступили к вооружению Третьего рейха. Сам Густав Крупп охарактеризовал этот шаг как «наивысшее достижение» в своей карьере:

«После того как Адольф Гитлер был облечен властью, я имел честь доложить фюреру, что фирма «Крупп» готова почти безотлагательно начать перевооружение немецкого народа, ничего не утратив из своего ценного опыта».

Известный английский историк профессор Ален Буллок в своем солидном труде «Гитлер. Этапы тирании» описывает совещание ведущих германских промышленников, которое происходило в резиденции Геринга 20 февраля 1933 года, то есть почти сразу после захвата Гитлером власти. После речи «фюрера» слово взял Крупп и от имени приглашенных выразил ему благодарность. За что? Ход совещания настолько характерен, что здесь нелишне привести точное описание, приводимое Уильямом Манчестером:

«Крупп, естественно, не пренебрег этим приглашением. Он воспринял его не как темный маневр честолюбивого политикана, а как приказ, отданный от имени главы государства. Назначив Гитлера рейхсканцлером, Гинденбург сообщил ему святость занимаемого им поста, которому была отдана верность главы крупнейшей немецкой фирмы.

Гости расселись в тщательно расставленных креслах. Крупп из уважения к его богатству и как председатель Имперского союза германской промышленности был посажен прямо перед невысокой трибуной; позади него сидели четыре директора «ИГ Фарбениндустри» и Альберт Фёглер, глава влиятельной фирмы «Ферейнигте штальверке».

Первым выступил Геринг, представивший фюрера тем, кто, подобно Круппу, видел его во плоти первый раз.

Затем встал канцлер. «В ближайшее время мы проводим

последние выборы», – сказал он… Разумеется, переход к национал-социализму пройдет более гладко, если его партия твердо возьмет власть в свои руки. Поэтому он просит их [магнатов] о поддержке: помогая установить диктатуру, они помогут сами себе. «Частное предпринимательство несовместимо с демократией». Чтобы сделать свою мысль предельно ясной, канцлер добавил, что к зловещим формам, которые способна принять демократия, относятся и профсоюзы; Германия же, если оставить ее на милость подобных институтов, «неминуемо падет»… Канцлер заверил их в том, что он не только уничтожит коммунистическую угрозу, но и восстановит вооруженные силы в их прежнем блеске.

Гитлер сел, и поднялся Крупп. В краткой записи, датированной двумя днями позже и подшитой в папке его «Личной переписки за 1933-1934 годы», Густав просто отмечает: «20-го этого месяца я выразил рейхсканцлеру Гитлеру благодарность примерно двадцати пяти присутствовавших промышленников за то, что он с такой ясностью изложил нам сущность своих идей».

В действительности Крупп включился в это дело значительно глубже.

В Нюрнберге Яльмар Шахт показал, что, «после того как Гитлер закончил свою речь, старый Крупп встал и выразил Гитлеру единодушную поддержку всех промышленников».

Затем Геринг напомнил им, зачем их, собственно, собрали. Повторяя Гитлера, он сказал: «Просимую жертву будет принести намного легче, если промышленники поймут, что выборы 5 марта наверняка будут последними на ближайшие десять лет, если не на все сто лет».

Шахт выразился более прямолинейно: «А теперь, господа, раскошеливайтесь!» Сидящие в креслах начали перешептываться. Снова как старший поднялся Крупп. Он подал пример своим собратьям, обещав миллион марок, а с остальных Шахт собрал еще два миллиона.

Густав Крупп был последователен: на следующий день после капитуляции Германии в 1918 году он вступил на путь, который и привел его в 1933 году в резиденцию Геринга. Представим в нескольких абзацах основные этапы этого пути.

Год 1920 был в известной мере решающим для дальнейшей судьбы Круппа. Германская армия при молчаливом согласии союзников с кровавой жестокостью ликвидировала Советы рабочих и солдат, которые временно овладели заводами в Эссене. А вскоре Союзная контрольная комиссия приступила к демонтажу крупповских предприятий. Однако демонтаж (как и после Второй

мировой войны) был осуществлен непоследовательно, и в дальнейшем Крупп извлек только пользу из того, что было уничтожено устаревшее оборудование. В том же 1920 году, как явствует из опубликованного много позже письма тогдашнего канцлера Вирта, в Эссене «удалось заложить фундамент для технического развития немецкого оружия…».

Год 1923 стал для Густава Круппа критическим, но удача вновь ему сопутствовала: он вышел из кризиса с помощью военных. Мы имеем в виду оккупацию Рурского бассейна французскими войсками и возникшую в связи с этим перестрелку в Эссене, во время которой тринадцать рабочих крупповских заводов погибло и несколько десятков было ранено. Крупп принял участие в торжественном погребении убитых. Вскоре он предстал перед французским военно-полевым судом, который приговорил его к пятнадцати годам тюремного заключения и к штрафу в 100 миллионов марок. Но через семь месяцев он вышел из тюрьмы в ореоле национального героя. В этом французы оказали Круппу непредвиденную большую услугу.

Послевоенное восстановление предприятий Круппа осуществлялось с помощью иностранных капиталов, в частности благодаря американскому займу в 10 миллионов долларов. У Великобритании Густав Крупп высудил возмещение за свои лицензии, которыми пользовалась фирма «Виккерс». Мирная продукция его заводов, в частности локомотивы, шла на экспорт. В 1926 году на Лейпцигской ярмарке Крупп уже мог похвастаться новым сортом стали, названном «видиа» (от “wie Diamant” – «как алмаз»).

Но эта мирная продукция была лишь ширмой, за которой Крупп готовился к новому тайному вооружению Германии. Сохранился документ, датированный началом 1922 года, который свидетельствует о встрече Густава Круппа с военным министром генералом фон Сектом и командующим военно-морским флотом адмиралом Венке. Указанный документ напоминает о том, что «…это важнейшее соглашение представляет собой первый шаг, предпринятый совместно военным министерством и Круппом для того, чтобы обойти, а потом и аннулировать условия Версальского договора, которые душат военную свободу Германии».

Под вывеской фирмы «Кох унд Кинцле» Крупп основал в Берлине тайное бюро, которое готовило проекты различных видов оружия. Так, например, танки именовались там «тягачами для сельского хозяйства». Под ширмой другой фирмы, на сей раз в Голландии, крупповские инженеры с верфей в Киле работали над планами строительства подводных лодок. Кроме того, Крупп

купил в Скандинавии оружейный завод. В 1926 году уже были готовы чертежи танков, которые использовались во время второй мировой войны, а в 1928 году «Грусонверк» начала выпускать их серийно. В одном из документов, найденных в Эссене после второй мировой войны, говорится:

«Наиболее ходкие орудия, использованные в 1939-1941 годах, были подготовлены еще до 1933 года».

Если мы напомним также, что сын Густава, Альфрид Крупп, в 1931 году вступил в одну из организаций СС – по-видимому, с согласия отца, – а сам Густав долгое время активно поддерживал Альфреда Гугенберга и его консервативно-националистическую партию (до 1918 года Гугенберг был одним из директоров в Эссене), тогда путь Круппа, приведший его в лагерь Гитлера, станет для нас совершенно ясен.

* * *

Спустя немного времени Густав Крупп убедился в том, что, делая ставку на Гитлера, он не просчитался: он получил не только высокий государственный пост, но и выгодные заказы на оружие. Скоро Крупп забыл Вильгельма II, своего давнего благодетеля и покровителя, и счел лишь короткой интермедией в истории германского империализма весь период Веймарской республики, решив отдать все свои силы и возможности в распоряжение Гитлера. Он и впрямь поверил утверждению «фюрера», что Третий рейх просуществует, по меньшей мере тысячу лет. Ему и в голову не приходило, что гитлеровская Германия может снова оказаться побежденной, а он сам будет вторично объявлен военным преступником. Впрочем, Густав Крупп никогда не отличался большим кругозором и интеллектом. Немцы и поумнее его поверили в Гитлера…

Первого апреля 1933 года Гитлер принял Густава Круппа как председателя Имперского союза германской промышленности. Прием состоялся в рейхсканцелярии в Берлине. В конце месяца между ними было заключено соглашение и в прессе появилось коммюнике, в котором сообщалось о назначении Круппа на пост «фюрера немецкой промышленности»[31]. Вскоре Союз германской промышленности был преобразован в полуофициальное учреждение под названием «Имперская группа “Промышленность”». Первым шагом Круппа в новой должности было изгнание из Группы всех промышленников-евреев.

Ответного визита Гитлера в Эссен Крупп дождался лишь в 1940 году. Предлогом для его приезда было семидесятилетие

Круппа, а настоящим поводом – выражение благодарности «фюрера» своему главному поставщику вооружений. Густав Крупп почтительно встретил Гитлера в сопровождении жены Берты, сына Альфрида и двух дочерей. После первых приветствий Гитлер заявил:

«От имени немецкого народа я вручаю Его Превосходительству доктору Густаву Круппу фон Болену унд Гальбаху «Орлиный щит» Германской империи с надписью «Фюрер германской экономики».

Адольф Гитлер и Густав Крупп фон Болен унд Гальбах

Кроме того, Крупп получил звание «Пионер труда» и крест «За военные заслуги».

По окончании торжества Густав Крупп скромно сказал своему личному секретарю, что он не может понять, чем заслужил такую честь, – ведь он только выполнял свой долг…

На основе подлинных документов фирмы Уильям Манчестер показывает, как Густав Крупп понимал этот свой «долг». За несколько лет до начала Второй мировой войны «…верфи «Германия» и «Грусонверк» выпускали броню и морские орудия для линкоров «Дойчланд», «Тирпиц», «Адмирал граф Шпее», «Адмирал Шеер» и «Бисмарк». Кроме того, в Киле строился авианосец и еще эскадры крейсеров, эсминцев, минных тральщиков, а из Эссена, Борбека и Рейнхаузена нескончаемым

потоком поступали танки, танковые башни, лафеты, гаубицы, мортиры, осадные и полевые орудия».

В 1936 году подводные лодки производства Круппа появились у берегов Франции, поддержав германскую армию, которая заняла демилитаризованную Рейнскую область. В мае 1939 года у Круппа уже не было никаких сомнений, каковы подлинные замыслы Гитлера. Один из его главных помощников Эрих Мюллер, известный больше под кличкой Канонен-Мюллер (Мюллер Пушка), передал Круппу рекомендацию «фюрера» немедленно прекратить поставку оружия Польше. Уже после войны в эссенском архиве фирмы была найдена запись следующего телефонного разговора Альфрида Круппа, состоявшегося в мае 1939 года:

«Тема – экспорт в Польшу. Инструкция на ближайшее время: немедленно приостановить всякий экспорт в Польшу, однако договора не разрывать. Польским клиентам, требующим выполнения поставок, можно давать уклончивые ответы (например: “Еще не скомплектован транспорт”; “Нехватка товарных вагонов” и т. д.)».

Первого сентября 1939 года танки Круппа пересекли границу Польши. Как иронически писал Гюнтер Грассв своем романе «Жестяной барабан», в направлении Варшавы «мчались немецкие танки – не имеющие себе равных жеребцы из табуна Круппа фон Болена унд Гальбаха». В одном из германских правительственных отчетов того времени можно прочесть:

«С конвейеров Круппа на ста его заводах сходили орудия всех калибров – зенитные, противотанковые, тяжелые пушки для военно-морского флота, а также танки, подводные лодки и прочие военные корабли, запасные части для самолетов и, наконец, сталь, используемая другими военными заводами».

На всех фронтах второй мировой войны – на суше, на море и в воздухе – германские войска были вооружены изделиями концерна Круппа. Сам Густав, а по мере того как он старел, и Альфрид все более заботились о росте объема производства и увеличении снабжения вермахта.

Оба они все еще продолжали верить в «тысячелетний рейх». Только летом 1943 года они пережили минуту сомнения. Речь идет о знаменитой Курской битве, которая считается величайшим в истории человечества моторизованном сражением. С обеих сторон в битве участвовало почти 3 тысячи танков, которые шли в любовую атаку друг на друга под аккомпанемент невообразимой артиллерийской канонады. Вечером 5 июля, в первый день сражения, Совинформбюро сообщило, что уничтожено и подбито 586 немецких танков. Подвели даже колоссальные самоходные

противотанковые орудия Круппа «ягдпанцер» (Jagdpanzer), которые солдаты на фронте окрестили «слонами».

К 22 июля, когда эта историческая битва закончилась, Гитлер и Крупп могли подсчитать, что потеряно 2900 танков и 70 тысяч немецких солдат.

В том же 1943 году английские бомбардировщики все чаще стали появляться над Рурским бассейном, а их смертоносный груз нередко падал и на Эссен. Во время одного из таких налетов английские летчики сумели разрушить здание, где помещалось правление концерна Круппа.

Однако производство оружия на заводах все еще продолжалось, а Круппы, несмотря на Сталинград, Курски налеты английской авиации, беспрекословно выполняли приказы Гитлера. Принимая во внимание тяжелое состояние здоровья Густава Круппа и его возраст (ему было тогда семьдесят три года), родственники приложили максимум стараний, чтобы в порядке исключения получить согласие фюрера на передачу всего состояния семейства Круппов Альфриду. Дело в том, что по существовавшим тогда законам имущество Круппов подлежало разделу между всеми наследниками. Кроме того, налог на наследство поглотил бы значительную часть их капитала. Таким образом, речь шла главным образом о том, чтобы обойти закон, на что требовалось согласие самого Гитлера.

В конце 1943 года Гитлер, находившийся в то время в своей ставке в «Волчьем логове» – подземном бункере возле города Растенбург в Восточной Пруссии[32], подписал так называемый «Закон о Круппе» (“Lex Krupp”) – исключительный декрет, в силу которого «владелец семейного состояния Круппов получает право использовать это состояние в семейном предприятии, для наследования которого устанавливается особый порядок». Таким образом, Круппам удалось вернуться к предписаниям, содержащимся в завещании «великого Альфреда Круппа».

Вскоре в Эссене состоялись торжества, во время которых Берта Крупп, номинальная владелица всего состояния, передала свои права старшему сыну Альфриду. В соответствии с «Законом о Круппе» Альфрид получил право «ставить фамилию Крупп перед собственной фамилией»[33]. По сему поводу Густав направил Гитлеру благодарственное письмо. Уильям Манчестер пишет об этом:

«Эта исключительная привилегия была предоставлена в знак благодарности за постоянную лояльность династии Круппов по отношению к планам германского милитаризма и в особенности к национал-социалистской партии. Старший и молодой Круппы хранили верность своему фюреру. И были вознаграждены за это».

* * *

Самым большим преступлением Круппов во время второй мировой войны, бесспорно, следует признать использование принудительного труда военнопленных и заключенных из концлагерей, в частности Освенцима. В качестве рабов XX века на Круппа работали прежде всего поляки, русские и евреи. Найденные после войны документы показывают, что только на эссенских заводах концерна работало около 75 тысяч рабов. В ходе суда в Нюрнберге Альфриду Круппу было предъявлено обвинение в том, что он эксплуатировал как рабов «примерно 100 тысяч человек в Германии, в оккупированных странах и в концлагерях».

Пленных и заключенных Круппы считали «рабочим скотом». Набиравшиеся в лагерях с помощью отрядов СС, они не получали никакого вознаграждения и, умножая богатства Круппов, гибли сотнями и тысячами от истощения. Уильям Манчестер в своей книге «Оружие Круппа» отводит много места вопросу эксплуатации «рабов XX века». В одной из предыдущих глав мы критиковали его за не слишком удачную книгу о Рокфеллерах. Тем больше оснований отметить его заслуги в сборе материалов, обвиняющих Круппа в использовании рабского труда. На основании собранных материалов Манчестер пишет:

«Роль Круппов в этом лагере [Освенцим] невозможно оправдать, исходя из критериев цивилизации. Кроме того, Крупп беззастенчиво нарушал даже германские законы о труде. Позже Альфрид уже не мог объяснить это, как делали облаченные в форму надзиратели лагерей, тем, что он стоял перед дилеммой – либо выполнить приказ, либо погибнуть. Фюрер не приказывал ему извлекать прибыли из жертв Освенцима. Крупп эксплуатировал их добровольно, по собственному желанию…

На Нюрнбергском процессе адвокаты Круппа продолжали утверждать, что он не имел никакого отношения к насильственной вербовке гражданских лиц. Все значительные облавы, утверждали они, являлись офици-г альным актом правительства. Теоретически это было так. В действительности же инициатива обычно принадлежала рурским баронам, и, когда вермахт пригонял женщин и детей, промышленников приглашали получить причитающуюся им партию рабов. Многие отказывались. Но нет никаких свидетельств хотя бы об одном отказе Круппа, а вот наборы рабов, отрывавшие бесчисленные тысячи людей от их родины и швырявшие их в работающий на войну Рур, как правило, разрабатывались директорами Круппа».

Название лагеря смерти в Освенциме не случайно вынесено в

заголовок этого раздела, и оно дано автором отнюдь не символически. Имеются многочисленные доказательства тесной связи Круппов с концлагерем Освенцим. Сохранился, например, текст соглашения Круппа с начальником Освенцимского лагеря. В параграфе 14 бесстрастно указано, что СС обязуется «поставлять необходимую рабочую силу из числа узников концентрационного лагеря».

Имеется также протокол заседания дирекции заводов в Эссене, датированный 31 октября 1942 года. В повестке дня совещания стоял только один вопрос – «Строительство завода по производству деталей автоматического оружия в Аушвице» [Освенциме]. Получив заверение СС, что концлагерь в Освенциме будет поставлять необходимую рабочую силу, совет директоров выделил на постройку завода 2 миллиона марок.

Комендант лагеря смерти в Освенциме Рудольф Гесс показал в Нюрнберге, что все узники, не погибшие в газовых камерах, «были использованы для рабского труда па промышленных предприятиях самого лагеря». Уильям Манчестер пишет:

«Отбор начался 22 апреля 1943 года. Поразмыслив над картой своего лагеря, Гесс отвел Круппу сектор № 6. Там немедленно водворились крупповцы [представители фирмы]. Работая круглые сутки, они к 28 мая построили железнодорожную ветку и огромный двойной цех с примыкающей умывальней. Рядом вырастал второй цех, а бараки были арендованы у эсэсовцев. И эти, и последующие постройки были после войны обнаружены на подробной карте коменданта. С июня, когда первых еврейских заключенных загнали в законченный цех, в книгах Круппа появляются записи, касающиеся его финансовых отношений с СС».

Кроме того, Крупны построили во время войны новый оружейный завод в Маркштедте (ныне Лясковицы-Олавские близ Вроцлава, Польша). В ходе строительства этого завода, названного в честь Большой Берты «Берта-верке», также использовался принудительный труд узников Освенцима. Высокопоставленный чиновник Третьего рейха Карл Отто Заур признал после войны, что Гитлер по личной просьбе Круппа дал согласие и на строительство «Берта-верке», и на использование труда заключенных.

«Гитлер, – добавил Заур, – питал большое восхищение и слабость к имени Круппа и к семейству Круппов, поскольку, если цитировать его собственные слова, это была «кузница оружия для всей Германии»…

«До самой капитуляции в 1945 году, – продолжает Манчестер, – Крупп использовал принудительный труд узников

почти на сотне предприятий в Германии, Польше, Австрии, Франции и Чехословакии. Точная цифра неизвестна, поскольку все документы концерна, касавшиеся иностранных рабочих., военнопленных и узников концлагерей, по распоряжению Альфрида Круппа имели гриф «совершенно секретно» и целые тюки их были сожжены».

Как Круппы расценивали своих невольников? На этот вопрос наилучший ответ дают два лозунга, один из которых был помещен над воротами крупповского предприятия в Эссене, а второй содержался в меморандуме концерна Круппа, направленном Гитлеру. Первый текст гласил: “Slawen sind Sklaven” («Славяне – рабы»). Второй, не менее выразительный, означал «истребление работой».

Во время войны жители Эссена не раз наблюдали, как охранники в черных эсэсовских мундирах или в синей форме частной полиции Круппа, в нарукавных повязках со свастикой и надписью «Крупп» на фуражках, гнали на заводы иностранных рабочих, принимая их у ворот лагерей, огороженных колючей проволокой. Видный американский юрист Дрексел А. Шпрехер, который следил за всеми Нюрнбергскими процессами, заявил позже об Альфриде Круппе, что «в использовании рабского труда Крупп превзошел всех других промышленников, включая «ИГ Фарбен». Нигде садизм, бессмысленное зверство, обращение с людьми, как с неодушевленным сырьем, не достигало такой возмутительной степени».

В упомянутом выше меморандуме Круппа, направленном Гитлеру, он ссылается на необходимость ликвидации «евреев, иностранных саботажников, немцев – противников нацизма, цыган, преступников и прочих антиобщественных элементов». После чего выступает с предложением, чтобы каждый из этих «элементов» перед уничтожением потрудился на благо фатерланда. Поначалу Гиммлер и СС колебались, ибо сами начали использовать даровой труд узников, но потом отступились, поскольку Крупп обязался платить СС по четыре марки в день за каждого использованного узника.

Во время процесса по делу Альфрида Круппа многочисленные свидетели, не исключая и его служащих-немцев, дали подробные показания, как концерн Круппа эксплуатировал иностранных рабочих – невольников, не останавливаясь перед издевательствами над ними, держал их на голодном пайке и совершенно пренебрегал санитарными условиями. Не было ни малейшего сомнения в том, что оба Круппа, отец и сын, вполне заслужили имя военных преступников.

* * *

Вторым военным преступлением Густава и Альфрида Круппов был грабеж промышленных предприятий в оккупированных вермахтом странах. Правда, если исходить из критериев морали, то это было иное преступление, чем беспощадная эксплуатация и истребление десятков тысяч голодных, умиравших от истощения иностранных рабочих и узников концлагерей. Но с точки зрения международного права это, бесспорно, было военным преступлением.

Густав и Альфрид Круппы, несомненно, считали себя честными людьми. Но, видимо, миллионеры по-своему толкуют слово «честность», в чем читатели могли убедиться на многочисленных примерах из биографии американских богачей. Крупны грабили заводы, фабрики и шахты не только в Советском Союзе (там они считали их «бесхозными»), но и в Западной Европе, где они являлись частной собственностью других миллионеров, нередко бывших коллег Круппа. Но жажда обогащения лишала Круппов элементарной щепетильности.

«Когда этот грабеж достиг предела, – пишет Манчестер, – Альфрид Крупп путешествовал по Европе на истребителе люфтваффе (военно-воздушные силы гитлеровской Германии. – *Ред.*) со специальным знаком и мощным мотором… По мере увеличения награбленных ресурсов его директора на Альтендорферштрассе [в Эссене] вписывали новую добычу в картотеку материнской фирмы, определяя ее стоимость чисто символически – в размере одной марки.

Теперь невозможно определить их подлинную стоимость, но захваты Гитлера, несомненно, превратили Круппа в крупнейшего в истории магната. До того как волна гитлеровских захватов начала спадать, Альфрид Крупп правил экономическим гигантом, находившимся на территории двенадцати стран – от Украины до Атлантики, от Северного моря до Средиземного. Промышленные предприятия были у Круппа повсюду: в Голландии он владел верфями, а в Греции, Польше, России, Франции, Судетах, Норвегии и Югославии – рудными месторождениями».

На оккупированных советских территориях гитлеровцы создали организацию под названием «Берг-унд хюттенверкгезелыпафт Ост ГмбХ», которая более известна под сокращенным наименованием БХО. Она управляла шахтами, рудниками и металлургическими заводами. Альфрид Крупп занял ведущее место в административном совете этой организации. И он уж позаботился о том, чтобы наиболее крупные советские заводы стали собственностью Круппов. По мнению Манчестера,

Крупп, «несомненно, был единственным человеком в Европе, который заработал уйму денег на “плане Барбаросса”, то есть на вторжении Германии в Советский Союз».

После захвата вермахтом Днепропетровска Крупп стал владельцем огромных советских заводов. Когда же гитлеровцы захватили Краматорск, встал вопрос, должен ли Крупп взять в свои руки находившиеся там два гигантских машиностроительных завода. Оккупационные власти выразили сомнение. Альфрид Крупп вылетел в Берлин и там немедленно получил согласие на передачу ему этих предприятий.

Иной была ситуация в Западной Европе. Круппы никогда не подвергали сомнению священное для них право частной собственности. Однако они без колебаний захватывали заводы и шахты в оккупированной Франции, Бельгии и Голландии. Еще до начала войны Гитлер предложил немецким промышленникам составить списки их собственности, утраченной в 1918 году и отошедшей к Франции. Густав Крупп попросил вернуть ему его предприятия в Лотарингии, хотя он получил за них компенсацию Веймарской республики. После оккупации Франции агенты Круппа хозяйничали в Эльзасе и Лотарингии, как у себя дома.

В Бельгии после ее оккупации возникло акционерное общество «Крупп – Брюссель СА», которое занялось демонтажем бельгийских заводов и отправкой его в Рурский бассейн. В Голландии Густав Крупп – еще в двадцатые годы – основал фирму, которая нелегально занималась разработкой проектов строительства подводных лодок. Когда началась война, оставшиеся в Голландии немецкие сотрудники этой фирмы указывали оккупационным властям – и Круппу, – где и что можно прибрать к рукам.

Во Франции была зарегистрирована крупповская фирма «Сосьете аноним франсез», которая без труда заняла под свою резиденцию роскошный особняк на бульваре Осман в центре Парижа. Нет надобности говорить, что прилагательное «французская» в названии фирмы никого не обмануло: под этой вывеской Круппы незаконно захватывали различные французские предприятия на оккупированной территории Франции.

Осложнения возникли только тогда, когда Круппы заинтересовались тракторным заводом в Лианкуре-на-Уазе, который принадлежал «Сосьете аноним остин». Эта компания была собственностью Робера Ротшильда из знаменитого семейства Ротшильдов. Робер Ротшильд был упрямым человеком: ему казалось, что судьба защитит его от расистских преследований в оккупированной Франции. Поэтому он отказался передать свой завод Круппу, переписав его на имя брата своей

жены югослава Милоша Челапа.

Но Ротшильд недооценил жадности и упорства своего «коллеги» Круппа. Сперва агенты из Эссена стали фактически управлять заводом в Лианкуре, а затем по команде Круппа предъявили Ротшильду ультиматум: либо тот передаст им завод, либо «мсье может себе представить, что с ним произойдет»… У Ротшильда было слабое воображение, так как он продолжал сопротивляться Круппу. В феврале 1943 года его схватили и бросили в концлагерь в Дранси, под Парижем, а затем отправили в Освенцим, откуда он уже не вернулся. И лишь тогда Круппы решили, что достигли своей цели.

Афера с Ротшильдом закончилась в начале 1944 года. Но уже в следующем году Круппам пришлось расстаться со всеми захваченными в Европе предприятиями.

Последний Крупп

В дни захвата Гитлером власти в Германии Густаву Круппу было шестьдесят три года, и он единолично правил в Эссене. Его сыну Альфриду (названному так в честь прадеда и деда со стороны матери) было всего двадцать лет, и он делал только первые шаги в семейной фирме. К моменту самоубийства Гитлера Густав был уже больным и не способным к работе стариком, жившим в своем поместье в Австрийских Альпах. В то же время Альфрид уже несколько лет осуществлял власть в Эссене, став не только формальным владельцем концерна, но и его подлинным главой.

Оба они, Густав и Альфрид, бесспорно, являлись военными преступниками, и оба должны были занять место на скамье подсудимых. Однако Густав нес большую ответственность за преступления, совершенные в первые годы владычества Гитлера, а сын – за преступления последних, самых кровавых лет нацизма.

В послевоенном хаосе разделенной на четыре оккупационные зоны страны, в небывалой сумятице тех лет было не очень ясно, кто именно из двоих Круппов должен предстать перед судом. После некоторых колебаний союзники решили, что Густав Крупп фон Болен унд Гальбах будет одним из обвиняемых на главном процессе гитлеровских преступников наряду с Герингом, Риббентропом, Розенбергом, Франком и другими вожаками Третьего рейха. Но когда в октябре 1945 года начались заседания Международного военного трибунала в Нюрнберге, вдруг выяснилось: состояние здоровья магната таково, что исключает его присутствие на суде. Дело на Густава Круппа было выделено из общего списка, а в январе 1950 года он умер. Дважды – после Первой и Второй мировых войн – он был признан военным преступником и дважды избежал наказания!

Альфрид Крупп сел на скамью подсудимых лишь спустя два года, но предстал он перед Американским трибуналом, а не перед международным судом. Нет и тени сомнения в том, что, если бы дело Альфрида рассматривал Международный военный трибунал, он был бы приговорен к смертной казни или к многолетнему заключению без права на амнистию. Американский суд приговорил Альфрида Круппа всего к двенадцати годам тюремного заключения, а в 1951 году он был амнистирован и возвратился в Эссен. Альфриду вернули все его состояние.

Но не будем опережать события. Когда в апреле 1945 года, после вступления американских войск в Эссен, Альфрида Круппа арестовали в его «Вилле на холме», между ним и офицером

разведки США произошел такой диалог:

– Вы нацист?

– Я немец.

– Вы член нацистской партии?

– Да, так же как большинство немцев[34].

– Вы все еще полагаете, что Германия выиграет войну?

– Не знаю. Политика не мое дело. Мое дело – производить сталь.

– Что вы намерены делать после войны?

– Я собираюсь восстановить свои заводы и заново начать производство.

Во время этого короткого диалога и наметилась будущая линия защиты Альфрида Круппа. Еще в момент ареста он надел на себя шкуру невинного агнца, который будто бы не интересуется политикой, а занят исключительно выплавкой стали. И в эту позу становился человек, который еще в 1931 году вступил в эсэсовскую организацию «Содружество действия», человек, в кармане которого лежал билет члена нацистской партии номер 6989627 (если только он не уничтожил его), человек, который активно поддерживал все военные приготовления фюрера, а в годы Второй мировой войны был его главным магистром вооружения, наконец, человек, который обогатился на производстве оружия, на эксплуатации рабов, на ограблении оккупированных стран.

Альфрида Круппа перевели в крепость Ландсберг. Но и тут Альфриду Круппу было совсем неплохо. Он должен был работать слесарем, но это была простая формальность: он лишь числился таковым. Вскоре американские оккупационные власти разрешили ему принимать в камере посетителей. С нескрываемой гордостью Герт фон Класс рассказывает, как члены совета директоров из Эссена под видом адвокатов являлись к Альфриду Круппу и проводили с ним долгие совещания.

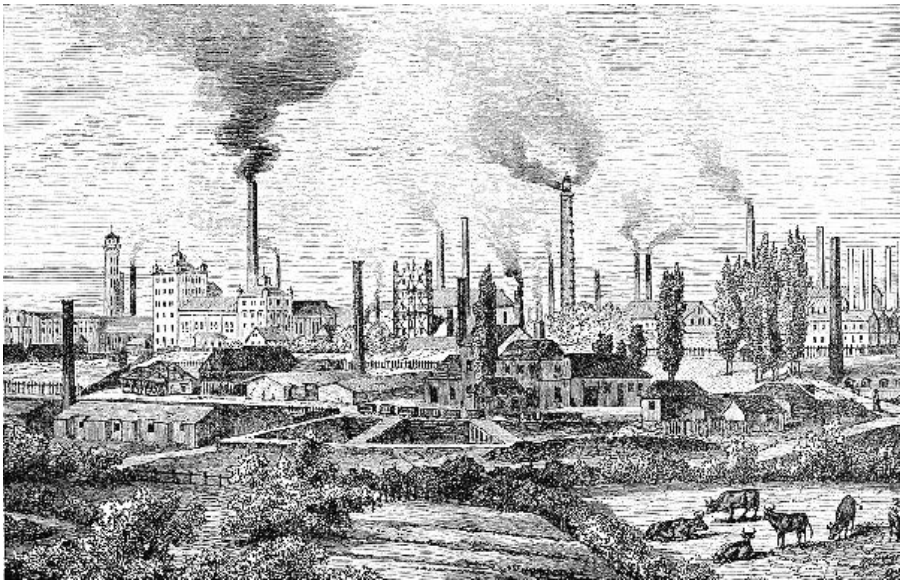
Довольно мягкий приговор Круппу и его досрочное освобождение из тюрьмы находились в вопиющем противоречии с Потсдамским соглашением, которое требовало сурового наказания для всех без исключения военных преступников. Противоречило этому соглашению и поведение западных держав с их более чем странным демонтажем эссенских заводов и других, предприятий Круппа.

В соответствии с решениями Потсдамской конференции все германские предприятия, пригодные для использования их в военных целях, подлежали демонтажу. Причем исправное оборудование должно было использоваться в качестве военного возмещения, а все остальное подлежало уничтожению на месте.

Предприятия Круппа также подпадали под постановления о демонтаже. Но выполнены они были лишь частично. Старые директора Круппа хорошо помнили период после первой мировой войны и накопили немалый опыт в обходе и невыполнении приказов оккупационных властей. Поэтому и по окончании Второй мировой войны им удалось спасти для Круппа значительную часть имущества.

Герт фон Класс до сих пор не может скрыть боли по поводу утраты Круппом некоторых его предприятий, демонтированных после войны. Класс даже составил баланс миллионных потерь концерна, едва ли не обвиняя в этом союзников и возлагая на них всю ответственность за нанесенный Круппу ущерб. Действительно, часть крупповских заводов все же была либо демонтирована, либо уничтожена. Так, например, огромная верфь «Грусонверк» в Магдебурге оказалась в советской зоне оккупации, и тут уж ни Крупп, ни его американские и британские друзья никак не могли повлиять на судьбу этого предприятия. Кроме того, англичане не забыли своих огромных потерь в морских судах, вызванных пиратством гитлеровских подводных лодок, и поэтому для них было нетерпимо дальнейшее существование верфей в Киле. Прибывшая из Англии группа инженеров вначале контролировала лишь ход уничтожения доков для подводных лодок, а затем и ликвидировала всю верфь «Германия».

В качестве военных репараций Советский Союз получил только оборудование сталелитейного и листопрокатного заводов в Борбеке, считавшихся наиболее современными в Рурском бассейне. Предписание о демонтаже заводов в Борбеке выполнили англичане. Но уже в мае 1946 года американский верховный комиссар в Германии Люшьес Клей отдал приказ о приостановлении репарационных поставок Советскому Союзу.



Завод Круппа в Эссене

Соединенные Штаты начали «холодную войну», начало которой положила фултонская речь Уинстона Черчилля. Черчилль в присутствии президента Трумэна провозгласил «крестовый поход» против Советского Союза. Вскоре в Штутгарт прибыл государственный секретарь США Джеймс Ф. Бирнс, чтобы предложить германским националистам и шовинистам тесное сотрудничество с Соединенными Штатами.

Демонтаж предприятий Круппа был фактически прекращен. Совершенно нетронутыми остались гигантские сталелитейные заводы в Рейнхаузене, на западном берегу Рейна. Концерн по-прежнему владел богатыми угольными шахтами (Круппу принадлежало более половины угольных месторождений в Рурском бассейне). Директора крупповских заводов, даже те, что временно находились в тюрьме, стремились возродить производство. А высококвалифицированные рабочие концерна (их было около 100 тысяч) искали работу. Поэтому можно ли было удивляться, что спустя всего несколько лет предприятия Круппа вновь обрели свою былую мощь. Им не хватало только хозяина. И в феврале 1951 года Альфрид Крупп вернулся в Эссен.

* * *

Процесс над главными военными преступниками в Нюрнберге был задуман как первый, но отнюдь не последний суд. Впоследствии на скамью подсудимых должны были сесть другие

преступники, в особенности германские промышленники, которые вооружали Гитлера, например Крупп, Флик, директора «ИГ Фарбен» и другие.

Но когда осенью 1946 года закончилось первое судебное разбирательство, американцы попытались не допустить дальнейшего функционирования Международного трибунала. Холодная война против Советского Союза уже находилась в такой стадии, что Вашингтон не желал больше подобной судебной деятельности, когда рядом с американскими судьями и прокурорами заседали бы советские юристы. Кроме того, Соединенные Штаты всячески старались не допустить, чтобы Советский Союз участвовал в суде над германскими капиталистами.

В своей книге «Неизвестный Нюрнберг» польские профессоры Тадеуш Циприан и Ежи Савицкий приводят содержание секретной докладной записки члена Верховного суда США Роберта Х. Джексона, американского обвинителя на процессе главных военных преступников, которую он направил в мае 1946 года президенту Трумэну.

«Сейчас нам предлагают, – писал Джексон, – новый международный процесс, в котором на скамье подсудимых сидели бы преимущественно, если не исключительно, немецкие промышленники и финансисты. Однако процесс, который привлек бы только промышленников, мог бы ведь создать впечатление, что мы привлекаем этих людей только потому, что они являются промышленниками. Такой исход тем более возможен, если принять во внимание, что в своей обвинительской деятельности мы будем связаны с советскими коммунистами и французскими левыми…

Я опасаюсь, не приведет ли длительная публичная атака, которой подвергается частное предпринимательство во время такого процесса, к тому, что промышленные картели не захотят сотрудничать с нашим правительством в деле вооружения, связанного с нашей будущей обороной».

В октябре 1946 года Джексон вторично пишет Трумэну, подчеркивая, что не может согласиться на новый международный процесс, к которому были бы привлечены германские промышленники, и предлагает «организовать отдельными оккупирующими государствами – под их собственную ответственность – локальные процессы против тех [нацистских] преступников, которые находятся в их руках».

Трумэн согласился с этим предложением.

Поэтому, когда в декабре 1947 года в Нюрнберге начался процесс по делу Альфрида Круппа и одиннадцати его

сотрудников, они предстали перед Американским трибуналом, где в качестве обвинителей выступали только прокуроры из Соединенных Штатов. Рядом с Альфридом Крупном места на скамье подсудимых заняли Эрих Мюллер, по прозвищу Канонен-Мюллер, Фридрих фон Бюлов, представитель Круппа в Берлине и главный вербовщик иностранных невольников, а также Фридрих Янсен, эсэсовец и член нацистской партии.

Обвинительный акт состоял из четырех разделов. Основываясь на труде Циприана и Савицкого, передаем их краткое содержание.

«1. Обвинение в преступлении против мира путем развязывания агрессивной войны, в чем предприятие Круппа, руководимые обвиняемыми, играли значительную роль, поставляя [государству] большую часть военного снаряжения, с полным сознанием того, что оно служит целям ведения такой войны.

Обвинение в ограблении оккупированных стран Европы путем эксплуатации экономического потенциала этих стран и подчинения тяжелой промышленности этих стран интересам Третьего рейха.

Обвинение в использовании предприятиями Круппа принудительного труда рабочих из оккупированных стран Европы, угонявшихся в Германию, а также принудительного труда узников концентрационных лагерей и военнопленных.

Обвинение в принадлежности к заговору, имеющему целью подготовку, осуществление и ведение агрессивной войны.

В данном случае понятие «заговор», характерное для англосаксонского судопроизводства, касается, в частности, роли предприятий Круппа в период захвата власти Гитлером».

Процесс по делу Альфрида Круппа и других обвиняемых длился около шести месяцев – до июля 1948 года. Обвиняемые не признали себя виновными и в ходе судебного разбирательства держались все более нагло. В свою очередь их западногерманские адвокаты заняли открыто агрессивную позицию, и на суде не раз происходили резкие стычки между ними и американскими судьями.

Когда процесс уже подходил к концу, между союзниками возник конфликт из-за Западного Берлина в связи с валютной реформой, в одностороннем порядке проведенной западными державами. Соединенные Штаты организовали тогда так называемый воздушный мост из западных зон Германии в Берлин. Словом, дело оборачивалось серьезным усилением международной напряженности. И обстановка на процессе отнюдь не благоприятствовала обвинителям Круппа. К тому же

Вашингтон явно искал путей к соглашению с западногерманскими капиталистами.

В ходе процесса Американский трибунал все более склонялся к выводам защиты, отвергая то, что было сформулировано в обвинительном акте, особенно в пунктах 1 и 4. Вопреки широко известным фактам суд принял точку зрения, что Альфрид Крупп и другие обвиняемые не были официально информированы об агрессивных планах Гитлера и что их принадлежность к нацистской партии была скорее номинальной.

Однако суд признал доказанными пункты 2 и 3 обвинительного акта (грабеж иностранного имущества и использование рабского труда). Таким образом, в решении суда, оглашенном 31 июля 1948 года, Альфрид Крупп, Эрих Мюллер и Фридрих фон Бюлов были приговорены к двенадцати годам тюремного заключения каждый, а остальные обвиняемые – к меньшим срокам. Одновременно суд вынес решение конфисковать все имущество Альфрида Круппа».

В связи с обвинением Круппа в грабеже и в обоснование приговора по этому пункту была принята такая формулировка:

«После каждой новой агрессии вермахта этот гигантский спрут, фирма Круппа, быстро протягивал одно из своих щупальцев из Эссена и стягивал в Германию все, что могло иметь ценность для военных усилий немцев, в особенности для самой фирмы Круппа».

Поскольку обвиняемые ссылались на то, что они пользовались рабским трудом «по принуждению», трибунал установил:

«Обвиняемые действовали не по принуждению или под нажимом, оказываемым на них властями рейха в рамках юридических предписаний. Их воля не подвергалась насилию, но находилась в согласии с волей тех, кто оказывал мнимый нажим… Страх потерять имущество, страх, которому виновные не в состоянии были противостоять, не может служить оправданием».

Немедленно после вынесения приговора возникла контрверсия относительно того, как следует понимать решение трибунала о конфискации имущества Круппа. Дело в том, что трибунал не установил, что именно он считает его собственностью. Кроме того, адвокаты фирмы высказали сомнение, можно ли признать действительным гитлеровский «Закон о Круппе», передавший все состояние династии в руки одного Альфрида Круппа.

И конечно же, Альфрид Крупп вскоре после приговора обратился к американскому верховному комиссару генералу

Клею с ходатайством отменить решение трибунала. Американский военный губернатор на письмо Круппа не ответил, но приговор подтвердил, за исключением одного пункта. Кстати сказать, об этом не без удовлетворения пишет Герт фон Класс. По букве приговора имущество Круппа должно перейти в ведение Союзного контрольного совета, в состав которого входил и Советский Союз.

«Утвердить этот пункт, – пишет Класс, – значило привести в Рурский бассейн русских, причем на основании американского приговора. Это было слишком даже для американцев».

Генерал Клей установил, что верховный комиссар каждой оккупированной зоны имеет право конфисковать имущество фирмы Круппа, которое находится в его зоне. Спустя несколько лет преемник Клея перечеркнул и остальные пункты приговора Американского трибунала.

* * *

В середине 1950 года началась война в Корее. К концу его американские войска приблизились к реке Ялу, на границе с Китаем. Генерал Макартур требовал от Вашингтона разрешения сбросить на Китай атомную бомбу. Тогда против американских войск выступили дивизии китайских добровольцев. Напряженность международной обстановки, как казалось тогда, достигла кульминации.

И еще раз международные события повлияли на судьбы фирмы Круппа. 31 января 1951 года американский верховный комиссар в Западной Германии Джон Дж. Макклой, нью-йоркский банкир, подписал документ о досрочном освобождении Альфрида Круппа. Четвертый и последний «великий Крупп» вернулся в Эссен через неполных шесть лет заключения. Правда, Макклой заверял всех, что его решение не имеет ничего общего с войной в Корее, однако у Уильяма Манчестера нет ни малейших сомнений в том, что именно война на Дальнем Востоке привела к освобождению Круппа.

Макклой обладал многими правами как военный губернатор американской зоны, однако дело Круппа превышало его полномочия. По сути дела, решение о Круппе было принято в Вашингтоне. Американские политики, напуганные неожиданным развитием событий на Дальнем Востоке, готовы были пойти на любые уступки, чтобы добиться сотрудничества с Западной Германией и задобрить рурских промышленников. Одной из таких уступок и было освобождение Альфрида Круппа.

Одновременно Макклой подписал документ о возвращении Круппу всей собственности, заявив, что ее конфискация «несовместима с американской концепцией правосудия». Однако банкир с Уолл-стрита не объяснил, почему всего несколько лет назад эта конфискация была признана в самой Америке обоснованной и справедливой. Добавим, что общая стоимость имущества Круппа оценивалась в то время в 500 миллионов долларов. И еще одно замечание. Фашиствующий сенатор Джозеф Маккарти, который свирепствовал тогда в Вашингтоне, получив весть об освобождении Круппа, заявил: «Чрезвычайно мудрый шаг».

Вернувшись в Эссен в свою «Виллу на холме» и отдохнув, Альфрид Крупп срочно приступил к восстановлению своей империи. Еще до его возвращения из виллы «Хюгель» исчезли все портреты Гитлера, а теперь Крупп решил избавиться и от нее самой, поскольку вилла была символом тесной связи концерна с Третьим рейхом. Вначале Крупп предложил виллу в дар правительству земли Северный Рейн – Вестфалия, а затем Бонну. К его изумлению, оба правительства отказались от его щедрого дара. Зато федеральный канцлер Конрад Аденауэр не отверг приглашения посетить владения Круппов. В «Вилле на холме» его встречали Альфрид Крупп и его мать Большая Берта.

При восстановлении и даже при расширении своей империи Крупп пользовался полной поддержкой, как правительства ФРГ, так и правительства Соединенных Штатов. Вместе с ним из тюрьмы были выпущены его директора, которые тут же развили бурную деятельность. Пользуясь наступившим тогда в Федеративной республике «экономическим чудом», они успели в короткое время добиться больших результатов.

Приведем несколько цифр, опубликованных в 1961 году по случаю стопятидесятилетия существования концерна. Численность рабочих, занятых на предприятиях Круппа, снова почти удвоилась, достигнув 110 тысяч человек. За десять лет обороты концерна возросли почти в четыре раза, составив 5 миллиардов марок в год. Ежегодное производство стали, почти полностью прекращенное после войны, приблизилось к 4 миллионам тонн.

Одна из глав книги Уильяма Манчестера называется «Самая могущественная фигура в Общем рынке». Так американский публицист называет Альфрида Круппа. По подсчетам Манчестера, личный капитал Круппа в начале шестидесятых годов превысил 4 миллиарда марок. Всего четыре человека на земном шаре обладали таким огромным богатством: Ибн-Сауд, король Саудовской Аравии; шейх княжества Катар Абдулла ас-Салим;

американец Поль Гетти (все трое обогатились на нефти) и легендарный низам Хайдерабада уль-Мульк. Манчестер, ссылаясь на одного финансового эксперта, утверждает, что состояние Альфрида Круппа «затмевало богатство Фордов, Меллонов, Морганов и Дюпонов». В этом утверждении немало преувеличения, но факт остается фактом, что в последние годы своей жизни Альфрид Крупп считался одним из богатейших в мире людей.

Стремясь полностью отмежеваться от прогитлеровского прошлого своего концерна и, разумеется, своего собственного прошлого, Альфрид Крупп принял два решения. Во-первых, после освобождения из тюрьмы он заявил, что его предприятия никогда больше не будут выпускать военную продукцию. Во-вторых, он начал искать пути к заключению соглашений с социалистическими государствами и странами «третьего мира».

Что касается отказа Круппа от производства вооружений, то после его смерти выяснилось, что он своего обещания не сдержал, о чем будет сказано ниже. А в вопросах отношений с социалистическими странами и «третьим миром» Крупп действительно развил большую активность. Представители его концерна выезжали в Москву, Варшаву и другие столицы социалистических стран и подписали там выгодные для обеих сторон контракты. Так, в Индии Крупп взялся за постройку большого сталелитейного завода в Роуркели. Общая сумма этого контракта превысила 150 миллионов долларов. Альфрид сам вел переговоры с премьером Неру и четыре раза ездил в Индию.

В связи с этой новой страницей в истории концерна Круппа следует назвать имя Бертольда Бейтца, который вскоре после выхода Круппа из тюрьмы стал его ближайшим помощником. Бейтц никогда не состоял в нацистской партии, а во время войны был администратором на нефтяных разработках в Бориславе, где отличился тем, что не раз спасал от смерти поляков и евреев. Словом, у него была чистая анкета, и он мог с успехом представлять Круппа во время переговоров в Москве или Варшаве. Частые поездки Бейтца на Восток вызвали даже резко критические замечания канцлера Аденауэра.

До конца 1966 года концерн Круппа, руководимый самим Альфридом и его заместителем Бейтцем, процветал. Так, по крайней мере, казалось тем, кто наблюдал со стороны. В Западной Германии и еще кое-где крупповский концерн называли образцом большого капиталистического предприятия, составляющего личную собственность одного лица. Поэтому, как гром с ясного неба, прозвучало сообщение, что Альфрид Крупп вынужден отречься от престола…

* * *

В марте 1967 года гамбургский еженедельник «Шпигель» сообщил, что крупнейшая в Федеративной республике единоличная фирма «Фридрих Крупп» испытывает финансовые затруднения. А они были немалые. Баланс, составленный по требованию кредиторов концерна, показал, что его задолженность 263 банкам превышает 2,5 миллиарда марок, а по другим данным – 5,2 миллиарда. В течение 1966 года концерн вынужден был выплатить по процентам 300 миллионов марок, понеся убыток в 50 миллионов марок.

Ко всему прочему добавились осложнения с налогами. В ноябре 1966 года западногерманский Верховный налоговый суд принял решение, что концерн Круппа как личное предприятие не имеет права уклоняться от уплаты налога с оборота, что было равносильно обложению концерна налогом на сумму 60 миллионов марок в год.

После длительных переговоров с боннским правительством и банками-кредиторами выход из трудного положения был найден: было решено создать фонд Круппа и преобразовать фирму в акционерное общество. Таким образом, концерн Круппа перестал существовать, а единственный сын Альфрида, Арндт Крупп, отказался от всяких прав на наследство при условии предоставления ему миллионной ренты. Впрочем, молодой Арндт (он родился в 1938 году) вообще не шел в расчет как возможный глава концерна, так как прослыл в Западной Европе повесой, человеком, умеющим лишь сорить деньгами.

В июле 1967 года, всего несколько месяцев спустя после реорганизации концерна, «последний Крупп» умер. Ему было шестьдесят лет.

«Крайне загадочной являлась причина его смерти, – пишет Уильям Манчестер. – Один из членов его семьи в заявлении для прессы сказал, что кончина Круппа была “внезапной и неожиданной”. Другой раскрыл секрет, что Альфрид страдал какой-то неизлечимой болезнью, третий отрицал всякую болезнь вообще, а четвертый подчеркивал, что серебристо-серый сверхмощный автомобиль “порше” уже в течение месяца стоял возле конторы Круппа, потому что врачи, обследовавшие Альфрида, обнаружили, что он болен раком легких вследствие неумеренного потребления американских сигарет. В конце концов все поверили последней версии».

Альфрид Крупп был последним отнюдь не в переносном смысле слова. Его сын отказался не только от права на наследство, но и от самой фамилии Крупп. Теперь он просто герр

Арндт фон Болен унд Гальбах. В 1969 году Арндт дважды напомнил о себе обществу. Первый раз – когда в семейном замке под Зальцбургом женился на австрийской принцессе Генриетте фон Ауэрсберг (по этому поводу пресса сообщала, что он получает из Эссена 500 тысяч долларов в год). Вторично – когда своим поведением вызвал бурное возмущение среди горняков Рурского бассейна. Дело в том, что горняки не хотели мириться с тем, что этот бездельник и волокита получает миллионы марок, нажитые их тяжким трудом. Тогда выплату «пенсии» господину Арндту фон Болену взяло на себя правление акционерного общества[35].

Еще более громкая сенсация, связанная с концерном Круппа, произошла в 1968 году, когда гамбургский журнал «Штерн» предал гласности тот факт, что эссенские директора выступили в Бонне с предложением поставлять вооружение западногерманскому бундесверу. Предложение было передано лично депутату бундестага Фридриху Циммерману, занимавшему тогда пост председателя парламентской комиссии по вопросам обороны.

Предлагая начать производство оружия для различных родов вооруженных сил Западной Германии, директора из Эссена ссылались на то, что уже несколько лет (то есть еще при жизни Альфрида Круппа) их предприятия в широких масштабах выпускают такую продукцию. В предложении особо подчеркивалось, что концерн производит броневую сталь, самые современные танки, радарные установки, торпедные аппараты, подводные лодки и крупные военные суда.

Пользуясь случаем, западногерманская пресса сообщила, что на одном из бывших заводов Круппа в Бремене уже несколько лет производится сборка американских самолетов «Старфайтер» для западногерманских люфтваффе. Более того, на крупповской верфи «Атлас-верк» с 1964 года выпускаются подводные лодки.

После Первой мировой войны в Германии говорили: «Кайзер ушел – генералы остались». Может быть, теперь следовало бы перефразировать это выражение: «Крупп ушел – кузница оружия осталась».

Глава 8. Новые миллиардеры

Если покончено с династией Круппов, если из нынешних 1600 Дюпонов ни один не возглавляет семейного концерна, если среди наследников «великого Моргана» нет ни одного под стать старому Пирпонту, если сегодня в Америке нет такого богача, который мог бы единолично навязывать свою волю банкам на Уолл-стрите или правительству в Вашингтоне, – то встает вопрос: можно ли теперь говорить о миллионерах и миллиардерах в том смысле, в каком этот термин употреблялся сто лет назад?

Возможностью постановки такого вопроса часто пользуется капиталистическая пропаганда не только в Соединенных Штатах, но и в других странах. В самых различных случаях там пытаются убедить людей, что эпоха крупных миллионеров давно кончилась, что сегодня они не играют такой роли, как в XIX веке, что постепенно наступает выравнивание доходов всего общества и что во главе крупных концернов и банков теперь стоят наемные администраторы и техники, а не сами владельцы.

В этих пропагандистских разглагольствованиях есть элемент правды, но, как известно, ни одна ложь не имеет шанса на успех, еслй в ней нет хотя бы маленькой доли истины. Конечно, современные нам миллиардеры не похожи на своих родоначальников: они действуют в изменившихся условиях, ведут себя иначе, пользуются иными методами и старательно избегают гласности. Но изменившиеся условия и новый образ жизни миллиардеров отнюдь не означают, что они перестали быть богачами. Пропасть между сегодняшними миллиардером и безработным или даже сравнительно хорошо оплачиваемым рабочим стала еще глубже, чем когда-либо прежде.

Поэтому название данной главы – «Новые миллиардеры»– следует понимать двояко: «новые» в том смысле, что они отличаются от богачей XIX века, и «новые» в буквальном значении этого слова. Дело в том, что вопреки утверждениям западной пропаганды в капиталистическом мире по-прежнему существуют возможности создания огромных богатств.

Когда в Нью-Йорке и Вашингтоне пускают в ход тезис о мнимом отмирании капитализма и капиталистов, то следует обратить внимание на обратное явление – все более возрастающую роль крупного капитала в Соединенных Штатах и других западных державах. Мы имеем в виду явление, которое бывший президент США Эйзенхауэр, хорошо знающий вопрос, назвал военно-промышленным комплексом.

В своем телевизионном выступлении в январе 1961 года, то

есть накануне ухода из Белого дома, генерал Дуайт Эйзенхауэр предостерег американский народ:

«Следует охранять наши правительственные учреждения от уступок – под нажимом или без нажима – нежелательному влиянию военно-промышленного комплекса. Возможность губительного роста этой силы, отданной в несоответствующие руки, существует и будет существовать и дальше».

Нельзя отказать в правоте бывшему генералу и бывшему президенту. В Соединенных Штатах (и некоторых других капиталистических государствах) возник своеобразный симбиоз крупного капитала и милитаристских кругов, описанный в последние годы многими социологами и политиками. Миллионеры и генералы действуют рука об руку, защищая свои общие интересы и выдавая их за интересы всего общества. Аппарат власти в мире капитализма становится во все возрастающей мере послушным орудием военно-промышленного комплекса, что находит свое выражение в назначениях его представителей на высшие государственные посты, в кредитовании вооружений, в конкретных акциях внешней политики.

В свое время Морган и Рокфеллер не раз входили в столкновение с административной властью. Ныне такие столкновения стали исключительным явлением.

Капитализм не существует?

Среди множества американских публикаций, авторы которых утверждают, что в Соединенных Штатах произошли радикальные общественно-экономические изменения и что там уже нет капитализма в традиционном значении это слова (а значит, нет и старозаветных миллионеров), нам хочется выбрать книгу Фредерика Льюиса Аллена «Большая перемена. Америка меняется. 1900-1950» (“The Big Change. America Transforms Itself. 1900-1950”).

Президент Эйзенхауэр в Овальном кабинете Белого дома

Аллен был редактором известного журнала «Харперс мэгэзин» и автором ряда работ, которые имели большой успех у читателей (в разделе о Морганах мы ссылались на его книгу о жизни старого Пирпонта). Книга о «большой перемене» в Америке долго фигурировала в списке бестселлеров – Джон Гантер заявил,

что эта работа Аллена – «одна из самых лучших книг о Соединенных Штатах, какую я когда-либо читал». Начиная полемику с Алленом, мы постараемся как можно точнее изложить его выводы.

Исходным пунктом Аллен взял 1900 год и тот факт, что тогда в Соединенных Штатах действительно существовал капиталистический строй. «На рубеже столетия, – читаем у Аллена, – пропасть между богатством и нищетой была огромна». Он признает, что ежегодный доход Эндрю Карнеги был в двадцать тысяч раз больше, чем доход среднего рабочего. Аллен красочно живописует, как тогдашние богачи швыряли деньги на (балы и другие развлечения. Он напоминает, что в 1900 году в Соединенных Штатах Америки насчитывалось 6,5 миллиона безработных, что детский труд был повсеместным явлением, что 15-20 миллионов американцев жили в крайней нужде.

«В 1900 году, – пишет Аллен, – капитализм был действительно капитализмом». В качестве типичного примера автор называет хорошо известного ему Моргана:

«В начале XX века Пирпонт Морган действительно становился самой могущественной фигурой в мире бизнеса, если не самым могущественным гражданином Соединенных Штатов».

По мнению Аллена, в то время американское правительство целиком зависело от крупного капитала. Он пишет: «Без поддержки Уолл-стрита Вашингтон был бессилен».

И далее:

«С помощью намеков, нажима, займов или так называемого одалживания, которое по сути дела являлось не чем иным, как «подарком», а иногда и просто с помощью тайных взяток крупный концерн мог сделать зависимыми от себя многих законодателей, выборных чиновников и даже судей».

Ну что ж, мы можем только поблагодарить Аллена за столь убедительную характеристику внутриамериканских отношений на рубеже XIX-XX веков. Но, как нетрудно догадаться, она нужна ему только для того, чтобы попытаться доказать, что в последующие годы все изменилось к лучшему. При этом Аллен применяет такой прием, который может ввести в заблуждение не слишком критически настроенного читателя. Подлинные изменения, которые произошли в технологии, медицине, кино, нравах, моде и так далее, он пытается выдать за коренное изменение общественного и социального строя. А поскольку он пишет интересно и умело, многие американские читатели ему верят.

Началом «новой эры» Аллен считает 1902 год, когда генеральный прокурор США на основании так называемого

антитрестовского «закона Шермана» предложил суду распустить концерн «Норзерн секьюритиз компани», являвшийся совместной собственностью Моргана и Гарримана. Однако по предыдущим главам этой книги мы знаем, что Морган и Гарриман умели справляться с натиском прокуроров и судей и что их преимущество ни на йоту не пострадало от этого шага, так же как Рокфеллеры отнюдь не понесли ущерба, когда судебные инстанции, включая Верховный суд США, выносили приговоры по делу «Стандард ойл».

Высокопарно повествуя о «бунте американской совести», Аллен ссылается на то, что именно Форд, начав массовый выпуск автомобилей, произвел социальный переворот во многих странах мира, «демократизировал капитализм». Форд действительно превратил автомобиль из предмета роскоши для богачей, каким он был ранее, в предмет повседневной необходимости для тысяч людей. Своему «автомобильному» аргументу Аллен придает большое значение, посвятив ему специальную главу в книге.

Следует отметить, что массовое производство автомобилей действительно оказало значительное влияние на жизнь американцев. Но излишне доказывать, что это ни в малейшей степени не изменило характера капиталистического строя Соединенных Штатов: Форд становился все богаче, а пропасть между ним и его рабочими все более углублялась.

Следующим аргументом Аллена неожиданно становится экономический кризис 1929-1933 годов и Новый курс Рузвельта.

«Легенда о том, что Уолл-стрит руководит [государством], была развеяна, – утверждает автор. – Великая депрессия привела к тому, что Уолл-стрит отрекся от руководящей роли, которую он играл в конце XIX века… Новый курс радикальным образом изменил природу американской экономики».

По мнению Аллена, в результате рузвельтовских реформ в Соединенных Штатах возник не «социалистический строй», не «свободный экономический строй» [читай: капитализм], а нечто среднее, что можно назвать «исправленной и измененной разновидностью капитализма». Заключение автора таково: в Соединенных Штатах свершилась «одна из величайших в истории социальных революций». Словом, там уже нет ни капитализма, ни капиталистов в традиционном значении этих понятий. Теперь «Соединенные Штаты развиваются не в направлении социализма, а опережая социализм» (sic!).

Вероятно, Франклин Делано Рузвельт перевернулся бы в гробу, узнав о такой интерпретации его Нового курса. Реформы великого президента, при всем огромном уважении к нему и к его несомненным заслугам в нашей общей борьбе с фашизмом и

гитлеризмом, были направлены прежде всего на спасение американского капитализма. Не будет преувеличением сказать, что Рузвельту удалось вытащить свою страну из бездны самого тяжкого в истории человечества экономического кризиса, причем без изменения социального строя Соединенных Штатов.

В тридцатых годах изменились методы действий американских миллионеров и миллиардеров, изменились их взаимоотношения с правительством и окружающим миром. Самые богатые промышленники и банкиры вынуждены были немного сбавить тон, научиться скрывать свои намерения, выработать новую фразеологию. Но это отнюдь не означает, что уменьшились их капиталы и влияние.

Однако вернемся еще раз к Аллену. Видимо отдавая себе отчет в шаткости своей прежней аргументации, Аллен приводит три дополнительных «довода» в подкрепление своего тезиса, что американский капитализм перестал быть капитализмом. Во-первых, в Соединенных Штатах, по его мнению, произошло «выравнивание» доходов населения, уменьшилась пропасть между миллионерами и неимущими. Во-вторых, теперь американское правительство может представлять интересы всех своих граждан, «ограничивая» и «тесня» концерны и монополии. В-третьих, крупные концерны будто бы перестали быть собственностью горстки миллиардеров, превратившись едва ли не в общенациональное достояние. Поэтому повнимательнее приглядимся к этим трем «доводам».

Если говорить о так называемом «выравнивании» доходов населения США, то Аллен манипулирует тут сложными и не всегда точными арифметическими данными, чтобы как-то доказать сокращение дистанции между богатыми и бедными. По его мнению, «огромные доходы миллионеров рассечены на кусочки экзекуторами из налоговых управлений», а, с другой стороны, «миллионы семей, находившихся в нужде или на грани нужды… были подняты до такого уровня, который традиционно именуется уровнем средних классов».

Скажем прямо: это демагогический вывод. Пока что миллионеры и миллиардеры прекрасно справляются с «натиском» налогового законодательства и передают свои капиталы по наследству из поколения в поколение. Ничто не свидетельствует об уменьшении их богатства, их состояний. Зато бедняки… Даже официальная американская статистика подтверждает тот факт, что в богатых Соединенных Штатах десятки миллионов людей живут в нищете. Впрочем, и сам Аллен признает, что еще существуют «острова глубокой нужды», но тут же радуется тому, что это результат «болезней, возраста, превратностей судьбы или

отсутствия способностей». Во всяком случае, тут якобы американский социальный строй неповинен, но неумолимая статистика разоблачает и эту его демагогическую аргументацию.

Не выдерживает критики и второй аргумент – о мнимом отделении государственной власти от мира крупных монополий и концернов, короче говоря, о независимости Вашингтона от Уолл-стрита. Правда состоит в том, что связь этих двух сил стала менее явной, чем в XIX столетии, и что сегодня уже немыслимо, чтобы богатый промышленник или банкир прямо отдавал распоряжения президенту или его министрам. Но связь эта по-прежнему существует.

Всякий раз, когда кто-либо в Вашингтоне хочет ограничить чрезмерные налоговые льготы нефтепромышленникам, последние всегда находят способ, чтобы подавить такое желание еще в зародыше. Когда президент Кеннеди столкнулся с магнатами стальной промышленности, он одержал лишь временную победу: год спустя ему пришлось капитулировать[36]. Что касается внешней политики Соединенных Штатов, то решающий голос в ней по-прежнему принадлежит представителям крупного капитала, который защищает свои классовые интересы в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и других районах мира.

В качестве еще одного довода «сепарации» государственной власти США от крупного капитала Аллен приводит атомную промышленность, которая-де является в Америке государственной и, по его мнению, стала «островом социализма в океане частного предпринимательства». Аргумент этот попросту смешон. Комиссия по атомной энергии США действительно является государственным учреждением, но во главе ее неизменно находятся представители крупного капитала, а заказы этой комиссии стали источником самых больших прибылей для частных концернов.

И наконец, последний довод Аллена – о раздроблении собственности. Речь тут идет о том, будто бы миллионы американцев, не исключая малосостоятельных людей, владеют акциями различных концернов. Из этого факта следует вывод, повторяемый многими другими авторами, будто крупные капиталисты перестали быть владельцами предприятий и вынуждены делиться властью – а значит, и прибылями – со всем обществом.

Здесь демагогия доведена уже до предела. Если пресловутый рядовой американец, Джон Смит, приобрел одну или три акции концерна «Стандард ойл» он все равно не может оказать ни малейшего влияния на судьбы концерна. Его сбережения,

вложенные в акции, лишь обогащают концерн. Даже если бы все джоны смиты выступили сообща (что просто немыслимо), то и в этом случае пакета акций Рокфеллеров было бы достаточно, чтобы обеспечить им право решающего голоса. Дюпоны имели только 23 процента акций концерна «Дженерал моторс», но это давало им право решать его дела. В лучшем случае Джон Смит получит маленький дивиденд, но это отнюдь не значит, что он стал компаньоном миллионера.

Теория, на все лады расписывающая «раздробление» собственности путем продажи определенного количества акций, не нова. Ее еще в начале XX века развенчал В. И. Ленин, а прошедшее с тех пор время отнюдь не укрепило фундамента этой теории. Не нова и повторяемая Алленом точка зрения, что владельцы крупных концернов (в данном случае он имеет в виду подлинных владельцев) все более подчиняются наемным управляющим (менеджерам) и директорам концернов.

Правда, ушли в прошлое времена, когда миллионер вроде Джона Рокфеллера или Генри Форда единолично управлял своими предприятиями и сам принимал все решения. В концернах-империях типа «Стандарт ойл» или «Юнайтед Стейтс стил» это уже невозможно. Во главе их стоит группа хорошо оплачиваемых директоров, в чьем распоряжении находятся высококвалифицированные эксперты и электронно-вычислительные машины. Но верно и то, что изменение методов управления крупными концернами не оказывает никакого влияния на отношения собственности. Применение этих новых методов опять-таки не уменьшило богатств миллиардеров. Скорее, эти методы способствовали росту их состояний.

Аргументация Аллена и многих других подобных авторов подается в соблазнительной упаковке и может ввести в заблуждение кое-кого из читателей. Однако такая аргументация обходит суть вопроса – замалчивает тот основной факт, что Соединенные Штаты по-прежнему остаются капиталистическим государством и что благоденствуют там лишь богачи.

* * *

Мы остановились несколько дольше на этой книге Фредерика Льюиса Аллена (вышла в 1952 году) потому, что она представляется нам очень типичной для уяснения хода мыслей американских публицистов и экономистов, которые раздувают значение перемен, происшедших в США, но не замечают того, что существо, природа капиталистического строя не изменились.

Однако мы не хотим ограничиться только одним этим примером и потому сошлемся на труды еще одного популярного в Америке экономиста профессора Адольфа А. Берли.

В своих работах – «Власть без собственности» (“Power without Property”, 1959) и «Американская экономическая республика» (“The American Economic Republic”, 1963) – Берли пытается доказать, что доля самых богатых людей в национальном доходе Соединенных Штатов неуклонно уменьшается и что теперь владельцы крупнейших концернов оказывают все меньшее влияние на управление концернами. Вывод профессора гласит, что Соединенные Штаты «кардинально продвинулись в направлении обобществления доходов».

В цитированной выше работе «Богачи и сверхбогачи» Фердинанд Ландберг беспощадно расправляется с тезисами профессора Берли. Используя в первую очередь фундаментальные, но сравнительно малоизвестные экономико-статистические исследования американских ученых о распределении богатств и национального дохода, Ландберг приходит к одному-единственному выводу:

«Концентрация богатства в руках небольшой группы людей продолжается».

Еще один пример. Профессор Роберт И. Лэмпмэн из Висконсинского университета написал по поручению Национального бюро экономических исследований научный труд об «участии наиболее богатых людей в национальном доходе» – «Доля крупнейших богачей в национальном богатстве. 1922-1956» (“The Share of Top Wealth-Holders in National Wealth. 1922-1956”, Princeton University Press). Этот труд издан в 1962 году Принстонским университетом. На основе огромного статистического материала, с помощью интересных математических методов профессор Лэмпмэн делает вывод, что сравнительно небольшая горстка людей (всего 1,6 процента взрослого населения США) сосредоточила в своих руках огромную часть национального достояния, а именно одну треть всей частной собственности, четыре пятых всех акций, 100 процентов государственных облигаций и так далее и тому подобное.

Профессор Лэмпмэн производит анализ имущественного состояния самых богатых людей США, составляющих 1 процент всего населения страны. Но и внутри этого одного процента он находит такую же «пирамиду богатства», как и в американском обществе: почти половина всего богатства, приходящегося на этот 1 процент населения, сосредоточена в руках одной десятой указанной группы: то есть на самой вершине пирамиды. По

мнению профессора Лэмпмэна, доля крупных богачей в национальном достоянии постоянно растет.

Более поздние статистические данные полностью подтверждают эти неприятные для Аллена выводы. В конце 1969 года, как сообщает еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» в Соединенных Штатах насчитывалось около 200 тысяч миллионеров по сравнению с 13 тысячами в первые послевоенные годы и 27 тысячами – в 1953 году. Хотелось бы добавить, что среди этих 200 тысяч миллионеров (одна сотая часть населения США) только немногие люди могут похвастаться состоянием порядка сотен миллионов долларов и стать членами фешенебельного «клуба миллиардеров».

Кроме того, Ландберг в своей работе ссылается на проводимые вот уже несколько лет научно-исследовательским центром Мичиганского университета исследования, которые целиком подтверждают тезисы Лэмпмэна и тем самым опровергают концепции Берли и Аллена. Группа ученых из Мичигана особенно заинтересовалась повторяемой много лет подряд пропагандистской сказкой о «распылении» акций среди всего американского общества. Распространители этой сказки подсчитали, что уже 20 миллионов американцев стали обладателями акций различных предприятий и фирм. Из этого они делают вывод, что социальный строй в Соединенных Штатах превратился в «народный капитализм»…

Исследовательский центр Мичиганского университета взял на себя труд проверить имущественное положение этих «миллионов акционеров», чтобы научным способом прийти к выводу, который, собственно, был предрешен заранее. Оказывается, достаточно, чтобы кто-либо приобрел одну-единственную акцию, как его тут же включают в число «акционеров», даже если стоимость этой единственной акции снизилась до 10 центов… В действительности многие американцы, соблазненные широкой рекламой и ищущие легких заработков, покупают единичные акции, однако, как подсчитал профессор Лэмпмэн, 80 процентов всех акций в США находится в руках небольшой кучки наибогатейших людей. Так что немного остается от теории «народного капитализма»…

К аналогичным выводам приходит и д-р Габриель Колко из Гарвардского университета, опубликовавший в 1962 году свою работу «Богатство и власть в Америке» (“Wealth and Power in America”). Применяя собственные методы исследования данного вопроса, д-р Колко подсчитывает, что на 10 процентов беднейшего населения США приходится всего 1 процент национального дохода, в то время как 10 процентов богачей

захватили более 30 процентов. Но и внутри этих 10 процентов богачей (или состоятельных людей) наличествует известная уже нам дифференциация: львиная доля дохода поступает в карманы 1 процента населения.

Фердинанд Ландберг полемизирует с Берли, Алленом и другими авторами, оспаривая их утверждение, что в крупных концернах происходит разрыв между владельцами и управляющими, которые берут в свои руки фактический контроль. Исходным пунктом для полемики он берет публикуемые ежегодно журналом «Форчун» списки пятисот крупнейших концернов США. В 1967 году редакция журнала «Форчун» сочла необходимым отмежеваться от распространявшегося ею ранее утверждения, что крупные концерны «принадлежат всем и никому в отдельности» и управляются менеджерами.

«Форчун» самокритично признался, что у него нет оснований для такого рода обобщений и что по меньшей мере в 150 концернах из 500 «собственность остается в руках одного лица или членов одного семейства». Ландберг пошел еще дальше и исследовал, как обстоит дело с собственностью в остальных 350 концернах. Его вывод таков: каждый концерн принадлежит небольшой группе владельцев (а не директоров, у которых нет права собственности, и отнюдь не массе мелких держателей акций). Эти концерны являются собственностью либо нескольких семейств, либо нескольких членов финансовой группы. «Но нет ни одного случая, – утверждает Ландберг, – когда бы право собственности было отделено от контроля над фирмой». Разумеется, это не означает, что владелец концерна сам им и управляет.

* * *

В связи с теориями о принципиальной метаморфозе капитализма в его американском издании хотелось бы напомнить о работе еще одного автора, которого никоим образом нельзя обвинить в предвзятом или критическом отношении к Соединенным Штатам. Мы имеем в виду Артура Барбера, который в 1962-1967 годах занимал в Вашингтоне пост заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности. В 1968 году, после ухода с государственной службы, он опубликовал книгу «Ренессанс XX века» (“The 20th Century Renaissance”), в которой высказывает свой взгляд на возрастающую международную роль американских концернов.

В отличие от таких авторов, как Берли, для которых современный капитализм чуть ли не идиллия, а капиталисты едва ли не «отмирают» (по его утверждению), Барбер открыто и прямо пишет о хищнических устремлениях крупного капитала. Более того, Барбер восхищен все возрастающей ролью международных концернов, центры которых, как правило, находятся в Соединенных Штатах. Он усматривает в этом явлении «Ренессанс XX века» (отсюда и название книги).

«Сейчас гибкость и экономическая мощь крупных международных концернов бросает вызов власти многих народов, – пишет Барбер. – Концерн «Дженерал моторс» в прошлом году (1967) получил валовой доход в сумме свыше 20 миллиардов долларов. Это больше, чем национальный доход всех 124 государств, входящих в Организацию Объединеных Наций, за исключением четырнадцати стран[37].

Решения, влекущие за собой развитие экономики, во все большей степени становятся не столько международными решениями, сколько решениями, которые принимают концерны. Решения о размещении или ликвидации какого-либо конкретного предприятия, о транспортных путях, о строительстве исследовательской лаборатории чаще принимаются советом директоров того или иного концерна, нежели правительственными кругами. Правительство все чаще выступает в роли просителя, а не администратора. Такое положение быстро ограничивает суверенность многих государств».

В подтверждение своих убедительных выводов Барбер приводит слова французского министра Дебре, который заявил:

«Страна, чья ключевая промышленность была бы только филиалом центра, находящегося под руководством крупного иностранного государства (то есть Соединенных Штатов. – *Г.Я.*), уже не была бы независимой страной».

Не без чувства удовлетворения Барбер цитирует слова бывшего английского премьер-министра Вильсона, который предостерегал Западную Европу не становиться «промышленной потаскухой по отношению к рафинированному американскому бизнесу».

По мнению Барбера, ныне существует 750 тысяч крупных концернов США, которые действуют в международном масштабе. Почти 200 из них находятся в Западной Европе, а остальные – в других частях земного шара (прежде всего в Японии). Все зарубежные инвестиции американского капитала оцениваются почти в 60 миллиардов долларов. В течение одного только года (1967) зарубежные филиалы американских концернов произвели товаров и оказали услуг на общую сумму 100 миллиардов

долларов.

Добавим также, что обороты крупнейших концернов США превышают национальный доход многих государств. Так, например, обороты «Дженерал моторс» больше суммарного дохода таких богатых государств, как Бельгия или Швейцария, а обороты «Форд мотор компани» превышают Национальный доход Дании или Австрии.

Как было сказано, Артур Барбер восхищен таким положением вещей. Вот его заключение:

«Деятельность международных промышленных концернов опережает политические концепции национальных государств. Как Ренессанс в XV веке положил конец феодализму, власти аристократии и господству церкви, так и Ренессанс XX века кладет конец прежнему буржуазному обществу и господствующему положению национальных государств. Сердцем новой структуры власти является международная организация вместе с технократией, которая руководит ею».

Последняя фраза определенно требует двух дополнений. Понятие «международная организация» использовано здесь вместо понятия «международный картель». А модный нынче на Западе термин «технократия» должен заслонить тот факт, что подлинный контроль над крупнейшими концернами по-прежнему осуществляют наши старые знакомые – миллионеры и миллиардеры.

* * *

Разумеется, все это не означает, что современные миллиардеры являются точной копией своих предшественников или родоначальников, живших сто лет назад. Об этом мы уже говорили в первых главах книги, но, чтобы избежать недоразумений, следует еще раз вернуться к данной теме. Если мы настаиваем на том, что суть капитализма не изменилась и что самые богатые люди не только не теряют своих богатств, а скорее увеличивают их, то мы отнюдь не собираемся тем самым утверждать, что в семидесятых годах XX века миллиардеры могут поступать и вести себя так, как миллионеры семидесятых годов XIX столетия.

Если бы Джон Д. Рокфеллер или Джон Пирпонт Морган чудом могли воскреснуть и вернуться в свои кабинеты и салоны, они наверняка были бы ошеломлены изменениями в окружающем их мире. Они быстро поняли бы, что не могут использовать те методы обогащения, которые принесли им успех сто лет назад.

Ныне крупный капитал старается сохранить безвестность. Если мы взглянем на сегодняшние списки богатейших концернов, то найдем там ряд более или менее усложненных названий и только в немногих случаях (например, у Форда), эти названия содержат имя владельца. Лишь скрупулезный анализ может показать, что за сложными названиями концернов скрываются преимущественно крупные состояния династий и семейств.

Гигантский американский концерн «Интернешнл бизнес мэшинз» (ИБМ), который опередил чуть ли не всех своих конкурентов и сколотил десятки миллионов долларов на производстве компьютеров, в течение многих лет сохранял анонимность. В 1970 году он счел необходимым выдвинуть руководителя своего зарубежного отдела, выступающего под маркой «Уорлд трейд корпорейшн», на должность посла Соединенных Штатов в Париже. Назначение было оформлено без каких-либо трудностей. Итак, во Францию в качестве американского посла прибыл Артур К. Уотсон. Это обстоятельство позволило узнать, что, очевидно, один из крупнейших пакетов акций концерна ИБМ принадлежит семейству Уотсонов.

Еще больше заботятся о своей безымянности концерны Западной Европы. Крупнейшим из них считается «Роял Датч-шелл», капитал которого исчисляется миллиардами долларов, чистай ежегодная прибыль – сотнями миллионов долларов, а число занятых там рабочих – сотнями тысяч человек. Хорошо известны имена и биографии двух миллионеров, которые основали эту фирму, – голландца Детердинга и англичанина Сэмюэла. Но в данное время можно сказать лишь одно: 38 процентов акций концерна принадлежат английским капиталистам, 24 процента – американским и 16 процентов – голландским. Во главе концерна находится правление, состоящее из семи человек, которые тщательно избегают любой рекламы. Это значит, что они очень любят рекламировать концерн, но как огня боятся рекламирования его владельцев и директоров.

«Роял Датч-шелл» занимается почти исключительно добычей, транспортировкой и продажей нефти и нефтепродуктов. Поэтому концерн является как бы эквивалентом фирмы Джона Д. Рокфеллера прошлого века (и основным конкурентом нынешней «Стандард ойл»). Сравнение безымянного англо-голландского концерна с семейным концерном Джона Д. может служить примером изменений, наступивших в мире крупного капитала. Однако не будем поддаваться влиянию внешних признаков: капитализм остался капитализмом, а наследники старых миллионеров просто стали новыми миллиардерами.

Гетти и Хант

Жан Поль Гетти считается ныне богатейшим в мире человеком. Как в перечне журнала «Форчун», так и в тщательно проверенных списках Ландберга он занимает бесспорно первое место. Его личное состояние оценивается в миллиард долларов. Биография Гетти может заинтересовать нас со многих точек зрения.

Во-первых, как и сто лет назад, нефть даже в XX веке может являться источником фантастических прибылей. Все богатство Гетти нажито благодаря нефтяной промышленности. Во-вторых, вопреки разглагольствованиям об «изменении капиталистического строя», о так называемом «народном капитализме» и «распылении акций» Гетти сумел сколотить миллиардный капитал и опроверг все эти теории. Наконец, в-третьих, Гетти в течение долгих лет сумел сохранить свою безвестность, чем он резко отличается от своих предшественников прошлого столетия.

Лишь в 1957 году, когда ему было уже шестьдесят пять лет, и он стал мультимиллионером, редакция журнала «Форчун» заинтересовалась его особой и раздобыла сведения о его состоянии. До этого о нем знали лишь ближайшие доверенные сотрудники и… многочисленные жены. Позже об этом рассказал сам Поль Гетти в своей любопытной автобиографической книге «Моя жизнь и состояние» (“My Life and Fortunes”), изданной в 1963 году:

«Примером того, насколько глубоко мне удавалось сохранять анонимность на протяжении целого ряда лет, может служить моя случайная встреча с однокашником, которого я не видел с самого окончания Калифорнийского университета в Беркли. Повстречавшись случайно на одной из улиц Лос-Анджелеса в 1950 году, мы узнали друг друга и остановились, чтобы поболтать о прошлом. «Между прочим, Поль, – спросил меня в ходе нашего разговора мой однокашник, – у кого ты сейчас служишь?»

В своей автобиографии Гетти подробно рассказывает о семи своих браках и разводах, о том, как он добился успеха в качестве предпринимателя и финансиста. Весьма любопытны его замечания о «статусе», если можно так выразиться, миллиардера в наше время.

«Среди активных бизнесменов, – пишет Гетти, – нет понятия “миллиардер”, во всяком случае, в том смысле, в каком большинство людей его понимает. Личность может иметь или

контролировать предприятия стоимостью в миллиард долларов или еще больше, но сравнительно малая часть имущества остается в ее распоряжении в виде денег. Миллионер или миллиардер не держит миллионов в депозите, на своем личном счету в банке. Деньги вложены в его предприятия. Он не может также знать, какова подлинная сумма его инвестиций в данный момент. Цена акций может возрастать или падать, стоимость концернов может увеличиваться или уменьшаться, бесчисленные непостоянные факторы могут умножить ценность инвестиций или полностью зачеркнуть их».

Ясно, что эти замечания Гетти рассчитаны на то, чтобы вызвать у читателей сочувствие к миллионеру. После того как стало известно, что Гетти – миллиардер, он перестал таить свое богатство, а в пожилом возрасте вообще покончил с анонимностью: кроме того, что опубликовал свою автобиографию, он приглашает к себе многочисленных гостей, охотно показывая им редкостные коллекции произведений искусства, которые успел скупить за это время. В своих роскошных резиденциях в Калифорнии и близ Лондона (где он поселился, чтобы избежать уплаты налогов в Соединенных Штатах) он хранит бесценные полотна Рембрандта, Тинторетто, Веронезе, Рубенса. Он откровенно говорит своим гостям, что считает скупку картин наилучшим способом помещения капитала. Действительно, стоимость произведений искусства растет на Западе куда быстрее, чем цены на акции нефтяной промышленности.

Каким же путем Поль Гетти пришел к своему миллиардному состоянию? Самый короткий ответ гласил бы: нефть и капиталистический эксплуататорский строй. Более подробный – должен учитывать несколько элементов.

Жан Поль Гетти родился в семье миллионера, и как у Моргана в XIX веке, у него был легкий жизненный старт. Его отец Джордж Ф. Гетти был адвокатом. В первые годы нынешнего столетия он оказался в Оклахома-Сити как раз в тот год, когда там была найдена нефть. Гетти-отец быстро понял, что нефтяная промышленность имеет огромные перспективы, особенно в свете только что начавшей развиваться автомобильной промышленности. Поэтому он вложил все свои сбережения в нефтяные месторождения. И не ошибся. В 1930 году после многочисленных сделок и спекуляций Джордж Гетти оставил своим наследникам состояние порядка 15 миллионов долларов.

Конечно, эта цифра несравнима с сегодняшним миллиардным богатством сына, но молодому Гетти было с чего начинать. Кроме того, отец позаботился о том, чтобы его сын

получил высшее образование. Сначала Поль окончил геологический факультет Калифорнийского университета, а затем изучал экономику в знаменитом Оксфорде. Горячо благодарный отцу, Поль выпустил после его смерти книгу, в которой описал историю их предприятия.

В тридцатые годы Поль Гетти продолжал систематически расширять свою нефтяную империю. Кроме семейной «Гетти ойл компани», он приобрел акции «Пасифик Уэстерн ойл компани», а затем начал битву за контрольный пакет акций концерна «Тайдуотер ассошиэйтед ойл компани». Сражение оказалось не из легких, поскольку «Тайдуотер» фактически находился в руках рокфеллеровской «Стандард ойл оф Нью-Джерси», но закончилось оно очередной победой Гетти. Почему Джон Д. Рокфеллер II продал Полю Гетти (правда, по выгодной цене) акции концерна «Тайдуотер», до сих пор неизвестно. Не очень ясна и причина многолетнего конфликта Поля Гетти со своей матерью, которая после смерти мужа унаследовала его состояние.

Крупнейшие сделки Гетти-сына приходятся на послевоенные годы. Его начали интересовать нефтеносные районы Ближнего Востока. Там то и дело начинают бить нефтяные фонтаны, открываются новые месторождения, возникают новые состояния. Гетти посылает своих представителей в Эр-Рияд – столицу Саудовской Аравии, затем ведет переговоры с королем Ибн-Саудом и, наконец, решает уплатить королю пустяковую сумму в 10 миллионов долларов за право поисков нефти в районах, где, по мнению геологов, должна находиться еще не открытая нефть.

Сделка была сопряжена с риском. Приобретенная Гетти концессия требовала новых огромных расходов. Поиски нефти продолжались четыре года и обошлись в 20 миллионов долларов. Но Гетти мог себе позволить и такой риск. В 1953 году он получает долгожданную весть: удалось открыть богатейшие залежи. С каждым днем Гетти не только возвращает себе вложенные в поиск деньги, но и умножает свое богатство. Спустя несколько лет он уже тянется к пальме первенства в споре за звание самого богатого человека на земле.

В 1966 году выходит очередная книга Поля Гетти «Как разбогатеть» («How to Be Rich»). У автора были все основания написать такую книгу.

* * *

Наряду с Полем Гетти имя Харольдсона Л. Ханта часто произносится как имя второго на земном шаре богача. Журнал

«Форчун» оценивает его имущество в 400-700 миллионов долларов. Другие данные называют 250 миллионов – 3 миллиарда. Фердинанд Ландберг останавливается на меньших цифрах.

С определенной точки зрения Хант действительно похож на Гетти: оба сколотили свои капиталы лишь в последние десятилетия нашего века, оба черпали свои прибыли – в прямом и переносном смысле – из нефтяных вышек. Но в остальном эти два мультимиллионера абсолютно не схожи. Выпускник Оксфорда, эрудит Гетти коллекционирует произведения искусства, пишет книги (отнюдь не прибегая к услугам «литературных негров»), охотно бывает в обществе «интеллектуалов», сторонится политики. Не слишком грамотный Хант лишь копит акции нефтяных компаний, охотнее всего проводить время за карточным столом (он азартный игрок) и поддерживает самых реакционных американских политиков.

Харольдсон JI. Хант родился в 1890 году в штате Иллинойс. Из его апологетических биографий можно узнать, что, будучи еще мальчиком, он отличался феноменальной памятью и уже в три года научился читать. Свою необыкновенную память он сохранил до седых волос. Правда, Хант так и не закончил начальной школы и в тринадцать лет отправился бродяжничать по западным штатам США. Был парикмахером, пастухом, дровосеком, но все время его влекли легкие заработки и карточная игра. Несколько остепенившись, Хант поселился в штате Арканзас, где занялся выращиванием хлопка. В период экономического кризиса 1921 года он разорился и вынужден был начинать все сызнова. Кажется, именно тогда (биография его не очень ясна) он купил маленькую нефтяную вышку за пятьдесят долларов, которые выиграл в карты.

Так будто бы началась его фантастическая карьера нефтепромышленника: сначала в штате Арканзас, а затем, в более широких масштабах, – в Техасе. И в других штатах тоже. Кроме того, в 1958 году Хант получил от эмира Кувейта концессию на нефтеносные районы, которые приносят ему миллионные доходы. Он часто повторяет: «Все, что я делаю, делается ради прибылей». Хант неохотно вспоминает о своих скромных начинаниях.

Американская нефтяная промышленность – более чем любая другая отрасль промышленности – зависит от политических решений, принимаемых в Вашингтоне. В одной из предыдущих глав этой книги речь шла о сложной системе налоговых льгот для нефтепромышленников, составляющих существенный элемент их прибылей. Политический характер приобретает также вопрос о прибрежных нефтяных месторождениях. Хант и другие

нефтепромышленники кровно заинтересованы в том, чтобы федеральное правительство передало право на разработку таких богатых районов властям штатов, с которыми миллионерам легче договориться и от которых скорее можно добиться выгодных условий аренды или собственности.

Этих двух причин – налоговых льгот и прибрежной нефти – оказалось достаточно, чтобы Хант активно включился в политическую жизнь Соединенных Штатов. Ландберг иронически пишет, что последним президентом, который угождал Ханту, был Кальвин Кулидж. Во время его президентства (начало двадцатых годов нашего века) нефтепромышленники безнаказанно подкупали министров. Зато позднейшие хозяева Белого дома, не исключая Эйзенхауэра, были, по мнению Ханта, «слишком левыми»…

Большой поддержкой Ханта пользовался – как возможный кандидат в президенты – Дуглас Макартур. Напомним, что во время американо-корейской войны именно этот генерал хотел сбросить атомную бомбу на Китай и готов был начать третью мировую войну. Ближайшим приятелем миллиардера Ханта был в те годы пресловутый Джозеф Маккарти, который не скрывал своих профашистских убеждений и сумел на какое-то время терроризировать всю Америку.

Во время президентских выборов 1964 года Хант несколько растерялся: с политической точки зрения ближе всех был ему кандидат от Республиканской партии сенатор Барри Голдуотер, выступивший с откровенно реакционной программой, а по личным симпатиям Хаит предпочитал кандидата от Демократической партии хорошо известного ему Линдона Б. Джонсона, с которым он не раз встречался в Техасе. Ханту было известно, что Джонсон давно был глашатаем налоговых льгот для нефтепромышленников, и это разрешило все сомнения. Хант поддержал долларами избирательный фонд Линдона Джонсона.

Напомним также, что любимыми героями Ханта были генерал Эдвин Уолкер, изгнанный из американской армии за пропаганду откровенно фашистских взглядов (Хант поддерживал его кандидатуру на пост губернатора штата Техас); Роберт Уэлч, основатель фашистской организации Общество Джона Берча; Джордж Уоллес, расистский губернатор штата Алабама и кандидат в президенты от крайне правых кругов Соединенных Штатов.

Из перечисления всех этих имен можно без труда сделать вывод, каково было отношение Ханта к президенту Джону Ф. Кеннеди. Победу Кеннеди на выборах Хант расценил как свое личное поражение и, что самое главное, как угрозу своим

интересам в нефтяной промышленности. Напомним, что Кеннеди был известен всей Америке как противник чрезмерных налоговых льгот в нефтяной промышленности. Придя к власти, он вскоре создал государственную комиссию, поручив ей вновь рассмотреть проблему в целом и подготовить проект реформ.

Хант правильно понял, что предстоящие реформы ударят по его интересам, и поэтому тут же начал контрдействия против Кеннеди. Он демагогически обвинял президента в том, что тот готовит «национализацию» нефтяной промышленности, что Кеннеди «тащит Америку в социализм» и т. д. и т. п. В ноябре 1963 года Джон Кеннеди погиб в штате Техас. Проведенное официальное расследование, результатом которого явился так называемый «доклад Уоррена», не смогло осветить закулисную сторону убийства. Именно в это время родилось подозрение, не пал ли президент жертвой крайне правых кругов, особенно техасских нефтепромышленников, люто ненавидевших Джона Кеннеди.

В день приезда Кеннеди в Техас газета «Даллас морнинг ньюс» поместила объявление в траурной рамке, занявшее целую полосу. Объявление, всячески поносившее президента, было подписано председателем мифического Американского комитета по установлению фактов Бернардом Вейсманом. Расследование установило, что такого комитета никогда не существовало и что объявление было помещено Вейсманом и его приятелями, бывшими подчиненными генерала Уолкера. Плату за объявление (около 1500 долларов) внесли несколько техасских богачей Одним из них оказался Нелсон Б Хант, сын Харольдсона Л. Ханта. Кроме того, на квартире Джека Руби (который застрелил Ли Харви Освальда, мнимого убийцу президента, и роль которого в заговоре против президента осталась невыясненной) было найдено несколько экземпляров текста радиовыступлений Ханта.

Затем некоторые американские авторы (например, Томас Дж. Бьюкенен или Иаохим Йостен) высказали предположение, что Хант замешан в подготовке покушения на жизнь Кеннеди. Но мы до сих пор не знаем всей правды об этом заговоре и не можем решить, предположение это или реальность. Мы не знаем даже, допрашивали ли федеральные власти техасского мультимиллионера о его возможных связях с заговорщиками. Нам известно только, что Гарольдсон Хант ненавидел Кеннеди и что на следующее утро после гибели президента местная полиция порекомендовала ему выехать на некоторое время из Техаса.

Вспомним также, что Хант ни на минуту не прекращал своей политической деятельности. Через несколько своих благотворительных «фондов» (как мы показали, они не стоили

миллионерам ни гроша) и с помощью собственных радиостанций Хант по-прежнему распространял ультрареакционные взгляды. На это он денег не жалел. Передаваемую из Вашингтона радиопрограмму «Линия жизни» (“Life Line”)[38] слушают миллионы американцев.

* * *

Было бы ошибочно полагать, что перечень новых американских миллионеров ограничивается двумя именами – Гетти и Ханта Перечень этот значительно длиннее. В нем, в частности, фигурируют Клинт У. Мэрчисон и Сид У. Ричардсон, заработавшие на техасской нефти и эксплуатации трудящихся сотни миллионов долларов, Джозеф П. Кеннеди – отец бывшего президента, чье состояние оценивается в 200-400 миллионов долларов; Сайрус Итон – единственный миллионер, который значительную часть своего состояния предназначает на деятельность в защиту мира. Сайрус Итон является организатором международных Пагуошских конференций, он частый гость Москвы и даже Ханоя…

Однако дальнейшее перечисление имен не имеет смысла. Жизнеописания Ричардсона и Мэрчисона весьма похожи на биографии Гетти и Ханта. Фактом является то, что в современных Соединенных Штатах Америки по-прежнему существуют возможности (обусловленные социальным строем, законодательством и экономикой) для сколачивания огромных состояний и для появления людей, которое этими возможностями пользуются. Место старых богачей, которые из-за отсутствия ли наследников или в результате жестокой конкурентной борьбы перестали фигурировать на бирже миллионеров, занимают новые кандидаты в миллионеры.

Безвестные богачи

В 1966 году гамбургский журнал «Шпигель» опубликовал цикл интересных и хорошо документированных статей о западногерманских богачах под общей рубрикой «Богачи в Германии» (“Die Reichen in Deutschland”). Позже эти статьи вышли отдельной книгой под тем же названием. Автор статей, Петер Брюгге, начал свой труд следующей фразой:

«Если существует что-либо, что связывает немецких богачей, так это забота о том, как бы кто-нибудь не посчитал их за богатых людей… Богачи в Федеративной республике предпочитают по мере возможности вообще не обнаруживать своего богатства».

Выше уже говорилось о стремлении современных миллионеров к сохранению анонимности и безвестности. В Западной Германии это стремление вырисовывается еще четче. Петер Брюгге приводит множество примеров, иногда весьма забавных, как немецкие миллионеры силятся изображать из себя «обыкновенных людей» Затем автор предпринимает попытку социологического анализа этого явления.

По мнению Брюгге, наиболее богатые люди Западной Германии страдают различными видами страха, который предопределяет их поступки и образ жизни. Они боятся зависти сограждан, которые «не хотят понять» их привилегий и их роскоши. Они боятся налоговых управлений, которые интересуются их богатством. Они боятся наступления социализма, который в их глазах является «воплощением всех зол». Наконец, они боятся, как дословно пишет Брюгге, «последствий политического прошлого, когда 80 процентов нынешних богачей уже владели большими капиталами и не могли справиться со сложностями тоталитарного режима». Смысл этой хитроумной формулировки весьма прост: четыре пятых современных миллионеров ФРГ сотрудничали с Гитлером, и это заставляет их проявлять осторожность и сдержанность или, во всяком случае, не разглашать размера своих состояний, не рекламировать их.

В связи с анонимностью, безвестностью и таинственностью западногерманских миллионеров у Петера Брюгге было немало трудностей при сборе информации об их богатстве и образе жизни. В отличие от акционерных компаний, которые обязаны ежегодно публиковать свои балансы и отчеты, индивидуальные богачи стараются не разглашать своих доходов и прибылей, а их налоговые декларации конфиденциальны и, как правило, занижены. Поэтому Брюгге не в состоянии составить перечень

немецких миллионеров по американскому образцу. Лишь в отдельных случаях он приводит цифры оборотов (не прибылей) некоторых богачей.

Несмотря на это и на многие другие пробелы, из серии статей Брюгге все же вырисовывается сравнительно небольшая группа людей (не свыше тысячи), которых автор относит к немецким мультимиллионерам и которые отличаются от остальных граждан ФРГ своим образом жизни. Они могут позволить себе любую роскошь: могут строить помпезные резиденции, могут путешествовать на собственных самолетах (по подсчетам Брюгге, более трехсот миллионеров имеют свои самолеты), скупать произведения искусства, содержать многочисленную прислугу и удовлетворять все свои прихоти.

Некоторые из них делают это демонстративно, вызывающе. Известен пример Арндта, сына последнего Круппа, который плохо кончил. Известна и жизнь Гюнтера Сакса, совладельца крупного концерна, который мог позволить себе жениться (и вскоре развестись) на Брижжит Бардо Но это исключения. Другие немецкие богачи старательно избегают гласности. Как иронически пишет Брюгге, они «более охотно говорят о своем изнурительном труде и жертвах, понесенных в интересах своего предприятия и своих сограждан».

Наряду с Круппом, который был еще жив, когда Брюгге собирал материалы для своей книги, он относит к самым богатым немцам Фридриха Флика. Имя это хорошо известно старшему поколению поляков, которые помнят историю Силезии довоенного времени. Флик родился в 1883 году и сколотил капитал сразу после Первой мировой войны, использовав девальвацию марки. В двадцатые годы он уже был владельцем многих предприятий тяжелой промышленности в Рурском бассейне и Верхней Силезии. На рубеже двадцатых-тридцатых годов Флик получил активную поддержку со стороны американского капитала, что еще более укрепило его позиции в Германии и Польше. В период мирового экономического кризиса 1929-1933 годов Флик вышел победителем в конкурентной борьбе с предпринимателями.

Когда Гитлер захватил власть, Флик принимал участие в вооружении Третьего рейха. Арестованный после войны, он, как и Крупп, предстал перед американским судом в Нюрнберге. Процесс закончился осуждением Флика на семь лет тюремного заключения за ограбление оккупированных стран, за использование рабского труда и субсидирование фашистских формирований СС. Однако в 1950 году он был досрочно освобожден и вернулся в Рур, где сразу же начал восстанавливать

свои заводы.

Брюгге определяет его валовой оборот в 6,5 миллиарда марок и отмечает, что «из огромных прибылей концерна» старый Флик отчисляет на личные расходы 5 миллионов марок ежегодно.

Среди остальных западногерманских миллионеров (не станем перечислять их) назовем еще одного. Это издатель Аксель Шпрингер (годовой оборот его издательского концерна – 1,1 миллиарда марок). Когда Вилли Брандт вступил на пост федерального канцлера, взбешенный таким оборотом дела Шпрингер, использовав свой огромный концерн, начал с ним открытую политическую борьбу, атакуя прежде всего новую внешнюю политику коалиционного правительства, сформированного социал-демократическим премьером.

Шпрингер не исключение. Почти все западногерманские миллионеры, так или иначе связаны с правыми кругами, почти все оказывали активную поддержку Конраду Аденауэру и его последователям из ХДС, действуя в соответствии со своими классовыми интересами и убеждениями. Однако, чтобы избежать недоразумений, отметим, что правительство, решающий голос в котором принадлежит социал-демократам, не нанесло ущерба их прибылям и привилегиям. Напомним также, что партнерами социал-демократов в коалиционном правительстве является немногочисленная буржуазная партия так называемых «свободных демократов» (СвДП). Одним из ее лидеров в боннском парламенте стал барон Кнут фон Кюльман-Штумм, мультимиллионер, владелец сталелитейных заводов и крупный помещик.

Немецкие аристократы, как и рурские промышленные магнаты, избегают рекламы. Но из данных, собранных Брюгге, явствует, что они сумели в значительной степени сохранить свои богатства, несмотря на все потрясения, которые испытали при Веймарской республике и в Третьем рейхе. По-прежнему благоденствуют члены императорской фамилии Гогенцоллернов – Сигмаринген (родственники последнего короля Румынии), графы фон Турн унд Таксис (они владеют 34 тысячами гектаров земли и, «несмотря на потери огромных владений на востоке», остаются крупнейшими помещиками в Федеративной республике), герцог Леопольд Баварский (который продолжает строительство «фантастического замка» стоимостью в 1 миллион марок) и т. д. Эти люди устраивают пышные приемы и охоты, как в XVIII веке, но они не уклоняются и от более современных способов умножения своих богатств – от инвестиций в промышленность и от банковских операций.

* * *

Слово «аристократия» почти автоматически ассоциируется с Великобританией – одним из немногих государств, где еще сохранилась монархия. Пожалуй, это единственное в мире государство, в котором наследственные аристократы составляют подавляющее большинство в одной из палат парламента. И тут возникает вопрос: богаты ли британские лорды?

Если верить английской прессе, скорее нет. Недавно английские газеты подробно описывали историю одного молодого англичанина, который после смерти отца, унаследовав титул лорда, остался без всяких средств к существованию и решил поступить на службу в качестве рядового полисмена. Все чаще пресса рекламирует истории обнищавших аристократов, которые передают государству свои замки и дворцы, а сами живут за счет того, что исполняют роль гидов, сопровождая туристов по своим бывшим владениям. Рядовой англичанин склонен верить, что лорды и впрямь не являются богачами. Но совсем иначе представляет себе этот вопрос Энтони Сэмпсон, автор «Анатомии Британии»[39] – наилучшего, пожалуй, исследования о современной Англии, которое в шестидесятых годах выдержало несколько изданий. Сэмпсон пишет.

«Вот популярный образ аристократа XX века, образ, распространяемый театральными постановками, фильмами и самими аристократами. Это человек грустный, не имеющий состояния, занимающий квартиру в старом замке эпохи Тюдоров. Он помогает собирать плату за вход в этот замок и продает мороженое, в то время как тысячи посетителей прибывают [туда] на своих машинах, чтобы поглазеть на оружие и изысканные ложа, на столы, накрытые для воображаемых приемов.

Но это образ, вводящий в заблуждение. Во-первых, в массе своей британские аристократы значительно богаче, чем кажется. Правда, исчезли их лондонские дворцы, нет показной пышности. Но в стране по-прежнему немало лордов-миллионеров. В связи с отличной конъюнктурой на недвижимое имущество они теперь богаче, чем когда-либо прежде. Их индивидуальные состояния не выдерживают сравнения с коллективным богатством промышленных гигантов и страховых обществ, но представители некоторых древних родов все еще принадлежат к самым богатым людям Великобритании. Законы о налогах на наследство, которые прежде пожирали крупные состояния, они сейчас почти всегда обходят с помощью различных фондов и дарственных актов.

Во-вторых, британская аристократия по-прежнему тесно связана с политикой и властью».

Выше всех в британской аристократической иерархии стоят герцоги. Энтони Сэмпсон насчитал их двадцать семь. Проанализировав их имущественное положение, он пришел к выводу, что «в большинстве своем герцоги сумели сохранить свое состояние: по меньшей мере половина из них – миллионеры». В качестве примера можно указать на герцога Бофорта, который владеет 52 тысячами акров (20 тысяч гектаров) земли; на герцога Бакклёча, который занимает многочисленные посты в мире бизнеса, а в трех своих дворцах хранит великолепные коллекции произведений искусства; на герцога Рэтлэнда, владельца 18 тысяч акров земли, двух крупных резиденций и картинной галереи.

Ниже герцогов стоят маркизы, графы, виконты и бароны. Подавляющая часть этих лордов (а их насчитывается около девятисот) – очень богатые люди; среди них немало миллионеров. Некоторые лорды стоят во главе крупных промышленных предприятий, банков, страховых обществ. Так, собственных баронов имеют концерны «Юнилевер», «Шелл», «Руте». В семействе Гиннеса (владелец пивоваренного завода) есть граф, виконт и барон. О «лордах прессы» мы уже писали.

Лорд Монктон был известен как президент «Мидлэнд бэнк», а в состав правления банка «Лазар бразерс» входило пять лордов. Один из них, лорд Каудри, относится к числу богатейших людей Англии. Кроме акций банка, он владеет солидной долей в нефтяном концерне «Шелл-Мекс», несколькими крупными промышленными предприятиями, а также концерном прессы, который издает влиятельную газету «Файненшл таймс».

Напомним еще о двух лордах-миллионерах, занимающих ведущие позиции в экономической жизни Англии. Недавно скончавшийся лорд Бичестер долгие годы был генеральным директором банка «Морган Гренфел» (связан с американскими Морганами), одним из директоров знаменитого Английского банка, директором концернов «Шелл», «Виккерс», «Ассошиэйтед электрикал индастриз» и т. д. Лорд Чандос, известный ранее под именем Оливера Литтлтона, занимал пост президента влиятельного института директоров. Ныне он председатель правления или директор многочисленных акционерных компаний, а в сороковых и пятидесятых годах входил в состав английского правительства. Известен он и своими ультраконсервативными взглядами. Лорда Чандоса часто называют Мистер Истэблишмент. Трудный для перевода английский термин «истеблишмент» (establishment) является синонимом всего того, что неотъемлемо от капиталистической Великобритании.

Читатели, видимо, заметили, что, говоря об английских

аристократах, мы не называем размера их состояний или ежегодных доходов. Данные эти не оглашаются. И тут мы вступаем в область полной безвестности и анонимности даже тогда, когда начинаем интересоваться британскими концернами. Их отчеты содержат некоторые сведения о капиталах, оборотах и прибылях, но не дают никакой информации о главных акционерах.

В списке двухсот с лишним акционерных компаний, чьи капиталы превышают 100 миллионов фунтов стерлингов, ведущее место занимают концерны «Шелл» (нефть), «Империэл кэмикл индастриз» (химия), «Бритиш петролеум» (снова нефть – половина акций тут принадлежит британскому правительству). Когда в 1926 году возник концерн «Империэл кэмикл индастриз», всем было известно, что один из его основателей и главный акционер – это Альфред Монд, позднее лорд Мелчет. Сегодня этот концерн заботится о своей анонимности, а в 1959 году он решился даже на широкий жест – продал почти ста тысячам своих рабочих свыше 2 миллионов мелких акций. Но это был только пропагандистский трюк. Популярная в Англии (и в Америке) фирма «Вулворт» тоже ссылается на то, что имеет около 100 тысяч акционеров, однако известно, что более двух третей ее акций находится в руках всего двадцати крупнейших акционеров.

Анонимный (безымянный) характер сохраняют и крупные акционерные банки – «Бэрклиз», «Мидлэнд», «Ллойд», «Вестминстер», а также страховые общества «Ллойд» (не путать с предыдущим) и т. д. Зато среди так называемых торговых банков, являющихся двойниками американских инвестиционных банков, можно сравнительно легко установить главных акционеров и семейные связи. Тут можно назвать старинное банкирское семейство Бэринг (до сих пор существует банк «Бэринг бразерс», а один из членов этого семейства, лорд Кромер, был в шестидесятых годах директором Английского банка), английскую ветвь семейства Ротшильдов, Брэндтов, Хамбро и др.

Есть в Англии и богачи-выскочки, которые нажили миллионные состояния в последние годы, хотя им еще далеко до уровня американских миллиардеров. Лондонские газеты часто пишут о спекуляциях и неожиданных прибылях Джека Коттона или Чарлза Клоура.

Анонимность крупного капитала благоприятствует в Англии успеху теории Берли об «исчезновении капиталистов». Но эта теория так же ошибочна по отношению к Англии, как и по отношению к Америке. Ссылаясь на исследования статистиков и экономистов, Энтони Сэмпсон утверждает, что 1 процент самых богатых англичан сосредоточили в своих руках 43 процента всех

капиталов. Это даже больше, чем в Соединенных Штатах. Автор-марксист Сэм Ааронович в своей книге «Правящий класс. Исследование британского финансового капитала»[40] показывает, что богатейшие люди по-прежнему имеют в Англии решающий голос. Он проводит интересный анализ главных финансовых групп.

В разных странах акционерные компании имеют разные названия. По-французски они называются «сосьетэ аноним» – анонимное общество. Термин этот вполне соответствует существу современных капиталистических компаний, но это отнюдь не меняет того факта, что за ширмой анонимности действует, как правило, настоящий миллионер, из плоти и крови.

Онассис и другие

В марте 1970 года парижская газета «Монд» поместила корреспонденцию из Афин, озаглавив ее довольно броско: «Онассис выиграл битву миллиардеров». Как потом выяснилось, битва шла между Аристотелем Онассисом и его конкурентом, тоже греческим судовладельцем, Ставросом Ниархосом. Онассис выиграл сражение, благодаря своим связям с фашистским режимом «черных полковников» в Греции.

Греческое правительство признало за Онассисом право на чрезвычайно прибыльную концессию по строительству нового нефтеперерабатывающего комплекса. В качестве компенсации за этот подарок миллиардер обязался инвестировать в ближайшие годы около 600 миллионов долларов в строительство крупного алюминиевого завода, электростанции и нескольких предприятий химической промышленности. Нетрудно догадаться, что и эти предприятия принесут ему немалые прибыли.

Давно уже известный Аристотель Онассис стал объектом пристального интереса в 1968 году, когда неожиданно женился на миссис Жаклин Кеннеди, вдове убитого президента. Замужество «прекраснейшей и богатейшей вдовы», как писали тогда газеты, было ее частным делом, но тот неоспоримый факт, что она выбрала себе в мужья человека с не очень-то светлым прошлым, да еще мультимиллионера, не мог не стать сенсацией.

Спустя год после свадьбы из некоторых болтливых американских газет можно было узнать, что теперь Онассис тратит в год 20 миллионов долларов на свои личные потребности; что он подарил Джекки драгоценности стоимостью 5 миллионов долларов; что содержание девяти роскошных вилл на линии Греция – Нью-Йорк – Уругвай обходится ему ежегодно в 2 миллиона долларов; что штат его прислуги исчисляется двумя сотнями человек, и т. д. и т. п. В конце 1969 года Онассис приобрел в свое личное владение маленький островок из группы Багамских. Сделка состоялась между ним и некой г-жой Джо Кэрстейрс, одной из наследниц «Стандард ойл».

Наряду с Гетти и Хантом грек Онассис, несомненно, является еще одним наглядным примером того факта, что эпоха миллионеров и миллиардеров далеко не закончилась и что в современном капиталистическом мире по-прежнему существуют немалые возможности для сколачивания крупных капиталов. Встает лишь вопрос, каким способом оборотистый грек нажил свои несметные богатства. Попробуем ответить на него, хотя в биографии этого человека много пробелов и неясных мест.

Согласно международному справочнику «Кто есть кто», Аристотель Сократ Онассис (так полностью пишется его имя) родился в 1906 году. Другие источники сообщают, что он лет на шесть-семь старше. Родился в Турции, по происхождению грек, а паспорт у него аргентинский. Его капитал оценивается в 600-800 миллионов долларов. Кое-кто утверждает, что этот капитал значительно больше. Другие настаивают, что даже сам Онассис не знает, каковы размеры его состояния.

Онассис родился в Смирне (ныне Измир). В то время отец его занимался торговлей восточными табаками. После греко-турецкой войны 1921-1922 годов семья Онассисов была выслана из Турции и поселилась в Афинах. Аристотель интересовался спортом и хотел принять участие в очередной Олимпиаде в составе команды по водному поло. Но практичный отец не разрешил сыну «зря тратить время».

Финансовое положение семьи ухудшалось с каждым годом, и Аристотель решил эмигрировать в Аргентину. Поначалу он работал там скромным механиком на телефонной станции, но вскоре логично пришел к выводу, что таким способом не разбогатеть, а богатство было его целью с самых юных лет. Поэтому Аристотель с помощью отца занялся импортом восточных табаков в Аргентину. Оказалось, что он поистине напал на золотую жилу. Через несколько лет Онассис мог похвастаться, что сколотил свой первый миллион.

Это открыло перед честолюбивым и, несомненно, способным дельцом новые перспективы. Прикинув, что на морском транспорте можно заработать больше, чем на торговле табаком, он решил стать судовладельцем. В годы величайшего мирового экономического кризиса сотни кораблей стояли в портах на приколе. Судовладельцы готовы были продать их почти за бесценок. Онассис начал скупать корабли – для этого у него уже было достаточно денег. Когда кризис кончился, он убедился, что действовал правильно: его состояние выросло во много раз. А поскольку деньги рождают деньги, Онассис с каждым годом становился все богаче. Он стал специализироваться на строительстве крупных танкеров.

Вторая мировая война не повлияла на его прибыльные дела. Скорее наоборот: спрос на морские перевозки рос с каждым днем. После окончания войны Онассису пришла в голову новая идея, и он начал скупать корабли из так называемых излишков военного имущества США. Цены на них были очень низкие, но на пути Онассиса стоял закон, по которому покупателями этого имущества могли быть только граждане Соединенных Штатов. Но грек учел опыт американских миллионеров XIX века и по их

примеру без особого труда обошел этот закон, основав в Штатах мнимоамериканскую фирму.

Но власти в Америке не дали себя обмануть и арестовали Онассиса. Однако он был достаточно богат, чтобы нанять лучших адвокатов, и вскоре вышел на свободу.

Его не смутило и судебное разбирательство. Когда суд вынес приговор – 7 миллионов долларов штрафа, Онассис немедленно уплатил его. Но он так и остался собственником приобретенных обманным путем двадцати военных танкеров. Игра, оказывается, стоила свеч.

Теперь у него был вполне достаточный капитал, чтобы приступить к различным инвестициям. Онассис не только расширял свой личный флот, но одновременно искал – и находил – другие выгодные пути для помещения капиталов. Время от времени он попадал в различные конфликтные ситуации, но при этом не уклонялся, по примеру богачей прошлого века, от гласности и рекламы. Однажды он направил китобойную флотилию в перуанские территориальные воды, вызвав тем самым конфликт с правительством Перу, которое приказало своей военной авиации разбомбить принадлежавшую Онассису плавучую базу по переработке убитых китов. В другой раз Онассис вступил в конфликт с князем Монако Райнером: речь шла о знаменитом казино в Монте-Карло. Онассис проиграл процесс и вынужден был уплатить возмещение в 32 миллиона долларов.

Не менее бурной была и его личная жизнь. Самым громким и длительным, подробно описанным многими газетами, был роман Онассиса с известной певицей Марией Каллас. А его бывшая жена Тина Онассис вызвала настоящую сенсацию, выйдя замуж за лорда Блэнфорда, потомка герцога Мальборо.

Как правило, Онассис совершает свои деловые поездки на собственных реактивных самолетах, а если намеревается отдохнуть, то переходит на свою роскошную яхту «Кристина». На этой яхте он принимал именитых гостей – Уинстона Черчилля, Пабло Пикассо, Грету Гарбо. В связи с визитами Черчилля на яхту «Кристина» автор биографии Онассиса писал: «Оба они часами сидели рядом на палубе, глядя на море и пребывая в молчании…»

В течение многих лет Онассис старательно избегал вмешательства в политику, особенно участия в политической жизни Греции. Как явствует из упомянутой выше сделки 1970 года, Онассис на старости лет решил связать себя с фашистским режимом «черных полковников».

* * *

Аристотель Онассис – миллионер несколько экзотичный, не вмещающийся в обычные рамки биографий известных нам американских или западноевропейских богачей. Если мы продвинемся дальше на Восток, то встретим имена мультимиллионеров, чьи состояния и методы действия не имеют ничего общего с известными нам образцами. Совершенно иными путями и способами пришли они к своему богатству, совсем иначе ведут себя в делах и в личной жизни, чтобы умножить свои богатства. Короче говоря, они еще более экзотичны.

Короли Саудовской Аравии и шейхи Кувейта давно считаются богатейшими людьми мира. Время от времени газеты описывают их гаремы и их сделки с американскими концернами.

В Индии существенную политическую и экономическую роль играет семейство миллионеров Бирла, на предприятиях которого занято около 200 тысяч рабочих. Косвенно это семейство эксплуатирует свыше миллиона человек, получая от этого огромные прибыли. Французский журнал «Тан модерн» поместил в начале 1970 года корреспонденцию из Индии, в которой сообщалось, что уровень прибылей «Дома Бирла» относится к самым высоким на свете и что этот концерн «содержит на свои деньги депутатов и министров»…

Во время своей журналистской поездки в Японию автор заметил в центре Токио большое здание, выделяющееся известной изысканностью и солидностью. Большая вывеска сообщала на японском и английском языках, что это «Мицубиси мэйн билдинг». Под этой вывеской помещалось шесть других, поменьше, где перечислялись названия важнейших концернов «Мицубиси» Они охватывали судостроение, химическую, нефтяную и другие отрасли промышленности. Неподалеку от этого здания стояло другое, на котором красовалась еще одна вывеска: «Мицубиси траст энд бэнкинг компани». Известные японские династии Мицубиси, Мицуи и Сумитомо по-прежнему процветают. Это они связали в межвоенные годы свои миллионные богатства с судьбами японского милитаризма и шовинизма.

Но история экзотических миллионеров не вмещается в рамки данной книги. Автора прежде всего интересовали определенные закономерности, царящие в мире американских или западноевропейских капиталистов, а не исключительные, с нашей точки зрения, обстоятельства, способствовавшие созданию богатств властителями Аравийского полуострова или Азии.

Перспективы

Миллионер 1870 года показывался на людях в черном фраке и шелковом цилиндре, ездил по городу в роскошном экипаже, запряженном породистыми лошадьми, с ливрейными лакеями, имел собственную яхту и салон, был обжорой и не стыдился своего выпяченного брюха, постоянно держал в зубах сигару (которую мы видим теперь на рисунках и карикатурах), не таил своих «содержанок» и «шансонеток», был господином в своей конторе – офисе, грубо распекал самых ответственных сотрудников, по собственному капризу выгонял директоров, отдавал приказы политическим и государственным деятелям, подкупал судей, обманывал налоговых инспекторов.

Фредерик Льюис Аллен пишет:

«В последний день уходящего, 1900, года Джон Пирпонт Морган, глава крупнейшего в мире банкирского дома п самый могущественный человек в американской промышленности, сидел в отделанной панелями из красного дерева библиотеке своего большого дома из бордово-коричневого песчаника, что на углу Мэдисон авеню и Тридцать шестой стрит. Он раскладывал пасьянс. В течение ближайших двенадцати месяцев Моргану во время очередной поездки по Европе предстояло закупить бесчисленное количество картин, редких книг и рукописей; он собирался построить рядом со своим домом зал приемов, который должен был вместить две тысячи четыреста гостей по случаю бракосочетания его дочери; ему надо было начать переговоры с Эндрю Карнеги, парнем с блестящими глазами, владельцем сталелитейных заводов, чей личный доход в 1900 году превысил 23 миллиона долларов, по вопросу о создании «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» – крупнейшего концерна, который когда-либо существовал на свете».

В 1970 году наследники старых миллионеров и новые богачи вели себя совершенно иначе, чем их предшественники в XIX веке. Они одевались так, чтобы не привлекать к себе внимания. Свои роскошные особняки они ограждали, в буквальном и в переносном смысле, высокими стенами, чтобы избежать любопытных взоров. И, как пишет немецкий исследователь, «когда ели икру, старались, чтобы никто этого не видел». Они не интересовались повседневными операциями своих концернов и банков: для этого они нанимали хорошо оплачиваемых директоров и менеджеров, а за собой оставляли лишь право принимать важнейшие решения. Они избегали открыто вмешиваться в политические распри, предпочитая действовать за

кулисами, но, как и сто лет назад, они обычно поддерживали крайне правых.

А как в будущем? Я не прорицатель и не берусь описывать миллионера, который появится через несколько десятилетий. Но, как мне кажется, можно попытаться определить некоторые общие тенденции, которые окажут влияние на облик будущих миллионеров.

В последние годы углубляется процесс слияния крупных капиталистических предприятий и фирм в еще более крупные объединения, так называемые конгломераты. Ничто пока не свидетельствует о том, что этот процесс затормаживается. Экономисты говорят о «вертикальной» и «горизонтальной» концентрации (в зависимости от того, какие концерны объединяются), а рядовые граждане время от времени узнают о слиянии все новых концернов.

С этой точки зрения впереди идут Соединенные Штаты, где концерны покрупнее поглощают более мелкие. Если в 1948 году на двести крупнейших концернов приходилась половина всех капиталов, то двадцать лет спустя эти же двести концернов имели в своем распоряжении уже более двух третей суммарного капитала США. На долю четырех крупнейших американских концернов – «Дженерал моторе», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Форд» и «Дженерал электрик» – сейчас приходится одна седьмая всего валового оборота пятисот крупнейших монополистических объединений.

Подобное явление отмечается и в Западной Европе. В Федеративной Республике Германии произошло объединение почти всех угольных шахт Рурского бассейна, слившихся в один концерн ФРГ «Рурбергбау АГ», а известный автомобильный концерн «Фольксваген» поглотил сперва фирму «Ауто-унион», а затем и завод НСУ. Сенсацией 1970 года явилось «супружество» двух крупнейших производителей автомобильных шин – английской фирмы «Дэнлап» (100 тысяч рабочих, оборот – свыше миллиарда долларов) и итальянской компании «Пирелли» (76 тысяч рабочих, оборот – свыше миллиарда долларов).

В конце 1969 года французский журнал «Нувель обсерватэр» опубликовал статью под заголовком «Правительства шестидесяти гигантов», в которой на основе исследований американских и французских экономистов даются прогнозы на будущее. Чтобы достичь валового оборота в один триллион долларов, в 1968 году необходимо было привлечь 6 тысяч крупнейших концернов капиталистического мира. В 1976 году такая сумма будет получена от оборотов 600 фирм, а в 1984 году – лишь от 60 гигантов, которые станут эксплуатировать 1 процент населения

земного шара и производить одну четверть всей мировой продукции.

Наряду с тенденцией к созданию конгломератов, с одной стороны, идет и процесс американизации промышленности в странах Западной Европы, а с другой – усиливается тенденция развития западноевропейской интеграции в рамках «Общего рынка», которая направлена, в частности, на конкурентную борьбу с монополиями США.

Не подлежит сомнению, что в будущем все сильнее станет проявляться тенденция к анонимности крупного капитала. Миллионеры все отчетливее начинают понимать, что безвестность помогает им сохранять и умножать прибыли, а также избавляет от критики, порицания или зависти со стороны своих сограждан.

В начале 1970 года, газета «Монд» сообщила, что после длительных переговоров была заключена сделка на куплю-продажу крупной фирмы «Сосантар», которая владела предприятием «Антар-петроль де л'Атлантик», занимавшимся переработкой нефти и продажей нефтепродуктов. Сумма сделки превысила 600 миллионов франков (120 миллионов долларов). Фирма перешла в руки нефтяных компаний «Элф-Юроп» и «Тотал-КФП», причем, что весьма характерно, французское правительство стало обладателем 10 процентов акций, а американская фирма «Калтекс», принадлежащая концернам «Стандард ойл оф Калифорниа» и «Тексако», получила 20 процентов акций.

В качестве одной из продающих сторон была названа финансовая группа «Братья Ротшильды», которая до сделки владела 25 процентами всех акций фирмы «Сосантар».

Можно предположить, что в этой абракадабре причудливых названий и странных сокращений так называемый средний француз разобраться не сумеет. Можно также допустить, что Ротшильды и их компаньоны ничего не потеряли на этой сделке и ничего не доплачивали. Несомненно другое: еще один крупный концерн стал полностью анонимным.

Выше уже говорилось о возникновении – прежде всего в Соединенных Штатах – так называемого военно-промышленного комплекса, иными словами, о тесных узах, связывающих владельцев и директоров крупных концернов с их контрагентами из военных кругов, о влиянии миллионеров и генералов на аппарат власти в капиталистическом государстве. Все упомянутое выше говорит о том, что в будущем отмечейное нами влияние станет скорее усиливаться, нежели уменьшаться.

Перечисленные тенденции (создание «конгломератов»,

усиление влияния США в западноевропейской промышленности, углубление анонимности крупного капитала, формирование военно-промышленного комплекса) отнюдь не ослабляют имущественного положения героев нашей книги. Скорее наоборот: эти тенденции способствуют увеличению их состояний, росту их прибылей.

Поэтому свое повествование мы закончим утверждением почти банальным: миллионеры будут существовать до тех пор, пока существует капитализм, а миллиардеры будущего станут еще богаче своих предшественников.

notes

Примечания

1

На русском языке выпущена Издательством иностранной литературы в 1959 г. *(Здесь и далее примечания принадлежат русской редакции.)*

2

Сид У. Ричардсон – один из так называемых новых миллиардеров, наживших состояние в самое последнее время, крупный техасский нефтепромышленник. Подробнее о новых миллиардерах см. главу 8.

З

В 10—30-е гг. XX в. «разгребателями грязи» (англ. Muckrakers) называли группу американских писателей, публицистов, журналистов и социологов (Дж. JI. Стеффенс, Ф. Норрис, Т. Драйзер, Айда Тарбелл и др.), вскрывавших жульничество бизнесменов, махинации империалистических монополий, продажность и коррупцию политических деятелей, эксплуатацию детского труда, торговлю «живым товаром» и т. д. Термин пущен в оборот в 1906 г. президентом Теодором Рузвельтом, которого раздражал поток обличительной литературы.

4

Типот-Доум – нефтяные месторождения в штате Вайоминг, закрепленные за военно-морским ведомством США. В 1922 г. они были сданы в аренду частным компаниям. Расследование, проведенное Конгрессом, вскрыло факты вопиющего нарушения законов нефтяными магнатами и рядом должностных лиц в правительстве при передаче и эксплуатации месторождений нефти. Это вызвало несколько судебных процессов, в результате чего аренда была прекращена.

Это определение Г. Яшуньского справедливо лишь по отношению к послевоенному периоду. В настоящее время страны Западной Европы отнюдь не являются «бедными родственниками» богатой Америки. В шестидесятые – семидесятые годы западноевропейские монополии (наряду с японскими) все чаще выступают в капиталистическом мире как сильные конкуренты монополий США. Подробнее об этом см. «Послесловие» к настоящей книге.

6

Английский термин «истэблишмент» (establishment) в буквальном переводе означает «устройство», «порядок». В более широком смысле – все то, что органически присуще капиталистическому строю, неотделимо от него. Употребляется также в значении «верхушка, сливки общества», «опора существующего строя».

7

«Гражданин Кейн» – прогрессивный фильм известного американского режиссера, актера и сценариста Орсона Уэллса. Вышел в 1941 г. Этот фильм, разоблачающий газетных магнатов США, – значительное по идейной направленности и художественным достоинствам произведение. Вошел в золотой фонд американской кинематографии.

8

В переводе на русский язык выпущена Издательством иностранной литературы в 1948 г.

9

В 1972 г. мировое производство нефти составило 2,6 миллиарда тонн. Треть мировой добычи нефти и две трети международной торговли сырой нефтью сосредоточено на Ближнем Востоке.

10

В последние годы положение в странах – производителях нефти коренным образом изменилось. Многие из них национализировали собственность американских и западноевропейских нефтяных компаний («Стандард ойл компани оф Нью-Джерси», «Ирак петролеум компани», «Мобил ойл корпорейшн» – в Ираке, «Банкер Хант» – в Ливии и др.) и создали национальное нефтяное хозяйство, государственные нефтяные компании. Арабские страны используют нефть как политическое оружие в борьбе за справедливое мирное урегулирование на Ближнем Востоке, снижая поставки нефти странам, поддерживающим агрессивную политику Израиля.

11

На русском языке выпущена издательством «Прогресс» в 1970 г. под названием «Убийство президента Кеннеди».

«Паблик рилейшнз» (Public relations – *англ.*) – реклама.

13

Есть русский перевод (Издательство иностранной литературы, Москва, 1948 г.).

14

В русском переводе (издательство «Прогресс», Москва, 1971 г.) книга издана с сокращениями.

15

В переводе на русский язык вышла в Издательстве иностранной литературы в 1958 г.

В конце 1973 г. он оставил этот пост.

17

«Юнион лиг клаб» – один из клубов, созданный в Нью-Йорке еще в середине XIX века членами Республиканской партии США. Ныне доступ в этот клуб открыт более широкому кругу людей, в том числе высшим и средним служащим корпораций. Интересные сведения о такого рода клубах содержатся в главе 8 книги Ф. Ландберга «Богачи и сверхбогачи» (выпущена на русском языке в 1971 г. издательством «Прогресс»), раздел «Привилегированные клубы». Высшие финансовые круги США, желая как-то подчеркнуть свою «исключительность», создали по всей стране целую сеть частных клубов, куда, особенно в восточных штатах, доступ «непосвященным» закрыт. Частные клубы – это святая святых американской элиты: финансистов-политиков и деятелей крупнейших корпораций.

18

Акции, разделенные на части общей стоимости (например, стодолларовая акция – на десять купонов по 10 долларов за купон).

Переведена на русский язык в 1948 г. Издательством иностранной литературы.

20

В переносном смысле corner (*англ.*) – загонять в угол, тупик; припереть к стене.

21

Конституанта (Конституционная ассамблея) – Учредительное собрание, созываемое с целью введения или изменения конституции государства. Во Франции существовала в 1789-1791, 1848-1849 и 1945-1946 гг.

22

Переведена на русский язык Издательством иностранной литературы в 1948 г.

23

На русском языке вышла под названием «Измена родине» (Издательство иностранной литературы, 1951 г.).

В русском переводе выпущена тем же издательством в 1948 г.

Эти граничащие с цинизмом сравнения могут быть поняты читателями, если они вспомнят, что для американцев эта война, разразившаяся в Европе, была весьма далеким, заокеанским событием и мало тревожила обывателей, а капиталистам сулила экономический бум и новые прибыли.

26

Более правильно по-английски «Уолдорф-Астория» (“Waldorf-Astoria”).

Опубликована в 1971 г. издательством «Наука».

28

Героями нового публичного скандала, разразившегося в мае 1973 г., стали заместитель министра обороны Англии по делам ВВС лорд Лэмбтон, отпрыск герцога Дарэмского, и лидер палаты лордов, лорд – хранитель печати Джордж Джеликоу. Оба министра были уличены в аморальном поведении – связях с миром тайных домов терпимости, порнографического бизнеса и торговцев наркотиками. Несмотря на попытки консерваторов замять «дело лордов», оно получило широкую огласку, что вынудило Лэмбтона и Джеликоу подать в отставку.

29

Речь идет о книге американского историка Уильяма Манчестера «Оружие Круппа». Переведена на русский язык в 1971 г. издательством «Прогресс».

30

Имя последнего Круппа, Альфрида, пишется через «и». Так его назвали в честь деда со сторопы матери.

31

Звание, которое нацисты присваивали крупнейшим военным промышленникам Германии.

32

Ныне польский город Кендзёжин.

33

До этого Альфрид официально носил фамилию фон Болен унд Гальбах.

Следует напомнить, что это заявление Круппа не соответствует действительности: большинство немцев не состояло в нацистской партии.

35

Недавно пресса сообщила об очередном наглом притязании Арндта фон Болена, который потребовал надбавки… до трех миллионов марок. В случае отказа бывший Крупп-младший грозится подать в суд и добиваться выплаты ему новых миллионов «с помощью закона».

Об этом см. стр. 134 и 354 книги.

Так у автора. – *Прим. ред.*

Указанная программа ведет откровенно фашистскую пропаганду.

39

В 1974 г. указанную книгу выпускает на русском языке издательство «Прогресс».

Переведена на русский язык в 1962 г. Издательством иностранной литературы под названием «Правящий класс».